

**ПОИСК ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА**

Ростов-на-Дону

2016

УДК 316.42

ББК 60.59

П63

Рецензенты:

В.В. Вольчик, доктор экономических наук, профессор
Южного федерального университета

Г.С. Денисова, доктор социологических наук, профессор
Южного федерального университета

Авторский коллектив:

Ангел О.Ю., Бреславский А.С., Гугуева Д.А., Дончевский Г.Н.,
Ермишина А.В., Ефимов В.Ф., Ефимова Е.А., Клименко Л.В.,
Махрова А.Г., Нехамкин В.А., Никольский Е.В., Плюснин Ю.М.,
Позаненко А.А., Тарновский К.Ю., Фарков А.Г.

П63

Поиск постурбанистических моделей жизнеустройства [Текст] :
/ Отв. ред. А.В. Ермишина, Л.В. Клименко. – Ростов-на-Дону: Издатель-
ство Фонд науки и образования, 2016. - 280 с. – 550 экз.

ISBN 978-5-9909464-9-1

В книге представлен междисциплинарный анализ различных проявлений постурбанистических процессов в современном обществе, научное осмысление широкого круга вопросов: социально-экономических и культурных эффектов и последствий урбанизации, особенностей и перспектив рурализации, обратной миграции, поиска новых негородских способов жизнеустройства, дауншифтинга и апшифтинга, роли современных технологий в этих процессах. Особое место отводится исследованию ценностных оснований постурбанизации, которые во многом проистекают и поддерживаются пространством современного города.

Книга представляет интерес для широкого круга исследователей, в частности, социологов, экономистов, психологов, философов, культурологов, политологов, географов, акцентируя внимание научной общественности на новом кластере исследований.

Публикуется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ» (№ 15-02-00444/15)

УДК 316.42

ББК 60.59

ISBN 978-5-9909464-9-1

© Коллектив авторов, 2016

POST-URBAN LIFESTYLES SEARCH

Rostov-on-Don

2016

Reviewers:

Vyacheslav V. Volchik, Doctor of Economics, Professor

Southern Federal University

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor

Southern Federal University

Authors:

Olga Yu. Angel, Anatoly S. Breslavsky, Darya A. Gugueva,

Grigory N. Donchevsky, Anna V. Ermishina, Vladimir F. Efimov,

Ekaterina A. Efimova, Luydmila V. Klimenko, Alla G. Makhrova,

Valery A. Nekhamkin, Evgeny V. Nikolsky, Yury M. Plusnin,

Artemy A. Pozanenko, Konstantin Yu. Tarnowskiy, Andrey G. Farkov

Post-Urban Lifestyles Search [Text] : / Edited by Anna V. Ermishina and Lyudmila V. Klimenko. – Rostov-on-Don: Published by “Fund of Science and Education”, 2016. - 295 p. – 550 units

ISBN 978-5-9909464-9-1

The book presents multidisciplinary analysis of the various manifestations of post-urban processes in modern society, the scientific understanding of a wide range of issues: the socio-economic and cultural effects and consequences of urbanization are highlighted, features and prospects of ruralization, return migration, the search for new non-urban way of lifestyles in urbanized countries, downshifting and upshifting, the role of modern technology in these processes are described. Special attention is paid to research value grounds, which are largely stem and supported by the space of the modern city.

The book is of interest to a wide range of scientists in humanities disciplines, in particular, sociologists, economists, psychologists, philosophers, cultural studies, political scientists, geographers. The book focuses scientific attention on the new cluster of studies.

1. Urban-Rural Migration. 2. Downshifting. 3. Urbanization. 4. Ruralization. 5. Russia

Financed by the Russian Foundation for Humanities (RFH). Project "Post-urban Lifestyles in Modern Russia: the Socio-Economic Analysis" (№ 15-02-00444/15)

ISBN 978-5-9909464-9-1

© Authors, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	10
Preface	12
Концептуальное осмысление урбанизации, антиурбанизма и постурбанизации	13
«Воздух города делает человека свободным...» <i>Г.Н. Дончевский</i>	14
Антиурбанизм в современном обществе: причины, тенденции, перспективы <i>В.А. Нехамкин</i>	29
Ценности экологического сознания <i>К.Ю. Тарновский</i>	43
Новый способ жизни после мегаполисов <i>Ю.М. Плюснин</i>	52
Постурбанистические формы жизнеустройства: поиск теоретической модели <i>Г.Н. Дончевский</i>	77
Междисциплинарный анализ постурбанистических моделей жизнеустройства	90
«Умный город» как современная концепция урбанизации: зарубежный опыт и российская практика <i>Е.А. Ефимова</i>	91
"Потребление" городского пространства. Урбанистика как современный тренд взаимодействия горожан <i>Д.А. Гугуева, О.Ю. Ангел</i>	103
После урбанизации... снова урбанизация? Пригородный рост российских городов <i>А.С. Бреславский</i>	111

Трансформация форм возвратной мобильности населения как отражение суб- и постсубурбанизационных стадий развития Московской агломерации <i>А.Г. Махрова</i>	133
Потенциал рурализации в России: возможности и приоритеты <i>А.Г. Фарков</i>	153
Дауншифтинг и апшифтинг в современной сельской России: истоки, причины, сложности и перспективы <i>Е.В. Никольский, В.Ф. Ефимов</i>	164
Попытки институционализации поселений родовых поместий в России <i>А.А. Позаненко</i>	182
Постурбанистические формы жизнеустройства как фактор развития неурбанизированных территорий России <i>Г.Н. Дончевский, Л.В. Клименко, А.В. Ермишина</i>	192
Эмпирические исследования градо-сельской миграции за рубежом	199
Экономические факторы и фактор качества жизни в градо-сельской миграции <i>A. S. Williams., P.C. Jobes</i>	200
Миграция из городов в сельскую местность Франции: профили социальной дифференциации и территориальной сегрегации <i>Y. Sencebe, D. Lepicier</i>	204
Общее и особенное градо-сельской миграции в Израиле <i>U. Rebhun, D.L. Brown</i>	214
Градо-сельские отношения в новом веке: обоснование и развитие логики взаимопроникновения <i>A. Copus</i>	233

Перспективы исследований современных негородских моделей жизнеустройства: экспертное мнение	236
Исследование возможности перенаправления миграционных потоков в сельскую местность представляет общественно-политическую важность	
<i>Интервью с Барсуковой С.Ю.</i>	237
Необходимость удержание российских территорий создает запрос на исследования новых негородских форм жизнеустройства	
<i>Интервью с И.В. Задориным</i>	245
Градо-сельская миграция в России: эскейп или поиск нового качества жизни	
<i>Интервью с Д.В. Мальцевой</i>	254
Сведения об авторах	276
Our Autors	278
Литература	280

CONTENTS

Preface	10
Conceptual Understanding of Urbanization, Anti-Urbanization and Post-Urbanization	13
"The Air of the City Makes a Person Free..." <i>Grigory N. Donchevsky</i>	14
Antiurbanizm in Modern Society: Reasons, Trends, Prospects <i>Valery A. Nechamkin</i>	29
The Values of Environmental Consciousness <i>Konstantin Yu. Tarnowskiy</i>	43
A New "Modus Vivendi": When Megapolises Gone <i>Yury M. Plusnin</i>	52
Post-Urban Lifestyles: Searching for Theoretical Model <i>Grigory N. Donchevsky</i>	77
Multidisciplinary Analysis of Post-Urban Lifestyles	90
"Smart City" as a Modern Concept of Urbanization: Foreign Experience and Russian Practice <i>Ekaterina A. Efimova</i>	91
Urban Space usage as a Modern Trend of Citizen Interaction <i>Darya A. Gugueva, Olga Yu. Angel</i>	103
Is there Going to Be the Second Urbanization? The growth of Russian Suburbans <i>Anatoly S. Breslavsky</i>	111
Return Mobility Transformation as Reflection of Moscow Metropolitan Area Sub- and Post-Suburban Development Stages <i>Alla G. Makhrova</i>	133
The Potential of the Ruralization in Russia: Possibilities and Priorities <i>Andrey G. Farkov</i>	153
Downshifting and Upshifting in Modern Rural Russia: the Origins, Causes, Challenges and Prospects <i>Evgeny V. Nikolskiy, Vladimir F. Efimov</i>	164

Attempts to Institutionalize Kin's Domain Settlements in Russia <i>Artemy A. Pozanenko</i>	182
Post-Urban lifestyles as a Factor in the Development of Russian Non-Urban Territories <i>Grigory N. Donchevsky, Lyudmila V. Klimenko, Anna V. Ermishina</i>	192
Empirical Investigation of the Urban-Rural Migration: Foreign Experience	199
Economic and Quality-of-Life Considerations in Urban-Rural Migration <i>Anne S. Williams., Patrick C. Jobes</i>	200
The Migration from France Cities to the Countryside: the Profiles of Social Differentiation and Spatial Segregation <i>Yannick Sencebe, Denis Lepicier</i>	204
Patterns and Selectivities of Urban/Rural Migration in Israel <i>Uzi Rebhun, David L. Brown</i>	214
Urban-Rural Relationships in the New Century: Clarifying and Updating the Intervention Logic <i>Andew Copus</i>	233
Prospects for Research of Modern Non-Urban Lifestyles: Experts' Opinion	236
Study of the Possibility of Redirecting Migration Flows to the Countryside is a Question of the Socio-Political Importance <i>Interview with Svetlana Yu. Barsukova</i>	237
The Need to Hold Russian Territories Creates a Request for the Study of New Forms of Non-Urban Lifestyles <i>Interview with Igor V. Zadorin</i>	245
Urban-Rural Migration in Russia: Escape or Search for a New Quality of Life <i>Interview with Darya V. Maltseva</i>	254
Our Authors	276
Bibliography	280

ВВЕДЕНИЕ

Идея книги возникла в ходе реализации научного проекта «Пост-урбанистические формы жизнеустройства в современной России: социально-экономический анализ», подержанного Российским гуманитарным научным фондом (РГНФ, № 15-02-00444/15, руководитель – проф. Г.Н. Дончевский) и выполненного группой ученых Южного федерального университета, включающей социологов, экономистов, историков и философов, в 2015-2016 гг.

Представленные в книге результаты исследований выполнены авторами независимо друг от друга, но в разных аспектах и в междисциплинарном подходе позволяют увидеть особенности предмета изучения и предположить формирование новых постурбанистических моделей жизнеустройства в России.

Первый раздел книги «Концептуальное осмысление урбанизации, антиурбанизма и постурбанизации» представляет философское осмысление процессов урбанизации и антиурбанизма, которое на основе ценностей прежде всего экологического сознания позволяет сформировать теоретико-методологический подход к моделированию постурбанистического жизнеустройства.

Во втором разделе «Междисциплинарный анализ постурбанистических моделей жизнеустройства» освещены социально-экономические и культурные эффекты и последствия урбанизации, описан потенциал концепции «умных городов» для преодоления негативов урбанизации, особенности и перспективы современной рурализации, обратной миграции, поиска новых негородских способов жизнеустройства в урбани-

зированных странах, дауншифтинга и апшифтинга, роли современных технологий в этих процессах. Особое место отводится исследованию ценностных оснований постурбанизации, которые во многом проистекают и поддерживаются пространством современного города.

В третьем разделе «Эмпирические исследования градо-сельской миграции за рубежом» представлены рефераты исследований зарубежных ученых, посвященным градо-сельской миграции в развитых странах: США, Франции, Израиле. Рефераты выполнены магистрантами экономического факультета Южного федерального университета.

Четвертый заключительный раздел «Перспективы исследований современных негородских моделей жизнеустройства: экспертное мнение» включает интервью с ведущими российскими учеными, выступившими экспертами по проекту «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ».

Книга представляет интерес для широкого круга ученых гуманитарных отраслей знания, в частности, социологов, экономистов, психологов, философов, культурологов, политологов, географов, акцентируя внимание научной общественности на новом кластере исследований.

PREFACE

The idea of the book emerged in the course of the research project "Post-urban Lifestyles in Modern Russia: the Socio-Economic Analysis", was supported by the Russian Foundation for Humanities (RFH, № 15-02-00444 / 15, Head - Prof. Grigoriy N. Donchevskiy) and was made by a group of scientists of the Southern Federal University, which included sociologists, economists, historians, and philosophers, in 2015-2016.

The results of studies presented in this book are carried out by the authors independently, but allow us to make out the features of the object of study in different aspects and in multidisciplinary approach and to suggest the creation of new models of lifestyles in Russia.

The first section of the book "Conceptual Understanding of Urbanization, Anti-Urbanism and Post-Urbanization" is a philosophical understanding of urban and anti-urban processes, that is especially based on the values of environmental awareness, and allows to generate theoretical and methodological approach for post-urban lifestyles modelling.

In the second section, "Multidisciplinary Analysis of Post-Urban Lifestyles" the socio-economic and cultural effects and consequences of urbanization are highlighted, the potential of the concept of "smart cities" to overcome the negatives of urbanization, features and prospects of modern ruralization, return migration, the search for new non-urban way of lifestyles in urbanized countries, downshifting and upshifting, the role of modern technology in these processes are described. Special attention is paid to research value grounds, which are largely stem and supported by the space of the modern city.

In the third section, "Empirical Investigation of the Urban-Rural Migration: Foreign Experience" presents abstracts of foreign studies, which is dedicated to urban-rural migration in the developed countries: the United States, France, Israel. Reports are made by Master's degree students of Economic Faculty at the Southern Federal University (Rostov-on-Don).

The fourth final section "Prospects for Research of Modern Non-Urban Lifestyles: Experts' Opinion" includes interviews with leading Russian scientists as the experts of the project "Post-Urban Lifestyles in Modern Russia: the Socio-Economic Analysis".

The book is of interest to a wide range of scientists in humanities disciplines, in particular, sociologists, economists, psychologists, philosophers, cultural studies, political scientists, geographers. The book focuses scientific attention on the new cluster of studies.

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ УРБАНИЗАЦИИ,
АНТИУРБАНИЗМА И ПОСТУРБАНИЗАЦИИ**

«ВОЗДУХ ГОРОДА ДЕЛАЕТ ЧЕЛОВЕКА СВОБОДНЫМ...»

Г.Н. ДОНЧЕВСКИЙ

Главное отличие города и села – вовсе не в наборе жизненных благ, которые они предоставляют, а в самом мироощущении их жителей. Какую роль в жизни города играют страх, вера и свобода? Зачем городу стены и что за ними прячется? Во что играют горожане? Какую свободу они выбирают?

Свобода: символы и знаки

Обсуждение темы начну с двух юбилеев. Одного великого по своей проникновенности, но совершенно незамеченного. Другого – также незамеченного, но, скорее, формального. Оба они имеют непосредственное отношение к свободе. Однако никогда и никем до сего дня они не связывались в некое единое смысловое целое.

В 2015 году исполнилось 90 лет со дня смерти японского профессора Хидэсабуро Уэно и 80 лет со дня кончины пса по имени Хатико (Hachiko). Прожив с профессором менее полутора лет, Хатико десять лет изо дня в день ходил на железнодорожную станцию Сибуя встречать своего умершего от инфаркта хозяина и друга. Ходил, отвергнув все попытки семьи, друзей и знакомых профессора обласкать, обогреть и приютить его. Свободно посвятив себя незримой, но метафизически прочной сердечной связи с другом. После его смерти, ввиду широкого резонанса, в Японии был объявлен день траура.

У Хатико и его друга этот год – юбилейный год памяти. Поэтому я и начал с них. Но полувеком раньше (в 1872 г.) Шотландия воздвигла памятник Грейфраерсу Бобби (Greyfriars Bobby), который 14 лет охранял могилу своего друга в Эдинбурге.

А полувеком позже, в 2002 г., русский город Тольятти памятником же увековечил память псу, который долгие семь лет встречал у дороги своих приятелей – молодоженов, погибших на этом месте в автомобильной катастрофе. «Псу, научившему нас любви и преданности» – так звучала надпись на плакате, который предшествовал памятнику. Этот памятник является первым в Тольятти, воздвигнутым не по «политическим соображениям». В наши дни место считается обязательным для посещения молодожёнами как символ нерушимой верности в семейной жизни. По сложившейся традиции, чтобы молодожёны были верны друг

другу и счастливы в семейной жизни, псу нужно потереть кончик носа. От этого ритуала кончик носа сейчас стал отполированным.

Таков юбилей первый.

Теперь о юбилее втором. 5 августа 1885 г. был заложен первый камень в основание Статуи Свободы (полное наименование – «Свобода, озаряющая мир»). Автор статуи – французский скульптор Фредерик Бартольди делал статую с овдовевшей Изабеллы Бойер – жены американца Исаака Зингера, создателя и предпринимателя в области швейных машин. «Она освободилась от неловкого присутствия мужа, который оставил ее лишь с самыми предпочтительными в обществе атрибутами: состоянием и... детьми», – писали об Изабелле газеты.

Два юбилея. Два символа. Два пласта. Два разлома. Разлома свободы.

Играющий город

До сих пор в большинстве случаев и по преимуществу мы все воспринимаем и обсуждаем город в терминах и понятиях материальной культуры: стены, многоэтажные дома, улицы, фабрики и заводы, численность жителей, местоположение и т.п.

Но для того, чтобы на деле понять город, нужно преодолеть притяжение очевидности и заглянуть в самую его душу. Город – обстоятельство по преимуществу духовное и, прежде всего, духовное. Город – это повседневная нефизическая, незримая связь физически сущих персон.

Обозрим догородской период человеческой жизни (и не только прошлой). Его называют еще первобытным.

Спроси у человека, кто он таков? Получишь ответ: «Ворон». Ни Петр, ни ирокез, ни ростовчанин. «Ворон».

Человек – не персон. Ворон – не человек. Ворон – тотем: устойчивая незримая, нефизическая связь физически не существующих персон. Персон существующих, но не физически. Иначе – персонажей: лиц, действующих в вымышленном (не только художественном) произведении.

Никакое социальное надиндивидуальное действие невозможно без персонификации. В доисторический период персонификация обеспечивалась путем постоянного разыгрывания. Разыгрывания ритуального, отделенного в пространстве и времени от осуществления прямых жизненных функций. В начале разыгрывания стояла инициация – действие принципиальной персонификации (собственно – тотемизации повзрослевшего младенца), затем – посредством постоянного предвари-

тельного разыгрывания каждого из существенных социальных актов: охотничьих, военных (охотничьи и военные танцы), замирительных (раскуривание трубки мира), объединительных (потлач) и др.

Прочитую Википедию: «В Африке иногда вместо вопроса, к какому роду или тотему принадлежит человек, спрашивают его, какой танец он танцует. Часто с той же целью уподобления во время религиозных церемоний надевают на лицо маски с изображениями тотема, одеваются в шкуры тотемных животных, украшают себя их перьями и т.д. Пережитки этого рода встречаем даже в современной Европе. У южных славян при рождении ребёнка старуха выбегает с криком: «Волчица родила волчонка!», после чего ребёнка продевают через волчью шкуру, а кусок волчьего глаза и сердца зашивается в рубашку или вешается на шею».

Так человек существовал физически, а его персону витала над ним. Человек и лик человеческий были разделены. Человек был скован кандалами повседневной зависимости, а лик пребывал в царстве, которому только еще предстояло стать царством свободы. Физически данный человек был по-звериному одинок, еще всецело принадлежал миру природы. Бестелесные же персоны уже водили друг с другом хороводы, принадлежа миру культуры. Культуры, уже созданной человеком, но еще не познанной им, еще недоступной своему же создателю. Отблеск этих времен нет-нет, да коснется и нас самих. Мы до сих пор «играем свадьбы», до сих пор в тоске запеваем: «Ах, да почему же я не сокол?».

Доисторический мир – мир призраков человеческой личности. Мир неосязаемой связанности неосязаемых ликов, развешанных по стенам неосязаемого общечеловеческого жилища. Но развешанных в какой-то хорошо отрететированной тысячелетиями последовательности, развешанных в упорном, незыблемом порядке, по упорным, незыблемым правилам.

Неосязаемое упорство ликов, созданное поколениями, родило в человеке и тягу, и доступ к персонификации этих ликов. Человека тянуло к мистической неосязаемости, которая источала сладкий запах свободы. Упорство, строгая упорядоченность, определенность ликов были беременны доступностью их для человеческой персонификации.

Город стал тем конкретным культурным средством, которое означало осуществление человеком его вековой тяги к обретению лика. Город позволил человеку стать личностью, то есть впитать в свое физи-

ческое, прокопченное рабством тело незримый аромат свободы, в основе которой – игра.

Игра вышла за пределы специально организованных рамок и растворилась, проникла во все закоулки городского пространства. Игра стала и основополагающим, и незыблемым свойством городской жизни. Город стал единой сценой единого длящегося спектакля. В игре город обрел свободу. Но обрел ее ценой необходимости своеобразным, только ему присущим образом играть своеобразный, только ему присущий спектакль. Не взятие городских ворот ведет к падению города, а утрата им своеобразной игры своеобразного спектакля. Не камни городских стен учреждают город. Его учреждает театр. Нет театра – нет и города. Театра во всех его формах и видах: политического (агора, выборы), бытового (чашечки и рюшечки), досугового (балаганы и расшаркивания), производственного («ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак»), средового (миргородские лужи, клумбы, вывески «Иностранец Василий Федоров», как «И вот заведение», архитектуры).

Театр начинается с вешалки, а город – с театра. Театром же и прекращается. Город – царство свободы. Игра – властелин этого царства. Личности (люди, надевшие лики) – его свободолюбивые подданные. Почта, телефон, телеграф были центрами распространения городской игры. Поэтому, желая уничтожить (в лучшем случае – покорить) город, начинали с захвата самих этих центров.

Спрошу вас как строгих присяжных.

Первая группа вопросов:

1. Был ли Робинзон физически одинок (до встречи с Пятницей)?

- Да.

2. Был ли Робинзон одинок незримо?

- Нет.

3. Играл ли Робинзон свой спектакль?

- Да. Спектакль одного актера – изобретение Даниэля Дефо.

4. Был ли Робинзон горожанином?

-

Вторая группа вопросов:

1. Был ли Пятница физически одинок (до встречи с Робинзоном)?

- Да.

2. Был ли Пятница незримо одинок?

- Да.

3. Играл ли Пятница свой спектакль?

- Нет.

4. Был ли Пятница горожанином?

-

Итак. Город есть оплот и учреждение повседневной свободы. Своеобычная игра есть способ учреждения города. Всякий, кто открыто взял роль, включился в эту игру, есть горожанин.

Ростовчанин не тот, кто имеет в паспорте ростовскую прописку. Ростовчанин не тот, кто ведет свою игру. Ростовчанин тот, кто ведет свою игру по-ростовски. Даже если он не имеет в своем паспорте ростовской прописки и ведет свою игру вне Ростова.

Играть по-ростовски одновременно означает «играть Ростовом и на Ростов». Но, играя «Ростовом и на Ростов», можно играть «за Ростов». И тогда песня Ростова льется привольно и широко. Но, играя «Ростовом и на Ростов» можно играть и против Ростова. И тогда песня Ростова спета. Особенно если названием этой песни становится «Песнь о Большом Ростове». О Ростове, которому стало мало самого себя. Форсируя звук своей песни, Ростов глушит свободные песни других. Свобода, лишаящая свобод, перестает быть свободой. Игра, разрушающая игру, перестает быть игрой. Так, подросток, приходя в песочницу и навязывая свою игру играющим в песочнице детям, пожиная только плач детей и развалины былой игры.

Легче всего разрушить город, играя в его игру. Легче всего разрушить свободу, играя в свободу.

Здесь я вплотную подошел к вопросу о метафизике свободы. Свобода, учрежденная городом, всегда есть игра. Любая игра, но только не игра в свободу. Свобода, данная городом, повсеместна и повседневна. Однако никогда она – не всеобща. Повсеместность и повседневность образуют физику городской свободы. Она покоится на физически данных связях физических данных персон (то есть людей, играющих свои свободно выбранные роли). Но конституируется город именно нефизическими, незримыми связями незримо же сущих персонажей. Это – метафизика города, незримая ткань его городских свобод. «Семьянин» и «сосед», «друг-товарищ» и «сослуживец», «взломщик» и «градоначальник», «городовой» и «торговец», «артист» и «городской герой», «городской сумасшедший» и «депутат», «сплетник» и «коммунальщик» – таков чуть ли не исчерпывающий перечень персонажей этого городского спектакля.

ля, в свободной игре которого (подчеркну: в игре по-своему, поместечковому, в игре своеобразной) и развертывается, и реализуется городская свобода. Но играют игру конкретные и конкретно живущие люди. Это жизненная игра в жизнь и на жизнь, а порою в смерть и на смерть.

В метафизическом смысле «жить в Ростове» нельзя, ибо это – чистая физика дела. Жить Ростовом и жить для Ростова – конкретная метафизика игры в городе и на город. Город, которым учреждается свобода.

Итак, город – это игра, которая дарует свободу.

Как же на деле выглядит эта игра? Для ответа на этот вопрос взглянем вначале на средневековый город глазами Йохана Хёйзинги. Заглянем под обложку его классического труда «Осень средневековья». Что же мы видим: неумолкающие многоголосные колокольные звоны, возносящие всё преходящее в атмосферу порядка и ясности; причем каждый горожанин разбирался в значении того или иного звона¹. Далее – глубоко волнующее зрелище, которое представляли собою процессии. «В худые времена – а они случались нередко – шествия сменяли друг друга, день за днем, за неделей неделя»². В них участвовали сменявшие друг друга ордена, гильдии и корпорации; они шли всякий раз по другим улицам и всякий раз несли другие реликвии. Многие несли факелы или свечи.

А еще – торжественные выходы блистательных вельмож, которые обставлялись со всем хитроумием и искусностью, на которые только хватало воображения.

А еще – никогда не прекращавшееся изобилие казней. Как пишет Хёйзинга, «жестокое возбуждение и грубое участие, вызываемые зрелищем эшафота, были важной составной частью духовной пищи народа»³. «Спектакли с нравоучением» – так прямо характеризует казни Хёйзинга.

А еще? А еще пусть не так часто, как процессии, казни и звоны, появлялись то тут, то там странствующие проповедники, возбуждавшие народ своим красноречием. «Мы, приученные иметь дело с газетами, – пишет ученый, – едва ли можем представить ошеломляющее воздей-

¹ Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: «Наука», 1988. С.8

² Там же. С.8

³ Там же. С.9

ствие звучащего слова на неискушенные и невежественные умы того времени»⁴. Приведем описание высокого творчества только одного проповедника – брата Ришара, кому позволили в качестве исповедника быть рядом с Жанной д'Арк. Он проповедовал в Париже в 1429 г. в течение десяти дней подряд. Он начинал в пять утра и заканчивал между десятью и одиннадцатью часами, большей частью на кладбище Невинноубиенных младенцев в галерее со знаменитыми изображениями Пляски смерти. За его спиной, над аркою входа, горы черепов громоздились в разверстых склепах. Когда, завершив свою десятую проповедь, он возвестил, что это последняя, ибо он не получил разрешения на дельнейшие, все, и стар, и млад возрыдали столь горько и жалостно, словно сошлись они предать земле друзей своих лучших и его самого вместе с ними» [5, с.10]. Чем не описание хорошо поставленного театрального представления?

А еще – религиозные мистерии и светские церемонии, каждая из которых исторгала потоки неудержимых слёз⁵.

Самые сложные политические вопросы народ упрощает и сводит «к различным эпизодам из сказок»⁶.

«Знатные господа передвигались, не иначе как блистая великолепием оружия и нарядов, всем на страх и на зависть. Отправление правосудия, появление купцов с товаром, свадьбы и похороны громогласно возвещались криками, процессиями, плачем и музыкой»⁷.

И, конечно же, знаменитые, не знающие продыха балаганы.

Таков играющий город в эпоху его классического расцвета.

Но куда делась эта городская игра – этот дух истинной свободы – сегодня? Куда она закатилась? Никуда! Просто ее повсеместно демонстративные, кичливые и грубые (Хёйзинга) формы приобрели теперь повсеместно бытовой характер, мышкой юркнули в закоулки жизни, изъеденной хитросплетениями. Разве не играем мы каждое утро, заглядывая в свой платяной шкаф? Разве не играем, наводя по утрам макияж? Разве не смотримся в зеркало? А выбор маршрута движения к месту отдыха или работы – кто скажет, что нет в этом игры? – Игра, и самая настоящая: какой дорогой пойти, каким видом транспорта проехать, с кем встретиться, а кого обойти стороной... А отношения с работодате-

⁴ Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: «Наука», 1988. С.10

⁵ Там же. С.11

⁶ Там же. С.15

⁷ Там же. С.5

лями, когда «те делают вид, что нам платят, а мы делаем вид, что работаем на них»? А взаимоотношения начальников с подчиненными, организованные по принципу «ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак»? А взаимоотношения в школьной или университетской аудитории, когда «одни изображают, что учат, а другие, что учатся»? Кровное (до кровной мести родство) и тесное (до круговой поруки) соседство обернулись игрой в родственников-соседей по правилу: «лучше близкий сосед, чем дальний родственник»?

А фальсификация продуктов и брэндов, а потребительский кредит, а мыльные пузыри, а индустрия надувательства, пышно именуемая маркетингом – все эти бурно растущие формы делового обмана, «невинного», как назвал его Джон Гэлбрэйт, подводя итог своей жизни⁸? Игра, всё игра: игра свободная (вплоть до безнаказанности самых злостных преступлений), игра неудержимая (вплоть до смертей заигравшихся наркоманов).

Игра – не бесхитростный труд селянина по принципу «как потопашешь, так и полопашешь». «Делу – время, потехе – час» – это не для горожанина. Горожанин всегда в игре, всегда в потехе. Прекрати игру, приступи он к делу – и тут же прёт из него деревня. Говорим же: «Труд превратил обезьяну в человека, а человека – в лошадь». Когда «не до шуток», когда «день год кормит», когда зануда, когда зубоскальство настораживает, а слёзы унижают, это – село.

Село, конечно, тоже играет. Но не сутками напролет, не напропалую, не везде. Играет в строго отведенное для того время и в специально оговоренных местах. Играет свадьбы, играет праздники урожаев, играет масленицу и рождественские святки. Для этого жутко, по-балаганному наряжается, нарочито, до безобразия расписывает лицо.

Песня Найка Борзова «Я маленькая лошадка» для селянина – жалоба полезного (но почему-то очень дорогого) сельского животного на нелегкую свою долю с присандаленным для рифмы словом «кокаин». Для горожанина – гимн наркодилеру с ввинченным для хохмы словом: «маленькая лошадка».

Телепрограмма Елены Перминовой «Жизнь без наркотиков» для прямодушных селян – призыв жить без того, на что у них нет денег. Для изощренных горожан – закодированный клич к пожиранию экстази.

⁸ Гэлбрэйт Джон Кеннет. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М.: «Европа», 2009.

Стены свободы

Силы духа лепят, воплощают внешний, материальный облик города, а не наоборот. Материальный облик лишь поддерживает, несет то, что творится в душе горожан. Вначале горожанин, потом – город.

Стены города, воздвигнутого древними, были отшлифованы Средневековьем. Именно этот безусловный факт заставляет меня проследить тему города на материале Средних веков.

«Бросающееся в глаза обстоятельство, – пишет наблюдательный Фернан Бродель, – почти все города в XV-XVIII веках имели укрепления... Они оказывались заключенными в принудительные геометрические очертания, укрепившимися и отделенными тем самым даже от непосредственно принадлежащего к ним пространства.

Речь шла, прежде всего, о безопасности. Лишь в нескольких странах такая защита была излишней, но исключения подтверждают правило»⁹. В подтверждение знаменитый историк ссылается на «Словарь» Фюретьера (1690 г.), который определяет понятие «город» как «место обитания достаточно многочисленных людей, обычно замкнутое стенами». «Средневековый город (это уже Йохан Хёйзинга) не переходил, подобно нашим городам, в неряшливые окраины с бесхитростными домишками и унылыми фабриками, но выступал как единое целое, опоясанный стенами и оцетинившийся грозными башнями»¹⁰.

Ни численность населения, ни местоположение, никакие другие признаки не были такими упорными спутниками города, какими были окружавшие его стены. В самом деле, по своей численности города варьировали от 400 жителей до многих и многих тысяч. С другой же стороны, разбухшим и даже сливавшимся друг с другом многотысячным деревням не обязательно суждено было сделаться городами¹¹.

Справедливости ради отмечу, что сам Бродель, терзаемый противоречиями, все-таки утверждал: «Город существовал как город лишь в противопоставлении образу жизни, более низкому, чем он сам. Это правило не знает исключения, и никакие привилегии его заменить не в состоянии»¹². Да, тонко. Да, философично. Но стены, куда же деть эти не-

⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. Т.1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 522

¹⁰ Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: «Наука», 1988. С.7-8

¹¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. Т.1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 511

¹² Там же. С.511

сносные, грубые стены? Двигаясь в лабиринте противоречий, историк роняет: «Для многих городов Запада такое «каменное кольцо», построенное в XIII-XVI вв. было «внешним символом» сознательного стремления к независимости и свободе»¹³. Роняет и, увлеченный выдвинутой философемой, движется дальше, не заметив, что сказанное дает ключ к органичному объединению несовместимого.

Пойдя в подмастерья Броделю, сделаю это за маститого ученого. Подберу и рассмотрю те драгоценные крохи, которыми он так щедро усыпает свой путь.

Выделю в брошенной фразе три ключевых термина: «каменное кольцо» стен – символ – свобода. Но мыслительная конструкция не будет полной, если её не дополнить тем фактом, что, как утверждает сам же Бродель, это «каменное кольцо», эти стены были «защитой от внешнего врага».

Теперь все персонажи в сборе. Можно слагать картину. Страх перед внешним врагом первым вступает на сцену процессов градообразования. Часто, очень часто каждый из нас видел, как страх сбивает людей в кучу, спланивает их. Страх – великая сила сгущения. Холодные воды страха рассыпчатую муку бытия обращают в вязкое тесто со-бытия. Охваченные страхом люди сбивались друг с другом в «кучу», которая и стала провозвестником города. Не знавшие страха, бесстрашные, остались на селе. «Волка бояться – в лес не ходить» - это пословица не селян, она – порождение горожан. Для селянина и лес, и волк, и рождение, и смерть – обычный повседневный фон его быта. Как зима и лето, восход и закат. «Убьют, так убьют. Новых нарожаем», – вот простая жизненная установка, которой следует любая деревенщина и которая образует тот «идиотизм деревенской жизни», на который негодовал В.И. Ленин. Но в толщине деревенских пластов то тут, то там появлялись отдельные люди, которые отделяли себя от своих повседневных занятий. Люди, в которых пробуждалось сознание ценности, безвозвратности и невосполнимости человеческой жизни. Люди, которых обуяло чувство страха перед угрозой смерти от зубов ли хищника, от меча ли врага. Многие и многие из них, ошавев от страха, веками бежали от него. Бежали, бросая семьи и имущество, бросая насиженные места. Бежали, унося с собой только самое ценное – жизнь. Бежали, но не добежали. Не добежали до той поры, когда их вдруг оказалось какое-то осязаемое, давшее устойчи-

¹³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. Т.1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. С. 522

вость множество. Множество, способное решить единую для всех них задачу – спасти ценность, невосполнимость и незаменимость своей собственной жизни. Так, дошедши до своего предела, страх породил крепостную стену как средство против него самого.

Стена как символ преодоления страха – второе действующее лицо. Оно своим появлением конституирует город. Оно, это второе лицо – постоянный и неизбежный спутник города. Подчеркну: не как вещественно данная стена, а как нематериальный символ преодоления извечного страха. Поэтому город может существовать без brutальной стены. Вначале это было, как отметил Бродель, исключением, подтверждающим правило. Теперь это – правило, не знающее исключений. Но город не может быть городом без того, что его конституирует – без средств преодоления страха. Без стен в их нематериальной, неосязаемой ипостаси.

Но что там, за стенами? Там – преодоленный страх. Там – самая свобода. Свобода, которая и есть преодоленный страх. Свобода, внешним символом сознательного стремления к которой было «каменное кольцо». Свесив ноги по обе стороны средневековых стен, мы по одну сторону ощутим знобящие волны страха, а по другую – жар обретенной свободы. Так свобода оказывается третьим персонажем нашей картины. Свобода, ставшая неотторжимым (наряду с самим страхом) содержанием средства преодоления страха.

Взгляните хотя бы на входную дверь своего собственного дома. С наружной стороны она ошетичилась страхом брони, домофона. Изнутри она ласково блещет вам отсветами нежной обивки, подчеркивая безмятежность внутреннего пространства.

Я в чем-то сближаюсь с Мартином Хайдеггером, согласно которому основным состоянием бытия является страх — страх перед возможностью небытия, страх, который освобождает человека от всех условностей действительности и, таким образом, позволяет ему достигнуть в некоторой степени свободы. Видите, и у этого великого экзистенциалиста страх порождает свободу. Но только порождает иначе, чем у меня. У Хайдеггера свобода рождается тем, что страх освобождает людей от всех условностей действительности. У меня свобода есть деятельный продукт средства преодоления страха.

Большая разница между страхом и ужасом. Ужас мраком своим застилает пространство. В ужасе нет точек отсчета, нет никаких координат. Человек, охваченный ужасом полностью дезориентирован. Страхи – совсем иное. Страх – это бреши, пробитые в ужасе ударами человеческой

воли или (что чаще всего) – вдруг обретенным чувством чужого плеча. Страхи – это звезды, пробившиеся на иссиня-черном покрывале беспросветного мрака. Столбняк ужаса умерщвляет. Страхи, рассеянные во многих местах, подобно многозвенной цепи, хотя и ограничивают движение, но создают направленное движение: движение воли к освобождению от них. Страх, сконцентрированный в одном-единственном месте, абсолютный страх, страх истинный – и раскрепощает, и дает человеку крылья. Вновь обращусь к святому Григорию Паламе: «Мы не смогли прилепиться к очищающей душу науке, начало которой – страх Божий, рождающий непрестанную умиленную молитву к Богу и соблюдение евангельских заповедей, вслед за чем приходит примирение с Богом, когда страх преобразуется в любовь и мучительность молитвы, превратившись в сладость, возвращает цветок просвещения, от которого словно благоухание, разливающееся на несущего этот цветок, приходит познание Божиих тайн»¹⁴. Познавший не на словах – на деле страх Божий, епископ Григорий Палама знал, о чем говорил.

Город – и концентратор: таковы его стены. Но город и направитель потоков страха: таковы ворота – проходы для страха, сделанные в его стенах.

Итак, свобода есть одно из двух противоположных содержаний средства преодоления страха. Но что выступает содержанием самой свободы? – Вера, бес-страшие. Свобода рождается страхом и потому не свободна от него. Подобно бежавшим из Египта евреям, она должна родить из себя свое собственное потомство, но потомство бес-страшное, свободное от страха. Им, этим потомством свободы, и является вера – свет, который не знает тени. Ни тени страха, ни тени сомнений. Здесь я решительно не согласен с Гилбертом Честертоном, который в «Вечном человеке» пишет: «Они томятся в тени веры, но потеряли её свет»¹⁵. Повторю: свет веры не отбрасывает тени. В противном случае он ничем не отличался бы от света разума. Света осторожного, света робкого, света боязливого, света сомневающегося. Страх и сомнения – пот, выделяемый разумом, его естественные экскременты, которые сам он и пожирает. Сова Минервы вылетает ночью. Боящийся разум возводит стены. Стены рожают свободу. Свобода разрождается верой. Вера, бес-страшная вера и есть четвертое действующее лицо нашей городской картины.

¹⁴ Палама Григорий. Триады в защиту священо безмолвствующих. СПб: Наука, 2004. С.15

¹⁵¹⁵ Честертон Г.К. Вечный человек. М.: РИПОЛ классик, 2006. С.21

Фрагмент фильма «Тройной форсаж. Токийский дрифт». Два персонажа фильма смотрят сверху на толпу людей и говорят:

- Их пожирает страх.

- А если они победят страх?

- Тогда всё просто: выбираешь цель и идёшь без оглядки!

В отличие от знания – этого свойства разумности, вера живет во ображении. Златокудрое дитя свободы, она плещется и играет под покровом своей бдительной матери.

Но что творит бесстрашная вера, в чем находит она свой собственный выход? Зло и добро. Добро и зло. Два в одном. В одном и том же – в городе. Хёйзинга: «То в неожиданных взрывах грубой необузданности и зверской жестокости, то в порывах душевной отзывчивости... протекала жизнь средневекового города»¹⁶.

Уточню: конкретная метафизика города не приемлет двулично абстрактных понятий как добра, так и зла (ведь, например, яростное око зла, глядящее на одних, всегда косит ласкою в отношении к другим). Ее повседневность знает только сменяющие друг друга возгласы счастья и рыдания горя, скрежет жестокости и «порывы душевной отзывчивости», доброты, крики насилия и нежное дыхание милосердия. Непрерывная смена ролей – повседневная пища повсеместной свободы.

Страхи, гуляющие в обществе, и собираются, и сгущаются, будто пчелы, именно в городе – в этом улье страхов. (Не зря ж говорят о «Граде Небесном».) Им же, городом, и преодолеваются. Преодолеваются, испуская вначале кванты свободы, далее – всполохи веры, затем – завихрения воли, и, наконец – акты жестокости и доброты. Жестокости, которая, разрастаясь, вновь генерирует ужас. «Бедствие – вот из чего творится история»¹⁷.

Город: играем со страхом

Последняя книга великого Джона Кеннета Гэлбрейта «Экономика невинного обмана» выросла из его изумления, насколько дурно обращаются с языком все современные экономисты¹⁸. Отойду от этого экономического правила и призову прислушаться к языку: «град» – «страх» – «игра». Разве не нашептывает нам музыка языка о родственности этих

¹⁶ Хёйзинга Й. Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: «Наука», 1988. С.8

¹⁷ Там же. С.33

¹⁸ Гэлбрейт Джон Кеннет. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. М.: «Европа», 2009. С.7

трех слов? Родственности пусть не семантической и не этимологической, а хотя бы о родственности музыкальной?

В чем же смычка, в чем точка слияния игры и страха – эти двух устоев, на которых воздвигнут город? В чём средоточие тех путей (игры и страха), которые образуют город? Страх (повторю) – величайшая из жизненных сил. И силою своей он питает игру. Разве, чтобы отвлечь ребенка от страшных картин, вы не начинаете заигрывать с ним? Разве построенные на страхе «ужастики» – эти кинематографические или мультипликационные формы игры со страхом – не служат средствами преодоления страха, дополняя, достраивая тем самым невидимые стены всех современных городов?

Да, свобода – дело трагичное. Трагичное и тогда, когда за нее приходится бороться, и (в особенности) тогда, когда ею приходится пользоваться. Ломать комедию здесь не приходится, если, конечно же, не увлекаться расхожими либеральными штампами. Воздух города, делающий, человека свободным, насыщен звуками человеческих страданий. Именно поэтому свобода (свобода, заметьте, именно городская) – не ярмарочная игрушка и не ржавеющая в своем торжественном величии абстрактная статуя, а щемящий образ реальных, блестящих от повседневных прикосновений, Верного (Костика) или Хатико. Она – вещь гиперответственная и цена этой ответственности – жизнь и судьба.

«Ехал в автобусе, было много людей, несмотря ни на что, смотрел (фильм о Хатико – Г.Д.) и плакал, рядом сидел лучший друг, мечтал, чтобы и тот был таким верным как наш Хатико».

Не происходи этот акт любви в городе, на глазах у многих и многих, он, оставаясь сам по себе бесподобным и совершенным по своей чистоте действием, разве стал бы символом, стал бы высочайшим эталоном свободно изливаемой добродетели? Разве воплотился бы этот чудный по своей красоте акт в металл отлитого на народные подаяния памятника? Разве сияли бы нос и лапы памятника от прикосновения тысяч и тысяч людей, желающих впитать в себя хотя бы малую долю мощной сердечной энергии – энергию истинно высокой любви? Подчеркну: Хатико умер в возрасте двенадцати лет – возрасте, почтенном для собаки, да еще живущей в невероятно трудных условиях. Он умер не от тоски: от обычной собачьей старости, которая ослабила иммунные силы его организма. Умер от старости. А жил чем? Верностью и Любовью. А значит, для него никогда и никуда не исчезал, не пропадал конкретный субъект этой верности и любви – профессор Хидэсабуро Уэно.

А вот в день памяти узника совести, лауреата Нобелевской премии, выучившегося в г. Ростове-на-Дону, Александра Исаевича Солженицына к его мемориальной доске, что на здании бывшего мехмата РГУ, пришли в этом году только пять человек (не считая оператора телевидения). Пять человек в огромном городе Ростове-на-Дону.

Так по-разному, но равно пронзительно могут выглядеть на одной стороне одинокое чувство любви в городе, а на другой стороне - чувство одиночества самого нелюбящего города. Символ свободной человеческой Памяти и символ свободного человеческого Забвения. Свободный символ признательности к тому, кто научил Любви. И символ свободной же неблагодарности к тому, чьими усилиями была обретена сама эта свобода теперь нелюбящих, неблагодарных. Неблагодарных, которых раньше, лет двадцать назад, насильно сгоняли на площади изображать признательность и благодарность тем, кого люди эти тихо ненавидели.

Город: играем со страхом.

Воздух города делает человека свободным!

АНТИУРБАНИЗМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А. НЕХАМКИН

Антиурбанизм – явление, характерное для всех эпох, периодов существования человечества. Он представляет собой сложный феномен, включающий как объективно происходящие процессы природно-социального характера, так и субъективно обусловленные деяния, имеющие целью или сами собой ведущие к разрушению городов, ухода из них населения. В одной из предшествующих работ антиурбанизм рассматривался мной как сознательно реализуемая программа: «система теоретических построений и практических действий, негативно оценивающая роль городов в жизни людей, рассматривающая городские территории как сферу аморализма, скученности, хаоса, преступности, иных антисоциальных проявлений, настаивающая на необходимости обязательного переселения городского населения в сельскую местность»¹⁹. Однако его целесообразно изучать и со стороны объективных проявлений, т.е. в единстве данных противоречивых сторон.

Начнем анализ с фиксации источников антиурбанизма. Рассмотрим сначала объективные, независимые от нашей воли. Первый из них – время, которое неумолимо течет из прошлого через настоящее в будущее и как бы «забирает» с собой многочисленные города. «Река времен», его «пески» (порой обретая и подобные реальные формы) погребает под собой («топит в пропасти забвенья») не только «народы, царства и царей» (как выразился Г.Р. Державин), но и городские поселения. Мы никогда не сможем пройти по реально существовавшим (а не прошедшим через руки реставраторов) улицам Тира, Вавилона и только засыпанные пеплом Везувия переулки Помпеи дарят нам такую возможность. И так будет всегда. Одни города погибают, разрушаются, чтобы дать путь в истории другим. Как верно заметил иной поэт XIX в. Р. Киплинг в «Отпустительной молитве», «и наша (Британская – В.Н.) слава упадет, как пали Тир и Ниневия»²⁰. И верно: Лондон в XX в. хоть и не ис-

¹⁹ Нехамкин В.А. Антиурбанизм как социальное явление: философский анализ // Социум и власть. 2015. № 2 (52). С. 7.

²⁰ Киплинг Р. Отходная //Честертон Г.К. Перелетный кабак. Возвращение дон Кихота. СПб: Ассоциация «Новая литература», 1992. С. 24.

чез с лица земли, но утратил статус «мирового» города, которым до этого обладал несколько веков.

Кроме времени, важнейшим источником антиурбанизма служат стихийные бедствия: извержения вулканов, наводнения, землетрясения. Достаточно было нескольких часов «работы» Везувия, чтобы мощный древнеримский город Помпеи в 79 г. оказался погребен под толщей вулканического пепла: погибли тысячи людей (что запечатлено столетия спустя К.П. Брюлловым в картине «Последний день Помпеи»), разрушены десятки зданий, жизнь на данном месте надолго прекратилась. Другой пример: извержение вулкана Кракатау в 1883 г. привело к гибели не только городов вблизи эпицентра взрыва, но вызвало мощное прибрежное цунами. В итоге около 300 городских поселений перестали существовать. Впрочем, все это – «мелкие неприятности», по сравнению с перспективой извержения какого-нибудь из крупных «супервулканов»: например, расположенного в США Йелоустоунского. Тогда засыпанными пеплом и непригодными для жизни окажутся города Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго и др. Крупнейшей системе городов и опирающейся на нее мощи США тогда, скорее всего, придет конец (что справедливо демонстрирует голливудский фильм «2012»). Опять-таки защититься от подобной угрозы городам нечем, можно лишь уменьшить ущерб, но только в ограниченной мере.

Не раз виновником гибели городов в истории становились и землетрясения. Только в СССР имели место несколько крупных подобных катаклизмов, тоже названные по имени наиболее пострадавших городов: Ашхабадское (1948 г.), Ташкентское (1966 г.). К тысячам жертв и полному уничтожению города Спитак в Армении привело крупнейшее землетрясение 1988 г. Хотя данные города были потом отстроены заново, при иных условиях они могли быть покинуты жителями. (Хуже, впрочем, когда землетрясение вызывает другое стихийное бедствие – цунами, что уничтожает прибрежный город, как произошло с Лиссабоном в 1755 г.).

Самой «легкой» (в свете развития современных технологий, накопленного опыта борьбы с проблемой) природной формой антиурбанизма для городов кажутся наводнения. Ведь строятся дамбы, шлюзы, иные гидротехнические сооружения. Данные стихийные бедствия обходят стороной ранее затапливаемые города Голландии, да и Санкт-Петербург «научился» регулировать повышение воды в реке Неве. Однако есть и печальная новость. Любое техническое сооружение имеет

свой уровень прочности, надежности, превышение которого стихией приведет к негативному результату. Даже если не брать прогнозируемое учеными в ближайшее столетие повышение уровня вод мирового океана на 2,5–3 м из-за таяния льдов в Арктике и Гренландии, что автоматически затопит территории городов, лежащих ниже уровня моря, невзирая ни на какую защиту, то и в нынешних природных условиях остаются вопросы. Во-первых, в 2011 г. город Фукусима оказался затоплен вследствие комбинации стихий (мощное землетрясение – наводнение – цунами), к которой защитные сооружения оказались не готовы. Ведь ситуация может повториться и впредь. Во-вторых, как и всякий технический объект, защищающее от наводнений оборудование может устареть, управление им подвержено (несмотря на автоматизацию процессов) т.н. «человеческому фактору». Тогда города остаются без защиты и в нынешних «привычных» природных условиях. Так, в августе 2005 г. необычно мощный ураган «Катрина» привел к краху систему «обороны» от водных стихий американского Нового Орлеана: «свистящий ветер поднимал на реке Миссисипи волны высотой до 8 м, которые, переливаясь через дамбу, затопили город. Глубина затопления достигла 12 м. Были разрушены сотни тысяч зданий, и основная масса горожан осталась без жилья. Город стал похож на призрак, где хозяйничали одни мародеры»²¹. Так один из городов страны-гегемона современного мира оказался беззащитен перед ежегодно повторяющимся в тех местах природным явлением: ураганом.

Наконец, не стоит сбрасывать со счетов астероидную угрозу, кажущуюся редким явлением. Наиболее известный в новейшее время Тунгусский метеорит «приземлился» в сибирской тайге, далеко от обжитых мест (1908 г.). Зато недавно (в 2013 г.) упавший в Челябинской области Чебаркульский метеорит назван так в честь близлежащего города. В будущем крупный астероид способен уничтожить если не человечество в целом, то уж городскую цивилизацию на Земле – с большой вероятностью. Так что сюжет, обыгранный в голливудском фильме «Армагеддон» (1998 г.), может стать в обозримом будущем реальностью, но не со столь позитивным финалом (как показано в кино) для городов мира.

Опасность различных форм природного анатиурбанизма заключается в том, что он происходит спонтанно, неожиданно для людей, человек может только уменьшить размеры бедствия (например, эвакуировав местных жителей, строя сейсмоустойчивые дома), но не предотвратить

²¹ Жмакин М.С. Природные катастрофы, потрясшие мир. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. С. 136.

его последствия полностью (высотные здания в сейсмологический опасных районах городов тоже возводятся в расчете на определенный уровень землетрясений в баллах, за пределами которого начинается деструкция), а единственным относительным исключением из данного «правила» являются наводнения. При таком случае разрушения городов максимальны, вплоть до невозможности вновь создать городское поселение на данном месте. Кроме того, внезапный природный катаклизм (особенно в труднодоступном для техники месте, как случилось со Спитаком) приводит к временному параличу действий как местных, так и центральных властей, экологическому бедствию, росту эпидемий различных болезней (Спитак, 1988 г.; Новый Орлеан, 2005 г.). Наконец, стихийные бедствия могут «накладываться» друг на друга, что подчас тоже ведет к коллапсу системы городов как на местном, так и (в будущем) на глобальном уровне. Новому Орлеану в 2005 г. повезло, что новый ураган «Рита», пришедший через несколько дней, оказался слабее «Катрины». Но дело могло обернуться и иначе. Тогда, вероятно, американцам пришлось бы расселять горожан Нового Орлеана по другим местам. О печальном будущем городов при одновременной масштабной «накладке» мощных стихийных бедствий друг на друга можно только предполагать.

Перейдем к социально обусловленным причинам антиурбанизма. Одна из них – войны, являющиеся постоянными спутниками истории людей²². В ходе боевых действий происходит как намеренное, целенаправленное, подчас теоретически обоснованное, разрушение городских поселений, так и его ситуативное, случайное уничтожение в ходе решения каких-либо тактических или стратегических задач. Тенденция прослеживается на протяжении веков, наиболее острые формы приняла в XX столетии, когда города стали перманентным объектом бомбардировок с воздуха, артиллерийских обстрелов и т.д. Апофеозом (к счастью, повторившимся один раз) стало уничтожение японских городов Хиросимы и Нагасаки с помощью ядерного оружия ВВС США в августе 1945 г. Однако в случае полномасштабной ядерной войны подобной деструкции (с использованием ракетной техники) подвергнуться уже большинство городов современного мира, вне зависимости от их близости к зоне боев. В этом случае конец системы городов на Земле, видимо, станет синонимом гибели человечества.

²² Подробно война как форма антиурбанизма описана в работе: Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. Антиурбанизм в современном мире: формы проявления и последствия // Гуманитарный вестник. 2016. № 8 (46). С.3.

Почему города оказываются объектом антиурбанистической практики в ходе боевых действий? На первом месте здесь стоит банальный грабеж. В некоторых армиях (особенно восточных государств, включая древних римлян, монгольскую Орду, Османскую империю, да и в Европе в античности, средневековье) взятый штурмом город противника отдавался на трехдневное (минимум!) разграбление победителям (служившим как бы платой солдатам собственной армии за длительную осаду, личный риск и т.д.). Показательно, что подобная тенденция сохранялась независимо от иных факторов (например, религиозного сходства участников конфликта). Скажем, католики рыцари-крестоносцы, захватившие в 1204 г. столицу православной Византии Константинополь, устроили там такой массовый грабеж и насилие по отношению к мирному населению, который не позволили себе даже взявшие город в 1453 г. мусульмане-османы! Причина – алчность, затмевавшая религиозное (идеологическое) единство. Как пишет один из участников событий со стороны рыцарей Ж. де Виллардуэн, «они не могли представить себе, что на свете может существовать столь богатый город, когда увидели эти высокие стены, ...и эти могучие башни, ... и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить... Не было храбреца, который не содрогнулся бы; ибо никогда великое дело (штурм города – В.Н.) не предпринималось таким (малым – В.Н.) числом людей»²³. Крестоносцы (имея меньшее количество войск), кстати, официально двигавшиеся освободить Гроб Господний у «неверных» (сторонников ислама) в Иерусалиме, пошли на приступ христианского Константинополя, ибо жертвы сулили им огромное материальное вознаграждение в случае успеха! Что уж говорить о сражениях за города, где противниками оказывались идеологически чуждые мусульмане («сарацины»). Здесь резня и грабеж побежденных, уничтожение местной инфраструктуры становились закономерным делом. И такой военный антиурбанизм по схеме «богатый город – удачный штурм – его грабеж, убийства мирного населения» процветал во многих странах в различные века человеческой истории.

Кроме того, в городах находились центры управления отдельными территориями (особенно это относилось к столице). Их уничтожение вело к капитуляции и дезорганизации обороны противника. Особенно точно данную формулу (по аналогии с частями тела человека отдельных городов) использовал Наполеон в 1812 г.: «Если я возьму Киев – я возь-

²³Виллардуэн Ж. Завоевание Константинополя. М.: Наука, 1993. С. 33-34.

му Россию за ноги, если я возьму Петербург – я возьму Россию за голову, если я возьму Москву – я поражу ее в самое сердце». Поэтому и в более поздний период, например, в ходе Второй Мировой войны авиационные удары немцев обрушивались на Варшаву, Белград, Лондон, а США, Великобритания – на Берлин и Токио.

Далее: в городах имела место значительная концентрация населения (в т.ч. гражданского). Поэтому любые удары по их территории давали максимальный поражающий эффект. Кроме того, они подавляли волю населения противника к сопротивлению, наглядно демонстрируя будущее людей в случае продолжения борьбы. Подобную практику максимального разрушения не только военной, но и гражданской инфраструктуры ВВС США, Великобритании намеренно применяли именно к городам Германии и Японии в 1942 – 1945 г. (апофеоз – варварская бомбардировка Дрездена 13-14 февраля 1945 г., где погибло 135 тыс. человек²⁴). Впрочем, мощные бомбардировки Белграда немецкой авиацией в апреле 1941 г. тоже привели к деморализации командования местного гарнизона, его капитуляции перед небольшим по численности отрядом вермахта уже через неделю после начала боев. Однако есть и обратные примеры: город Ленинград в СССР, несмотря на почти трехлетнюю блокаду немцев, бомбежки и артиллерийские обстрелы, значительные разрушения, выстоял, не сдался врагу.

Косвенным следствием такой тактики тоже являлся масштабный антиурбанизм, имевший и «теоретическое» обоснование (концепцию «тотальной войны», взятую на вооружение руководством нацистской Германии и фактически реализуемую так же ее противниками в 1941–1945 гг.).

Антиурбанизм проявился и в системе саморазрушения городов, активно использовавшейся в ходе Второй Мировой войны ее участниками. Поскольку города могут послужить средством повышения боеспособности противника, часто используется тактика намеренного разрушения их инфраструктуры, в случае невозможности дальнейшей защиты. Впервые на данную «скифскую» манеру ведения войны (в отличие от «просвещенной» Европы, где города сдавались после капитуляции вооруженных сил) обратил внимание Наполеон в 1812 г. в России. Москва, по его признанию «сердце страны», оказалась до оккупации покинутой значительным числом местных жителей, после чего здесь начался пожар, уничтоживший значительную часть деревянного города.

²⁴ Серебрянников В.В. Социология войны. М.: Научный мир, 1997. С. 15.

Французский император винил в произошедшем «диких» русских, якобы специально поджигавших строения) (забывая, что аналогично поступали за несколько лет до этого и многие испанцы), некоторые подозреваемые в поджогах были расстреляны. (Правда, писатель Л. Н. Толстой в романе «Война и мир» предложил другую оригинальную версию. Он утверждал, что покинутый значительной частью жителей «большой... деревянный город необходимо должен был сгореть» даже без чьего-то сознательного желания²⁵. Вступление туда активно грабивших Москву неприятельских войск только ускорило данный неизбежный процесс). Примечательно, что Наполеон (как бы предвосхищая военный антиурбанизм XX в.) при отступлении из города решился на совершенно по тем временам чрезмерную, необычную и в личной практике полководца, бесполезную жестокость: подготовил взрыв ряда еще сохранившихся объектов, включая Кремль, но диверсия полностью не удалась. Так что французский император в 1812 г. перешел к тотальному антиурбанизму. Стоит отметить и отличие противников: русские войска при занятии Парижа в марте 1814 г. существенного (и главное – целенаправленного) урона ему не нанесли.

В XX в., особенно в 1941-1945 гг., тактика саморазрушения городов принимает максимальный оборот в ходе войны в СССР и на территории самой Германии. По распоряжению ГКО, И.В. Сталина в оставляемых врагу городах специальным отрядам армии, НКВД требовалось уничтожать предприятия, объекты инфраструктуры, запасы продовольствия и т.д. Когда война пришла на территорию «Тысячелетнего Рейха», уже руководство нацистской Германии стало планировать и осуществлять еще более жестокие акции по уничтожению городской инфраструктуры, чем советское тремя годами раньше. По воспоминаниям министра вооружений А. Шпеера, начальника генерального штаба Г. Гудериана, инструкции по «городской деструкции», исходящие от А. Гитлера, были столь «подробными» и могли привести к такому уровню гибели гражданского населения (и так страдающего от вражеских бомбежек), что некоторые высшие чиновники «Рейха» засомневались в психической адекватности «фюрера» (заявившего Гудериану: «если проиграна война, то погибнет и народ»), начали их всеми силами саботировать (ибо не видели смысла губить горожан в условиях краха нацистского государства, отчасти надеясь на смягчение личной участи в будущем).

²⁵ Толстой Л.Н. Война и мир. В 2 кн. Кн. 2. Тома 3-4. М.: Художественная литература, 1978. С. 229.

Тем самым в XX в. саморазрушение городов в ходе боевых действий их жителями и местными властями поднялось на качественно новый уровень: превратившись из отдельных эпизодов в важное средство ведения боевых действий, инициируемое государством и неизбежно усиливающее антиурбанизм.

Наконец, города становятся ареной масштабных боевых действий. При невозможности их быстрого занятия, вооруженные силы приступают к длительной осаде, сопровождаемой авиаударами, артобстрелами и т.д., а апофеозом выступают многодневные уличные бои. Классическим примером антиурбанизма по данной схеме выглядит Сталинград, где боевые действия шли с августа 1942 по февраль 1943 г., разрушенный почти до основания. В сходной ситуации оказался и осаждаемый Красной Армией с октября 1944 по февраль 1945 г. Будапешт, да и битва за Берлин (шедшая около двух недель) привела к значительной деструкции (и без того активного разрушаемого союзной авиацией) города. Кроме того, масштабное многодневное сражение за город неизбежно «озлобляет» его участников, делает любые удары по врагу приемлемыми. Так, уничтоженным почти до основания оказался взятый вермахтом в июле 1942 г. Севастополь. Город осаждался немцами с ноября 1941 г., стоил вермахту около 300 тыс. потерь. Даже когда части Красной Армии покинули Севастополь, командующий немецкой 11 армией, Э. Манштейн, приказал перед его занятием (для избегания дальнейших жертв солдат вермахта) осуществить «прощальный» дополнительный суточный артиллерийский обстрел и авиационную бомбардировку²⁶.

Разумеется, тенденция роста количества вооруженной борьбы в городах не ограничивалась Второй Мировой войной (где только на европейском театре боевых действий она составляла более 40%), а охватывает весь XX в. Как отмечает В.В. Серебрянников, «так было в большинстве военных конфликтов во второй половине XX века: в Корее, Вьетнаме, на Балканах (90-е годы). Многие специалисты полагают, что городские территории будут наиболее вероятным местом боев в XXI веке»²⁷, что подтвердил опыт войны США в Ираке (с 2003 г.), печальная участь Эль-Фаллуджи. Так что и по данному параметру антиурбанизм будет нарастать, подчас коренясь в бессознательном желании военного и/или политического руководства наказать «непокорный» длительный период город уничтожением/максимальной деструкцией.

²⁶Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ, 2003. С. 294.

²⁷Серебрянников В.В. Социология войны. Москва, Изд-во Научный мир, 1997. С. 14-15.

Второй источник антиурбанизма коренится в техногенной деятельности человека. Мелиорация, перевод значительного количества воды из рек Амударья и Сырдарья (для выращивания хлопка в республиках советской Средней Азии) привел к обмелению Аральского моря. Это вызвало экологическую катастрофу (море начало «отступать» от прежних берегов). В итоге население начало в 1980-е гг. массово покидать территорию, расположенную в данном регионе, включая города. Другой пример связан с аварией на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. После взрыва на четвертом энергоблоке, сопровождавшегося пожаром, выбросами радиации в атмосферу, пришлось полностью выселить два города (Чернобыль, Припять), которые стали непригодны для жилья и пребывают в таком качестве по сию пору. В будущем, учитывая усиление техногенной деятельности человека, стоит ожидать роста антиурбанизма по указанной причине.

Третий источник антиурбанизма – хозяйственная деятельность человека. Часто в силу экономических причин пребывание населения в том или ином городе становится невыгодным, людям приходится покидать данное поселение. Так случилось во время Великой Депрессии в США 1929-1933 гг. Население, не имея работы и средств к существованию, стало массово уходить из средних (по размерам и количеству жителей) городов, превратив их в своеобразные «призраки» с сохранившейся городской инфраструктурой, но лишенной своего «человеческого» содержания.

Четвертый источник – целенаправленная государственная политика. Подчас люди покидают города по соображениям личной безопасности, ибо там каким-то группам (национальным, сословным, религиозным) угрожает опасность для их бытия, или они не могут свободно проявлять свое мировоззрение. Пример – старообрядцы в России в XVII-XVIII вв. после церковного раскола массово покидали города, где им не давали легально исповедовать свою версию православия, а государство преследовало их за убеждения.

Кроме того, государство может практиковать насильственные переселения людей из городов в сельскую местность в силу различных мотивов и обстоятельств. Иногда это бывают единичные случаи, когда горожанину ссылкой на село заменяется более строгая мера наказания (КНР в 1960-1970-е гг.). Иногда – система специальных мероприятий по насильственному выдворению в сельскую местность значительных масс горожан, имеющая цель как «прокормить» избыточную в данный мо-

мент часть городского населения, так и повысить уровень образования, технической грамотности крестьян. Хотя такая мера описывалась еще в «Утопии» Т. Мора, «Городе-Солнца» Т. Кампанеллы, но на практике реализована один раз руководством Демократической республики Кампучии (ДРК) в 1975-1978 гг. в Камбодже, привела к высокой смертности «выселяемых». По итогам подобной политики население городов сокращается, его культурный уровень падает, инфраструктура разрушается. Такие меры приходится прекращать.

Впрочем, учитывая наличие в Индии, Южной Америке, странах Третьего Мира мощных антиурбанистических движений («Джан Сангх» и т.п.), можно предположить, что их адепты, придя к власти в какой-либо стране, попробуют насильно переселить уже всех горожан и на «постоянной основе» из погрязших в «грехе и скученности» городов назад к природе, в сельскую местность, как говорится, «не считаясь с потерями» (смертностью бывших горожан, вызванной падением уровня питания, медицинского обслуживания и т.д.). Тогда человечество могут ждать и более печальные последствия, чем обозначенные усилиями «красных кхмеров».

В результате причины антиурбанизма носят комплексный характер. В работе они рассмотрены в чистом виде. Однако на самом деле порожденные физическим и социальным миром источники антиурбанизма тесно взаимодействуют.

Укажем виды антиурбанизма, проявляющиеся в современной социальной действительности: 1) природный, т.е. разрушение городов, их инфраструктуры силами физического мира (носит спонтанный, бессознательный характер, не подчинен контролю человека); 2) военный, т.е. деструкция городов в ходе боевых действий (носит намеренный, целенаправленный, постоянно совершенствующийся характер, вплоть до ядерной войны, которая сможет уничтожить систему городов в целом); 3) техногенный (когда города уничтожаются из-за хозяйственной деятельности человека, как ее непреднамеренное следствие); 4) хозяйственно-экономический (когда проживание людей в городах становится невыгодным по финансовым и иным соображениям); 5) политический (когда деструкция городов становится целью специальных мероприятий государственных органов).

Автором (совместно с В.А. Сачковой) предложена гипотеза о существовании в нынешнем мире системы (дифференцированных внутри

себя) городов, т.е. урбанистической цивилизации²⁸. Она формировалась постепенно. Сначала (в древности и средневековье) возникали отдельные города, слабо связанные между собой. Порой они достигали уровня определенной системы (как случилось с Римом, ставшим из города государством, а потом – империей), но в целом оставались островками в море сельского мира. Во всяком случае, о всемирном характере «системы городов» речь тогда не шла. Впрочем, даже в преимущественно аграрной России начала XIX столетия завоеватель-иностранец Наполеон тоже видит систему городов, включающую «голову» (столицу, где находятся правительство и монарх, сосредоточено административное управление) – Санкт-Петербург; «ноги», коммуникационный и культурный центр (Киев); «сердце», бывшую столицу, символизирующую прежнее доимперское русское государство (Москву). Так что контуры отечественной системы городов налицо и в аграрный период.

Затем в индустриальный период произошел количественный рост городов, заметно усилившийся во второй половине XIX – начале XX вв. на европейском континенте, но затронувший и иные материки. Часто здесь и говорят об урбанизации (тенденция стала заметной и обрела «право гражданства» в науке). Наконец, под воздействием глобализации, наступает нынешняя стадия данного процесса – «урбанистическая цивилизация» (УЦ). Это – планетарная система городов мира, в которой каждый из них зависит от другого, играет особую роль, имеет сходные тенденции развития, порождаемые ими проблемы. Она носит противоречивый характер, не оформлена «юридически», но существует.

В пользу наличия УЦ говорят следующие факты: 1) превышение численности городского населения над сельским в мировых масштабах (впервые ставшее реальностью в 2008 г., а к середине XXI в., по прогнозам, в городах сосредоточится до 70% жителей Земли); 2) усиление дифференциации городов на планетарном уровне, т.е. в рамках их системы (оно происходит как в рамках одной страны, так и на международном уровне – звание «мирового города», центра «сердца» миросистемы²⁹, ежегодные конкурсы на «лучший город» России, КНР и т.д. –

²⁸ Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Урбанистическая цивилизация и ее роль в современном мире // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки», 2013, № 3. С. 38-50.

²⁹ Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб: Питер, 2014. С. 51 - 52. Кстати, у других сторонников идеи рассмотрения социальной действительности как особой миросистемы (например, у Ф. Броделя) один «мировой город» тоже передает эстафету социального прогресса другому (см. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993).

формы выражения подобной тенденции); 3) увеличение количества агломераций, т.е. тенденция к слиянию малых и средних городов в более крупные образования (в результате ныне городов с населением 10 млн. человек в мире насчитывается уже почти 20 против 2 в начале XX столетия); 4) города становятся в планетарном масштабе центрами поиска, производства, распространения информации; 5) перед городами мира стоят универсальные проблемы (неконтролируемое поглощение окружающих территорий; ухудшение экологической обстановки; социальное противостояние жителей по линии «центр – окраины» и т.д.)³⁰.

Возникает вопрос: как будет развиваться антиурбанизм в условиях становления урбанистической цивилизации? Отмечу следующие тенденции. Во-первых, антиурбанизм – одновременно граница и наиболее пессимистический вариант будущего УЦ. Граница потому, что весомая часть населения нынешнего мира проживает пока за пределами урбанистических зон, не получает благ городской жизни. Они со значительной долей «неодобрения» смотрят на нынешних «зажравшихся» горожан. И как «варварская периферия» уничтожила города Рима, так и сельский мир в состоянии в перспективе поглотить городской, который не сожжет физически прокормить себя. Это особенно заметно в странах «третьего мира».

Во-вторых, дифференциация мира и его городов усиливается и в негативном плане: они делятся на очень «богатые» и «бедные», «главные» и питающие их всеми необходимым ресурсами (схема воспроизводится и на планете в целом, и в отдельных странах – не случайно в российской «глубинке» можно услышать фразу «у вас в Москве», говорящую о крайней поляризации жизни столицы и регионов). Так, Ф. Бродель утверждал, что в мировом масштабе всегда есть «полюс, центр, представленный господствующим городом»³¹. За ним идет срединная (средняя) область, после нее – промежуточные и, наконец, «следует весьма обширная периферия, которая в разделении труда, характеризующим мир-экономику, оказывается не участницей, а подчиненной и зависимой территорией. В таких зонах жизнь людей напоминает Чистилище или даже Ад»³². И схема Броделя – не просто метафора. И. Рамоне рисует перспективу бытия современных городов с периферии мир-

³⁰См.: Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Урбанистическая цивилизация и ее роль в современном мире // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки», 2013, № 3. С. 38-39.

³¹Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 86.

³² Там же. – С. 87.

экономики следующим образом: «Мегаполисы Юга (Мехико, Сан-Паулу, Калькутта, Каир, Лагос, Шанхай) кажутся *предвозвестниками разрушения западной модели городского общества* (курсив мой – В.Н.). В то же самое время, если взглянуть на пригороды Севера, кризис запирает в городах-гетто массы населения, лишенные перспектив на будущее и выражающие свое отчаяние частыми взрывами насилия»³³.

Какое будущее ждет систему, где есть сильный центр (представленный доминирующим городом) и значительная периферия, где жизнь близка к аду? Разумеется, распад.

В-третьих, дифференциация по линии «состоятельный, благополучный «центр» – периферия» воспроизводится и в пределах каждого конкретного города (подсистемы) в рамках УЦ. Результат – городские бунты в Лос-Анджелесе (1992 г.), Париже (2005 г.), Лондоне (2011 г.). Причем, в столице Франции жители бедных эмигрантских пригородов совершали ночные «набеги» на центр города (с поджогом мусорных баков, автомобилей) более месяца. Пока это – локальные вспышки антиурбанистского насилия, но в перспективе (особенно при ослаблении института государства в Европе) они могут перерасти в известный социальный «пожар» (отягощенный неконтролируемым притоком культурно чуждых европейцам мигрантов с Ближнего Востока).

В-четвертых, антиурбанисты начинают консолидироваться на основе неприятия западного варианта УЦ (в которой справедливо видят противостоящую систему). В настоящее время они представляют собой разрозненные группы антиглобалистов, исламских радикалов, идеологов обездоленной части сельского населения Южной Америки и Индии, проживающих в бидонвилях, фавеллах, гетто вокруг Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Бомбея. Их «оружием» против УЦ становится насилие, причем вооруженное (пригороды некоторых городов в Бразилии фактически контролируют моторизованные банды, в рейдах против которых полиция использует танки, вертолеты, порой тяжелое оружие). Рано или поздно такая ситуация в состоянии привести, как минимум, к региональному кризису (если не разрушению) местной системы городов. Причем, находятся и мыслители, которые призывают как к уходу из городов в сельские районы, так и к разделению городов на отдельные, независимые друг от друга, самостоятельные районы. К чему приводит подобная «пропаганда» видно на примере столицы Ливана Бейрута, где пятнадцать лет (1975-1990 гг.) шла гражданская война по принципу

³³ Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001. С. 8.

борьбы «всех против всех», прекращенная исключительно вмешательством иностранных войск. Что же будет с городами, когда «миротворцев» рядом не окажется? Их тоже ждет распад и идеология, обосновывающая такой поворот событий, уже формируется. Пока она маргинальна, ее сторонники территориально и теоретически разобщены, но ее единство уже просматривается сквозь разорванную «ткань» современной антиурбанистской мысли.

Итак, антиурбанизм – сложное течение в философской, религиозной, подчас научной мысли, обосновывающее дискомфортность проживания людей в городах и требующее удаления человека отсюда в сельскую местность или, наоборот, максимального дистанцирования от себе подобного индивида в данном «муравейнике». Это – еще и система практических мероприятий, приводящая к невозможности (постоянной или временной) нахождения человека в городском пространстве, включающая как целенаправленную государственную политику по переселению населения из городов в сельскую местность (красные кхмеры, 1975-1979 гг.), так и реакцию людей на иные факторы – стихийные бедствия, техногенные катастрофы, войны и т.д. Антиурбанизм служит определенной границей урбанистической цивилизации и одной из пессимистических перспектив ее развития (если станет доминирующим трендом общественной динамики).

Поскольку определенное будущее есть у урбанистической цивилизации (системы городов)³⁴, то оно существует и у антиурбанизма как ее альтернативы.

³⁴ Нехамкин В.А., Сачкова В.А. Образы «города будущего» в культуре конца XX – начала XXI вв.: мифы и реальность. Вестник Московского Государственного областного университета. Серия «Философские науки», 2012. № 3. С. 47-55.

ЦЕННОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

К.Ю. ТАРНОВСКИЙ

В истории взаимоотношений «человек-природа» принято выделять несколько этапов. На первом человек считал себя частью природы, признавал над собой ее силу, а способности корректировать природные явления были весьма ограниченными. Если речь идёт о периоде палеолита и мезолита, то можно говорить о присвоении природных «даров», тогда как активная часть деятельности заключалась лишь в охоте и рыболовстве. Кроме того, на этом этапе уже появляются табу по отношению к определённым видам животных, которые становились объектами тотемистического почитания. В конце плейстоцена (около 15-17 тысяч лет назад) климат сделался более суровым. Стали исчезать многие виды животных, которые до этого составляли основу питания человека (мамонт, в южной Сибири – носорог). Появление земледелия в этом смысле не только стало жизненно необходимым, но и позволило выйти на новый уровень в освоении природы. Неслучайно именно земледелие считается самой главной составляющей того, что называют неолитической революцией, к которой также относятся появление денег, письменности, выделение ремёсел). Ее следствием стало новое мышление: мышление человека действующего, который почувствовал возможность менять мир, а это, в свою очередь, наделяло его силой, способствовало нивелированию мифологического мышления.

Второй этап начался с бурным развитием науки (XVII век). Человек теперь противопоставляет себя природе, полагает себя ее господином. Мир – это механизм, принципы работы которого можно открыть, выяснить, сделав его «ручным», более того, заставив машину природы работать на себя. Это мировоззрение давно уже стало устаревшим, и тем не менее, оно еще находит своих сторонников. Сказывается не столько приверженность к такому мышлению, сколько отсутствие интереса к тем последствиям, которыми грозит пренебрежительно-высокомерное отношение к природе. Сознание современного жителя мегаполиса раздвоено. С одной стороны, складывается определённый культ свежего воздуха. Получают все большее рекламное продвижение, а значит, и распространение, предложения в области таун-хаусов, домов, находящихся за пределами городского массива. Застройщики и агентства недвижимости все больше заостряют внимание на том, что объекты,

предлагаемые ими, находятся «в лесу»³⁵. «Дом в лесу» - такова квинтэссенция этих предложений. Но, с другой стороны, человек мегаполиса склонен принимать как должное загрязнённость своего места обитания. Кроме того, строительство «городов в лесу» таит в себе лукавый парадокс: ведь чем больше объектов жилья строится в лесу, тем меньше остаётся места для собственно леса. Следовательно такое строительство может помочь сохранить экологию для избранных, ухудшив ее в целом.

Управление природой, взаимодействие с ней есть часть культуры. И это взаимодействие подразумевает ценностную составляющую. Существует множество определений понятия «ценность». Так, А.В. Иванов и В.В. Миронов постулируют, что «ценности есть идеально-эталонные побуждения, цели и нормы деятельности человека, в соответствии с которыми он оценивает (выражает субъективное отношение), а также практически преобразует мир и себя»; при этом если истина – это форма согласования мысли с предметом, то ценность – это форма согласования предметности природы с идеальным содержанием нашей мысли³⁶. Ценность несомненно предполагает положительную значимость. В общем виде, можно сказать, что ценность объекта – это признание его положительной значимости в контексте существования и совершенствования бытия человека в мире.

Под экологическим сознанием в литературе предлагается понимать, в частности, систему представлений о природе, личностного (субъективного) отношения к природе, технологий взаимодействия с природой и этического (ценностного) отношения к природе³⁷. Н.Н. Моисеев трактует его как совокупность представлений о взаимосвязи в системе «человек-природа», о соответствующих стратегиях и технологиях взаимодействия в этой системе³⁸.

Экоориентированные ценности – это ядро экологического сознания и важный аспект экокультуры, это осознание положительной значимости природы не только как сферы приложения трудов человека, но

³⁵ В данном случае мы опираемся на следующие сайты застройщиков и агентств недвижимости: http://www.ekoland.ru/housing_estates/lesnoy - девиз компании: «Эколенд – новый уровень загородной жизни»); <http://www.moskovdom.ru/>; <http://www.snegiri.com/> - в данном случае речь идет о создании «загородного» жилья в самом городе; <http://www.microgorodvlesu.ru> и др.

³⁶ Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. М.: «Философские тетради», 2005. – 649 с. с.549-550,

³⁷ Турчаева Р.А. Развитие экологического сознания будущих специалистов. Автореф. дис. канд. псих. наук. М.: 2008. – 30 с. с.6

³⁸ Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции//Вопросы философии, № 8, 1998. – С.26-32. С. 22

и как совокупности самостоятельных, гармоничных и самоорганизующихся систем, в которой человек является лишь небольшим элементом. Р.А. Турчаева определяет следующие функции экологоориентированных ценностей в развитии экологического сознания: экологоориентирующая, смыслообразующая, системообразующая, функция саморегуляции.

Личность развивается постепенно, в идеале это развитие не имеет конечной точки и происходит в течение всей жизни. Нельзя сказать, что экологические ценности занимают первостепенное место в жизни человека, тем более нельзя сказать, что осознание их важности происходит быстро.

Условно можно разделить взгляды на природу среди современных городских жителей таким образом:

Первая точка зрения: природа не представляет собой серьёзной ценности, по сравнению с человеком и его потребностями. Естественно, эта точка зрения – поверхностная, ведущая к пагубным последствиям. Часто эта точка зрения, увы, даже не осознаётся.

Природа является ценностью, её ресурсы исчерпаемы, а производство, не учитывающее пагубного воздействия на природу, наносит ей существенный вред. Однако лично я не могу ничего с этим поделать, так как мой положительный вклад в сохранение экологического баланса в любом случае был бы лишь «каплей в море» и оказался бы ничтожным по сравнению с теми негативными факторами, которые порождаются производством, промышленностью, несознательными гражданами. Эта точка зрения оказывается формально справедливой, но содержит в себе элемент лицемерия.

Экологические проблемы важны, и даже если мы не можем решить их окончательно, каждый должен начинать с себя и в меру своих сил стараться не совершать поступков, которые могли бы нанести вред природе, и, наоборот, там, где есть возможность, благодетельствовать в отношении нее (сдача макулатуры, отдельный сбор мусора), не отказываясь при этом от благ промышленности, цивилизации.

Радикальная точка зрения может быть выражена словами: «назад, к природе!» - здесь человек намеренно отказывается от пользования тем, что называется достижениями цивилизации, уезжает в местность, удалённую от мегаполисов. Например, воплощением такого рода рассуждения можно назвать т.н. экопоселения («родовые поселения», «родовые поместья»).

Третья из указанных точек зрения представляется здоровой. Между изменениями в окружающем мире и изменениями в сознании существует связь, невозможно требовать благодатных условий для жизни, не принимая участия в их создании, даже если это участие кажется несущественным.

Что касается четвертой точки зрения, точнее, связанного с ней феномена экопоселений, то он неоднозначен и требует того, чтобы остановиться на нём подробнее. В России уже опубликованы некоторые исследования по этому вопросу³⁹. Отчасти прообразом экопоселений стали экодеревни (ecovillages), появившиеся на Западе в 1970-е годы. Сами основатели экопоселений так говорят о себе и своих целях. «В современной городской цивилизации мы перестали видеть перспективу для своей собственной жизни и для будущего своих детей. Удобная и комфортная городская жизнь чем дальше, тем больше лишает человека простых и естественных ценностей - свежего воздуха, чистой питьевой воды, живой природы вокруг, элементарной тишины, уверенности в завтрашнем дне»⁴⁰. «Каждый участник нашего экопоселения должен принять условия данного соглашения: уважать принцип равноправия; содействовать сохранению окружающей природы; не совершать убийств домашних животных и скота; не использовать ядохимикатов при борьбе с сельскохозяйственными вредителями и для повышения урожайности; производить уборку территории хозяйств в случае их замусоривания; не организовывать на территории хозяйства вредного производства»⁴¹.

«Цели создания поселения родовых поместий: создание новой формы хозяйствования на земле в виде Родового поместья; создание условий для занятости и самореализации поселенцев; обустройство

³⁹ См. например: Рыбакова М.В., Щукина М.Ю. Экопоселения как социальная экологическая практика общества//Социально-гуманитарные знания, №4, 2012. – С. 316;-324; Польский И.В. От «дачников» к «поселенцам»: опыты сообщества в движении «Анастасия» / «Звенящие кедры России»//Труды русской антропологической школы, т.12, 2013. – С. 136-155. См. также работы исследовательской группы ЦИРКОН: Аналитический обзор экологических поселений России [Электронный ресурс] (http://www.zircon.ru/upload/iblock/e76/Jekoposelenija_v_Rossii_Analiticheskij_obzor.pdf), Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения [Электронный ресурс] (http://www.zircon.ru/upload/iblock/841/Jekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf); Асланов А.В. Кохаузинг как объект социально-философского анализа// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5-1 (31). С. 13-15.

⁴⁰ Экопоселение «Ковчег» (Интернет-сайт) [Электронный ресурс] <http://www.eco-kovcheg.ru/index.html/>

⁴¹ Там же

гармоничного пространства для постоянного проживания, обеспечение полноценными здоровыми продуктами питания, чистой водой, свежим воздухом; создание благоприятных условий для воспитания и обучения детей в гармонии с окружающей природой; восстановление нравственности и духовных традиций предков»⁴².

Идея родовых поместий, несмотря на определённую оригинальность, имеет и отрицательные стороны. Во-первых, её следствием является возможная десоциализация, оторванность от мира. Во-вторых, и это нам представляется наиболее важным, кроме чисто экологического наполнения идея создания родовых поместий, экопоселений, имеет в себе определённый элемент сектантства. Почти все, или, по крайней мере, многие из обследуемых нами сайтов экопоселений в России основываются на идеологии так называемых анастасийцев, последователей писателя и предпринимателя Владимира Мегре (Пузакова). Его идеи определяются исследователями как часть нью-эйдж движения⁴³ и характеризуются как «дикий, полуграмотно изложенный синтез доморощенной эзотерики и квасного ура-русского патриотизма»⁴⁴.

И.Я. Кантеров, напротив, отмечает, что востребованность идей, проповедуемых писателем, связана с тем, что они «направлены против духа меркантилизма, цинизма, эгоизма, лжи»⁴⁵. Он же пишет о том, что движение анастасийцев, несмотря на принадлежность к нью-эйджу, не может быть названо сектой, в нем нет жесткой структуры управления, оно не занимается миссионерством. Экопоселения могут представлять собой некий крайний, но вполне осуществимый, вариант экологизации сознания, следствие возведения экологических ценностей в ранг высших. В то же время, существуют и другие поселения подобного рода – кохаузы, не имеющие подобной идеологической подоплёки⁴⁶.

Ценности экологического сознания, безусловно, не могут замыкаться только на абстрактной любви к природе. Здесь речь идёт о несколько особом понимании места человека в мире. Пожалуй, корни та-

⁴² Экопоселение «Живая картина» (Интернет-сайт) [Электронный ресурс] <http://www.zhivayakartina.ru/tezis.html>

⁴³ Кантеров И.Я. Утопия в духе нью-эйдж//Независимая газета, 02.07.2008 [Электронный ресурс] http://www.ng.ru/problems/2008-07-02/7_new-age.html

⁴⁴ Знаменский П.П. Глупая добрая сказка//Огонёк, №28, 4.10.1999 [Электронный ресурс] <http://www.ogoniok.com/archive/1999/4615/28-22-27/>

⁴⁵ Кантеров И.Я. Утопия в духе нью-эйдж//Независимая газета, 02.07.2008 [Электронный ресурс] http://www.ng.ru/problems/2008-07-02/7_new-age.html

⁴⁶ Асланов А.В. Кохаузинг как объект социально-философского анализа// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5-1 (31). С. 13-15.

кого понимания мы видим в Дао Дэ Цзин. Лучшие качества, присущие человеку, его добродетели, не раз сравниваются там с явлениями природы. «Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется [с ними]»; «В древности те, кто был способен к учёности, знали мельчайшие и тончайшие [вещи] они были простыми подобно неотделанному дереву; они были необъятными, подобно долине; они были непроницаемыми, подобно мутной воде»⁴⁷. Способности человека минимальны по сравнению с природой, хотя даже способности природы ограничены: «Быстрый ветер не продолжается все утро, сильный дождь не продержится весь день. Кто делает все это? Небо и Земля. Даже Небо и Земля не могут сделать что-нибудь долговечным, тем более человек». Природа в Дао Дэ Цзин является неким посредником между человеком и Дао: «Человек следует [законам] земли. Земля следует [законам] неба. Небо следует [законам] дао, а дао следует самому себе»⁴⁸.

Как нам представляется, экологическое сознание высоко ценит здравый смысл и скромность человека – не столько в этическом плане, сколько в метафизическом и природном: человек не должен зазнаваться; ощущение себя как «венца творения» является не более чем вредным самодовольством. Созерцательно-внимательное отношение к природе формирует особое отношение к человеку – не как к хозяину мира, но как к существу, в целом, достаточно слабому, заброшенному в мир, чья обособленность от природы не столько придала ему сил, сколько усложнила его существование. Для экологического сознания человек по отношению к природе – лишь прохожий ребёнок в саду, который небрежно срывает какой-то плод или ветку без всякой цели (поскольку все цели человека оказываются ничтожными по сравнению с величию природы), однако он не может быть осужден за это именно в силу своего «детства». Обнаруживается, что экологическое сознание всегда в определённой мере пантеистично: «так природа захотела, почему – не наше дело, для чего – не нам судить», как пел когда-то Булат Окуджава.

Можно ли сказать, что человек в этом случае не является ценностью? Конечно, нет. Но он оказывается ценностью не абсолютной. Таковой является, скорее, не жизнь человека, а жизнь вообще: не только на уровне особи, но и на биосферном уровне. С осознанием жизни как ценности неразрывно связана ценность мира, как отсутствия войны (конфронтации). Компромисс, диалог для экологического сознания предпо-

⁴⁷ Лао Цзы. Дао Дэ Цзин [Электронный ресурс] <http://lib.ru/POECHIN/lao1.txt>

⁴⁸ Там же.

чтительнее, чем ориентация на вражду. Сосредоточенность человека на исключительно своих интересах, нежелание понять, услышать Другого – первый шаг к конфронтации и, в широком смысле, к войне; в обыденной жизни это находит проявление в эгоизме. Человек, занимаясь исключительно собой, нарушает баланс мироздания (подобные мысли можно также найти в Дао Дэ Цзин), то есть – нарушает гармонию мира. Гармония – сбалансированное сочетание разнородных или даже разнонаправленных элементов, их внутренняя и внешняя согласованность – еще одна ценность экологического сознания. Это понятие не только философское, но и – прежде всего – эстетическое (в музыке учение о гармонии занимает особое место), поэтому экологическое сознание можно назвать сознанием эстетически ориентированным, воспринимающим, в определенной степени – созерцательным. Можно вспомнить пример Э. Фромма в его работе «Иметь или быть» – философ вспоминает два стихотворения, посвященные цветку, которые символизируют, соответственно, два типа сознания. В одном стихотворении герою требуется обязательно сорвать цветок (присвоить его, т.е. обладать им), чтобы им наслаждаться, тогда как в другом наслаждение красотой цветка предполагает его созерцание в естественной среде⁴⁹.

Упомянутая созерцательность не всегда предполагает пассивность. Напротив, экосознание характеризуется ответственностью. Речь идёт не только о ставшим общим местом положении «человек ответственен за природу, наш общий дом», но и об ответственности личной. Так, например, делая сознательный выбор в пользу экопоселения или кохауаз, человек берёт ответственность за своё существование в свои руки. Поэтому ценностям экологического сознания можно отнести ответственность, инициативность, творческий подход к жизни.

Интересно остановиться на понятии чистоты. Даже в обыденной речи это слово используется по отношению как к материальному миру (чистый двор, чистая квартира), так и к духовному (чистый помыслами, чистый в смысле «неискушенный, непорочный» – см. также⁵⁰). При этом чистый – не означает «пустой вообще», чистота подразумевает возможность развития: вспомним локковскую *tabula rasa* – человек развивается постепенно, черпая идеи из опыта. Какими будут эти идеи, зависит не в

⁴⁹ Фромм Э. Иметь или быть [Электронный ресурс] <http://psylib.org.ua/books/fromm02/txt01.htm#1>

⁵⁰ Мордвина-Щодро О.А. «Чистый» как характеристика человека в русском языке: лингвокультурологический аспект // Известия Российского Государственного Педагогического Университета Им. А.И. Герцена. Выпуск № 37 / том 14 / 2007 С.135-136

последнюю очередь от того, каким окажется мир вокруг. Чистота – это, помимо прочего, отсутствие беспорядка, хаоса, ненужных предметов. Чистота – то, что воспринимается всегда как эстетически прекрасное. Как нам представляется, идея чистого (в прямом смысле – незамусоренного, эстетически привлекательного) пространства вокруг нас создает определённую направленность на чистоту в сознании, его упорядоченность. Такое сознание нацелено на созидание, а не на разрушение. Наоборот, признаком деградации, склонности к разрушению может служить патологическая необходимость нарушать чистоту – это может быть навязчивое желание подростка сделать уродливую надпись на только что повешенном новом зеркале в подъезде, изрисовать свежeverкрашенную дверь, написать «здесь был такой-то» и так далее. Во всех этих, вроде бы, небольших и не совсем ужасных деяниях видится бездумное желание человека утвердить своё бытие за счет вреда, показать свою мнимую значимость через то или иное нарушение гармонии.

Итак, экологическое сознание – сознание, нацеленное на созидание, которое при этом не противопоставляет человека природе, а квалифицирует его как ее часть. К его ценностям мы относим, прежде всего, жизнь вообще (не только жизнь человека); мир (нежелание войны, конфронтации) как условие жизни; гармонию как согласованность различных элементов бытия; созерцательность как умение воспринимать, впитывать мир, не желая «присвоить», подчинить и видоизменить его, заставить работать по плану человека; ответственность и инициативность; чистоту как интенцию к созиданию, а не разрушению.

Скажем в заключение несколько слов о взаимодействии с цивилизацией. Экологическое сознание без особой симпатии относится к тому, что мы называем цивилизацией. Сознание западного человека дихотомично, склонно к противопоставлениям – одним из них является дихотомия «природа» - «цивилизация». Но интересно, что современная цивилизация, с одной стороны, выталкивая человека из города, заставляя его острее чувствовать ценность природы, не лишает его своих благ. А.В. Асланов замечает, что в связи с новыми условиями жизни в обществе глобализации и информационных технологий, «с одной стороны, появляются новые возможности для коммунаров, тогда как с другой стороны, для них кардинально меняется набор требований: экологическое сознание, высокая социальная адаптивность, высокая приспособляемость к резкой перемене условий, возможность удалённого зара-

ботка и связанная с этим необходимостью в творческом мышлении и специфических навыках, связанных с информационным производством»⁵¹.

Инициативность и наличие некоего творческого потенциала дают возможность не терять связи с цивилизацией, пользоваться ее благами, не нарушая гармонии и не лишаясь свободы. Например, трудиться в качестве фрилансера (программиста, дизайнера, переводчика, автора текстов или музыки) можно из любой точки мира, где есть Интернет и со-товая связь. Это предполагает размывание этнических, национальных, языковых барьеров, восприимчивость к новому, уважение к другим культурам. Экологическое сознание – планетарно. Человек, обладающий им – это человек мира во всех смыслах этого слова.

⁵¹ Асланов А.В. Кохаузинг как объект социально-философского анализа// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5-1 (31). С. 13-15. С.15

НОВЫЙ СПОСОБ ЖИЗНИ ПОСЛЕ МЕГАПОЛИСОВ⁵²

Ю.М. ПЛЮСНИН

Возможно, что я ошибаюсь, но думаю, что лет через двадцать тот новый способ и образ жизни, о котором я сейчас намерен говорить, будет обыденностью, а всякие содержательные мысли об этом станут банальностью. Но сейчас, наверное, это не банальность и потому вопрос стоит обсуждать. Хочу зафиксировать четыре тезиса.

Первый из тезисов – о специфической популяционной динамике на территории России – на том пространстве, на котором раскинулось Большое Российское общество и которое Российское государство оформляет как территорию. Это два взаимосвязанных «специфически русских» процесса, думаю даже уникальных своим сочетанием, о которых практически мало кто говорит, но они, я полагаю, определяют очень многое и в нашей истории, и в нашей политической жизни. С одной стороны, это тысячелетний процесс разбегания населения по пространству страны - на её окраины, за границы территории «царства-государства». С другой стороны, это вековой процесс волнообразного многократного исхода населения из одних земель, концентрации его в других землях и последующего возвращения обратно; такие своеобразные приливы и отливы населения, которые захватывают в разное время то одни, то другие территории.

Второй тезис – о двух разнонаправленных людских потоках, которые сложились в последние четверть века на территории России. Вызваны они, по моему мнению, экономическими и политическими причинами. Эти потоки современного нам перемещения и размещения населения очень масштабны. Это процесс временного, сезонного перемещения горожан-дачников между квартирой в городе и домом в деревне и противоположный поток провинциалов-отходников из местечек и деревень в крупные города. Но, к моему удивлению, эти столь масштабные процессы большинству исследователей, а также и управленцам не видны совершенно.

⁵² Статья подготовлена на основе лекции «Новый способ жизни после мегаполисов», прочитанной 1 апреля 2015 г. в Институте демографии, миграции и регионального развития на семинаре Ю.В. Крупнова. Видеолекция размещена по адресу: http://www.youtube.com/watch?v=077-_bn-Y1c

Третий тезис – как раз о новом образе и новом способе жизни, который сейчас формируется на наших глазах, который и станет той самой обыденностью уже в ближайшее время. Конечно, не могу сказать - когда, но глазом моргнуть не успею. Это новый и пока неведомый многим «modus vivendi», который будет складываться из нового «modus operandi».

Ну и четвёртый тезис, уже совершенно спекулятивный – это те вероятные следствия, которые можно предположить на основе обсуждения трёх указанных тезисов. К чему приведёт этот новый способ и образ жизни в экономической сфере, в социальной, или даже социокультурной сфере, а также и в политической сфере? Здесь я могу сделать некоторые совершенно спекулятивные предположения, либо опереться на некоторые исторические параллели, которые имеются в нашей русской истории.

Тысячелетняя популяционная динамика на Русской равнине

В чём состоит особенность и даже уникальность размещения русского населения на Русской равнине? Здесь, говоря о русских людях в широком смысле слова, я говорю о нас как о гражданской нации, отнюдь не как об этносе, народе. То есть, на мой взгляд, русские – это все мы: и узбеки, и татары, и карелы с украинцами, и чуваша с белорусами, и калмыки с бурятами – все мы русские, поскольку, вслед за Ключевским или Достоевским, полагаем, что слово это есть прилагательное, а вовсе не этноним и так называемся потому, поскольку живём на русском пространстве, прилагаемся к нему.

Особенность размещения нашего населения на территории Руси и уникальная тысячелетняя популяционная динамика вызвана, преимущественно политическими факторами, в меньшей степени экономическими, хотя последние тоже имеют значение. Эта динамика образована двумя разными по своей природе компонентами, разными процессами. Будучи наложенными друг на друга, они дают весьма сложный узор, который мы время от времени наблюдаем и описываем, но часто не дешифруем, когда описываем. А этот сложный узор на громадном пространстве европейской России создаётся двумя следующими процессами. Во-первых, постоянным, на протяжении тысячелетия многократно повторяющимся процессом разбегания населения по пространству страны от центра к периферии, на окраины, и время от времени такое разбегание то нарастает, то затухает. Во-вторых, столь же регулярно случающимися приливно-отливными демографическими явлениями,

но уже на локальных территориях: повторяющимися процессами обезлюдения земли и следовавшими затем, через 2-3 поколения, процессами заселения, нового наполнения.

Центробежный демографический процесс на территории Русского царства на отдельных временных интервалах привлекает внимание историков, его замечают как явление, имеющее военно-политические и религиозно-политические причины⁵³. Хотя об этом писали, или просто упоминали многие историки, но специально этому вопросу, насколько я знаю, посвящала свои исследования С.В. Лурье⁵⁴. Взаимодействие населения с Русским государством, государством как «оседлым бандитом», пережившим в этом качестве шесть или даже семь ипостасей (пять ипостасей такого государства выделил ещё Николай Бердяев в начале XX века), имеет свои особые последствия. Государство занимается формированием ясачного, или податного населения. Но, в отличие от Европы, процесс этот иной, здесь иные механизмы, поскольку и причины иные⁵⁵.

Монгольская экспансия принесла в Русский мир Пространство. Московское княжество наследовало потомкам хана Бату и хана Узбека

⁵³ См., напр.: Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. // Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 10, М.: Мысль, 1990. Гл. 1. С. 357-440; Кн. VII. Т. 13. М.: Мысль, 1991. Гл. 1. С. 40-48; Гл. 2. С. 173-175; Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола. М.: Знак, 2011. Предисловие, с. 34-49. Гл. 1, с. 51-58; Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999; Long Waves in the World Economy. L., 1984.

⁵⁴ Описание этих исторически масштабных демографических процессов, возникающих по политическим причинам, описано, например, в следующих работах: Лурье С.В., Казарян Л. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // Общественные науки и современность, 1994, N 4; Лурье С.В. Геополитические формы организации пространства экспансии и их влияние на характер народной колонизации // Цивилизации и культуры. Вып. III, М., 1996; Лурье С.В. Русская крестьянская колонизация и проблемы регионализма: взгляд в историю // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996; Лурье С.В. Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность, 1998, N5; Лурье С.В. Игра в кошки-мышки: модели русской крестьянской колонизации в XIX – начале XX веков // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №11 (42). Часть 4.

⁵⁵ На мой взгляд, наилучшим образом эти различия отмечены и проанализированы Бенно Тешке в его недавно переведённой монографии (Тешке Б. Миф о 1648 года: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2011), где автор рассматривает развитие отношений собственности и политического насилия в каролингской Европе 10-15 веков в качестве предпосылок становления государственного суверенитета. Мы обнаруживаем сходство социального и политического развития Руси лишь только с одним из четырёх наследников империи Каролингов – Англией; кроме того, со временем пространственный фактор начинает иметь всё большее значение в политическом становлении Русского царства и тем самым начинает увеличивать расхождение траекторий исторического развития Европы и Руси.

не только систему государственного управления,⁵⁶ оно получило от Улуса Джучи и особое наследство: особенное освоение пространства и устройство его как территории.⁵⁷ Пространства у нас большие и пустые. Встаньте на высокий берег Клязьмы в городе Владимире и посмотрите на ту сторону реки. Вы видите бескрайние леса, где нет ничего. Редкие дымы деревень на бескрайних лесных просторах. И так, начиная от Витебска и кончая Тобольском, Томском и Хабаровском, мы видим одну и ту же картину. Там, где разместилось государство, оно строит городища, острожища, храмища, капища, мытищи и всё прочее, составляющее государственную инфраструктуру. Оно выстраивает эту структуру и налаживает на население какие-то значимые для государства обязательства.

Но население, имея такие бескрайние просторы, всю жизнь бежит от государства, оно уходит от него, избегает, разбегаясь. Население в ранние годы Московского государства бежало куда? В Западную Русь, бежало на Север, затем на Дон и Днепр, в Запорожье, наконец оно бежало в Сибирь, а после оно массово бежало в Среднюю Азию. И вечно оно искало то Китеж-град, то Беловодье и Даурию, и вечно уходило от государства. А государство шло вслед за населением и ставило остроги, засечную черту, и снова облагало население податью. Вот характерный факт, который я нашёл у Светланы Лурье: после присоединения Восточного Туркестана, был издан царский указ, запрещающий крестьянам заселять этот край. Но в первый же год после указа более 140 тысяч крестьян своевольно поселились в Восточном Туркестане⁵⁸. То есть, указы указами, но мы-то живём по своему, своими законами, правильнее сказать естественным и обычным правом.

В чём же заключается наша особенность? Во всю тысячелетнюю государственную историю Руси мы видим это постоянное бегство населения на запад и на север, на восток и на юг, во все стороны. Очевидно, что такое же поведение должно быть характерно в давние времена и для народов Западной Европы, но там пространства маловато и процессы эти закончились там уже к началу второго тысячелетия, в крайнем случае к середине его.⁵⁹ У нашего народа есть одна существенная осо-

⁵⁶ Напр.: Прохоров А.П. Русская система управления. М.: Журнал «Эксперт», 2002. С. 84-106. С. 144-160. С. 218 – 227; Юрченко А.Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб: Евразия, 2012.

⁵⁷ Гумилёв Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: ЭКСМО, 2006.

⁵⁸ Лурье С.В. Этнокультурные особенности восприятия народом осваиваемой территории // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1996. № 1.

⁵⁹ См.: Тешке Б. Миф о 1648 года: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – М.: Издательский дом ВШЭ, 2011. С. 127-174.

бенность в образе жизни. Он приходит на новые территории со своими способами хозяйствования, моделями жизнеобеспечения. В Сибирь и на север, в Среднюю Азию, с новыми для этих территорий моделями жизнеобеспечения, с другим способом хозяйствования.

Таким образом, новые поселенцы сели и заняли другую экологическую нишу и не конкурировали с казаками, киргизами и узбеками за землю, которые занимались скотоводством. А русские крестьяне занимались хлебопашеством. То же самое мы наблюдаем в самое раннее время, в XIV-XV веках на севере, в Поморье, где пришедшие туда русские не вытесняли лопарей, самоедов, а безболезненно проникли внутрь территории. То есть это взаимопроникновение и занятие разных экологических ниш, в результате общества не конкурируют друг с другом. Ну или почти не конкурируют⁶⁰. И в этом смысле новые насельники не нуждались в том, чтобы уничтожать аборигенов, как это было в Африке, в Латинской и Северной Америках. Конечно, не всегда и не везде так было, например в Поволжье конфликты были и аборигенное население замещалось и сдвигалось, ассимилировалось. Но у нас много земли, и у нас относительно невысокая плотность, и разнообразные модели жизнеобеспечения у разных этнических групп, которые позволяют создать не конкурирующие, а мутуалистические отношения между местными обществами: охотники-тунгусы и рыбаки-хлебопашцы русские, конево-ды-якуты и русские казаки, охотники и хлебопашцы на Лене. И вот этот процесс вечного разбегания до сих пор мы наблюдаем. Мы наблюдали это даже в советское время, наблюдаем и сейчас. Правда, масштабы разные. В определённые периоды увеличивают и уменьшают в какие-то другие периоды. Вспомним советские «стройки века», Дальний Восток, Крайний Север, Казахстан. Или девяностые годы, когда десятки миллионов людей вынуждены были сняться с родных и насиженных мест.

И на эти волны разбегания населения по обширному пространству (Большой) России (вслед за которыми бегут уже «административные волны» создания государственных территорий) накладывается другой по природе, но так или иначе взаимосвязанный временной процесс. Это периодические обезлюдения локальных территорий, нередко довольно больших, по причинам как политическим (смуты и войны), так и экономическим (отходничество), а также природным (неурожай и голод, эпидемии). Я в своё время, специально заинтересовавшись этим инте-

⁶⁰ Далеко не везде ситуация русско-славянской экспансии была неконфликтной, ср. положение башкир, мордвы, черемисов, болгар в XVII-XVIII веках.

ресным феноменом, насчитал по 5 или 6 таких циклов на отдельных территориях Европейской России. Процессы эти, конечно, разновременные на разных территориях, но в целом циклы могут прочитываться. Буквально на днях, читая замечательное классическое исследование Пьера Паскаля периода Раскола, я нашёл у него следующие демографические факты на рубеже XVI-XVII веков: население обширных территорий Поморья к первой трети XVII века поредело на 3/4, «осталось не более четверти прежнего количества обитаемых дворов и обработанных земель», у самого крупного феодала на Руси, Троице-Сергиева монастыря, в 1592-1594 годах было 37% пахотной земли из всей земли, которой он владел (1960 кв. км в 60 разных областях), а всего через 20 лет, к 1614-1616 годам осталось только 1,8% сельхозземель на той же самой территории, т.е. практически ничего.⁶¹ Представьте, в двадцать раз меньше обрабатываемой земли. Это значит, людей нет, ушли люди!

К 1630-40 годам, уже в годы восстановления после смуты, спустя целое поколение, почти все западные территории Московских всё ещё нужно было заселять новыми крестьянами. Завозили крестьян из других областей. Например, в одном лишь Кашинском уезде было поселено 6 тысяч карел, тогда это почти всё население уезда.⁶² То есть, надо думать, практически вся нынешняя западная часть Московской губернии – это во многом потомки карел и вепсов. Или возьмём такие даты: 1549 год, что пишет Сигизмунд Герберштейн о временах с 1516 до 1527 годов (цитирую по памяти): «А московские крестьяне настолько богаты, что ходят в кафтанах, отороченных золотом, и нанимают крестьян из Западной Руси себе в работники».⁶³ А что мы видим после 1584 года? Обезлюдила вся Русь. Все сбежали, кто на запад в Литву, кто-то на север в Поморье, кто-то на юг в Сечь. Но что мы видим в конце правления Алексея Михайловича? Снова сытое, богатое население, обильно заселившее всю территорию. А что мы видим спустя всего два-три поколения, после 1725 года, после «строек века» Петра I, и после того, как он потратил значительную часть населения в войнах? Опять пустые территории, опять нет людей.

Вот частный пример уже XIX в., та картина, которую я в Чухломе в Костромской губернии нашёл. Казаринов, очень хороший исследова-

⁶¹ Паскаль П. Протопоп Аввакум и начало Раскола. М.: Знак, 2011. С. 52.

⁶² Кисловский С.В. Кашинский край // Забытые станицы истории / Сост. С.В. Кустов. Калязин, 2006. Кн. II. С. 122, 205-211.

⁶³ См.: Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ, 1988. См. также http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein_3.htm

тель, этнограф, краевед, научный сотрудник земского управления, пишет в 1926 году: «У нас в 1874 году 3/4 всех земель в Чухломском уезде заброшены и заросли лесом».⁶⁴ Они уже не пахутся и не сеются. Все люди ушли. Ушли куда – в Питер, отходничать. Но к 1924 г., то есть спустя всего два поколения, тот же уезд уже перенаселён. Но прошло ещё два-три поколения и цикл повторился. В советское время весь Чухломской уезд, несмотря на очень низкое качество земли, был засеян и распахан. Однако сейчас в Чухломском уезде не три четверти, а всего только половина земли не сеется не пашется. И опять люди ушли в отход, как 150 лет назад. То есть опять мы имеем ту же самую картину. Ясно, что мы увидим через самое короткое время, может быть, лет через двадцать – вновь территория будет наполнена населением «под завязку».

Поэтому я говорю моим соседям москвичам-рантье, которые переехали в деревню и сетуют на то, что деревня, мол, вымирает, страна обезлюдевает! «Ребята, – говорю, – радуйтесь пока! Вы живете в прекрасное время, когда вокруг мало людей, пока нас не много, но скоро придётся вам драться локтями за каждую пядь земли». А они горюют. Через 20 лет все изменится. Плотность населения будет не 2-3 чел/кв.км, как теперь в сельской местности почти всех окружающих Москву областей, а 20 и 40 человек на квадратный километр. Просто придёт новая жизнь и новые люди. Придёт, так же, как в Чухлому она пришла в начале прошлого века. Вот посмотрите на нынешний Кологривский район той же Костромской области. Сейчас здесь около 6 тысяч жителей, и все опять горюют: вымираем! Бросают земли, не хотят обрабатывать. «Все уезжают, и нам надо уехать». Но вот я читаю в архивах Кологривского музея: в Кологривском уезде в 1897 г. по переписи проживало 117 тысяч человек, а в 1922-1924 гг. уже 134 тысячи жителей.⁶⁵ Правда, он больше по территории был. Всё равно это не 6 и не 20 тысяч жителей, которые теперь населяют его прежнюю территорию. Это в 6-7 раз больше. За такой короткий срок столько людей не народить. Населили заново. И вот эти приливно-отливные волны – это наша российская особенность. Вызваны они политическими и экономическими причинами по преимуществу. Вероятно, такие приливы и отливы населения происходили и в XIV и в XV веках. Данные трудно найти. Конечно, частью они были вызваны и эпидемиями и неурожаями и каки-

⁶⁴ Казаринов Л. Отхожие промыслы Чухломского уезда. Чухлома, 1926.

⁶⁵ Владимирский Н.Н. Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела, 1927. С. 13 и далее.

ми-то климатическими изменениями, как это ярко проявилось в Скандинавии в VIII-IX вв..

Таким образом, мы видим два параллельных демографических процесса: центробежный процесс разбегания населения, время от времени то усиливающийся, то ослабевающий, и волны приливов и отливов населения на локальных территориях. Как они накладываются друг на друга? Мы не знаем. Мы только фиксируем, что так было, и так, может быть, и теперь проходит. Представьте, что это интерференция: бегущие от центра волны как от брошенного камня, накладываются на волны меньшего масштаба, подобно тем, какие создаёт тонущее и всплывающее бревно топляка на воде. Люди разбегаются по окраинам, заселяют эти окраины, их плотность нарастает. Приходит туда государство, ставит острог и город и снова часть населения уходит. Но и на уже освоенных, прибранных к рукам государством территориях население продолжает приливать и отливать. Это интереснейший процесс, который, вероятно, в таком комплексе никто никогда и не исследовал.

Почему я это в виде первого тезиса обсуждаю? Это имеет непосредственное отношение к нашему складывающемуся новому образу жизни. Потому что тот период, советский, который мы знаем, который зафиксирован в наших бытовых стереотипах, представлениях, в нашем менталитете – это представление о плотном, индустриальном, организованном, привязанном к производству, к заводу, к совхозу, к фабрике – экономически детерминированном образе жизни, такой стереотип уже есть анахронизм. В новой динамике жизни мы уходим от того, к чему привыкли. Нам придётся смириться с тем, что всё изменится. Этот первый тезис является подоплёкой того феномена нового образа жизни, который мы в скором времени будем наблюдать.

Встречные потоки возвратных сезонных миграций населения

Второй фактор, определяющий особый характер нашего национального образа и способа жизни, в том числе определяющий его будущие формы – это наличие двух разнонаправленных сезонных потоков населения, свидетелями которых мы являемся все последние годы. Эти два процесса массовой возвратной циркулярной миграции населения на самом деле не являются уникальными для последних 20-25 лет. Предпосылки их, и даже развитие этих процессов мы наблюдали и в более ранние времена, но они определялись разными факторами, детерминировались разными причинами. В то же время, наличие таких массовых сезонных перетоков населения между городом и селом выступают, на мой

взгляд, уникальной особенностью России, ни в какой другой стране мы ничего подобного не найдём (прежде всего по масштабам этих процессов).

Первый процесс обозначу как внутренняя возвратная трудовая миграция сельского населения в крупные города и промышленные центры. Мы наблюдаем такое самостоятельное движение в город два последних десятилетия, начиная с середины 1990-х годов. Это отходничество. Я с моими молодыми коллегами изучаем это явление с конца 2000-х годов, опубликовали немало статей и две монографии.⁶⁶ Однако отходничество в России существует века. Как минимум 400 лет. Особенно массовым отходничество стало с середины XIX века, после 1860-х годов.⁶⁷ Приобрело настолько массовый характер, что к 1930 годам отходников из сёл жило в крупных городах 13-15 млн. Это приводило к странным, на первый взгляд, демографическим процессам. Почему Москва в 1920-х годах меняла численность с четырёх миллионов человек до двух миллионов в течение очень короткого времени, как бы внезапно, а затем столь же быстро численность нарастала? Потому что половина населения в Москве были крестьяне из губерний Европейской России, отхожие люди.⁶⁸

В советское время отходничество как массовое явление (тогда их переименовали в «сезонников») исчезло только с начала 30-х годов. Поскольку в 1931 г. было осуществлено введение паспортной системы, временно, всего в четырёх республиканских столицах,⁶⁹ с целью ограничить наплыв не зарегистрированных «сезонников». И одновременно осу-

⁶⁶ См., напр.: Плюсин Ю.М. Отходничество в современной России // Отечественные записки, 2012. № 5(50). Социальная мобильность. С. 240-256; Плюсин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. Отходники. М.: Новый хронограф, 2013; Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants. – Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2015. (Serie «Soviet and Post-Soviet Politic and Society, SPPS», No 141).

⁶⁷ Буркин С.А. Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории, М., 1978. № 9. С. 201-209.

⁶⁸ См.: Минц Л.Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М.: Вопросы труда, 1926.

⁶⁹ См.: Байбурун А.К. К предыстории советского паспорта (1917 – 1932) // Неприкосновенный запас, М. 2009 № 2(64).

ществлена была организация «сезонников» через биржи труда.⁷⁰ Начавшаяся в эти же годы индустриализация и коллективизация перевела сезонников либо в колхозников, закрепила их в деревнях, где они остались зафиксированными до середины 1960-х годов, либо перевела в рабочих и прикрепила к заводам в крупных городах. Ну и ещё переместила на новые осваиваемые территории, например, в Комсомольск-на-Амуре, на целину, или какие-то новые «стройки века»: Донбасс, да тот же самый Новосибирск, туда двигались многие сотни тысяч людей. Поэтому отходники после 1931 года исчезли. Мы в советское время про них забыли, мы знали только какую-то маленькую часть этих людей в виде шабашников, разных мелких артельщиков, калымщиков старателей и т.д. А вот с 1990-х годов «процесс пошёл». И через 20 лет достиг уже своей кульминации, отходники стали повсеместны.

Например, в Москве сейчас, по словам С.С. Собянина, шесть с половиной миллионов трудоспособного населения из 12 миллионов всех жителей. Но московский мэр не сказал, или может даже не знает, что ещё в Москве существуют 5-6 миллионов невидимых, неучтённых работников⁷¹, которые подметают улицы, которые охраняют супермаркеты, торгуют на рынках, в магазинах, нянчат и учат детей гувернантками, обеспечивают нашу жизнь здесь уборщиками, грузчиками, водителями, бомбилами и проч. На заводах, на фабриках – они везде. Большинство из них официальной статистикой не учтённые (по нашим оценкам, более 2/3)⁷².

В последнее время мы переживаем ситуацию, когда в стране есть 15-20 млн отходников. Это наши оценки на основе эмпирических полевых исследований, они опубликованы в недавней монографии, опубли-

⁷⁰ См.: Андрушин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012. С. 205-232; Декрет СНК РСФСР от 31 января 1918 года «О биржах труда»; Постановление СНК СССР от 16.03.1930 «Об устранении препятствий к свободному отходу крестьян на отхожие промысла и сезонные работы» (<http://ihistorian.livejournal.com/71451.html>); Постановление СНК СССР от 17.03.1933 «О порядке отходничества из колхозов» (<http://russia.bestpravo.ru/ussr/data04/tex16551.htm>); Постановление СНК СССР от 19.09.1934 «О прописке паспортов колхозников-отходников, поступающих на работу в предприятия без договоров с хозорганами» (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=16638>); Постановление ЦИК и СНК СССР от 30.06.1931 «Об отходничестве».

⁷¹ Естественно ожидать, что с этой оценкой численности многие радикально не согласятся, и уже оспаривают её (см.: Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова, А.А. Медведев, А.С. Неретин, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш – М.:Новый хронограф, 2016. С. 76-82.).

⁷² Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России, 2015. – Т. 24. - №1. – С. 35-71.

кованной на английском языке «Wandered workers», где мы показали, что динамика численности отходников в современной России вернулась к значениям дореволюционного и раннего советского времени.⁷³ Сейчас у нас гигантская армия отходников в крупных городах и в центрах промышленного развития. И эта армия отходников будет ещё множиться! Она состоит из нескольких категорий работников, как самозанятых, самодельных, так и наёмных. Самых важных категорий примерно три-четыре.

Одна из самых важных, с точки зрения политической, категорий – это дальнбойщики, 3-5 млн прекрасно организованных работников по всей стране, хорошо связанных между собой, с налаженными кооперативными связями. Организованное сообщество. Это же настоящая «трудоармия», это впечатляет!

Вторая категория, в некотором смысле противоположная первой – охранники, это 2-3 миллиона мужчин, довольно активных, в довольно молодом возрасте, но толку от них как от работников нет. «Захребетники». В то же время, это обученные охранники, имеющие и разнообразное профессиональное образование.

Третья категория, в другом смысле важная, это самодельные предприниматели, в силу разных причин, прежде всего вследствие чрезмерного регулирующего воздействия государства, переставшие быть местными мелкими предпринимателями, ушедшие в тень и занявшиеся самодельной активностью в крупных городах.⁷⁴ Они строят срубы, строят дороги, они на стройках заводов и жилья, работают на заводах. Это профессионалы с хорошим, хотя в основном и средним специальным образованием, люди все умелые и активные.⁷⁵ Кроме этой важной особенности (самозанятость, скрытое предпринимательство) для данной категории отходников весьма характерна ориентация на благосостояние семьи, на социальную стабильность. Это потенциал для государства, о котором оно само не ведает. И таких людей не менее 3 миллионов мужчин.

⁷³ Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. Wandering Workers... P. 48-51.

⁷⁴ См. специально об этом: Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J. Local government and small business: mismatch of expectation. – Basic research Program. Working papers. Series: Public Administration. – WP BRS 04/PA/2013. – М.: HSE, 2013. – 24 p.

⁷⁵ См.: Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н., Плюснин Ю.М. Несоответствие работы полученному образованию: случай современных российских отходников // Социология образования, 2015, № 12. – С. 36-52.

К ним же примыкают и множество профессионалов среднего уровня, отходников в сфере услуг, среди которых уже немало женщин. Медсестры, учителя, культработники у себя дома, они на выезде в крупных городах работают гувернантками и нянечками, медсёстрами и уборщицами, продавщицами на рынках и в сетевых магазинах. Они важны не в том плане, что закрывают не востребованные горожанами рабочие вакансии, а в том, что создают новую культурную среду для будущих горожан. Они же, женщины из сёл, выращивают и воспитывают детей этих «новых русских» или состоятельных русских. Они внедряют подспудно, исподволь новые социокультурные стандарты, совсем не те, что внедряли в начале XX века отходники, возвращавшиеся в село. Они в то время что приносили в село? Шаль жене, сапожки дочери, сыновьям пиджак. Но главное, что они принесли, это питье водки, это курение табака, это мат, то есть развал самобытной солидарной культуры сельского мира.⁷⁶ Плюс, они принесли в село потенциал революционных изменений.⁷⁷ Они же люмпены в городах были, они и занесли оттуда в село идеологию большевиков.

Кто был носителем всех этих преобразований в селе? Отходники. В каждом селе на всей территории Европейской России, исключая Сибирь, были отходники. Замечу кстати, что об этом же ведь писал и Ленин, но про это забыли и не читают.⁷⁸ И местные кадеты когда-то тогда ещё, в 1905-1910-м годах, писали: «Ребята, обратите внимание! Это - почва и потенциал вот этих самых революционеров-большевиков. Они будут делать революцию».⁷⁹ И они её сделали. Правда, сейчас нынешние отходники, они другие. В нынешние времена — это, скорее, потенциал социальной стабильности. Но не буду на этой теме останавливаться, потому что она огромна.

⁷⁶ См.: Владимирский Н.Н. Указ. соч.; Казаринов Л. Указ. соч.; Смурова, О. В. Между городом и деревней: (образ жизни крестьянина-отходника во второй пол. XIX-нач. XX вв.): монография Изд-во КГТУ, 2008; Смурова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861-1914 гг: по материалам Санкт-Петербурга и Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний: монография. Кострома: Изд-во КГТУ, 2003.

⁷⁷ Весин Л. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело, 1886. - № 7. и 1887. № 2. С. 102-124.

⁷⁸ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В.И. Ленин Полн. собр. соч. Изд. пятое. М.: Изд-во политической литературы, 1971. Т. 3. С. 1-610. Глава V. Первые стадии капитализма в промышленности. С. 328 – 383. Отхожие неземледельческие промыслы С. 569-581.

⁷⁹ См.: Суханов Н. Н. К характеристике российского пролетариата // Современник, 1913. № 4. С. 320–328.

Перейду к противоположному, к обратному процессу, который мы наблюдаем уже не четверть века, а три четверти: это процесс сезонного (а теперь и постоянного) утекания жителей из городов в деревню. У нас всегда были дачи. «Дача» - слово интернациональное, как «спутник», поскольку это и форма княжеского полюдья IX-XII веков, и форма крепости служилого сословия, дворян-помещиков, и потому уже с XVII века известна как массовое явление. В XIX, да и в XVIII даже веке появились новые формы дачной жизни, летние дачи появились у мещан, но у обеспеченных людей. Университетский петербургский или томский профессор выселялся на лето из своей семикомнатной квартиры, туда заселялись студенты на это время, арендовали её, а сам он ехал на дачу, которую снимал в деревне, нередко ежегодно, десятилетиями. (Вспомните «Тёмные аллеи» И. Бунина.) Вот опять пример. Нижний Новгород, в 1880-1890-х годах там жило 60 тысяч жителей всего лишь (это около 10 тысяч семей). А на дачу уезжало до 10 тысяч, не считая детей.⁸⁰ То есть, практически, получалось, до 1/3, если не более всех семей уезжало на дачи. Это очень много. И эти дачные районы, они нынче включены в состав города, в территорию города, но уже тогда они были обустроены не как деревни, а как дачные посёлки. Более того, это был значительный бизнес для жителей посёлков.

Если такая ситуация была в Нижнем, то что говорить о Петербурге и Москве? Но мы к этому необычному по мировым меркам феномену привыкли, поскольку об этом писали писатели. И если первоначально это был образ жизни дворян, то скоро его усвоили и мещане. У дворян он складывался вынужденно. Потому что как только дворян освободили от государственной службы и от воинской службы в 1731-1785 гг., что им оставалось делать? Они вынуждены были уехать в деревню. Поэтому на лето они в деревню, на зиму они в город, и вот так туда-сюда мотались. То есть наша идеология дачной жизни, жизни в деревне и в городе на два дома, она очень давно сложилась. Документировано – три-четыре века такой практики.

Но особенно массовый характер дачная жизнь стала приобретать в позднесоветские годы, когда у большинства не только городских семей, но и у семей в небольших городах и посёлках появились дачи. Это стало престижным, но, в отличие, например, от автомобиля или зарубежной поездки, доступным многим. А когда в начале 90-х годов случились пе-

⁸⁰ См.: Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1995. С. 584-588.

чально известные процессы, то ведь значительное число людей решило переселиться из городов, уехать в деревню. И у нас к тем 60-85 миллионам человек на постсоветском пространстве (в Большой России), которые оцениваются как люди, имеющие дачи,⁸¹ добавилась ещё немалая группа горожан, которые стали переезжать в деревни и в небольшие города на постоянное жительство.

А с 1990-х годов этот новый процесс усилило изменение дачного законодательства.⁸² После снятия запретов советского времени на приобретение домов и усадеб, многие горожане стали их приобретать в городках и в сёлах. И у нас теперь, возможно, не менее половины всех горожан из крупных городов имеют дома в собственности в городах и сёлах.⁸³ Мы знаем, что в радиусе 300 километров вокруг Москвы, вокруг Питера, всё более-менее пригодное для проживания жильё скуплено горожанами. Это же мы наблюдаем и в Новосибирске, и в Екатеринбурге и во Владивостоке. Радиус поменьше – 100-200 км, но везде одна и та же картина. Везде горожане осваивают сельскую местность.⁸⁴

Таким образом, буквально на наших глазах протекают два разнонаправленных, сезонно приуроченных многомиллионных миграционных процесса. Массовый процесс выезда, временного или постоянного, горожан в село, и обратный процесс временного выезда селян-отходников в город. И если с нашей точки зрения Россия уникальна мас-

⁸¹ Эта оценка, которая только для России в нынешних границах даёт от 50 до 72 млн. дачников, получена, как представляется, следующим простым подсчётом: делением 1 млн га земли, находящихся в пользовании дачных садоводческих объединений (см., напр.: «...в России согласно официальным данным насчитывается более 80 тысяч садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан, в пользовании которых находится более 1 млн гектаров земли»: Бутовецкий А.И. Садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие товарищества как собственники недвижимости // Право. Журнал Высшей школы экономики, М, 2016. № 4. С. 91), на 6 соток и умножением на среднюю величину семьи (3 чел.), получаем около 50-60 млн. человек и добавляем миллион – другой тех горожан, кто имеет земли в собственности или вне товариществ. Или, при ином методе подсчёта, количество садоводческих объединений умножаем на 250-300 участков в каждом (хотя немало товариществ с числом участников и в 400-500 дач) и снова умножаем на число человек в семье; получаем оценку от 60 до 72 млн. чел. По другим оценкам, в России более 14 млн. дач. Ср. также: Нефёдова Т.Г. Горожане и дачи // Отечественные записки, М., 2012. № 3(48).

⁸² См.: Федеральный закон "О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан" от 15.04.1998 № 66-ФЗ.

⁸³ Полагаю, что численность их никому неизвестна, поскольку немало таких, кто дома не регистрируют, проживают в родительских домах, а также имеют не один, а два-три и больше домов в разных городках и деревнях.

⁸⁴ См. публикации самого последнего исследования дачной активности горожан, где аккумулированы результаты многих прежних исследований авторского коллектива: Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова, А.А. Медведев, А.С. Неретин, Т.Г. Нефёдова, А.И. Трейвиш М.: Новый хронограф, 2016. Часть 3. Из города за воздухом. С. 283 - 436.

совостью отходничества, то по мнению А.И. Трейвиша она ещё более уникальна массовостью дачников.⁸⁵ Два противоположно направленных и очень мощных миграционных потока, пульсирующие на Русской равнине и никогда не затухающие, в то же время невидимые ни обывателю, ни учёному, хотя каждый из них включён в этот поток.

И притом миграционные потоки очень схожи по интенциям их участников. У отходников в деревне или малом городе дом, жена, дети, школа, больница, хозяйство, корова, картошка. Тут он на зелёнке, на рыбалке и охоте, с друзьями время проводит, тут он живёт, тут он благоденствует. Ну и не менее важно, что тут у него деда с бабушками на кладбище. Тут у него радости и горести жизни, живёт он тут. А в городе у него только работа. Хотя едва ли не половину жизни он здесь проводит. Распределённый образ жизни у отходника – на два дома. Иногда и новые, вторые семьи заводят в городе. Но в город переехать не стремятся⁸⁶, там качество жизни не то⁸⁷.

Для горожан же, напротив, ситуация дополнительна, для них сезонная миграция составляет иной по содержанию процесс, но вот интенции те же самые. Как бы перевёрнутый, но тот же распределённый образ жизни. Правда, он захватывает, в отличие от отходников, всех членов семьи, и старших и детей. В городе у них и дом, и работа, и гараж и театр, а в деревне второй дом, и огород, и сад, и тут у них тоже радость жизни. Грибы собирают, рыбачат, дышат! Сюда они стремятся, как и отходники, для жизни – а в город возвращаются для работы-учёбы. Поэтому немалое число из них желает – опять же как бы в отличие от отходников, но, по сути, в согласии с ними – и потихонечку переселяется сюда. А переселяются они тем быстрее, чем быстрее изменяются, и они сами изменяют условия жизни в селе. Этот процесс и приводит к появлению нового образа жизни.

Создание нового способа жизни

Как видите, я говорю об активном *создании* нового способа жизни, в результате чего *появляется* новый образ жизни.

⁸⁵ См. там же, С. 283-286.

⁸⁶ Хотя большинство исследователей считают иначе, предполагая, что любой трудовой мигрант мечтает о переезде в город на постоянное жительство. Между тем наши многочисленные данные интервью с отходниками показывают, что такое стремление имеют лишь считанные единицы, большинство же менять место проживания не намерены.

⁸⁷ Нельзя не отметить, что имею в виду не устаревшие, а новые концепты качества жизни (см., к примеру: Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. Гл. 2. Качество жизни. С. 113-157).

Начну с примера. Одна моя московская знакомая с семьёй в деревне живёт постоянно уже лет пять, хозяйство ведёт, этим хозяйством питается. Но муж – компьютерщик, и работает он где-то за границей в удалённом доступе, но сидит в деревне. Есть целый ряд людей, которые переселяются в деревни совсем для другой, чем в городе, жизни. Их обозначают как «дауншифтеры», но они не дауншифтеры. Вот тот же самый муж моей знакомой, вообще никак не поменял свой статус, свою работу, да и она не снизила своего статуса, она работает так же и на той же должности, как она раньше работала в Москве. И я, в том числе, не поменял, хотя там же живу в старинном деревянном доме на усадьбе. То есть мы вовсе не дауншифтеры, мы - совсем другие. Правильное слово будет «паразиты», в исходном своём значении.

Вот этот процесс, взаимообразный круговорот из двух составляющих, разных по природе, разных по целям, разных по последствиям и есть, по-моему, новый способ жизни. В отличие от прежнего горожанина, который выезжал на дачу передохнуть, отдохнуть, здесь складывается распределённый образ жизни в полном смысле слова. Новый образ жизни на тех незаселённых, якобы – с нашей нынешней точки зрения – так сказать, «провальных» территориях. Да и мы, представители нового образа жизни, его «глашатаи», мы же приходим на эти территории, не очень-то перегруженные сознанием того, какую новую жизнь мы формируем собственным своим поведением.⁸⁸

Мы к чему привыкли? Мы привыкли к индустриальному способу жизни. Мы живём при заводе, при фабрике, при совхозе, при офисе... Ведь в индустриальные времена, особенно в советское время, это стало нормой жизни. В каждом районном центре должны быть градообразующее предприятие, и при нём должны быть поселены люди. В каждом городе должен быть в одном районе завод и при нём спальный район. В любом районе страны мы видим одну и ту же картину: люди по жизни привязаны к месту работы. Плюс к тому они были закрепощены, прикреплены к территории не только работой. Мы закрепощены до недавнего времени были и системой медицинского обслуживания, и системой дошкольного и общего образования. Ну, и прочнее всего была квартирная крепость. Ведь вот, между прочим, даже так называемый подход

⁸⁸ См. по этому поводу пионерные работы С.Г. Кордонского (Кристалл и кисель. М: Модест Колеров, Три квадрата, 2002; В реальности и на самом деле. В кн.: Кордонский С.Г. Ресурсное государство. М.: Регнум, 2007; Пространства власти и пространства жизни. В кн.: Кордонский С.Г. Россия: Поместная Федерация. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 11-36.).

ный налог, который мы платим, это же ведь квартирный налог 1924-го года, который уже потом стал называться подоходным налогом. Просто в советское время мы не стали платить за квартиры, за жилье. Но поскольку их надо было содержать, ввели квартирный налог и назвали его подоходным.⁸⁹ И вот теперь мы платим этот налог, но квартирная крепость, она, может быть, сейчас наиболее важная. Сейчас, может быть, менее существенна крепость работой. Менее существенна крепость различными формами социальной поддержки. Потому что у нас до сих пор нет арендного жилья, у нас нет социального жилья, у нас нет возможности быстрой продажи такого жилья, правильной и грамотной ипотеки у нас нет.

В результате мы в подавляющем большинстве накрепко привязаны жильём к каким-то точкам в пространстве. И более того, у нас сформировалась и укрепилась, затвердилась психология привязки к жилью. Особенно к жилью в столице, в Москве, или в областных городах. Люди покупают квартиры. В собственность. Думая, что это какой-то капитал. Да это не капитал, это даже хуже, чем рухлядь. Это то, что сгниёт быстрее рухляди. Но менталитет остался, менталитет привязки к крепости. Если жилье – то должно быть своё. У нас самая высокая доля собственников жилья по сравнению со всем миром.⁹⁰ У нас до революции в России 98% людей снимали жилье в городах. Они были не собственниками, а арендаторами. А сейчас наоборот. То есть приезжающие трудовые мигранты, студенты снимают жилье, а в основном все собственники.

Квартирная крепость – это очень важный фактор. Но в большей степени психологический, чем экономический. Потому что аналогичное жилье в селе, в малом городе гораздо качественней, гораздо удобнее, комфортнее по всем показателям, чем аналогичное жилье в Москве. Но при этом я могу работать в том же Сиэтле-Гонконге, как тот мой знакомый, и сидеть у себя в поместье. Имея интернет через оптоволоконную связь с качеством выше, чем в Москве, я, поработав в удалённом доступе, денег заработав, пообщавшись с сотней коллег, клиентов, посетителей, тут же могу посидеть в бане, с веником, а выйдя на веранду над родником, чайку из самовара испить с бубликом из печи. А переодевшись, в рубашке и при галстукe, уже через четверть часа сидеть перед телеviso-

⁸⁹ См.: Бессонова О.Э. К вопросу о квартирной плате в СССР (на примере Новосибирска) // Известия СО АН СССР. Серия: Экономика и прикладная социология. - 1985. - № 1, вып. 1. - С. 55-62 ; она же: Жилье: рынок и раздача. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1993. 159 с.

⁹⁰ Бессонова О.Э. Жилищный раздаток и модернизация России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. 144 с.

ром и читать лекцию студентам. Следовательно, я получаю удовольствие, прочитав лекцию, не выходя из бани, из своего кабинета, и при этом деньги-то я получаю по карточке там же. Вне привязки к работе. Это ведь то самое качество жизни, о котором мечтают, как о почти неосуществимом, уважаемые профессора Стиглиц, Сен и Фитусси, а также ещё 31 член их знаменитой «Комиссии Саркози»⁹¹

И нас, таких людей, живущих распределённым образом жизни, «новым кочевничеством», становится всё больше и больше. Конечно, это ещё не критический уровень, но мы уже имеем значение. К нам начинают прислушиваться и присматриваться к тому, как это по-новому мы живём. Прислушиваться да присматриваться даже не только потому, что мы строим дома иначе, чем окружающие, что мы уже не используем так называемые «современные технологии», а потому, что мы обладаем опытным знанием, как надо правильно устраивать наши дома и наши усадьбы-поместья.⁹² Мы начинаем иначе вести семейную жизнь и оказываемся образцом для подражания местным. Потому что у нас другие стандарты и цели репродуктивного поведения, ориентированное на большое количество детей и на их эффективную социализацию и аккультурацию. Образцы и стандарты социализации другие, чем у соседей. Но эти соседи начинают усваивать наш образ жизни, перенимать наши стандарты.

Благодаря именно этим новым людям – нам – в провинции уже начали подспудно внедряться и усваиваться новые репродуктивные стандарты. Прежде всего многодетность, именно формирование в сознании людей позитивного отношения к многодетности, исчезновение страха иметь много детей («плодить нищету» - мантра позднесоветского времени). В последние годы в некоторых малых городах доля третьих рождённых детей возросла с обычных раньше 7-8% до 50%! (это мои собственные эпизодические наблюдения). На это пока внимания не обратили, просто статистика в общем пуле, который определяет большой город, это зафиксировать не может. Конечно, далеко не всё в новых стандартах репродуктивного поведения приемлемо или хорошо для местного общества. Например, отказ от «крестьянского» типа брака (обязательно одновозрастные супруги), гражданский брак, наконец,

⁹¹ Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Указ. соч. ... См. также: Койл Д. ВВП: Краткая история, рассказанная с пиететом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 176с.

⁹² Идеология дома-поместья изложена в монографии: Кривов А.С., Крупнов Ю.В. Дом в России. Национальная идея. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 118-126, 148-160.

многожёнство (но и эти формы проникли уже в провинцию и даже не осуждаются⁹³).

Мы приносим туда новые модели жизнеобеспечения, которые начинают усваивать местные жители. Вот, например, в селе Угоры, недалеко, всего 500 километров от Москвы, местные жители, благодаря тому, что в этом сельском поселении на пятьсот местных приходится сотня профессоров из Москвы, некоторые, молодёжь, научились зарабатывать деньги через интернет. Их научили, они освоили. И теперь молодые девочки, школьницы зарабатывают рукоделием своим и продажей изделий через интернет больше, чем оба родителя вместе. Это новый способ жизнеобеспечения, который до недавнего времени совершенно незнаком для тех мест. Но есть и способы жизнеобеспечения, которые уже мы, новые насельники, усваиваем у местных жителей. Например, лесные промыслы. Чем живёт наше общество российское? У нас, я уже писал об этом⁹⁴, имеется уникальный ресурс, которого нет нигде в мире. Этот ресурс – ресурс леса. Это древесина, четыре пятых которой идёт вне официальных учётов. Но это и дикоросы, мхи, смолы, кора – самые разные продукты леса. Немалая часть населения живёт за счёт этих ресурсов и обеспечивает себя гораздо эффективнее, чем обеспечивает государство бюджетников, которые получают жалование. А мы новые жители, приносим этим людям новые способы преобразования этих ресурсов, повышаем, так сказать, отдачу. Вот он вынес грибы и ягоды, вышел на дорогу и продаёт их. Это выгодно – иные семьи, кооперируясь, зарабатывают по несколько миллионов рублей за 2-3-месячный ягодно-грибной сезон. А мы научили перерабатывать эти грибы и ягоды, и продавать куда-нибудь в Европу⁹⁵.

Есть и новые, точнее забытые, способы использования ресурсов той же древесины. Например, мы все интенсивнее переучиваем местных

⁹³ Мы фиксировали примеры фактического многожёнства уже в областях Русского Севера, у русского населения, см.: Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. *Wandering Workers...* P. 174-185.

⁹⁴ Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России, 2015. № 1. С. 49-50.

⁹⁵ Во Владимирской области один мой знакомый бизнесмен ещё в конце 1990-х начал выращивать червяков в навозе, продавать за границу и так развился, что и сейчас очень эффективно этим занимается. Или другой пример, из Костромской области. По берегам реки Унжи есть несколько изолированных поселений, и в одно из них монахи монастыря из Белоруссии делают «выездные сессии» на лето, построили скит и заготавливают грибы сами и закупают у населения. Заготовив эти грибы, и проведя первичную переработку, они их увозят, окончательно перерабатывают в Белоруссии и продают, бизнес процветает. Да и в тех же самых московских монастырях откуда грибы-ягоды-мёд? Заготовлены и привезены из лесов.

жителей, которые начинают заниматься изготовлением различных поделок из дерева, игрушек, стали производить деревянную мебель. Оказалось, что это очень востребовано, что это нынче модно – чистая деревянная натуральная мебель, натуральные окна, натуральным деревом обшитые стены. Это распространяется с приходом городских жителей в деревни, в сёла. И сами деревенские жители начинают воспринимать эти стандарты. Они воспринимают эти стандарты, про которые они забыли когда-то. Но они усваивают и новые экономические практики, и новые правовые отношения, потому что мы учим их, как надо правильно взаимодействовать с властью, как надо выстраивать отношения с носителями власти, с теми же прокурорами, судебными приставами, с земельными комитетами. Этому же надо учиться.

И вот именно то, что мы приходим туда, мы становимся ядрами консолидации, кристаллизации новой социальности. Мы и формируем новый образ жизни. Не в городе, откуда мы как бы только наполовину ушли. Объединив способы жизни там и тут, на новом месте, мы и создаём совсем другую жизнь, внедряясь в местную, которая незаметно изменяется для самого местного общества. Мы же ведь её не разрушаем, мы внедряемся в неё, мы начинаем вживаться. Здесь аналогия с «паразитами» совсем уже полная. Наверное, лучше воспримется другая метафора: в некотором смысле мы песчинка грязи, которая попала внутрь раковины моллюска жемчужницы-перловицы. И перловица – местное общество – нас, песчинку, обволакивает, в результате жемчужина появляется, эта жемчужина – это нечто новое в образе жизни местных сообществ. Мы такие вот ядра консолидации. Мы, принося с собой грязь большого города, создаём новое с помощью и усилиями местного общества.

Это новое оказывается гораздо более привлекательным, чем принесённое городское. Потому что в городе нет «зелёнки», в городе нет друзей, приятелей, с которыми ходишь на рыбалку зимой и летом. В городе не поохотишься, ты не посидишь с друзьями в бане так, как надо. Там можно иначе работать, не ишачить и не батрачить, а работать на себя и с удовольствием. Правильнее сказать, не работать, а трудиться. И вот такой новый образ жизни мы создаём.

Сейчас этот образ жизни крохотный и незаметный, песчинка. Сейчас из города, с сознанием индустриального человека, который считает, что здесь всё качество жизни в полном объёме, здесь культура, здесь центр работы и всего прочего, здесь развлечения, то конечно это воспринимается как в лучшем случае маргинальность. А вообще большин-

ство считает это некой аномалией, блажью. Тем не менее, я считаю, что процесс запущен и далеко уведёт нас. Новая жизнь может прийти внезапно, как когда-то в 1920-х годах внезапно пришла новая жизнь в российское село. В 1922-м году села пустели ещё, а в 1924-м уже все вернулись туда. Потому что большевики дали землю. Кто первый взял землю? Отходники из городов! Они ухватились за этот декрет, и они с ним прибежали и взяли эту землю, отобрали даже у соседей. Правда очень скоро они поняли, что этой землёй распоряжаться трудно, там им и помогли ещё после 1929 года. Но главное, что это были недолгие годы удивительного благоденствия. Потому что государства нет, власти нет, законов нет, как и налогов, а ты сам себе хозяин, и ты живёшь по своим законам. Это были лучшие времена для селян. По крайней мере на севере России. Так ведь и сейчас горожане-дачники вдали от агломераций, у себя, в деревне, переживают нечто похожее.

Ближние и дальние последствия нового образа жизни

Наконец последний тезис, чистая спекуляция. Какие могут быть экономические последствия? Это новая экономика на местах, это не та экономика, про которую говорят губернаторы и все аналитики, сидящие в регионах, пишут об одном и том же: «Восстановить индустриальную экономику по образцу ... европейскому/советскому...». Это невозможно, во-первых. Во-вторых, это не нужно. Потому что эта экономика уже ушла. Это все равно, что предлагать восстановить трёхпольную систему земледелия сейчас. Это появление новых моделей жизнеобеспечения, которые будут замещать аналогичные, привычные нам в городах.

Мы привыкли думать, что это городские модели жизнеобеспечения. Услуги, они могут быть и в селе развиты в полном объёме. Это может быть новая форма производства, в том числе сельскохозяйственного производства. Не на индустриальных принципах, заложенных ещё в 1930-х годах – больше техники, больше результат, или в 1960-х – «химизация народного хозяйства – панацея».

Я когда-то лет десять назад сделал небольшой анализ, который отчего-то вызвал резко негативную реакцию у некоторых коллег. В середине 2000-х годов в средней полосе Нечерноземья нагрузка на пашню составляла 3 трактора на 100 га, т.е. 0,03 тр/га. В Европе в это же время, по данным ежегодника «G8 в цифрах. 2008. М., 2009», в среднем приходилось 30 тракторов на 100 га (разброс от 28 до 50), т.е. 0,3 тр/га. Представляете, какая нагрузка на почву? В 10 раз меньше у нас. А что это значит? Структура почвы в нашем случае сохраняется, не разрушается.

Плюс к этому нет удобрений химических, перестали их вносить и более 20 лет не травили землю. Значит, чистая земля. При этом средняя продуктивность у нас в Нечернозёмной зоне всего-то 7- 7,5 центнеров с гектара. Неважно, что – овёс ли, рожь, пшеница. А в той же Европе урожайность 26-40 центнеров с гектара, если брать разные территории.

Давайте теперь подсчитаем эффективность использования тракторов в пересчёте на центнеры зерна. Европейские 30 тракторов собирают сколько зерна, и сколько наши 3 т трактора собирают? Оказывается, если всё пересчитать на один трактор, наш трактор за сезон зерна собирает в 5-6 раз больше, чем европейский трактор. Другими словами, интенсивность использования трактора у нас в 5-6 раз выше, нежели в Европе. А нагрузка на почву, соответственно, в 10 раз ниже. Видимо в этом есть какие-то особые достижения, особые новые формы производства, которые представляют, наверное, ценность, которыми, может быть, надо гордиться, а не сетовать, что тракторов да химикатов мало, урожая плохи. Хотя бы в том, что это несомненно более чистая еда и существенно меньше загрязнённые сельхозземли, а значит и вода, и воздух. Имеет ли ценность, с точки зрения качества жизни, проживание на таких территориях, которые давно уже – четверть века – не загрязнены, давно очищены благодаря прекращению интенсивной хозяйственной деятельности? Безусловно.

Теперь добавьте к этому выращивание и воспитание детей в гораздо более комфортных социокультурных условиях, чем в крупном городе. Это уже социокультурные последствия. В местном обществе все знакомы между собой, все поддерживают друг друга. Вы не боитесь отправить детей через весь город, даже вечером, учителя всегда содружественны, да и школьники в классе тоже содружественны. Это очень важный момент, особенно для раннего воспитания детей. Но тут есть ещё один фактор: тебя здесь всегда поддержат, не дадут упасть, не забудут, если что, то придут и проверят. Ты всегда будешь иметь локоть поддержки. В любых условиях.

А получишь ли ты поддержку на лестничной площадке в московской многоэтажке? Неизвестно. Может быть и нет. А чаще всего нет. А в малом городе, в деревне ты знаешь, что даже знакомый тебе через десятые руки человек тебя поддержит и при случае поможет. Не все, конечно, но большинство. Я в этом много раз уже убедился. Люди знают всех приезжих как своих, знают и в соседних городках. Здесь нет чужих, все

свои⁹⁶. Неважно, что это узбеки, которые тут живут и уже поженились, они уже тоже свои. Важно, что все находятся во взаимосвязи, взаимозависимости и взаимной поддержке. И вот эти, так называемые «архаические элементы» социальных отношений, которые сохраняются и поддерживаются, может быть, наиболее ценны для будущего нового образа жизни.

И есть ещё один важный признак социальной стабильности и самоорганизации в местном обществе вдали и вне больших городов, о чём не знают вовсе жители городов. Это самодеятельная творческая активность людей, которая создаёт элементы качества жизни, давно неведомые горожанам. Везде жители малых городов, сёл, посёлков, коренные жители, гордятся тем, что они сами производят. Имеется в виду не пиломатериалы, не грибы, не бумаги и статотчёты, а что они производят в культурной сфере. Какие песни они поют, какие стихи складывают, как пляшут, как эти песни играют. И они везде повсеместно, что в Башкирии, что в Приморье, что в Костроме, что в Мурманске, каждый год ждут тех местных праздников, когда они смогут свои произведения искусства или продукцию своих промыслов выставить на всеобщее местное обозрение. Танцы и песни, состязания и музейные коллекции. Пиво самим сваренное, ложки вырезанные, свою вышивку представить, свои лубяные короба и сани показать, мебель. И вот это для них важно, этим они гордятся. А гордятся они потому, что эти ими созданный мир, дополнительный миру материальных нужд и товарного производства.

Реальная общественная активность на местах, в сельской местности, в наших малых городах очень велика. У нас на один малый город, численностью в среднем 15 тысяч жителей, от 3 тысяч до 40-50 тысяч, приходится 6 общественных организаций, придуманных и созданных самими жителями для себя.⁹⁷ Отнюдь не официальные всероссийские НКО. Свои, самодеятельные в буквальном смысле. Певуны, танцоры, литераторы, стихоплёты, ремесленники, краснодерёвщики и кузнецы, все прочие. Это значит, что примерно в каждом городе тысяча – две тысячи жителей, а следовательно, практически, тысяча семей, вовлечены в такие культурно-общественные процессы самодеятельности, самоактивности. Эта общественная активность на самом деле важна для лю-

⁹⁶ См. об этом специально мою статью: Плюснин Ю.М. Свои и чужие в русском провинциальном городе // Мир России, 2013. Т. XXII. No 3. С. 60-93.

⁹⁷ См.: Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. Муниципальная Россия. Образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009. С. 104-111.

дей. Они об этом постоянно знают и думают. А на эту общественную активность не обращают внимания ни наша интеллигенция, ни скомо-рохи, ни наши учёные, ни тем более наше государство.

Чем занято наше государство? Оно ищет, где там у общества гражданская активность, где у нас гражданское общество. Да его нет. Люди, которые связаны с какими-то гражданскими организациями различными, их всего в провинции единицы взрослого населения, да и те в совете ветеранов, в совете матерей-фронтовиков или военнослужащих. То есть в тех официальных общественных организациях, которые в действительности заняты борьбой за ресурсы, распределяемые государством с тем, чтобы демонстрировать некоторую видимость активности. А те, кто сами создают настоящие общественные организации, они не борются ни за какие ресурсы. Они сами приносят эти ресурсы, они их производят. Вот этот момент мне кажется очень важным для понимания предпосылок будущей новой жизни.

Политические последствия. Чем, с моей точки зрения, интересны политические последствия? Я мельком указал, что Ленин специально обращал на этот момент внимание. Отходники – это потенциал наших народных масс, наша «трудармия». Сейчас мы можем говорить, что отходники в городах – потенциал стабильности для государства, это важнейший компонент общества, на который как раз государство и должно опираться как на людей, которые являются основой обеспечения стабильности. Государству не надо опираться на пенсионеров и на бюджетников, то есть на «рентное» население. Им не надо ублажать молодёжь. Это всё пустое из области устаревшего индустриального стиля мышления, когда казалось, что надо, как говорил Отто фон Бисмарк, «пододвинуть корыто, чтобы превратить человека в свинью». Ну тех, что превратили, но они и требуют всё больше и больше подачки, а отходники в большинстве своём – люди самозанятые. Они приносят домой средства, которых достаточно и для того, чтобы вырастить, воспитать детей, обучить их, и чтобы обустроить дом, хозяйство, и чтобы жену отправить в Турцию или в Египет. То есть самозанятые, самодеятельные люди ориентированы на стабильность и прочность жизни. Но это очень важно. Вот она трудармия, но трудармия не в том смысле, старом, революционном, советском, а как раз трудармия, которая обеспечит поддержку государства, если государство обратится к ней, как к важному

агенту. Другие важные политические последствия я подробнее рассмотрел в моей недавней статье.⁹⁸

Таким образом, благодаря уникальным популяционно-демографическим особенностям России, своеобразному поведению населения на нашем обширном пространстве, вековому, укоренённому квази-кочевому, «распределённому» образу жизни народа, мы, этот народ, легче снимемся с места, воспримем новый способ жизни и быстрее других перейдём к новому образу жизни, пока ещё далеко не ясному, вовсе не определённом, но уже предчувствуемому и провозглашаемому некоторыми, лишь немногими, исследователями.⁹⁹

Абрисы нового образа жизни всё чётче.

⁹⁸ Плюснин Ю.М. Вдали от государства: отходники и власть в современной России // Вопросы государственного и муниципального управления, 2016. № 1. С. 60-80.

⁹⁹ Кривов А.С., Крупнов Ю.В. Дом в России. Национальная идея. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. С. 118-126, 148-160; Ilin V. Between city and village: Models of dual lifestyles in Russia // The Future We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 3rd ISA Forum of Sociology. Vienna, 2016; Nefedova T., and J. Pallot. The multiplicity of second home development in the Russian Federation // Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses. Farnham, UK, Berlington, USA: Ashgate Publishing, 2013.

ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА: ПОИСК ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ¹⁰⁰

Г.Н. ДОНЧЕВСКИЙ

Стадиальные соображения

В современной науке процессы, которые объективно располагаются на поле постурбанистической проблематики, трактуются, как правило, в контексте взаимоотношения города и села и «схватываются», в конечном итоге, категориальной парой «урбанизация-дезурбанизация».

В стадиальном отношении данный подход базируется на ценностях индустриализма, в рамках которых город выступает местом массового производства (прежде всего прибыли) и местом массового же потребления (прежде всего товаров и услуг). Массовое производство (прибыли и товаров) выступает базовой ценностью индустриализма. По этой причине ему, массовому производству, переподчиняются старые и подчиняются новые формы связей и отношений. Городская стена, как материальное воплощение страха за жизнь человеческой личности, превращается в стену, ограждающую заводскую территорию – это материальное воплощение крупного частного интереса, - интереса, выражаемого массовым производством прибыли и товаров, как ее необходимых носителей. В плане визуальном некогда довлеющая над городом стена уступила место чадающей над ним заводской трубе.

К слову заметим, что с перевоплощением городской стены в стену заводскую, страх, как генетическая основа города, никуда не уходит. Напротив, рассыпаясь, осколки городской стены страха распространяются по всему городу, проникают во все его уголки, приобретая самые разнообразные формы: решеток на окнах; засовов на деревянных дверях; вначале кованых, а затем и бронированных дверей; уличных фонарей, полицейских нарядов, свистков дворников...газовых баллончиков, травматика, тревожных кнопок, видеокамер....

Но, так или иначе, расплывшись по всему городу, инкарнировав в самые разнообразные воплощения, став невидимым и всепроникающим, страх за жизнь человеческой личности, некогда бывший базовой ценностью средневекового города, уступил свое место новой базовой

¹⁰⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ» (№ 15-02-00444/15)

ценности – массовому производству (прибыли и товаров), которое – как ни крути – имеет своим фундаментом скопление крупных масс населения. Только сконцентрированное в отдельных точках население может обеспечивать одновременность и совместность как массового производства товаров, так и их массового же потребления. В этой одновременности и совместности заключается тот фокус, что производя и потребляя им же произведенные товары, население в то же самое время создает то, что не в состоянии потребить – прибыль, разлитую в этих товарах. Прибыль, которую потребляют собственники фабричного зазора.

Желание производить и потреблять прибыль заставляло собственников будить и распространять желание массового потреблять, а следовательно, желание и необходимость сниматься с веками насиженных мест и концентрироваться в немногих отдельных точках (поскольку – повторим – без концентрации населения в отдельных немногочисленных точках немыслимо производство и потребление крупных масс прибыли). Такая концентрация скачкообразно, качественно снижала размеры транзакционных издержек и оборачивалась премией собственников за их успех по распространению этих двух фундаментальных индустриалистских желаний. Этот механизм извлечения прибыли через концентрацию населения в отдельных точках действовал слаженно и безупречно (само собой разумеется, что действовал он до появления «глобальной деревни». Правда, с некоторых пор – в силу циклического характера индустриально-рыночного производства – он начал давать сбои: масс народа, сконцентрированного в городах оказывалось больше того, что может выдержать город, и тогда, наряду (а не вместо) потока людей, покидающих деревню во имя города (урбанизация), возникал поток тех, кто покидал город, устремляясь в деревню (дезурбанизация). Очень важно зафиксировать: люди, покидая город, прощались с ценностями индустриализма, возвращаясь к аграрному укладу труда и жизни. Теоретические обоснования обоих противоположных процессов и действующих внутри них механизмов восходят к трудам У.А.Льюиса (Lewis W. Arthur, 1915-1991) – этого родоначальника всей литературы о «двойственных экономиках», и М.Тодаро – автора теории «двухсекторного анализа».

Исход из городов: сущностное в феноменальном

Само собой разумеется, что очень большая (и, по всему, в перспективе нарастающая) масса людей, покидающих города и оседающих в

сельской местности, не может быть однородной по причинам, побудивших их к переселению.

Отметим сразу, что только одна, на сей день, весьма небольшая по своей численности, часть переселенцев, если рассматривать дело исключительно с точки зрения причин переселения, может быть отнесена к собственно постурбанистическим переселенцам. Однако для того, чтобы выйти на ее след, нам понадобится составить некоторую (вначале весьма приблизительную) классификационную шкалу причин переселения, движущих всю массу в целом. Тем более, что на этой шкале причин есть одна, которая характерна для всех групп, классов и типов переселенцев, давая возможность относиться ко всем ним как к некоему единому (до поры до времени) целому.

Короткое название этой причины: «город достал!». Это «достал» прорывается буквально из всех тех высказываний переселенцев, которые нам пришлось слышать и читать. За исключением, пожалуй, случаев (наблюдаемых, но не массовых), когда переселенец был вынужден переехать из города в деревню по причине, вернее, *из-за проблемы*, созданной самой деревней. Например, по необходимости ухода за престарелыми родителями, у которых нет возможности перевезти в город (здесь разворачивается свой ряд причин: в городе не достает места для проживания, родители наотрез отказываются переехать в город, переезд старикам противопоказан по медицинским показателям...). Но каков бы ни был масштаб действия, структурный состав и социокультурное значение этой последней причины, мы должны оставить ее за полем своего зрения на том простом основании, что, имея очаг своего возникновения (*проблему*) в самой деревне, эта причина не в состоянии генерировать процессы постурбанистического характера. В лучшем/худшем случае, она может только влиять на их направленность и интенсивность.

В феноменальном отношении «город достал» можно развернуть в ряд наиболее характерных заявлений: пробки (не хочется жизнь разменять на пробки), смог, преступность, стресс (навязанные жизненные ценности городским обществом, не соответствовать которым, трудно психологически), неуверенность в завтрашнем дне, усталость от бешен-

ного ритма жизни либо от «каменных джунглей», давка в транспорте, постоянные детские болезни, задавил коммунальный монополизм¹⁰¹...

Концепт №1: связность/вовлеченность

На наш взгляд, город, однажды явив такой новый тип внутренней *связности* людей, земли и капитала, который позволил сделать мощный рывок по пути роста производительности того, другого и третьего, затем (где-то в середине XX века) мало-помалу начал переходить эту меру связности, которая заложена в балансе качества внутренней связности с качеством *вовлеченности* (включенности) города в процессы внешней среды. Перестав быть базовым основанием такой вовлеченности (уступив место *не-* организационно-поселенческим, но информационно-технологическим решениям), город, оставаясь (продолжая восприниматься) главными типом связности, превратил эту связность из фактора обеспечения свободы (в нашем случае – свободы хозяйственно-экономической) в гнетущий и разрушающий фактор нарастающей зависимости и подавления. Сегодня давление городской, материально (инфраструктура и планировка), организационно (власть), экономически (собственность) связности подошла к такому рубежу, когда горожанин оказался перед выбором: либо превращаться в городскую скотину¹⁰², либо бежать из города и от города.

Но в той мере, в какой город не отпускает человека, запутав того в сетях своей связности, заставляет его страдать в этих ненавистных (хотя невидимых и не всегда осознаваемых) сетях, - в той же мере город сам становится объектом насилия со стороны своих горожан. Здесь мы считаем необходимым обратить внимание на такой совершенно неисследованный феномен, который мы считаем правильным назвать феноменом городского луддизма («урбанолуддизмом»). Не будучи схваченным в целом, а разъятый по отдельным компонентам, урбанолуд-

¹⁰¹ См.: Переехать из города в деревню. - Электр. ресурс: <http://gotoroad.ru/st/pereehat-iz-goroda-v-derevnu> (дата обращения 04.03.2016); Уехал из Москвы в деревню. Чего и Вам желаю - <http://sergeichik33.livejournal.com/1536.html> (дата обращения 04.03.2016); Полевой эксперимент. Зачем я уехал из мегаполиса в деревню - Электр. ресурс: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/polevojj-ehksperiment-zachem-ya-uekhal-iz-megapolisa-v-derevnyu> (дата обращения 04.03.2016)

¹⁰² «Через несколько месяцев работы в охране мужик превращается в скотоподобного идиота, не способного к созидательному труду». - Уехал из Москвы в деревню. Чего и Вам желаю. - Электр. ресурс: <http://sergeichik33.livejournal.com/1536.html> (дата обращения 04.03.2016)

«Исполнять обязанности белки в офисном колесе» - Полевой эксперимент. Зачем я уехал из мегаполиса в деревню. - Электр. ресурс: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/polevojj-ehksperiment-zachem-ya-uekhal-iz-megapolisa-v-derevnyu> (дата обращения 04.03.2016)

дизм известен на бытовом уровне буквально каждому горожанину. Наиболее распространенные его проявления:

- вандализм в подъездах, от которого не спасают даже кодовые замки;

- загаженные человеческими экскрементами подворотни, арки и проходные дворы;

- изрезанные (а если антивандальные – то исписанные) сиденья в общественном транспорте;

- блошинные рынки;

- риэлтерские пожары (сами заказчики этих пожаров давно перекочевали из города на зарубежные виллы и яхты);

- выкорчеванные под ларьки, кафе, рестораны и т.п. зеленые массивы – чахоточные легкие городов;

- изуродованные новоделами архитектурные лица городов...

Город терроризирует значительную часть людей, зажав (и всё больше сжимая) их в жестком кулаке своей связанности. Поэтому люди мстят городу, попирая и унижая его городское достоинство.

Вот очень точные (хотя – одновременно – и до боли хлесткие) выражения Н.Е. Покровского: «Посмотрите, как живут люди в Москве. Они живут очень короткими дистанциями временными. Мы думаем о том, как устроить ребенка в детский сад, молодежь думает о том, где заработать 200 долларов в месяц, что будет дальше не так много мыслей на этот счет. Вот когда реализуется краткая программа, ставится новая задача. Люди живут перебежками»¹⁰³. «Люди живут перебежками!» – как на войне. Во время беспорядочных и плотных обстрелов!!! Город садит по людям из всех своих орудий! Выжить у человека в городе – нет никаких перспектив (поэтому и бегают на короткие дистанции). Но человек не остается в долгу – он отвечает городу той же кровавой монетой.

Здесь исследуемые нами потоки переселенцев раздваиваются. Один поток – образуется *урбанолуддитами*. Другой – *постурбанистами*. Первые, ожесточенные городским насилием, делают всё против города, не по-городскому, назло городу и городскому; рвут и крошат связность города, воспринимая их как путы и оковы. Главное же, что они не выстраивают новые вовлеченности. Баланс с недостаточной вовлеченностью создается за счет ослабления и даже разрушения связности. В луч-

¹⁰³ Цит. по: Человек в современном городе. Интервью с проф. Н.Е. Покровским - Электр. ресурс: <http://www.echo.msk.ru/programs/beseda/17153/> (дата обращения 04.03.2016)

шем (и наиболее частом) случае, сферой их вовлеченности остается тот же самый город, который они только что прокляли и покинули.

Вторые, постурбанисты, действуют равным счетом, наоборот. Они (покидая город как место физического проживания или оставаясь в нем, - в этом смысле постурбанисты делятся на две большие группы: на городских и сельских постурбанистов) не рубят связность, а если и рубят, то не с плеча и не сгоряча. Их главная цель даже (и вовсе) не связность, - несмотря на то, что ее жесткость и косность также «достала» их, как и урбанолуддитов. В центре внимания постурбанистов - новые формы, уровни и типы *вовлеченности* во внешнюю среду, - то, чего город не может им дать, как таковой. Но исторической, образовательной, культурной, экономической и социальной предпосылкой чего он для постурбанистов является (причем, является несомненно).

Инструментально-методологический блок исследования должен содержать в себе аналитические инструменты для поиска, выявления, идентификации и различения представителей каждого из этих потоков внутренних мигрантов.

Итак, главной целевой установкой постурбанистов (осознанной или не вполне) является поиск и реализация новых форм, уровней и вовлеченности во внешнюю среду. Осознанность (либо простое ощущение) той внутренней связности, которое дает (вернее, дал, задал) им город, в качестве их собственного бэкграунда, позволяет им свободно парить над этой и любыми другими типичными (привычными, обыденными) формами и видами связности.

Значительный материал для наблюдений и выводов в связи с концептом связность/вовлеченность накопился в ходе деятельности (правильнее было бы сказать: мыследеятельности) по разработке онтологии седьмого технологического уклада, запущенной в начале 2011 г. С.Норкиным на пространстве сайта Проект E-xecutive¹⁰⁴. Кстати, за счет обработки материалов как проекта С. Норкина, так и подобных ему проектов (например, проекта Ю. Крупнова «Проектное государство»), можно будет сформировать первоначальные представления о том, что касается жизнедеятельности той части постурбанистов, которая оставила город, не покидая его.

¹⁰⁴ См.: Норкин С. Онтология седьмого технологического уклада. - Электр. ресурс: http://www.e-xecutive.ru/forum/forum10/topic12989/messages/?PAGEN_1=5. (дата обращения 22.04.2016)

Концепт №2: апшифтинг/дауншифтинг

В ходе предъявления и обсуждения предыдущего концепта мы уже указали на то, что сам факт переселения из города в сельскую местность, имея некоторые общие основания (возросшее до чрезмерности давление урбанистической *связности*), тем не менее образует разные – до противоположности – потоки. Второй концепт углубляет данное понимание через систематизацию тех различий, которые формируются в сфере *предметно-практической* деятельности мигрантов (повторим, что в общей массе мигрантов мы считаем необходимым различать тех, кто физически покинул пространство города и тех, кто физически остался в городе; при этом часть физически оставшихся *фактически* покинула город тем, что вышла из-под его связности, опустившись на дно, другая же часть физически оставшихся *на деле* покинула город, взвившись, вспарив над ним).

Наиболее важной чертой предметно-практической деятельности одного класса мигрантов (загородских и внутригородских) является то, что, покидая (физически или фактически) город, они для целей обеспечения жизни затребуют и применяют *доиндустриальные* виды деятельности. Это и понятно, поскольку выйти из-под ставшего невыносимым давления связности города можно только отказавшись от тех типов, видов и форм деятельности, на которых зиждется эта связность, которые по своей сути есть ни что иное, как воплощенная связность города. Этот класс мигрантов уже получил в литературе наименование *дауншифтеров*. Однако, в отличие от нас, явление дауншифтинга изучалось только в отношении тех, кто физически покинул территорию города. Наше исследование распространяет свое внимание (как и само название «дауншифтер», пользуясь широким его толкованием) и на ту часть этого класса мигрантов, на тот его подкласс, который остался в городе. Однако, поскольку весь этот класс мигрантов представляет для нас, так сказать, фоновую, а не целевую часть общего потока мигрантов, мы ориентируем нашу работу таким образом, чтобы выделить здесь лишь, во-первых, наиболее крупные и типичные ступени технологического скольжения вниз, а во-вторых, постараться уловить среднюю скорость такого скольжения.

Явление постурбанистической миграции (как сельской, так и внутригородской) строится на том, что, покидая город физически или на деле, люди, сам факт своего освобождения от давления урбанистической *связности* используют для того, чтобы *либо* существенно (до эко-

номически значимых пределов) расширить использование в своей жизнедеятельности тех современных технологий, с которыми они имели дело в городе, *либо* даже перейти на новый, более высокий технологический уровень. В противоположность первому классу мигрантов, дауншифтерам, мы назвали этот второй класс мигрантов *«апшифтерами»*.

Апшифтеры являются основным объектом нашего исследования. В литературе уже отражена достаточно резкая грань между апшифтингом и дауншифтингом. Так, включившиеся было в движение родовых поместий Д.Байда и В.Любимова вскоре разочаровались в этом своем решении. Первой из причин такого разочарования они называют: «У нас никогда не было цели стать земледельцами. Мы никогда не стремились большую часть своего времени проводить, работая на огороде и в саду».¹⁰⁵

И здесь мы ограничим свои задачи по изучению широты распространения апшифтинга, по его доле в общем потоке внутренней миграции, даже по выявлению соотношения между сельскими и городскими апшифтерами, в пользу наблюдения за технологическими основами апшифтинга, а также за теми новыми видами связности и вовлеченности, которые возникают на базе этих необремененных урбанизмом технологических основ¹⁰⁶. Из-под нашего внимания не уйдет и оценка той экономической роли, которую играют эти «освобожденные от оков урбанизма» технологии в жизни апшифтеров: доля доходов от них/расходов на них в семейном бюджете; рост производительности этих технологий в сравнении с городскими условиями; сравнительная с городом скорость усовершенствования технологий.

¹⁰⁵ Байда, Д.В., Любимова, Е.В. Спецоперация «Звенящие кедры России»: Кто и зачем загоняет нас в «гектарный рай» /Д.В. Байда, Е.В. Любимова. – СПб: Изд. дом «Митраков», 2012. – 544 с. С.168.

¹⁰⁶ Чтобы хоть как-то представить существо этой вовлекающе-связывающей деятельности апшифтеров (а именно на ней – по нашему представлению – будет базироваться седьмой технологический уклад), приведем суждение С.Норкина: «7-й (технологический уклад.- ГД) не рассматривает страну, государство или сообщества таких социотехнических устройств в качестве субъектов ОРУ (организации, руководства, управления.-ГД)7-го технологического уклада. С моей позиции СУБЪЕКТ ОРУ 7-го полагает отношения не к странам, сообществам или их объединениям. Этот субъект полагает отношения к собственной мощности, собственному развитию и совершенствованию, мутациям и конфигурированию с субъектами **иных** укладов или "таксонов" и "страт" онтологических хронотопов. И, как заметил ранее, сейчас мне важно, актуально и первостепенно выделить и зафиксировать ситуацию перехода в такой детальности, чтобы можно было с минимальными затратами ресурсов "гулять тудэма - судэма", осуществляя переход в 7-й и из него понимая куда возвращаюсь - в 6-й, 5-й, 4-й, 3-, 2-й, 1-й, 0-й. А затем, при необходимости производить "перевод" субъектов иных укладов в 7-й. И производить этот "перевод" технологично, оптимально, с инженерной и математической точность».- С.Норкин. Указ. соч.

Концепт №3: фабрично-трудовая модель/семейно-трудовая модель

Мы исходим из гипотезы о том, что главной движущей силой постурбанизма является достаточно осознанное стремление разрушить тот тип связи, который лежит в основе фабричной модели, - модели, на которой заквашена вся система связности современного города.¹⁰⁷

В частности, эпоха индустриализма, всё еще владеющая и нашим массовым (в том числе – научным) сознанием, и нашим массовым поведением в организационном отношении представляет собой строение, кирпичиками которого является фабрика. Фабричная модель экономической организации может описываться (и описывалась на деле) с разных точек зрения. Мы введем еще одно её описание: описание, которое в силу своей очевидности не нуждается ни в каких специальных доказательствах, а в силу своих последствий является наиболее существенным, строеобразующим.

Фабричный строй и лежащая в его основе фабрика есть такой способ организации, при котором труд человека принципиальным образом отделен от всех иных форм проявления человеческой жизни и, прежде всего, от семьи. Фабрика есть прямой антипод семьи. «...Разграничение работы и дома – это то, что мы приучили себя делать. Как и в поездках из дома на работу и с работы домой. До XX века¹⁰⁸ в таком разграничении не было необходимости», – пишет Дэниел Пинк¹⁰⁹. Нагляднее всего разделение проявляется в том, что семейный двор с его сложным внутридомовым и придомовым устройством замещается фабричным *баракком*, – местом, главным назначением которого является предотвращение любого труда (чтобы даже малые его крупинцы не были отняты у фабрики). Какие бы формы в своем развитии барак не принимал: форму

¹⁰⁷ Подробнее см.: Дончевский Г.Н. Об антикризисной природе семейно-трудового хозяйства (по материалам истории российского крестьянства //Общество и экономика, 2014, №4. С.178-188; Дончевский Г.Н. Трудовое семейное хозяйство на Юге России: воспроизводственная и стабилизирующая функции (исторический и теоретико-концептуальный анализ) – В кн.: Юг России: институты и стратегии модернизации экономики: монография /под ред. А.Г. Дружинина, Ю.С. Колесникова, В.Н. Овчинникова. – М.: Вузовская книга, 2014. С.382-406.

¹⁰⁸ Эта датировка сильно не вяжется с заявлением Д. Пинка о том, что «большинство американцев начало жить в одном месте и зарабатывать себе на жизнь в другом только после «промышленной революции». (Пинк Д. Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. – М.: Издательский дом «Секрет фирмы», 2005. С. 177). Далее он утверждает: «Индустриальная экономика разделила работу и семью» (Там же. с. 185).

¹⁰⁹ Там же. Книга Д. Пинка стала бестселлером в США, а знаменитый бизнес-журнал *Fast Company* включил идею о свободных агентах в число самых дерзких и многообещающих идей, опубликованных на страницах журнала за все 10 лет его существования.

одноэтажного казарменного помещения с многоярусными нарами вдоль стен и проходом по середине, форму коммунальной либо изолированной квартиры в многоэтажном доме, форму целого «спального (вслушаемся в это слово!) района», – всегда и везде он выполнял свою главную функцию – функцию сбережения труда для фабрики.

Фабрика, вначале отринув семью как нечто ненужное¹¹⁰, затем вспомнила о ней и подчинила себе, но уже в качестве кармана, из которого должны оплачиваться продуцируемые фабрикой продукты. Домохозяйство, некогда единое и цельное в своем семейно-трудовом облике, обратилось в домохозяйство как простую потребительскую силу. Орудием такого обращения стала выработанная фабричным строем система маркетинга. В доказательство сошлюсь на авторитет Джона Кеннета Гэлбрейта, который утверждает, что «вера в рыночную экономику, в которой покупатель независим, является одной из наиболее распространенных форм заблуждения. Никто ничего не сможет продать, если не будет управлять потребительским спросом и контролировать его»¹¹¹.

Механистический по своей природе индустриальный строй всё сделал рельефным и «логичным»: на одной стороне сведенный к простой трудовой функции человек – рабочая сила на фабрике, а на противоположной – человек как машина для потребления продуктов той же фабрики. Его дети, его родители, его братья и сестры, его жена, его друзья и знакомые, его мысли и его эмоции – всего лишь связанные с ним элементы («шестеренки») той «потребительной силы», которая предназначена для обслуживания нужд производительной силы фабрики. Между двумя этими очищенными донага полюсами бесследно исчезли и смысл производства, и смысл потребления: производство ведется для самого производства (пусть даже если это производство ради производства прибавочной/добавленной стоимости), а потребление – во имя самого же потребления.

Из фабричной модели оказался выброшенным (за ненужностью) сам естественный и тонкий регулятор всего человеческого: сама человеческая жизнь. Вот тому доказательство: в настоящее время американцы в среднем проводят в семь раз больше времени, делая покупки, нежели

¹¹⁰ Теоретическое это нашло свое отражение в трудах классиков политэкономии, начиная от А. Смита и заканчивая К. Марксом.

¹¹¹ Гэлбрейт Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени. – М.: Изд-во «Европа», 2009. С. 30.

играя со своими детьми¹¹². Более 40% работающих американцев утверждают, что к концу дня чувствуют себя выжатыми, как лимон. 60% говорят, что хотели бы снизить темп жизни и жить менее напряженно¹¹³.

Именно в этой, рожденной обесмысленностью производства и потребления, бреши поселилось такое сугубо фабричное явление, как экономический кризис перепроизводства. Именно фабричная модель, в которой живой человек разодран на две его мертвые механические половины, породила и постоянно (причем, во все возрастающих размерах) подпитывает кризисные циклы.

В ряду первых открытых реакций науки на тотальное торжество фабричной модели оказались труды русских экономистов во главе с А. Чаяновым. В противовес фабричной модели они выдвинули модель *трудового семейного хозяйства*, доказывая, как устойчивость, так и перспективность этого хозяйства в эпоху уже даже не пара, а электричества.

Основные черты модели трудового семейного хозяйства, по А. Чаянову, состоят в следующем:

1. Трудовая деятельность ведется всеми членами семьи, начиная с 13-летнего возраста, без привлечения (по крайней мере, на постоянной основе) наемной рабочей силы. При расчете *бюджета труда* глава семьи принимается за 1,00 (т.е. за полного работника); второе поколение, начиная с 18 лет, без различия пола принимается за 0,8 полного работника; хозяйка – за 0,8 полного работника, а дети, начиная с 13 лет, считаются равными 0,7 полного работника¹¹⁴.

2. Целью семейного трудового хозяйства является «доставление средств существования хозяйствующей семье путем наиболее полного использования имеющихся в ее распоряжении средств производства и рабочей силы»¹¹⁵.

¹¹² Грааф де Дж. Ванн Д., Нейлор Т.Х. Потреблятьство: Болезнь, угрожающая миру. – М.: Ультра Культура, 2003. С. 79.

¹¹³ См.: Грааф де Дж. Указ. соч. С. 78.

¹¹⁴ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. С. 91. О более детальной половозрастной структуре бюджета труда крестьянского двора можно прочитать в работе В. Ленина «Развитие капитализма в России» – См.: Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 3. С. 235.

¹¹⁵ Чаянов А.В. Указ соч. С. 62. Отметим, что, вопреки всем актуальным ныне идеологемам о рождении и расцвете социально ответственного бизнеса, о приобретении им миссионерского характера, Дж. Гэлбрейт – этот лучший знаток фактического положения дел – констатирует: «Корпоративная система, в основе которой лежит необузданная тяга к самообогащению, – это основополагающий факт двадцать первого столетия». (Гэлбрейт Дж.К. Указ. соч. С. 48).

3. Конституирующим ядром семейного трудового хозяйства является ориентация на оптимизацию баланса труда между внутренними и внешними по отношению к хозяйству видами деятельности (для крестьянского хозяйства – это баланс земледелие/промыслы); баланса средств производства для этих видов деятельности, а также баланса доходов/расходов от них.

4. Основной задачей организации труда в трудовом семейном хозяйстве является «полное использование трудовой активности семьи и устранение тягостной перегруженностью работой в известные периоды»¹¹⁶.

5. Если фабрика является жестко сколоченным аппаратом, то семейное хозяйство сохраняет способность к гибкому, широкому и глубокому маневру¹¹⁷.

6. Математически выверенным механизмом функционирования и развития трудового семейного хозяйства является *модель его трудопотребительного баланса*, в соответствии с которым «... всякое трудовое хозяйство имеет естественный предел своей продукции, который определяется соразмерностью напряжения годового труда со степенью удовлетворения потребностей хозяйствующей семьи»¹¹⁸.

Чуть позже, обсуждая ситуацию, когда семейно-трудовое хозяйство может получать нетрудовой доход от эксплуатации наемной рабочей силы, ученый несколько (но на наш взгляд – весьма принципиально) уточняет базовую модель. Наемный работник испытывает гнет труда уже тогда, когда он к нему не приступал: как он только встал с постели с мыслью о том, что нужно, отрываясь от семьи, идти трудиться «на чужого дядю». Таково проклятие фабричной модели. С самого начала она, эта модель, через свое проклятие закладывает кризисность в виде завышенной платы за тягостность труда.

Не оторванный фабричным забором от семьи человек, к тому же работающий не «на дядю», а на самого себя (суть семейно-трудовой модели), наоборот, встает и приступает к работе с чувством радости. В истории эта радость запечатлена в океане результатов декоративно-прикладного творчества, которого по принципу (как творчества) не могло и не может быть без чувства радости, доставляемой жизнью. На повседневную радость труда указывают и современные переселенцы.

¹¹⁶ Чайанов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. – М.: Экономика, 1989. С. 62-63.

¹¹⁷ Там же. С. 413.

¹¹⁸ Там же. С. 71.

Вот что пишет Наталья Кичигина в своем электронном отклике на интернет-статью «Переехать из города в деревню»: «Будучи горожанкой искала мужа. Оказалось, он искал жену помощницу, чтобы вместе покинуть город и строить жизнь по... плану Господа. Переезд начали в январе 2014 года. Место возле бывшей пасеки уединенное. Есть родник. Электричество от солнечных батарей. И огромный энтузиазм Мужчины с мозолистыми ладонями. Для меня, впервые, получилось надолго покинуть суету городской жизни. Радость каждого дня наполнялась видами, доступными взору, и происходящими изменениями в хозяйстве».¹¹⁹ А вот что сообщает Андрей Рогозянский, совершивший вместе с женой и детьми, как он сам заявляет, «дерзкий побег» из Питера в деревню на постоянное жительство (сам Андрей – публицист и редактор, жена – кандидат наук, доцент): «труд на земле начинаешь любить и, наоборот, к городским занятиям возвращаешься с неохотой».¹²⁰

Базируясь как на исторических, как и на современных наблюдениях, мы нашли необходимым внести свои изменения в базовую модель А.В. Чаянова. Оптимальное соотношение уровня тягостности труда и удовлетворенности потребностей домохозяйства обеспечивается при семейно-трудовой, а наихудшее – при фабричной модели труда.

Таким образом, методологический конструкт исследования предполагает выделение и анализ постурбанистических форм жизнеустройства по осям связанности/вовлеченности, дауншифтинга/апшифтинга, фабрично-заводской/семейно-трудовой модели.

¹¹⁹ Переехать из города в деревню - Электр. ресурс: <http://gotoroad.ru/st/pereehat-iz-goroda-v-derevnu> (дата обращения 20.10.2015)

¹²⁰ Рогозянский А. Полевой эксперимент. Зачем я уехал из мегаполиса в деревню - Электр. ресурс: <http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/polevojj-ehksperiment-zachem-ya-uekhal-iz-megapolisa-v-derevnyu> (дата обращения 20.10.2015)

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ
ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ
ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА**

«УМНЫЙ ГОРОД» КАК СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ УРБАНИЗАЦИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Е.А. ЕФИМОВА

В последнее время в исследованиях российских ученых большое внимание уделяется теме развития «умных городов». С одной стороны, это связано с усилением процессов урбанизации на территории России. Согласно данным Росстата 74,0% населения России проживает в городах, при этом в 1959 г. данный показатель составлял всего 52,4%¹²¹. С другой стороны, в России сейчас складывается новая концепция урбанизма, когда городской образ жизни, развитие инфраструктуры и пространственной организации городов связано не просто с промышленно-технологическими требованиями, а с необходимостью создания современной и дружественной человеку среды обитания¹²². Это привело к возникновению целого ряда экономических, социальных, политических и экологических проблем, повлиявших на устойчивость социально-экономического развития отдельных территорий. Концепция развития «умных городов» призвана решить проблему перенаселения и возросшей транспортной и энергетической нагрузки на инфраструктуру, поскольку объединяет в себе три главных составляющих: человека, экологию и технологии.

В научной литературе пока еще не выработано единого подхода к определению «умного города» или «*Smart City*». Например, Малышева Е.А. определяет «умный город» как «город, инфраструктура которого построена на новых технологиях, позволяющих рационально использовать источники энергии и минимизировать их вредное воздействие. Сюда относятся новые решения в электроэнергетике, водоснабжении, создании транспортной системы и «умных зданий»¹²³. Более широкое определение данного понятия дают Есаулов Г.В. и Есаулова Л.Г.: «Умные города используют ИКТ с целью стать более эффективными в использо-

¹²¹ Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб./ Росстат. 2015. С. 15.

¹²² Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации [Электронный ресурс]: Экономический портал [Сайт]. – Режим доступа: [www.uamconsult.com/book_100_chapter_3_1.1_Tipovojj_avtorskijj_dogovor_\(forma_1.1\).html](http://www.uamconsult.com/book_100_chapter_3_1.1_Tipovojj_avtorskijj_dogovor_(forma_1.1).html) (дата обращения 02.12.2016).

¹²³ Малышева Е.А. «Лучший город, лучшая жизнь» - современные тенденции построения умных городов: Тезисы докладов 33-й межвузовской студенческой научно-технической конференции по итогам научно-исследовательской работы студентов в 2013 году. - Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет. 2014. С.186.

вании ресурсов различного рода и, как следствие, получить экономию в общих издержках и энергетических затратах, улучшить уровень сервиса и качество жизни, снизить негативное влияние человечества на окружающую среду, – все это благодаря развитию инноваций и низкоуглеродной экономике»¹²⁴. Согласно подходу Хайретдиновой Р.С. «умный город» можно определить как ««город знаний», «цифровой город», «кибергород» или «экогород» — в зависимости от целей городского планирования»¹²⁵. Все выделенные определения объединяет то, что «умные города» активно используют информационные технологии, которые позволяют вести постоянный мониторинг состояния городской инфраструктуры (автомобильных и железнодорожных дорог, метро, аэропортов, портов), коммунальных систем (теплоснабжения, водоснабжения, электроснабжения, климат-контроля и связи) в целях обеспечения безопасности горожан, сохранения их здоровья и эффективного использования ресурсов.

Особенно активно строительство «умных городов» идет в экономически-развитых странах Северной Америки, Западной Европы и Юго-Восточной Азии. По состоянию на 2012 г. в мире насчитывалось 143 проекта «умного города», находящихся на разном этапе завершенности: в Европе – 47, в Азии – 40, Северной Америке – 35, Южной Америке – 11, на Среднем Востоке и в Африке – 10. Лидерами по созданию «умных городов», являются традиционные технологические державы: США, Европа, Япония, Южная Корея¹²⁶.

В мировой практике сложилось два подхода к созданию «умных городов». Первый подход – это создание «умного города» с нуля, что позволяет еще на этапе выбора местоположения будущего города учесть все его особенности и спроектировать все его коммуникации и здания с учетом самых передовых технологий и решений в данной сфере. Минусом данного подхода является крайняя дороговизна строительства на фоне постоянного устаревания технологий. Например, Рыбина Е.Г. приводит следующие данные о затратах на строительство «умных городов» в мировой практике (см. таблицу 1).

¹²⁴ Есаулов Г.В., Есаулова Л.Г. «Умный город» как модель урбанизации XXI века // Градостроительство. 2013. №4. С. 27.

¹²⁵ Хайретдинова Р.С. Определение научной категории «умный город» // Теоретические и практические аспекты экономических наук: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Научный центр «АЭТЕРНА». 2014. С.59.

¹²⁶ Как будут выглядеть «умные города» // Эффективное антикризисное управление. 2015. №1. С. 27.

Таблица 1.

Бюджеты проектов строительства «умных городов» в мире

Город	Страна	Бюджет проекта, млрд долл.	Планируемый год завершения проекта
Songdo International Business District	Южная Корея	40	2015
Джазан (JEC)	Саудовская Аравия	30	2016
Искандар	Малайзия	30	2025
PlanIT Valley	Португалия	29	2015
КАЕС	Саудовская Аравия	26	-
Лаваса	Индия	20	2020
Masdar City	ОАЭ	16	2018

Источник: Рыбина Е.Г. Организационные и экономические методы развития «умных городов» // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. №10. С. 43

Завершение проекта по строительству южно-корейского Сонгдо, которое было намечено на 2015 г., как указано в таблице 1, было перенесено на 2025 г.. Хотя отдельные его объекты были сданы еще в 2009 г.у. Сейчас в городе проживает около 90 тысяч человек, а к окончанию строительства планируется заселить 252 тысячи. В городе будет создано свыше 400 тысяч рабочих мест, поэтому примерно 200–300 тысяч работников ежедневно будут приезжать на работу в данный город¹²⁷. В Сонгдо все основные здания проходят обязательную сертификацию по стандарту зеленого строительства Leadership in Energy and Environmental Design (LEED). Таким образом, это будет второй город в мире после Гринсбурга в США, который смело можно назвать не только «умным», но и «зеленым». Основное отличие «зеленого города» от «умного» в используемых технологиях. Для «зеленого» города главным является использование энергоэффективных и экологически безвредных технологий, а внедрение интеллектуальных решений при этом не является обязательным условием. «Умным» же называется город, в котором реализованы хотя бы пять из восьми основных параметров: умное здравоохранение, умная мобильность, умная инфраструктура, умное управление и умное образование, а также умное население.

Другой подход в создании «умных городов» – это модернизация существующих городов в соответствии с концепцией «умного города».

¹²⁷ Умные города. Я уеду жить в Сонгдо: как создать утопию из болота за 35 миллиардов долларов [Электронный ресурс]: Theory&Practice [Сайт]. – Режим доступа: <http://theoryandpractice.ru/posts/13795-songdo> (дата обращения 03.12.2016г.)

Именно такой подход используют большинство стран Европы, выбирая и реализуя отдельные проекты в области развития городской среды. Это позволяет им использовать уже имеющуюся экономическую и ресурсную базу для проведения изменений (налоги и бюджеты городов, население и бизнес, ведущие свою деятельность в данных городах), а также привлекать средства сторонних инвесторов для модернизации инфраструктуры городов с меньшими рисками. В таблице 2 представлен перечень некоторых проектов, внедренных на территории стран Европы. Многие из этих проектов еще находятся в стадии реализации.

Таблица 2.

Некоторые виды проектов, реализуемые европейскими странами в рамках концепции «умный город»

Проект	Содержание проекта	Бюджет проекта, евро	Города	Сроки реализации проекта
E2REBUILD	Энергоэффективное переоборудование жилых помещений в холодном климате	7 843 339	Розендаль, Лондон, Мюнхен, Аугсбург	Январь 2011 – июнь 2014
Shar-LLM	Энергетическая эффективность в строительстве	28 045 835	Лиссабон, Милан, Лондон	Январь 2016 – декабрь 2020
CELSIUS	Использование отходящего или вторичного тепла в городской энергосистеме	26 009 670	Лондон, Кельн, Генуя, Роттердам	Апрель 2013 – март 2017
SMARTER TOGETHER	Возобновляемые источники энергии, интегрированная система управления городской инфраструктурой	29 119 448	Лион, Вена, Мюнхен, София, Венеция	Февраль 2016 – январь 2021
TRANSFORM	Комплексное городское планирование на основе анализа данных в области экологии, энергетики и городской мобильности	7 445 114	Амстердам, Генуя, Вена, Лион, Копенгаген	Январь 2013 – июнь 2015
NEXT-BUILDINGS	Строительство зданий со сбалансированной системой энергопотребления	8 462 118	Амстердам, Хельсингборг, Лион	Январь 2012 – декабрь 2017

Проект	Содержание проекта	Бюджет проекта, евро	Города	Сроки реализации проекта
REPLICATE	Устойчивое развитие транспортной системы и городской инфраструктуры на основе энергоэффективности	29 250 564	Сан-Себастьян, Бристоль	Февраль 2016 – январь 2021
MORE-CONNECT	Обновление фасадов зданий на основе инновационных энерго-сберегающих материалов с учетом климатических зон	5 557 263	Рига, Талин	Декабрь 2014 – ноябрь 2018
IMPRESS	Строительство панельных зданий с покрытием из нано/микро частиц, улучшающих их эксплуатационные свойства	6 072 790	Дробета Турну-Северин, Неаполь	Июнь 2015 – ноябрь 2018
FLEXYNETS	Новое поколение интеллектуальных систем центрального отопления и охлаждения, которые уменьшают потери энергии на транспортировку, работая на уровне "нейтрально" (15-20 °C) температуры	1 999 364	Мадрид, Больцано	Июль 2015 – июнь 2018
ECO-City	Интегрирование энергетических концепций для комфортной городской среды	28 197 533	Хельсингборг, Хельсингер, Тудела, Тронхейм	Октябрь 2005 – декабрь 2012

Примечание: составлено автором по данным источника: Projects documentation library [Электронный ресурс]: Smart Cities Information System [Сайт]. – Режим доступа: <http://smartcities-infosystem.eu/projects-documentation-library> (дата обращения 02.12.2016 г.)

Перечень проектов, указанных в таблице 2, свидетельствует о том, что большинство из них связано с энергетической эффективностью и управлением транспортной системой города. Обе эти системы в первую очередь испытывают влияние роста численности горожан.

Если же говорить в целом об успехах европейских стран в области использования современных технологий для развития городской среды в рамках концепции «умный город», то здесь несомненным лидером по

состоянию на 2016 г. является Испания (308 проектов). Для сравнения: в России таких проектов реализовано всего 10, а в Украине всего 6 (см. рис. 1).

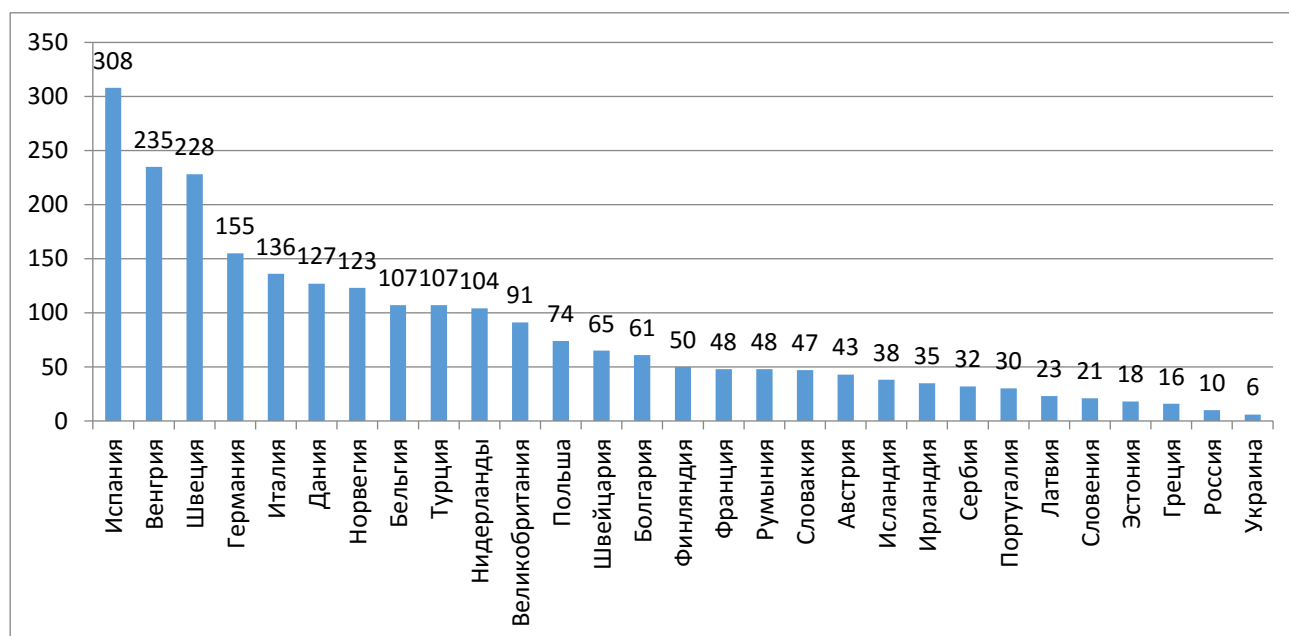

Рис. 1. Общее число проектов, внедренных европейскими странами, в рамках концепции «умный город» по состоянию на 2016 г.

Существует определенный миф в сфере развития «умных городов», заключающийся в том, что данные проекты предназначены исключительно для крупных городов и мегаполисов. Однако перечень городов в таблице 3 свидетельствует о том, что не существует прямой связи между размерами города (числом его жителей) и количеством реализованных в нем проектов в области концепции «умный город».

Таблица 3.

Перечень европейских городов-лидеров, по числу реализованных проектов в рамках концепции «умный город» по состоянию на 2016 г.

Город (страна)	Численность населения на 1 января 2015 г., млн чел.	Количество внедренных проектов
Будапешт (Венгрия)	1,7	151
Амстердам (Нидерланды)	2,3	90
Брюссель (Нидерланды)	1,8	80
Барселона (Испания)	1,6	64
София (Болгария)	1,4	52
Берлин (Германия)	3,5	42
Мадрид (Испания)	3,1	42
Стамбул (Турция)	13,8	40
Лондон (Великобритания)	8,6	34
Осло (Норвегия)	0,6	32

Город (страна)	Численность населения на 1 января 2015 г., млн чел.	Количество внедренных проектов
Мюнхен (Германия)	1,5	23
Париж (Франция)	2,2	22
Франкфурт (Германия)	0,7	18
Манчестер (Великобритания)	0,5	17
Вальядолид (Испания)	0,3	15
Бильбао (Испания)	0,3	15
Страсбург (Франция)	0,4	15
Лион (Франция)	0,5	14

Примечание: составлено автором по данным источника: Projects documentation library [Электронный ресурс]: Smart Cities Information System [Сайт]. – Режим доступа: <http://smartcities-infosystem.eu/projects-documentation-library> (дата обращения 02.12.2016 г.)

При внедрении проектов «умного города» европейским странам часто приходится прибегать к кредитованию в Европейском инвестиционном банке. Согласно его условиям, за счет кредитных средств может быть покрыто не более 50% инвестиционной стоимости проекта. Данный факт является важным условием для мобилизации других источников финансирования проектов и поиска различных частных инвесторов (см. рис. 2).

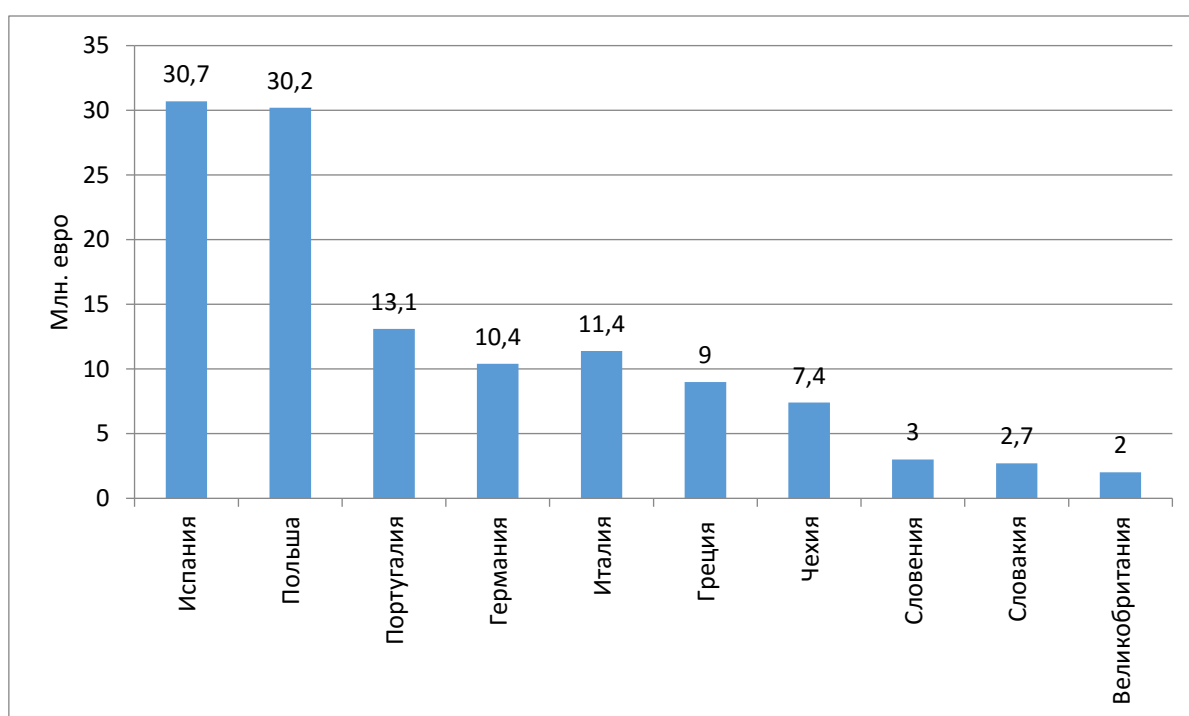

Рис. 2. Величина заемных средств, привлеченная европейскими странами на реализацию проектов «умный город» за 2007 – 2013 гг.

Примечание: составлено автором по данным источника: Promoting Economic and Social Cohesion in Europe [Электронный ресурс]: European Investment Bank [Сайт]. – Режим доступа: http://www.eib.org/attachments/thematic/economic_social_cohesion_en.pdf (дата обращения 02.12.2016 г.).

На величину заимствований для реализации концепции «умный город» влияет уровень текущего благосостояния стран и их муниципалитетов, а также число реализуемых проектов. Например, лидерство Испании по числу проектов для развития «умных городов» предопределило и ее лидерство по величине заимствований для этой цели.

Мингалева Ж.А. справедливо отмечает, что в зарубежных странах концепция «умного города» находит свое выражение через три ключевых параметра: обеспечение безопасности жизнедеятельности; повышение удобства городского пространства для жизни и работы людей и создание позитивного имиджа города как инновационного и высокотехнологичного города¹²⁸. Данные три параметра определяют направления вложения денежных средств европейскими странами по различным сферам деятельности «умного города» (см. рис. 3).

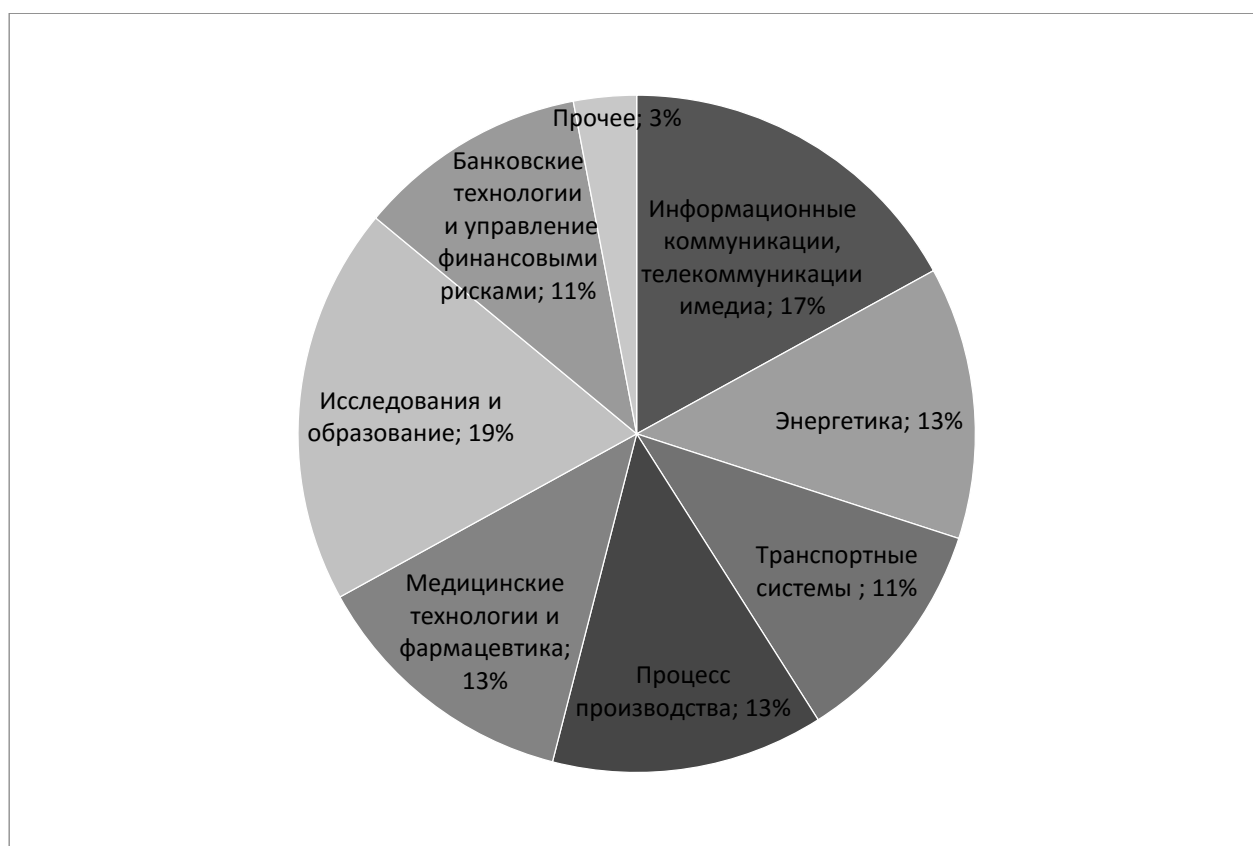

Рис. 3. Распределение инвестиций европейских стран в рамках концепции «умный город» по секторам

Источник: InnovFin – EU Finance for Innovators [Электронный ресурс]: European Investment Bank [Сайт]. – Режим доступа: http://www.eib.org/attachments/thematic/innovfin_eu_finance_for_innovators_en.pdf (дата обращения 02.12.2016 г.).

¹²⁸ Мингалева Ж.А. Инновационные технологии в городском хозяйстве (зарубежный опыт) // Современный город: власть. Управление, экономика. 2015. Т. 1. С. 280.

В целом же можно сказать, что ключом к успешной реализации Smart-проектов или проектов «умного города» в Европе является принцип интеграции, то есть управление городом, сами проекты и новейшие информационные технологии рассматриваются во взаимосвязи друг с другом, что приводит к появлению так называемого синергетического эффекта от реализации запланированных мероприятий.

Не менее важным является широкое использование европейскими странами принципов территориального и городского планирования. Работа над проектами начинается с разработки комплексного плана устойчивого развития города как основной градостроительной единицы. «Комплексный план устойчивого развития города включает в себя систему взаимосвязанных действий, которые позволяют добиться прочного улучшения экономических, физических, социальных и экологических условий жизни в городе или районах города»¹²⁹. На основе данного плана разрабатывается стратегия реализации проекта «умного города», которая, в свою очередь, подчинена таким принципам, как:

- измеримость результатов, то есть результаты от внедрения той или иной технологии должны быть выражены в экономических показателях (снижение затрат, экономия ресурсов, увеличение доходов бюджета и т.д.);
- временная достижимость, то есть на реализацию каждого проекта отводится определенное время, а сам процесс реализации разбивается на определенные временные этапы;
- эффективность, которая подразумевает, что затраты на осуществление проекта должны быть меньше, чем ожидаемый экономический эффект от его внедрения.

Наиболее сложным является реализация проектов «умного города». Как отмечает Ярош Н.Н., пока существует только два примера реализации проекта умного города: Тяньцзинь в Китае и Кашива-Но-Ха-Smart City в Японии¹³⁰.

В России, как и в Европе, наибольшей популярностью пользуется второй подход к созданию «умных городов», основанный на модернизации городской среды уже существующих городов. Например, Москва и Санкт-Петербург, являясь крупнейшими мегаполисами, заинтересованы

¹²⁹ A new way of using EU funding to promote sustainable investments and growth in urban areas. EIB, Luxembourg: Graphic Workshop. P2.

¹³⁰ Ярош Н.Н. Городское хозяйство: от «города солнца» к умному городу // Экономический журнал. 2013. №2. С. 85.

во внедрении многих Smart-проектов. В данных мегаполисах уже действуют многие подсистемы «умного города», такие как автоматизированная система общественного транспорта, система интеллектуального городского освещения, система электронной оплаты городских услуг, мобильная система быстрого реагирования, которая позволяет моментально сообщать городским службам о различных происшествиях на улицах города¹³¹.

Подобные проекты также внедряются и в других крупных городах России – региональных «столицах»: Екатеринбурге, Казани, Краснодаре, Новосибирске, Омске, Ростове-на-Дону, Самаре, Сочи, Уфе и т.д. Однако следует отметить, что те подсистемы, которые внедрены в российских городах, - это лишь маленькая доля от тех проектов, которые предлагают IT-девелоперы в рамках концепции «умный город» (см. таблицу 4).

Таблица 4.

Типы проектов, внедренных Россией в рамках концепции «умный город»

Тип проекта	Суть проекта	Заявленная девелопером стоимость проекта, евро	Общее количество подсистем в рамках проекта	Из них внедрено Россией
GrowSmarter	Стимулирование использования городом интеллектуальных решений от современных информационных и коммуникационных технологий до транспортной городской мобильности, включая возобновляемые источники энергии.	34 445 071	69	7
STACCATO	Перестройка энергетической системы с целью снижения затрат.	20 166 712	177	3

Примечание: составлено автором по данным источника: Projects documentation library [Электронный ресурс]: Smart Cities Information System [Сайт]. – Режим доступа: <http://smartcities-infosystem.eu/projects-documentation-library> (дата обращения 02.12.2016 г.)

¹³¹ Ляхова Д.А., Никоненко Н.Д. Концепция «умного города». современное состояние развития, проблемы и перспективы // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2016. №33. С. 89.

Внедрением Smart-проектов в российских городах занимаются те же международные ИТ-компании, что и в Европе, и в Америке: IBM, Microsoft и Cisco.

Также в России планируется строительство нескольких «умных городов», что называется «с нуля». Россия всегда отличалась от европейских стран значительной территориальной протяженностью, и это дает ей возможность осваивать новые территории, основываясь на самых последних информационных технологиях, создавая комфортную городскую среду в тех местах, где раньше это было невозможно в силу отсутствия должных коммуникаций и технологий.

Так, одним из пилотных проектов «умного города» в России должен стать проект «Новый Берег» или «Сестрорецкий намыв» близ Санкт-Петербурга, который будет реализовывать японский консорциум Smart City Planning (SCP) с привлечением российской компании «Северо-Запад Инвест». Данный проект уже вызвал немало нареканий со стороны экологов, так как предполагает намыв территории площадью почти 380 га в Финском заливе.

Другим не менее амбициозным проектом «умного города» в России является проект «СМАРТ Сити Казань», бюджет которого в полном объеме до сих пор не просчитан, однако, уже объявлено, что реализация только первого этапа проекта требует инвестиций в размере 2,5 млрд. руб. В силу сложившейся экономической обстановки реализация данного проекта в полном объеме вызывает много вопросов.

И, наконец, нельзя не отметить проект инновационного центра «Сколково», который должен стать Российской Кремниевой долиной. «Сколково» еще часто называют «Инноградом», поскольку в его концепцию строительства заложены самые современные разработки и технологии в области городского хозяйства, доказавшие свою эффективность при осуществлении аналогичных проектов в европейских странах.

Сравнительный анализ указанных проектов строительства «умных городов» представлен в таблице 5.

Таблица 5.

Строительство «умных городов» в России и их основные характеристики

«Умный город»	Бюджет проекта, млрд. руб.	Срок окончания реализации проекта	Площадь города, га	Предполагаемая численность жителей, тыс. чел.	Число рабочих мест в городе, тыс.
«Сестрорецкий намыв»	300	2028	510	60	н/д
«СМАРТ Сити Казань»	н/д	2032	650	75	39
«Сколково»	125,2	2020	300	20	50

Примечание: таблица составлена автором по данным открытых источников в СМИ.

Таким образом, современные Smart-технологии позволяют повысить уровень безопасности для горожан, уменьшить расходы городского бюджета, сэкономить муниципальные ресурсы, решить целый спектр транспортных проблем в крупных городах, повысить доступность государственных, медицинских и образовательных услуг, что является очень важным для граждан.

Однако нельзя не сказать и о ряде негативных моментов, связанных с внедрением концепции «умный город», которые уже проявили себя в экономически развитых странах. Во-первых, речь идет о сильной зависимости от информационных технологий всего городского хозяйства. По сути, внедряя ту или иную технологию конкретной IT-компании, город оказывается навсегда привязан к ней и становится «вечным» клиентом данной компании. В этих условиях более очевидна выгода для IT-девелоперов, чем для самого города.

Во-вторых, доступность многих IT-сервисов и приложений в рамках концепции «умного города» требует наличия у населения соответствующих технических устройств (гаджетов), которые есть далеко не у каждого жителя нашей страны. Следовательно, определенные системы «умного города» будут просто недоступны этим жителям, и они не ощутят на себе выгод от концепции «умного города».

В целом же можно сказать, что реализация концепции «умного города» как формы нового урбанизма в России пока еще не проявила себя в полной мере, и судить об ее эффективности в российских условиях можно будет не ранее, чем лет через двадцать, когда будут реализованы все проекты строящихся «умных городов» и получены первые отзывы от их жителей и местных органов власти.

"ПОТРЕБЛЕНИЕ" ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА. УРБАНИСТИКА КАК СОВРЕМЕННЫЙ ТРЕНД ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОРОЖАН

Д.А. ГУГУЕВА, О.Ю. АНГЕЛ

Современный город охватывает все этапы человеческой жизни, обеспечивает материальные и духовные потребности. Поэтому для всех городов XXI в. первостепенное значение приобретают окружающая среда, благоустройство жилищ и территорий, рациональная организация повседневной жизни и т.д. Социально-экономическая ситуация существенным образом влияет на жизнь горожан. Если в городе нет достаточных возможностей для социального продвижения, не отвечает современным требованиям жилищно-бытовая сфера, растет уровень загрязненности окружающей среды, то, как правило, снижается социальное настроение населения, возрастает конфликтность в разных сферах, появляются диспропорции в структуре труда и занятости. Особо важная концептуальная проблема в настоящее время — это снижение качества жизни в городах. Социальные особенности городов детерминированы социальной структурой, профессиональной, культурной, этнической, религиозной неоднородностью, слабыми и краткосрочными социальными связями, что провоцирует отчуждение и создает специфическую конфликтногенную среду; наблюдается более высокий уровень различных социальных девиаций: преступности, самоубийств, психических расстройств и т.д.¹³²

Умные города или Smart city

«Если XIX век был веком империй, а двадцатый — веком национальных государств, то XXI век станет эпохой городов, — заявил вице-президент IBM по направлению «Разумный город» Джерри Муни. — Большинство городов стоит перед лицом одних и тех же проблем. Это постоянный рост населения, старение городской инфраструктуры и рост расходов при необходимости их минимизации»¹³³.

Современные способы и формы управления городскими и коммунальными службами себя практически исчерпали и не удовлетворяют требованиям социума. Сегодня города потребляют примерно 75% миро-

¹³² Социология города // [Электронный ресурс] <http://freqlist.ru/sociologiya/enciklopediya-sociologii/sociologiya-goroda.html> (Дата обращения: 15.01.2016)

¹³³ Геращенко К. Звездный час «умных городов»// [Электронный ресурс] <http://www.crn.ru/numbers/спец-numbers/detail.php?ID=74288> (Дата обращения: 07.02.2016)

вых ресурсов, в связи с этим власти ежедневно сталкиваются с большими проблемами, такими как: загрязнение воздуха, перегруженность автомобильных магистралей, нехватка общественного транспорта, низкий уровень безопасности (имеется в виду не только уровень преступности, но и безопасность на дорогах, возможность получения своевременной медицинской помощи, качество продуктов питания и др.), изношенность коммуникаций, низкое качество водоснабжения, неразумное использование энергетических ресурсов, проблема утилизации бытовых и производственных отходов. Исходя из всего вышесказанного можно предположить, что в недалеком будущем, когда городское население достигнет 85%, нас ожидает тотальный коллапс инфраструктуры и коммунальных служб. Попыткой решить весь комплекс известных проблем стало создание концепции «умного города». Эта концепция нацелена на совершенствование городской среды и предполагает управление городом, его экономикой, социальной деятельностью, транспортной системой, экологией и жизнеобеспечением с помощью интеллектуальных технологий. Конечная цель всех этих усилий — сделать проживание людей в городе максимально комфортным и безопасным.

В структурном аспекте «умный город» – это система взаимодействующих систем. Такое взаимодействие огромного числа систем требует открытости и стандартизации, которые являются основными принципами создания «умных» городов¹³⁴.

Можно выделить несколько направлений развития «умных городов»:

Цифровой город (digital city) – в котором акцент делается на информационно-технологической стороне городского развития. В России, например, «Ростелеком» развивает федеральную государственную информационную сеть — единый портал госуслуг, механизмы доступа к сервисам электронного правительства с различных устройств, а также систему межведомственного электронного взаимодействия. Число зарегистрированных пользователей портала уже превысило 2 млн. человек. На портале можно получить информацию о 40 тыс. госуслуг, из которых более полутора тысяч предоставляются полностью в электронном виде. К системе подключены 78 регионов России. ОАО «Концерн «Сириус», входящий в состав Государственной корпорации «Ростехнологии», принимает участие в реализации программы «Безопасный город» (система

¹³⁴ «Умные» города//Наблюдение за технологиями [Электронный ресурс] <https://itunews.itu.int/ru/Note.aspx?Note=4231> (Дата обращения: 07.02.2016)

общественной безопасности, интеллектуальный транспорт, система повышения энергоэффективности, медицина и др.)¹³⁵.

Интеллектуальный город (intelligent city)- акцент делается на том, что в новых условиях города всё больше нуждаются в преумножении знаний. Интеллектуальный город становится связующим звеном между созданием среды, которая способствует росту интеллектуальных и образовательных навыков населения, и знания и инновационную производительность организаций, находящихся в этой среде¹³⁶.

Какие же города могут попасть под определение «smart city»? В Европейском Союзе практикуют подход, содержащий в себе шесть измерений: умная экономика (smart economy), умная мобильность (smart mobility), умная окружающая среда (smart environment), умные люди (smart people), умное проживание (smart living) и умное управление (smart governance). В каждом случае имеется в виду применение в соответствующей области информационных и коммуникационных технологий. Применяв этот подход учеными из ЕС были отобраны 70 городов из 1600 европейских городов, в этих семидесяти городах численность населения составляет от 100 до 500 тысяч человек; есть хотя бы один университет; и при этом численность населения на прилегающих территориях, пользующихся ресурсами города ниже 1,5 млн. человек. В этом рейтинге первое место занял Люксембург, а на последнем оказался город Русе (Болгария). Любляна заняла 16 место, Гёттинген – 22, Тарту – 40 и т.д.¹³⁷

Журнал Forbes в начале 2015 г. составил список самых «умных городов» мира. В этом списке, по мнению журнала, лидирует Азия. Парадоксальным образом такие крупные мегаполисы как Нью-Йорк, Мехико, Токио и Сан-Пауло не вошли в список, поскольку в них не решены проблемы перенаселения, неконтролируемых цен на недвижимость и растущий разрыв в уровне доходов¹³⁸. Итак, в десять самых «умных городов» современности вошли: Сингапур, Гонконг, Куритиба (Бразилия),

¹³⁵ Геращенко К. Звездный час «умных городов»// [Электронный ресурс] <http://www.crn.ru/numbers/спес-numbers/detail.php?ID=74288> (Дата обращения: 07.02.2016)

¹³⁶ Сакоян А. «Умные города»// [Электронный ресурс] http://polit.ru/article/2013/12/24/ps_as_smartcity/ (Дата обращения: 07.02.2016)

¹³⁷ Сакоян А. «Умные города»// [Электронный ресурс] http://polit.ru/article/2013/12/24/ps_as_smartcity/ (Дата обращения: 07.02.2016)

¹³⁸ Самые «умные» города мира// [Электронный ресурс] http://optopus.ucoz.ru/publ/geo/samye_quotumnyequot_goroda_mira/3-1-0-78 (Дата обращения: 07.02.2016)

Монтеррей (Мексика), Амстердам (Нидерланды), Сиэтл (США), Хьюстон (США), Чарльстон (США), Хантсвилль (США), Калгари (Канада).

Что касается России, то предполагается, что в ближайшие два-три года в России появится определенное количество городов, развивающих концепцию «умного города». Таких инициатив становится все больше, и важный фактор тут — активная деятельность мэров и городских властей, которые понимают, что города нуждаются в серьезных преобразованиях для того, чтобы они могли жить и развиваться¹³⁹.

Городское краеведение – городское проектирование – урбанистика

Городское краеведение. Для краеведа город — это поселение, которое называется городом, независимо от его размеров и функциональной специализации. Среди городов различаются города крупные, средние и малые, старые и молодые.

Краеведы изучают малые и средние города. Крупные города, с их множеством проблем, занимающие большие территории, со многими сотнями тысяч жителей, выходят за возможности краеведческих систематических наблюдений, изучения и личных впечатлений. Ими занимаются специалисты — географы, историки, этнографы. В крупных городах предметом краеведения могут быть лишь отдельные районы, улицы или узел улиц¹⁴⁰. Для городского краеведения важно в первую очередь - время и причины возникновения изучаемого города. Таким образом – для городского краеведения интересна историческая ретроспектива развития городского поселения.

Городское проектирование (или проектирование городской среды) - имеет дело в основном с разработкой и управлением общественным пространством (т.е. «общественной средой», «публичной сферой» или «местами общего пользования»). Традиционно, городское проектирование рассматривается в качестве сопутствующей дисциплины для градостроительства, ландшафтной архитектуры, или архитектуры в целом, и в последнее время тесно связано с новыми дисциплинами, такими как «пейзаж градостроительства».

¹³⁹ Умные города мира // [Электронный ресурс]
http://ibusiness.ru/blog/cio_i_it_v_rossii/22356 (Дата обращения: 08.02.2016)

¹⁴⁰ Краеведческая характеристика города и села // [Электронный ресурс]
http://cribs.me/kraevedenie/kraevedcheskaya-kharakteristika-goroda-i-sela_ (Дата обращения: 28.01.2016)

«Урбанистика» - это гуманитарная наука «о городах, их свойствах и превращениях»¹⁴¹. То есть это наука о том – как сделать лучше городскую среду. Говорить о зарождении урбанистики как науки можно с XIX в., а именно с работы М.Вебера «Город», в которой он, используя идеально-типический метод и сравнительно - исторический метод анализирует «город» и «не город», приводит их сходства и различия. При этом не стоит путать «урбанизацию» и «урбанистику». Так как «урбанизация» - это процесс повышения роли городов в развитии общества; это процесс активного перемещения жизнедеятельности и проживания жителей с не городской местности в городскую.

По нашему мнению – урбанистика, это одна из возможностей проявления гражданского общества – потому что – это желание жителей города обустроить городское пространство «под себя», сделать его комфортным и удобным для проживания.

Урбанистика – как тренд

Начиная анализировать городское пространство, в первую очередь возникает мысль об урбанистике.

Сегодня урбанистика — модная тема. В городских кафе нередко слышны споры об общественных пространствах или о Генплане. Впрочем, разговоров пока намного больше, чем дел¹⁴².

Поскольку градостроительная повестка дня в России только формируется, то мы бы хотели акцентировать внимание на следующем: в 2014 г. журнал «Эксперт» провел конференцию «Городская среда. Перегрузка», и вот к каким выводам пришли докладчики.

Во-первых, переход от микрорайонной застройки к квартальной. Микрорайон, идеи которого связаны с именем швейцарского архитектора Ле Корбюзье, был основной типологией застройки в Советском Союзе с 1960-х. Живучесть этой типологии представляет собой удивительный феномен. Микрорайон полвека назад пришел на смену «капиталистическому» кварталу. Жилые многоэтажки и огромные общественные пространства идеально подходили именно для социалистического строительства. Можно было предположить, что крах социализма повлечет за собой и смену типологии застройки. Однако микрорайон

¹⁴¹ Точка входа: урбанистика// [Электронный ресурс] <http://w-o-s.ru/article/816> (Дата обращения: 18.01.2016)

¹⁴² Пять вызовов для российской урбанистики// [Электронный ресурс] <http://expert.ru/expert/2014/16/pyat-vyizovov-dlya-rossijskoj-urbanistiki/> (Дата обращения: 08.02.2016)

благополучно дожил до сегодняшнего дня, благополучно сменив название на «жилищный комплекс».

Во-вторых, когда говорят о достоинствах квартала, обычно делается акцент на следующем: улицы по фронту квартала становятся общественными пространствами с расположенными на первых этажах магазинами, кафе и т.д. в то время как объекты точечной застройки обычно окружаются заборами, они рвут город на части, не дают ему общественных пространств. В кварталах создаются уютные приватные дворы, где могут в безопасности гулять дети. Кварталы значительно меньше микрорайонов, за счет чего застройка воспринимается более человечно. Плюс обеспечивается большая транспортная проницаемость города. В общем, в идеале квартальная застройка должна быть похожа на западноевропейский город¹⁴³.

К сожалению, опыт города Ростова-на-Дону показывает, что строительные корпорации предпочитают строить по-старинке – микрорайоны, абсолютно не оставляя места не только для кафе и магазинов, но и для парковок. По нашему мнению, это та проблема, на которую необходимо обратить внимание. Необходимо отметить, что чиновники в последнее время обратили внимание на такое явление как урбанистика. В первую очередь, Президент РФ В.В. Путин в 2014 г. на съезде ОНФ дал правительству распоряжение подготовить предложения по совершенствованию законодательства касательно «благоустройства территорий поселений, улучшения качества городской среды, развития территорий, повышения роли граждан в принятии градостроительных решений»; кроме того на крупнейшем в России «Урбанистическом форуме» выступают все главные московские чиновники — сам мэр, его заместители и главы департаментов, лучшие мировые специалисты по городскому планированию¹⁴⁴. Это дает надежду, что вскоре – при тесном сотрудничестве власти и городских активистов наши города из серых и безликих превратятся в уютные и светлые пространства, в которых будет приятно жить и останавливаться во время путешествий.

Урбанисты г. Ростова-на-Дону

В последние несколько лет в крупных городах России в крупных городах, таких как Вологда («Курбанистика»), Ярославль («Архитектура

¹⁴³ Пять вызовов для российской урбанистики// [Электронный ресурс] <http://expert.ru/expert/2014/16/pyat-vyizovov-dlya-rossijskoj-urbanistiki/> (Дата обращения: 08.02.2016)

¹⁴⁴ Государственная урбанистика по-московски// [Электронный ресурс] <http://www.echo.msk.ru/blog/yopolisnews/1455850-echo/> (Дата обращения: 08.01.2016)

Движения»), Владивосток (Фестиваль Городской Среды «Дни Архитектуры») и т. д. стали популярны фестивали городской урбанистики. Ростов-на-Дону не стал исключением, в 2013 и в 2014 гг. у нас проводится - Фестиваль Городской Среды (Urban Festival Rostov).

Суть таких форумов заключается в изменении городского пространства, подстраивании его под нужды горожан.

Urban Festival Rostov 2013 и 2014 годов отличаются друг от друга. Заинтересовавшись монографией, посвященной городской среде Ростова-на-Дону один из организаторов - Карачинский Алексей, архитектор и планировщик дал нам интервью. Алексей объяснил нам цели такого рода мероприятий. В первый раз (в 2013 г.) организаторы ставили перед собой следующие цели:

- выявить инициативные городские проекты, активистов и профессионалов планирования городской среды, которые готовы к взаимодействию, формируя новые совместные проекты;
- исследовать актуальность темы городского развития в среде молодежи;
- привлечь партнеров и удержать их для последующих проектов;
- повысить уровень знаний посетителей Фестиваля в области развития городов посредством проведения лекционных, семинарских и прочих интерактивных мероприятий;
- благоустроить площадки проведения мероприятия.

В 2014 г. к вышеназванным добавилась цель освоить конкретный пустырь, реализовать там сквер усилиями партнеров и волонтеров при поддержке муниципалитета. Необходимо отметить, что первый Фестиваль Городской Среды длился на протяжении двух недель, Фестиваль 2014 г. продлился в течение выходных.

Urban Festival Rostov вызвал широкий общественный резонанс. В 2013 г. непосредственно приняли участие в мероприятиях около 1500 чел, охвачено информационно не менее 6 000. В 2014 г., когда был сокращен масштаб проводимых мероприятий (2 дня в 2014 г. против 2 недель в 2013 г.), непосредственно присутствовало на площадках Фестиваля около 1000 чел. Но медиа-поддержка оказалась более мощной. За ходом мероприятия наблюдали люди со всей России — из Москвы, Ярославля, Пензы, Владивостока. Фестиваль был широко освещен в печатных изданиях и на интернет-ресурсах различного уровня — от региональных до федеральных.

Говоря о результатах, Алексей Карачинский отметил, что: «цели были достигнуты частично. То, что не получилось проделать, связано, как правило либо с недостаточным финансированием, либо с привычной инертностью граждан, либо с недостаточным опытом организаторов, и хотя никаких капитальных изменений не произошло. Все физические изменения в среде носили временный характер и были свернуты по окончании мероприятий. Основные изменения произошли в среде человеческих отношений, выстраивания партнерских программ и развития бизнеса. Было бы странно ожидать каких-то серьезных изменений от эпизодического события».

Алексей уверил нас, что в 2015 г. фестиваль будет проведен в рамках Ростовского Урбанистического форума. Мы считаем, что такая инициатива нужна и городскому пространству и жителям Донской столицы.

В 2016 г. в г. Ростове-на-Дону состоялся Пятый межрегиональный урбанистический форум «Развитие городов юга России». Организатор мероприятия – медиакомпания «Эксперт Юг», соорганизатор – Ростовское областное отделение Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ». Ежегодно проводимый форум стал постоянно действующей площадкой, на которой регулярно обсуждаются вопросы развития современного города. Главная тема форума – как, используя технологии государственного частного партнёрства, обеспечивать реальное стратегическое развитие муниципалитетов.

В ходе первой сессии «Лучшие стратегии городов Юга России: как вовлекать бизнес в развитие?» обсуждались успешные муниципальные практики.

На второй сессии «Ростов после 2018 г.: вызовы будущего» обсуждались вопросы развития Ростова-на-Дону после Чемпионата мира по футболу.

На третьей сессии «Муниципальное управление: как делить полномочия в целях развития?».

В заключение, хотелось бы отметить следующее: едва ли в ближайшем будущем Ростов-на-Дону сможет стать «умным городом» в полном смысле этого слова. Но благодаря молодым, активным и инициативным урбанистам существует надежда на благоустройство и комфортность городского пространства нашего города.

ПОСЛЕ УРБАНИЗАЦИИ... СНОВА УРБАНИЗАЦИЯ? ПРИГОРОДНЫЙ РОСТ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

А.С. БРЕСЛАВСКИЙ

Большинство крупных городов постсоветской России, как минимум из числа областных, краевых, республиканских центров, несмотря на множественные их различия, объединяет сегодня одно обстоятельство – массовая застройка их окраин и пригородной зоны. Эта застройка приобрела главным образом частный характер, поскольку значимые государственные и муниципальные проекты в области городского строительства в 1990-2015-ые гг. в основном касались единичных случаев (как, например, Сочи перед зимней олимпиадой 2014 г., Владивосток перед саммитом АТЭС 2012 г. и др.). В целом же по стране именно частные инвестиции и частные застройщики были основными участниками городскихстроек. На наших глазах тут и там возникли коттеджные поселки, микрорайоны домов усадебного типа, высотки, активно переобустраиваются под круглогодичное проживание городские и пригородные дачи, меняют свой облик села и поселки, расположенные неподалеку от крупных городских центров. Все эти процессы в России вполне укладываются в модель так называемой «постсоциалистической пригородной революции», которая охватила большинство крупных городов на постсоветском пространстве¹⁴⁵.

В 1990-2000-ые гг. в условиях высокой либерализации отношений в области распределения городской земли и недвижимости, масштабы частной, в т.ч. индивидуальной застройки в крупных российских городах существенно повысились. К сожалению, не по всем сегментам жилищного строительства в нашей стране ведется статистический учет, однако даже данные включенного наблюдения в большинстве крупных городов в России, скорее всего, зарегистрируют такого рода явление. Этот бурный рост явился следствием как субъективных, так и вполне объективных факторов, среди которых можно отметить следующие. Во-первых, это жилищный кризис, особенно обострившийся уже в период форсированной индустриализации страны 1930-х гг. и бурного роста советских городов в послевоенный период. К концу 1980-х гг., несмотря на масштабные проекты по строительству стандартизированного жи-

¹⁴⁵ Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell

ля, в крупных отечественных городах очереди на жилье никогда не исчезали. Распад Союза, отмена запретов на частную собственность и частное строительство вместе с упомянутой выше либерализацией отношений в области застройки городских и пригородных территорий привели в взрыве частного жилищного строительства на ранее не освоенных землях.

Во-вторых, широкое освоение горожанами периферийных городских территорий и пригородов в 1990-ые гг. стало следствием того, что многие центральные и околоцентральные городские микрорайоны пережили в это время инфраструктурный кризис и даже разруху, поскольку средств у муниципалитетов на поддержание инженерных сетей, социальной инфраструктуры в городах не было. В добавок к этому платежи ЖКХ в условиях, когда доходы населения резко упали, стали для части домохозяйств непосильными. Это подтолкнуло некоторые из них покинуть свои благоустроенные квартиры в центральных городских областях и приобрести частное жилье «на земле», в том числе на городских окраинах и за их пределами. Такое жилье обслуживать оказалось дешевле. К тому же на земле можно было получить продукты растениеводства. Городские дачи в 1990-ые гг. вдруг стали важным источником для выживания значительного количества городских семей. Стесненные небольшими квартирами, общежитиями горожане стали переобустраивать свои летние дачные домики в полноценные дома, коттеджи, обустраивать их в зависимости от доходов и личных предпочтений. Эти процессы активно продолжаются и сегодня.

Третья причина взрывного роста застройки периферийных территорий крупных отечественных городов – это внутренняя миграция. Города-столицы-ресурсные центры, особенно в слабо урбанизированных регионах, стали главными центрами притяжения для сельских мигрантов. Сельско-городская миграция стала вполне объективным следствием кризиса рынка труда на селе в 1990-2000-ые гг., в результате которого местные жители по вполне универсальным причинам обратили внимание на ближайшие крупные города. Сельские мигранты внесли свой, в отдельных случаях очень ощутимый, «вклад» в рост пригородной застройки, дифференцировали жилищные рынки крупных городов.

Взрывной рост застройки пригородных территорий крупных городов нашей страны не привел однако к сколь-нибудь значительной реакции на этот процесс со стороны отечественных исследователей. В ходе нашей работы по изучению пригородов крупных городов Восточной Си-

бири в 2010–2014 гг.¹⁴⁶ мы столкнулись с явным кризисом отечественных исследований в этом предметном поле. В то же самое время, например, в Восточной Европе аналогичные процессы пригородного роста уже вызвали к жизни академическую дискуссию. В этой связи представляется важным обратить внимание на то, что представляют собой *suburban studies* в современном мире и какие возможности для понимания российского поля дают разные международные традиции в изучении пригородов.

Глобальное разнообразие пригородов и его изучение за рубежом

Пригороды в качестве специфического социально-экономического и культурного явления уже несколько десятилетий являются предметом разнообразных исследований в англоязычном мире. Если до конца XX в. научные центры были сосредоточены преимущественно в Западной Европе и США (на «исторической родине пригородов»)¹⁴⁷, то сегодня проблемы субурбанизации стали активно изучаться во всем мире: география сети специалистов и самих исследований активно расширяется¹⁴⁸. Количество работ, учитываемых в системе Web of Science, в названиях (или аннотациях) которых присутствует слово «пригород», в последние три десятилетия лишь росло: в конце 1970–1980-х гг. в год выходило около 100 работ, в 1990-х гг. – 240, и в течение 2000-х гг. ежегодно – 380¹⁴⁹.

Наиболее длительные традиции в изучении пригородов сложились в Великобритании и США. Знакомство со ставшими классическими трудами английских и американских авторов позволяет понять, какую роль пригороды сыграли в городской истории европейских стран, а

¹⁴⁶ См., напр. Бреславский А.С. (2014) Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН..

¹⁴⁷ См. Carr С.М.Н., Whitehand J.W.R. (2001) *Twentieth-Century Suburbs: a Morphological Approach* (Planning, History and Environment Series). London: Routledge; Jackson K.T. (1985) *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*. Oxford: Oxford University Press.

¹⁴⁸ Например, см. Scheer B.C., Stanilov K. (eds.) (2005) *Suburban Form: An International Perspective* Paperback. New York: Routledge; Clapson M., Hutchison R. (2010) Introduction: Suburbanization in Global Society // *Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society* (eds. Clapson M., Hutchison R.), vol. 10, pp. 1–14. Phelps N.A., Wu F. (eds.) (2011) *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* London: Palgrave Macmillan; Dines M., Vermeulen T. (eds.) (2013) *New Suburban Stories*. London: Bloomsbury Academic; Keil R. (ed.) (2013) *Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century*. Berlin: Jovis Publishers

¹⁴⁹ Harris R., Lewis R. (1998) Constructing a Fault(y) Zone: Misrepresentations of American Cities and Suburbs, 1900–1950 // *Annals of the Association of American Geographers*, no 88(4), pp. 622–639, p. 16

также (и в особенности) Соединенных Штатов Америки¹⁵⁰. Следует уточнить, что именно американские пригороды стали объектом наибольшего количества исследований в этой области: в период с 1975 по 2009 гг. в системе Web of Science 67% научных статей о пригородах касались именно США¹⁵¹. И это неудивительно, поскольку масштабы субурбанизации в этой стране в XX в. превысили все мировые рекорды, сделав Америку «страной пригородов» – государством, в котором они стали не только значимым символом национальной культуры, но и основным местом жительства граждан¹⁵². Американские пригороды, долгое время считавшиеся олицетворением «американской мечты» о собственном доме с лужайкой и автомобилем, обителью «белого» «среднего класса», постепенно изменились вместе со всем американским обществом. Сегодня в число наиболее актуальных тем исследований пригородной жизни в США наряду с задачами государственного регулирования, демографии, архитектуры вошли вопросы бедности и преступности, расовые и межконфессиональные проблемы¹⁵³. Исследователи говорят о кардинально новом этапе в урбанизации и субурбанизации в США¹⁵⁴, окончании периода «классической» субурбанизации, теряющей популярность в современном американском обществе¹⁵⁵. Необходимо напомнить, что пригороды США оставили за собой первенство в количестве научных исследований, посвященных проблемам их развития, оставляя позади страны Западной Европы, Канаду, Новую Зеландию, Австралию и все развивающиеся страны глобального Юга.

Одновременно с этим в мировом научном сообществе нарастает понимание того, что изучение пригородов в разных уголках мира невозможно с опорой лишь на англо-американскую пример, и тем не менее эта парадигма все же продолжает доминировать в современных город-

¹⁵⁰ См. Jackson K.T. (1985) *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*. Oxford: Oxford University Press; Fishman R. (1987) *Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia*. New York: Basic Books; Hayden D. (2004) *Building Suburbia: Green Fields and Urban Growth, 1820–2000*. New York: Vintage Books

¹⁵¹ Harris R. (2010) *Meaningful Types in a World of Suburbs // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society*, vol. 10, pp. 15–47, p. 17

¹⁵² Jackson K.T. (1985) *Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States*. Oxford: Oxford University Press.

¹⁵³ Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. (2000) *Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream*. New York: North Point Press; Orfield M. (2002) *American Metropolitcs: The New Suburban Reality*. Washington DC: Brookings Institution Press; Hanlon B., Short J.R., Vici- no T.J. (2009) *Cities and Suburbs: New Metropolitan Realities in the US*. New York: Routledge;

¹⁵⁴ De Jong J.K. (2013) *New SubUrbanisms*. London: Routledge.

¹⁵⁵ Gallagher L. (2014) *The End of the Suburbs: Where the American Dream Is Moving*. New York: Portfolio

ских исследованиях¹⁵⁶. Это главенствование проявляется, например, в том, что до сих пор внеамериканский опыт субурбанизации рассматривается, интерпретируется учеными как своего рода «отклонение» от американской «идеальной» модели развития пригородов.

Вплоть до последнего времени (конца 2000-х гг.) в зарубежной урбанистике, богатой на обобщающие, обзорные, сравнительные исследования, проблемы пригородов развивающихся стран были не столь актуальны и часто игнорировались. В большинстве крупных обзоров городских исследований тематика пригородов до сих пор звучит по-прежнему менее явно, чем собственно городская проблематика¹⁵⁷. Вполне резонным в этой связи кажется вопрос канадца Ричарда Харриса о том, «что мы можем узнать об опыте современной субурбанизации в Африке, Азии из исследований, которые в значительной степени опирались на англо-американский контекст? Должны ли мы искать новую парадигму для понимания субурбанизации в начале двадцать первого века? Должны ли мы обратиться к новым направлениям пригородных исследований за пределами англо-американского опыта?»¹⁵⁸. Утвердительный ответ на этот вопрос опирается на расширяющуюся географию *suburban studies*, вскрывающих разнообразие форм пригородной жизни и условий их возникновения вне англо-американского мира (и шире – глобального Севера).

Одним из первых ученых, заявивших о необходимости более активного изучения городов глобального Юга, стала также Дженни Робинсон, работы которой призвали к более широкому освещению опыта городского развития в странах Южной Америки, Азии и Африки¹⁵⁹. Именно в этих странах сегодня наиболее активно происходит рост населения (мира) и разворачиваются процессы урбанизации и субурбанизации. Подобные побудительные заявления западных урбанистов способствовали в итоге более интенсивной международной интеграции исследова-

¹⁵⁶ Clapson M., Hutchison R. (2010) Introduction: Suburbanization in Global Society // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society (eds. Clapson M., Hutchison R.), vol. 10, pp. 1–14.

¹⁵⁷ Parnell S., Oldfield S. (eds.) (2014) The Routledge Handbook on Cities of the Global South, New York: Routledge.

¹⁵⁸ Harris R., Lewis R. (1998) Constructing a Fault(y) Zone: Misrepresentations of American Cities and Suburbs, 1900–1950 // Annals of the Association of American Geographers, no 88(4), pp. 622–639.

¹⁵⁹ Robinson J. (2002) Global and World Cities. A View from off the Map // International Journal of Urban and Regional Research, no 26(3), pp. 531–554; Robinson J. (2005) Ordinary Cities. Between Modernity and Development. London: Routledge.

телей пригородов и расширению области их исследований в развивающихся странах в последние 10–15 лет¹⁶⁰.

Исторические исследования и изучение современности стран глобального Юга позволили переосмыслить некоторые «догмы» англо-американской модели: убеждение, что формирование пригородов основано на личном выборе (в то время как часто они формируются вследствие вынужденного переселения: из-за войн, голода и т.п.), что источником их развития выступает городское сообщество (при том, что во многих странах пригороды формировались и формируются сегодня в результате сельско-городской миграции), наконец, то, что многие скваттерские (самовольные) поселения (*squatter settlements*) не могут получить привлекательный облик и привлечь средний класс и бизнес (обратное демонстрирует, например, Латинская Америка).

С точки зрения содержания проводимых исследований отметим, что в большинстве известных нам работ о пригородах в развивающихся странах на первый план выходят две проблемы, а именно бедности и скваттерских (самовольных) поселений¹⁶¹. И здесь важно отметить, что в англо-американской традиции изучения пригородов существует устойчивое разделение собственно пригородов (*suburbs*) и скваттерских поселений, которые в исследованиях «де факто» не считаются пригородами. Кроме того, подразумевается, что первый тип периферийного процесса характерен для городов развитых стран, а второй – для развивающихся государств¹⁶².

В контексте российских исследований субурбанизации эти тезисы крайне актуальны, хотя и должны быть приняты с определенными оговорками, связанными не только с российской спецификой и особенностями регионального разнообразия страны, но и со всем постсоветским пространством в целом. Изучение пригородов, выполненное в странах бывшего социалистического лагеря, выявляет во многом сходные тен-

¹⁶⁰ См. напр. Keil R. (ed.) (2013) *Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century*. Berlin: Jovis Publishers; Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell.

¹⁶¹ Huchzermeyer M. (2004) *Unlawful Occupation. Informal Settlements and Urban Policy in South Africa and Brazil*. Trenton, NJ: Africa World Press; Davis M. (2006) *Planet of Slums*. London: Verso; Neuwirth R. (2006) *Shadow Cities. A Billion Squatters. A New World*. New York: Routledge; Tsenkova S., Potsiou, C., Badina A. (2009) *Self-made Cities. Informal Settlements in the UNECE Region*. Geneva: United Nations Economic Commission for Europe.

¹⁶² У такой точки зрения уже появились свои оппоненты. См. Harris R. (2010) *Meaningful Types in a World of Suburbs // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society*, vol. 10, pp. 15–47., pp. 21–22.

денции в городском развитии этих государств¹⁶³: так, как минимум с середины 1990-х гг. процессы субурбанизации стали определяющим фактором в развитии многих постсоциалистических городов Центральной и Восточной Европы. Недавние исследования выявили, что города Эстонии, Хорватии, Латвии, Словакии, Польши, Венгрии и Болгарии по темпам субурбанизации превзошли города Западной Европы¹⁶⁴, что позволило ученым назвать эти процессы «постсоциалистической пригородной революцией»¹⁶⁵. Этот взрыв не в последнюю очередь оказался связан с децентрализацией этих городов, ослаблением государственного контроля над городским развитием в посткоммунистических государствах, что было особенно характерно для стран бывшего СССР. Масштабное развитие частного сектора в 1990–2000-е гг. вокруг относительно компактных центральных городских областей явилось следствием длительного и непрекращающегося кризиса в жилищном строительстве в условиях ускоренной социалистической урбанизации. Приватизация, развитие института частной собственности, массовая автомобилизация сняли последние барьеры в развитии пригородных зон этих городов. Однако, если большая часть восточноевропейских государств и страны Балтии достаточно быстро взяли под контроль процессы субурбанизации (в конце 1990-х – середине 2000-х гг.), то во многих постсоветских странах Центральной Азии, а также в России процессы городской и пригородной застройки буквально до последних лет развивались подчас стихийно, в логике рыночных отношений, не всегда положительно влияющих на эти территории.

Отметим, что современную Россию с большинством стран СНГ объединяет массовое переселение сельских жителей в крупные и средние города, развитие частного сектора на городской периферии после многих лет государственных ограничений. Пожалуй, именно характер миграции и отличает постсоветские города от западных, для которых в последние десятилетия было характерно превалирование внешней, а не внутренней миграции. В отношении новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР, интересным кажется замечание Н.П. Космарской, которая отмечает, что жизнь городов на пространстве бывшего СССР развивалась под воздействием двух важнейших факто-

¹⁶³ См. напр. Stanilov K., Hirt S. (2009) *Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009.* Nairobi: UN Habitat.

¹⁶⁴ Там же. С. 87

¹⁶⁵ Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe.* Oxford: Wiley-Blackwell. С. 6

ров, нетипичных для городов Запада. Речь идет о не имеющих аналога на Западе мощных трансформациях «бытия» и «сознания», вызванных распадом СССР, и значительном воздействии на эти города внутренней миграции – миграции относительно близких по культуре сограждан, а не внешней, ставшей вызовом для Запада с послевоенных времен¹⁶⁶. Эти тезисы, связанные с массовыми миграциями сельских жителей в крупные города, находят отражение в исследованиях, касающихся, допустим, Кыргызстана (и развития пригородов Бишкека), Казахстана (Астана), Республики Беларусь (Минск), Монголии (Улан-Батор) и других стран бывшего социалистического блока¹⁶⁷.

Отдельно выделим китайские исследования пригородных поселений. Это обязывает сделать не только географическая и политическая близость этого государства с Россией, но и то обстоятельство, что сегодня именно Китай входит в число стран, в которых пригородные исследования за последние 2–3 десятилетия получили наибольшее развитие. Процессы субурбанизации, как отмечают китайские ученые, берут начало в 1980-х гг.¹⁶⁸. Все это время они развивались в условиях государственного регулирования внутренней миграции и перенаселенности сельских территорий, кризиса в сфере жилья и ограниченных возможностей при трудоустройстве. Современные китайские пригороды получили специфичные формы, помимо всего прочего, и в силу того, что они, как правило, имеют многофункциональный характер, сочетая в себе

¹⁶⁶ Космарская Н.П. (2010) Исследования города // Антропологический форум. № 12. С. 74–85. С. 76

¹⁶⁷ См. Батбаяр Т., Галиймаа Н. (2010) Внутренняя миграция: нынешнее положение и возникшие проблемы (на примере Улан-Батора 1990–2008 гг.) // Базаров Б.В. (ред.) Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Оттиск. С. 223–231; Петракова Ю.Н. (2010) Миграция в Беларуси // Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. (ред.) Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси. Кишинев: Штиинца; Алексеенко А.Н. (2011) Внутренние миграции в Казахстане и формирование «нового» городского пространства // Дятлов В.И. (ред.) Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск; Миграция в современном Кыргызстане (2011) // Демоскоп Weekly. № 481–482 // http://demoscope.ru/weekly/2011/0481/s_map.php#1

¹⁶⁸ Feng J., Zhou Y. (2005) Suburbanization and the Changes of Urban Internal Spatial Structure in Hangzhou, China // Urban Geography, no 26 (2), pp. 107–136.

промышленные, торговые и жилые площади, государственное и частное жилье¹⁶⁹.

Существенные сходства в современных процессах субурбанизации в странах СНГ и шире – бывшего социалистического блока – позволяют нам говорить о некоторых основных типах пригородного развития в этих государствах. Наиболее удачная типология, на наш взгляд, была представлена в уже упоминавшийся ранее работе Кирилла Станилова и Сони Херт:

– первый тип, о котором мы уже упоминали выше, рассматривая более широкий опыт глобального Юга, связан с развитием скваттерских поселений. Сегодня они наиболее распространены в Центральной Азии, на Кавказе и в некоторых балканских странах;

– второй тип пригородного развития – рост существующих деревень и городов в столичной периферии. Этот тип подразделяется на два возможных направления. Первое связано с развитием поселений-спутников в рамках столичной агломерации силами бедного класса и рабочими, стремящимися найти более дешевое жилье недалеко от города. Второе направление в рамках этого типа развития относится к формированию пригородных поселений богатыми домохозяйствами и средним классом, включая строительство парков, развлекательных и торговых объектов;

– третий тип пригородного развития – трансформация бывших дач в добротные жилые пригороды. Построенные в советское время и имевшие характер сезонного жилья в постсоветский период они были массово перестроены под жилые нужды во всех странах СНГ;

– четвертый тип пригородного развития – строительство проектируемых крупномасштабных пригородных поселений с использованием иностранных инвестиций;

¹⁶⁹ См. Zhou Y., Ma J.C. (2000) Economic Restructuring and Suburbanization in China // *Urban Geography*, no 21, pp. 205–236; Bray I. (2005) *Social Space and Governance in Urban China. The Danwei System from Origins to Urban Reform*. Stanford. CA: Stanford University Press; Huang Y. (2005) *From Work-unit Compound to Gated Communities. Housing Inequality and Residential Segregation in Transitional Beijing* // *Restructuring the Chinese city. Changing Society, Economy and Space*. Eds. Ma L.J.C., Wu F. London: Routledge, pp. 192–221; Feng J., Zhou. Y., Wu F. (2008) *New Trends of Suburbanization in Beijing since 1990. From Government-led to Market-oriented* // *Regional Studies*, no 42(1), pp. 83–99; Wu F., Xu J., Yeh A.G.O. (2007) *Urban Development in Post-reform China. State, Market and Space*. London: Routledge; Li Z., Wu F. (2008) *Tenure-based Residential Segregation in Post-reform Chinese Cities. A Case Study of Shanghai* // *Transactions of the Institute of British Geographers*, no 33, pp. 404–419; Zhou Y., Logan. J.R. (2008) *Growth on the Edge. The New Chinese Metropolis* // *Urban China in Transition*. (ed. Logan J.R.). Oxford: Blackwell, pp. 140–160; Fleischer F. (2010) *Suburban Beijing: Housing and Consumption in Contemporary China*. Minnesota: University of Minnesota Press.

– пятый тип включает в себя развитие нежилой пригородной инфраструктуры: строительство в пригородах торговых и офисных центров, складских и промышленных строений на основных транспортных узлах и коридорах городской периферии¹⁷⁰.

Расширяющаяся география пригородных исследований позволяет говорить о многообразии форм пригородов, условий их возникновения и развития. Одновременно она дает возможность установить и определенные универсальные черты тех или иных пригородных поселений, развивающихся в разных условиях – национальных культурах и экономиках. Интерес в этой связи представляет еще одна типологизация пригородных поселений, предложенная Ричардом Харрисом и выстроенная им с точки зрения мотивов и действий жителей этих районов, что делает ее достаточно универсальной. Канадский ученый подразделяет пригородных переселенцев на тех, для кого этот выбор был свободным, и на тех, для кого он стал вынужденным, а также на тех, кто едет в пригород из города, и на тех, кто движется в город из внегородских территорий. Свободный выбор совершают те, кто самостоятельно решает перебраться в пригород, имея для этого, в частности, финансовые возможности и осознанное стремление к пригородному образу жизни. К числу вынужденных переселенцев относятся беженцы, а также люди, которые в силу ряда причин, например, финансовых, не могут позволить себе жить в городе, хотя хотели бы¹⁷¹.

Как знание о глобальном разнообразии пригородов может помочь в изучении российских пригородов? Ответ достаточно прост: оно дает понимание того, что Россия по многим характеристикам встраивается, как минимум, в более широкую колею развития городов на всем постсоциалистическом пространстве, и это может быть использовано при анализе процессов субурбанизации в нашей стране. Многие проблемы, связанные с современным развитием пригородных зон крупных российских городов (бедность, самовольное строительство, проблемы застройки и инфраструктуры, эстетически неприглядный облик, длительная отстраненность городских и местных властей от процессов планирования и строительства), хорошо задокументированы исследователями во многих развивающихся странах. Получается ли, что пригороды России

¹⁷⁰ Stanilov K., Hirt S. (2009) Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009. Nairobi: UN Habitat., С. 89-91

¹⁷¹ Harris R. (2010) Meaningful Types in a World of Suburbs // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society, vol. 10, pp. 15–47. С. 33

развиваются по схожему для этих государств сценарию? Надо согласиться с этим утверждением, но полностью признать его было бы неправильно, поскольку процессы субурбанизации в современной России оказались достаточно специфичны: на это повлияли и опыт урбанизации страны в советский период, и множественные метаморфозы переходного периода, и особенности внутренней и внешней миграции, и климат, и т.п. Изучение этих территориальных особенностей (шире – моделей) субурбанизации – одна из значимых задач современной отечественной урбанистики, и важно на этом пути продолжить исследовать не только крупные столичные города (Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск и т.д.), но и города на периферии, также вовлеченные в процессы субурбанизации. Используя уже разработанные типологии пригородного развития, основные векторы анализа (модели субурбанизации, ее движущие силы, последствия и результаты, задачи управления субурбанизацией и пр.), можно более активно включиться в современные академические дискуссии в области пригородных исследований, тем более сегодня они только складываются. Как же обстоит дело с изучением пригородов в современной России?

Изучение пригородов в России

Сразу отметим, в российской социально-гуманитарной науке пригороды не стали предметом широких исследований, несмотря на активное развитие процессов субурбанизации в последние два десятилетия. Слабо осмыслено само предметное поле, ощущается недостаток конкретных исследований и, соответственно, обобщающих работ, не отточены методологические подходы и методики проведения полевых исследований. И это понятно, поскольку отечественная социология и экономика города крайне медленно выходят из своего дисциплинарного кризиса. В вышедшем 16 лет назад и достаточно знаковом сборнике «Российское городское пространство: попытка осмысления» В.В. Вагин отмечает: «Городская социология остается падчерицей отечественной социологии. Поэтому выход всякой новой книги по социологии города – это событие»¹⁷². Одним из таких событий стало, в частности, издание книги известного урбаниста Е.Г. Трубиной «Город в теории: опыты осмысления пространства», в которой она представила широчайший

¹⁷² Вагин В.В. (2000) Российские города: новые подходы к изучению. Вместо предисловия // Вагин В.В. (ред.) Российское городское пространство: попытка осмысления. Серия «Научные доклады». Вып. 116. М.: МОНФ. С.8

спектр зарубежных исследований города¹⁷³. Значимость этой работы заключается в том, что до сих пор российские ученые, интересующиеся проблемами городского развития, тотально обращаются к западной литературе, не имея опоры в лице отечественных предшественников. А как же тогда обстоит дело с изучением пригородов?

Приходится констатировать, что ситуация в этом предметном поле ненамного лучше. Отечественных работ по изучению современных российских пригородов крайне мало, как и специалистов, последовательно занимающихся разработкой этой темы. Это подтвердил и наш анализ баз данных журнальных статей и монографий в системах РИНЦ, Web of Science и Scopus (на октябрь 2015 г.), в ходе которого мы не обнаружили значительного количества публикаций, в названиях и аннотациях к которым упоминались бы слова «пригород» и «субурбанизация» (в поисковых запросах отмечались только социальные и гуманитарные науки).

Среди известных работ следует выделить монографию иркутского демографа К.В. Григоричева «В тени большого города: социальное пространство пригорода», в которой он рассматривает современные реалии пригородных поселений Иркутска¹⁷⁴. Опираясь на собственное полевое исследование и материалы статистики, автор анализирует специфику формирования пригородных поселений, взаимодействия переселенцев из города, трансграничных мигрантов и коренного населения, складывание новой экономки и властной сферы через призму концепта транслокальности. Данная работа к настоящему моменту является, пожалуй, единственным монографическим исследованием пригородов современной России, примером многоаспектного обследования пригородных поселений и пригородной жизни.

Среди социологических работ, напрямую затрагивающих проблемы субурбанизации в России, отметим коллективное исследование О.В. Петри, К.Э. Аксенова и С.А. Крутикова, посвященное пригородам Санкт-Петербурга, в котором ими проанализированы различные мотивы формирования закрытых жилых пространств внутри города и в пригороде¹⁷⁵. Изучение закрытого пригородного жилья, которое Соня Херт

¹⁷³ Трубина Е.Г. (2011) Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение.

¹⁷⁴ Григоричев К.В. (2013) В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск.

¹⁷⁵ Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А. (2012) Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Геология, география». № 1. С. 86–98

назвала «новым железным занавесом»¹⁷⁶, особенно актуально для пост-социалистических городов. Более обширно процессы субурбанизации в Ленинградской области изучены З.А. Михеевой, которая в своем диссертационном исследовании рассматривает основные сегменты пригородной зоны области и Санкт-Петербурга, а также выявляет потенциал субурбанизации региона с точки зрения задач жилищной политики¹⁷⁷. Чуть более широко, по вполне понятным причинам, изучено современное развитие московской агломерации, в том числе за счет процессов субурбанизации¹⁷⁸. Надо сказать, что именно Москва обычно попадает в зарубежные сборники научных исследований субурбанизации. Тем важнее, когда появляются работы, дающие представление об общероссийских тенденциях, как, например, статья Звягинцева В.И. и Неуважаевой М.А., посвященная феномену «обратной миграции» в современной России, позволяющая оценить потенциал субурбанизации в стране¹⁷⁹.

Схожую с социологами активность в изучении пригородов отечественных городов проявили историки. Помимо работ о древних пригородах (городищах), которыми занимаются археологи, исследователям современности будут интересны работы, раскрывающие картину пригородной жизни в России в средние века и позднее. В этой связи мы можем выделить труды по экономической истории А.В. Белова, посвященные пригородам Москвы во второй половине XIX в. – начале XX в.¹⁸⁰, работы Д.С. Дегтярева по пригородным поселениям дореволюционного Томска¹⁸¹. Исторические исследования пригородов российских городов крайне важны для нас по понятным причинам: без знания исторических

¹⁷⁶ Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.

¹⁷⁷ Михеева З.А. (2012) *Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области: дис... к.г.н.: 25.00.24*. СПб: СПбГУ.

¹⁷⁸ Симагин Ю.А. (1997) *Экономико-географические аспекты субурбанизации в Московском столичном регионе: дис. ... к.г.н. : 11.00.02*. М.: МГУ, Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г. (2003) *Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития*. Смоленск: Ойкумена; Golubchikov O., Phelps N.A., Makhrova A. (2011) *Khimki in Moscow City-region: From 'Closed City' to 'Edge City'? // International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* (eds. Phelps N.A., Wu F.), London: Palgrave Macmillan. С. 177-192

¹⁷⁹ Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. (2015) *Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // Мир России*. Т. 24. № 1. С. 101–135.

¹⁸⁰ См. напр. Белов А.В. (2005) *Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX века: город и процессы урбанизации сельских окраин*. Москва: Папирус Про.

¹⁸¹ Дегтярев Д.С. (2012) *Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. № 1. С. 100–107.

форм пригородных поселений, понимания исторического контекста, в котором они возникали и изменялись, невозможно корректно ставить и решать задачи в современных обследованиях.

Отечественных экономистов, как показал наш анализ, в пригородах интересуют преимущественно проблемы рынка жилья и недвижимости, а также вопросы расселения населения в качестве трудового ресурса¹⁸². В то же время многие другие значимые темы (бедность, трудовая миграция, экономика пригородных домохозяйств и пр.) по-прежнему остаются без сколько-нибудь пристального внимания. Однако появляются также работы, представляющие более широкую картину экономики пригорода и ее связи с экономикой города¹⁸³.

Отдельно выделим исследования российских дач, поскольку именно их массовое преобразование в капитальные жилые сооружения стало значимым направлением субурбанизации на всем постсоветском пространстве и в России в частности. Кроме того, дачи в России продолжают выполнять и свою изначальную функцию второго жилья горожанина, предназначенного для отдыха и любительского земледелия¹⁸⁴. Отметим также, что среди прочих направлений пригородного развития городов на постсоветском пространстве, о которых говорилось выше, именно дачная субурбанизация привлекла наибольшее внимание исследователей, в то время как, например, скваттерские (самовольные) поселения, распространенные в некоторых городах страны, пригородные села и поселки пока еще остаются без своего исследователя. Среди современных исследований российских дач выделим работы Н.Г. Нефедовой, содержащие значимые классификации типов дачного жилья, исторические формы дач, характер их использования в современной России, обзор ис-

¹⁸² Шибаева М.А. (2008) Определение экономически выгодной удаленности приобретаемого в пригороде жилья // Предпринимательство. № 6. С. 151–154; Нефедова Т.Г. (2009) Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // Экономическая наука современной России. № 1. С. 62–77; Медведева Л.Н. (2011) Пригородная зона как одна из форм социально-экономического и территориального расселения горожан: актуальность и значение // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 150. № 3. С. 139–148; Муравьев А.А., Позмогова С.Б. (2012) Перспективы развития города Ульяновска в процессе перехода от урбанизации к субурбанизации // Вестник Ульяновского государственного технического университета. № 3 (59). С. 56–59.

¹⁸³ Цибульский В.Р., Мухамедшина Е.В. (2008) Пригородная экономика // Вестник Челябинского государственного университета. № 29. С. 52–63; Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2013) Особенности субурбанизации в московской агломерации в постсоветский период // Известия РАН. Серия «География». № 2. С. 19–29.

¹⁸⁴Щепеткова И.О. (2013) Дача: пригородная рекреация или физический труд // Географический вестник. № 3(26). С. 104–106.

следований дач в советское время и в современный период¹⁸⁵. Она показывает, в частности, что дачи сегодня могут отражать процессы субурбанизации, служить местом отдыха, рассматриваться в качестве объекта инвестиций в недвижимость или средства агропродовольственного самообеспечения горожан. Анализируя особенности российской субурбанизации, Т.Г. Нефедова выделяет шесть типов дач столичных городов России, возникших в досоветский, советский и постсоветский период: классические старые дачи, служебные государственные дачи, садовые товарищества, дома в деревнях (купленные или унаследованные), отдельные виллы и коттеджные поселки¹⁸⁶.

Следует подчеркнуть, что российские дачи стали предметом нескольких монографических исследований¹⁸⁷, в том числе выполненных зарубежными авторами¹⁸⁸. Вместе с тем, как недавно отметил географ А.И. Трейвиш, наше «дачеведение» до сих пор неадекватно масштабам дачевладения в стране, которая может считаться рекордсменом в мире по числу этого вида второго жилья¹⁸⁹.

Анализ публикаций, касающихся субурбанизации в современной России, приводит к следующим выводам. Начнем с того, что эти публикации не столь многочисленны, как и специалисты, последовательно изучающие обозначенную проблематику. И это при том, что в России обозначенные процессы активно развиваются и видоизменяются уже как минимум второе десятилетие. Следует также отметить, что основной блок публикаций приходится на изучение двух крупных городских агломераций – московской и Санкт-Петербургской, в то время как мно-

¹⁸⁵ Нефедова Н.Г. (2001) Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен (Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского). М.: ОГИ. С. 374–399; Нефедова Н.Г. (2008) Российская глубинка глазами ее обитателей // Покровский Н.Е. (ред.) Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера. М.: Сообщество профессиональных социологов. С. 98–120; Нефедова Н.Г. (2011) Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 15. С. 161–173; Нефедова Н.Г. (2012) Горожане и дачи // Отечественные записки. № 3. С. 204–216.

¹⁸⁶ Нефедова Т.Г., Савчук И.Г. (2014) Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 39–47.

¹⁸⁷ Малинова-Тзиафета О. (2013) Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге

¹⁸⁸ Ловелл С. (2008) Дачники: История летнего жилья в России: 1710–2000. СПб.: Академический проект; ДНК; Caldwell M.L. (2011) *Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside*. Berkeley; L.A.: University of California Press.

¹⁸⁹ Трейвиш А.И. (2014) «Дачеведение» как наука о втором доме на западе и в России // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 22–32. С.24

гие города на периферии, в том числе города-миллионники, остаются без серьезного внимания со стороны ученых.

С содержательной точки зрения по имеющимся единичным работам сложно судить и о том, какого рода проблемы выходят на первый план в современных российских исследованиях пригородов. Предметное и дисциплинарное поле пока лишь складывается. Узкая география исследований не позволяет проводить сравнительные и сопоставительные исследования субурбанизации на основе данных из разных регионов России. Заманчивые попытки сопоставить развитие пригородов отечественных городов с пригородами в других странах также кажутся пока преждевременными. Наша общая задача в этой связи заключается не только в том, чтобы расширить географию исследований, но и начать на этой основе глубинную методологическую дискуссию о проблемах изучения пригородов в современной России. Очевидно, что это заставит задуматься и о более широких темах – развитии сельской и городской России, состоянии и перспективах внутренней миграции, урбанизации и т.п., что также немаловажно.

После урбанизации... снова урбанизация. Случай Улан-Удэ

В этом разделе, формирующем вторую часть статьи, будут представлены основные результаты полевых исследований пригородной зоны одного из крупных городов Восточной Сибири – Улан-Удэ¹⁹⁰, которые проводились автором в 2010–2014 гг. Итоги этой работы будут даны без количественных уточнений¹⁹¹.

Город Улан-Удэ – типичный по своей морфологии, логике, приоритетам и масштабам застройки продукт советской (социалистической) урбанизации. Во времена СССР в результате ускоренной урбанизации и индустриализации он превратился в главный и, по сути, единственный крупный город Республики Бурятия. При этом другие крупные городские поселения Бурятии оказались удалены друг от друга настолько, что в постсоветский период между ними и Улан-Удэ не возникли какие-либо агломеративные связи. В результате развернувшиеся в последние два десятилетия процессы субурбанизации и продолжающейся урбанизации охватили в республике в основном лишь город Улан-Удэ.

¹⁹⁰ Столица Республики Бурятия, основан в 1666 г., численность населения: 426 650 чел. (на 01.01.2015).

¹⁹¹ Эти данные опубликованы в: Бреславский А.С. (2014) Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.

К завершению советского периода территория города включала следующие значимые сегменты, характерные для большинства отечественных городов, развивавшихся в логике социалистического строительства:

- центральная часть (нынешний центр города – площадь Советов);
- промышленные зоны, возникшие в разных географических точках Улан-Удэ в 1930–1950-е гг. и определившие развитие города в советский период (паровозовагоноремонтный завод, стеклозавод, авиазавод, мелькомбинат, мясокомбинат и др.);
- поселения-заводские спутники – рабочие поселки, возникшие при крупных заводах и предприятиях со смешанной застройкой (много- и малоэтажные, в том числе одноэтажные многоквартирные и отдельные дома);
- спальные районы – микрорайоны многоэтажного жилого строительства с комплексом социально-бытовой инфраструктуры;
- слабоурбанизированные поселки – поселения, входящие в состав города, застроенные одноэтажными индивидуальными домами усадебного типа, в том числе частично самовольно;
- садово-дачные товарищества и кооперативы, массово возникшие в городе и его пригородной зоне с начала 1960-х гг.

Постсоветский период привнес в территориальное и жилищное развитие Улан-Удэ и его пригородов множество значимых изменений, схожих с теми, что произошли в большинстве постсоциалистических городов, за исключением, пожалуй, влияния глобальных инвестиций, на которые город, находящийся вдали от крупных экономических проектов, сегодня не рассчитывает.

Когда после легализации права частной собственности в 1990-е гг. была разрешена приватизация земли и расширены права в использовании недвижимого имущества, люди получили большие возможности в выборе места жительства, покупке жилья и земли. Постепенно в Улан-Удэ, как и во всей стране, начал складываться городской рынок земли и недвижимости, а перманентный кризис в области жилья, сохранявшийся в течение всего советского периода, обернулся взрывом частного строительства на городской периферии в 1990–2000-е гг.

С другой стороны, как и во многих постсоциалистических городах, в Улан-Удэ в связи с отказом от централизованного управления и реформой местного самоуправления отношения в области городской не-

движимости и земли оказались крайне либерализованы. Переходный период был отмечен существенной децентрализацией политической власти, начиная с государственного и заканчивая муниципальным уровнем управления городом. В Улан-Удэ небывалые масштабы приобрело одноэтажное деревянное жилое строительство, в том числе и самовольное, достигшее таких значительных размеров, что это спровоцировало в середине 2000-х гг., волну общественных и политических дебатов («борьбу с самоволками»). Масштабы улан-удэнских скваттерских поселений превзошли размах этого явления в европейской части страны. Этому «поспособствовала» долгое время применявшаяся практика легализации самовольного строительства уже после его завершения без серьезного административного наказания, а также так называемый «закон о дачной амнистии» (№ 93-ФЗ)¹⁹².

Второе направление территориального и жилищного развития городских и пригородных территорий Улан-Удэ в постсоветский период, объединяющее его с другими постсоциалистическими городами, – это массовое переобустройство советских дач, не приспособленных к круглогодичному проживанию, в капитальные жилые сооружения с надворными постройками (прежде всего, баней и гаражом).

Третья тенденция – это рост числа микрорайонов коттеджей и таунхаусов, в том числе застраиваемых организованно и массово, с участием крупных строительных организаций. Это направление, вместе с промышленным освоением пригородов, строительством в пригородах бизнес-центров, торговых зон только начинает развиваться в Улан-Удэ, и перспективы его не ясны.

Наконец, четвертое направление, уже более конкретно связанное с процессами формирования пригородов, не входящих в черту города, – активный рост (разрастание) поселков и деревень в пригородной зоне столицы республики (в Иволгинском, Заиграевском и Тарбагатайском районах Бурятии). Все они в советский период являлись пригородами исключительно географически (располагаясь на физических границах городского округа), имели главным образом сельскохозяйственное назначение, а местное население работало преимущественно на местных предприятиях. Таким образом, пригородное положение этих посе-

¹⁹² Федеральный закон от 30 июня 2006 г. N 93-ФЗ "О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества" (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/12148034/#ixzz4VrSpYjH7>

лений еще не сильно влияло на трудовые практики и образ жизни местного населения.

Начиная с 1990-х гг., а в особенности в 2000-е гг., ситуацию меняет рост миграционной привлекательности этих территорий, в результате которого происходит существенное обновление местных сообществ, а также выстраивается их социальная (связанная, прежде всего, с профессиональной занятостью) ориентация на город, что позволяет говорить о рассматриваемых поселениях как о «пригородных» уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле.

Основным источником развития пригородной зоны Улан-Удэ, которая существенным образом расширилась в 1990–2000-е гг., стала миграция населения из сельских районов республики. В отличие от некоторых других крупных городов Сибири и Дальнего Востока (например, Новосибирска, Красноярска, Владивостока) Улан-Удэ слабо привлекает сибирских и дальневосточных мигрантов. Анкетный опрос, в котором приняли участие 444 респондента из 3 пригородных поселений Улан-Удэ, показал, что в среде мигрантов постсоветской волны, осевших в пригородах Улан-Удэ, входящих в состав городского округа, выделяются две группы: выходцы из сельской Бурятии, перебравшиеся к городу в 1990–2000-е гг. (92,34% опрошенных родились в сельских поселениях республики), и сами горожане (5,4%). В количественном отношении в рассмотренных случаях доминировали сельские мигранты среднего возраста с доходами среднего и ниже среднего уровня. Это, видимо, отличает Улан-Удэ от многих городов европейской части страны, в которых пригороды в постсоветский период разрастались главным образом за счет субурбанизации, хотя эта гипотеза требует дополнительных уточнений. Строго говоря, процессы формирования современных пригородов Улан-Удэ терминологически было бы неверно рассматривать как субурбанизацию, поскольку последняя в классическом варианте основана на переезде в пригороды горожан, а не (сельских) мигрантов извне. То, что было зарегистрировано в нашем исследовании, скорее констатирует продолжение центростремительных миграционных процессов в регионе, массовость которых пока превосходит процессы субурбанизации. Урбанизацию сменила... урбанизация, основанная, правда, уже не индустриализации территории, а на существующих диспропорциях в развитии сельских и городских территорий.

В отличие от многих современных западноевропейских городов и некоторых российских, пригороды Улан-Удэ в изучаемый период не

привлекали иностранных трудовых мигрантов. В ходе исследования не были обнаружены какие-либо существенные тенденции к образованию здесь кварталов, заселенных представителями иностранных диаспор, которые активно начали расти в городе с начала 2000-х гг.

С точки зрения формирующего архитектурного ландшафта застройки ситуация по всем поселениям пригородной зоны, не входящим в городской округ, в общем одинакова: большинство из жилищных новостроек (в том числе дворовые постройки) выполнены из дерева, сохраняют утилитарный «деревенский» стиль без каких-либо архитектурных изысков. Вместе с тем новые дома, которые активно строят мигранты, в подавляющем большинстве случаев не являются временным жильем, построены они основательно, обеспечивают уровень комфорта, сопоставимый с жильем в сельской местности.

Несмотря на то, что рассматриваемые пригородные поселения в последние 10–15 лет стали пригородными уже не только в географическом, но и в социально-экономическом смысле (более глубоко обозначилась их связь с городом, увеличились их площадь и население), сегодня они в целом сохранили вид достаточно типичных слабоурбанизированных сельских поселений: здесь недостаточно развита социально-бытовая инфраструктура; внутриселковые дороги требуют серьезного ремонта; в поселениях по-прежнему не решены многие хронические проблемы водоснабжения и т.п.; и при растущем количестве частного автотранспорта пригороды сохраняют высокую зависимость от общественных пассажирских перевозок.

Зарубежные исторические и географические исследования пригородов дают нам основания утверждать, что развитие пригородной зоны Улан-Удэ имеет много общего с мировой практикой. Значительное количество сельских мигрантов в итоге селится на окраинах, как это происходило в фавелах и скваттерских поселениях Латинской Америки в 1960-х и 1970-х гг.¹⁹³, в пригородных окраинах современных африканских городов¹⁹⁴, в мигрантских анклавах пригородных деревень в Китае

¹⁹³ Mangin W. (1967) Latin American Squatter Settlements. A Problem and a Solution // Latin American Research Review, no 2(3), pp. 65–98; Rogler L. (1967) Slums Neighborhoods in Latin America // Journal of Inter-American Studies, no 9, pp. 507–528; Losada H., Martinez J., Vieyra J., Pealing R., Zavala R., Cortes J. (1998) Urban Agriculture in the Metropolitan Zone of Mexico City. Changes over Time in Urban, Suburban and Peri-urban Areas // Environment and Urbanization, no 10(2), pp. 37–54.

¹⁹⁴ Simon D., McGregor D., Nsiah-Gyabaah K. (2004) The Changing Rural-urban Interface of African Cities. Definitional Issues and an Application to Kumasi, Ghana // Environment and Urbanisation, no 6(2), pp. 235–247;

и Юго-Восточной Азии¹⁹⁵. Не надо забывать, что массовая сельско-городская миграция и связанное с ней самовольное строительство были знакомы и городам Европы и Северной Америки XIX в.¹⁹⁶. В то же время, современные исследования показывают, как после замедления темпов сельско-городской миграции изменились многие латиноамериканские скваттерские поселения, превратившиеся в районы элитного жилья для среднего класса¹⁹⁷. Схожие трансформации происходят в других частях мира: в странах Южной Африки¹⁹⁸, в Индии¹⁹⁹, на юге Европы²⁰⁰, Ближнем Востоке²⁰¹.

Пригородные поселения Улан-Удэ возникли по распространенной во всем мире схеме. Все начиналось с разработки отдельных участков на границах городского округа, вблизи пригородных деревень, которые постепенно, по мере увеличения частного автотранспорта, стали расширяться, достигнув современных размеров. Их физическое развитие (застройка) происходило в последние 5–10 лет и, скорее всего, продолжится в активном режиме еще какое-то время. Сегодня сложно судить о том,

Simon D. (2008) *Urban Environments. Issues on the Peri-urban Fringe* // *Annual Review of Environment and Resources*, no 33, pp. 167–185

¹⁹⁵ Browder J., Bohland J., Scarpacci J. (1995) *Patterns of Development on the Metropolitan Fringe: Urban Fringe Expansion in Bangkok, Jakarta and Santiago* // *Journal of the American Planning Association*, no 6(3), pp. 310–327; Ginsberg N., Koppel B., McGee T. (1991) *The Extended Metropolis. Settlement Transition in Asia*. Honolulu, HI: Hawaii University Press; Wu W. (2005) *Migrant Residential Distribution and Metropolitan Spatial Development in Shanghai* // *Restructuring the Chinese City. Changing Society, Economy and Space* (eds. Ma L.J.C., Wu F.). London: Routledge, pp. 199–217; Wu W. (2006) *Migrant intra-Urban Residential Mobility in Urban China* // *Housing Studies*, no 21(5), pp. 745–765

¹⁹⁶ Neuwirth R. (2006) *Shadow Cities. A Billion Squatters. A New World*. New York: Routledge. C.177–204.

¹⁹⁷ Ford L.A. (1996) *New and Improved Model of Latin American city Structure* // *Geographical Review*, no 86(3), pp. 437–440; Janoschka M., Borsdorf A. (2006) *Condominios Fechados and Barrios Privados: The Rise of Private Residential Neighbourhoods in Latin America* // *Private Cities. Global and Local Perspectives* (eds. Glasze G., Webster C., Frantz K.), London: Routledge, pp. 92–108.

¹⁹⁸ Jurgens U., Landman K. (2006) *Gated Communities in South Africa* // *Private Cities. Global and Local Perspectives* (eds. Glasze G., Webster C., Frantz K.), London: Routledge, pp. 105–122; Murray M.J. (2008) *Taming the Apartheid City. The Spatial Landscape of Johannesburg after Apartheid* Ithaca. New York: Cornell University Press.

¹⁹⁹ Benjamin S., Bhuvanewari R., Rajan P., Manjunath R. (2008) “Fractured” Terrain, Spaces Left Over, or Contested. A Closer Look at the IT-dominated Territories in East and South Bangalore // *Inside the Transforming Urban Asia* (ed. Mahadevia D.), New Delhi: Concept Publishing, pp. 239–285; Sridhar K.S. (2007) *Density Gradients and their Determinants. Evidence from India* // *Regional Science and Urban Economics*, no 37(3), pp. 314–344

²⁰⁰ ; Leontidou L., Afouxenides A., Kourlioros E., Marmaras E. (2007) *Infrastructure Related Urban Sprawl. Mega-events and Hybrid Peri-urban Landscapes in Southern Europe* // *Urban Sprawl in Europe. Land-scapes, Land-use Change and Policy* (eds. Couch C., Leontidou L., Petschel-Held G.), Oxford: Blackwell, pp. 71–101

²⁰¹ Dennis E. (2008) *Cairo between Traces and Liberal Re-foundation* // *The City in the Islamic World* (ed. Jayyusi S.K.), Leiden: Brill, pp. 1085–1115

насколько массовое строительство последних лет решило проблему «земельного голода», и сколько еще семей готовы будут в ближайшем будущем отправиться на освоение улан-удэнских пригородов. Это покажет будущее этих территорий, в котором сегодня больше важных вопросов, нежели простых ответов.

Какой может быть российская субурбанизация?

Случай Улан-Удэ дает нам представление лишь об одной из возможных моделей развития этого процесса в современной России. И, возможно, не самой распространенной. Как и в каких направлениях развиваются пригороды других крупных городов нашей страны? Какие ключевые факторы помимо децентрализации управления, исторического наследия, внутренней и внешней миграции влияли на их развитие после распада Советского Союза? С какими последствиями и результатами роста пригородных зон мы сегодня имеем дело? Удалось ли нам сформировать эффективную практику управления пригородным развитием в наших городах? Что общего и отличного в развитии пригородов крупных городов в Европейской части России, в Сибири и на Дальнем Востоке? Как на развитие пригородов в разных уголках страны влияют исторические, климатические, культурные и прочие явления и факторы? На какие из этих вопросов мы сегодня можем ответить, учитывая, что рост пригородов становится все более заметным явлением в современной истории наших городов?

Отсутствие системных региональных исследований в данном предметном поле значительно ограничивает наши возможности. В то же время современные международные исследовательские проекты, связанные с изучением глобального разнообразия пригородов, в том числе в постсоциалистических городах, лишь усиливают спрос на «российское поле», представляя к тому же множество полезных инструментов для понимания того, что происходит с российскими пригородами. В этой ситуации именно отечественные исследователи в регионах способны заполнить «черные пятна» на карте пригородного развития современной России, сделав ее понятной как для нас самих, так и для зарубежных коллег.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ВОЗВРАТНОЙ МОБИЛЬНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СУБ- И ПОСТСУБУРБАНИЗАЦИОННЫХ СТАДИЙ РАЗВИТИЯ МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

А.Г. МАХРОВА

Всё многообразие городских агломераций, сформировавшихся в мире к настоящему времени, несмотря на наличие существенных различий между ними, объединяет ряд общих черт и тенденций, одной из которых является стадийность, т.е. их развитие представляет собой ряд последовательных переходов. Стадийные концепции урбанизации предполагают, что для развития городских агломераций, как части глобальных урбанизационных процессов, характерен ряд стадийных переходов. Первой по времени своего возникновения была концепция Дж. Джиббса (1963), а наиболее известной моделью стадийного развития агломераций является концепция Л. Клаассена и Г. Шимеми, которая предполагает последовательное прохождение четырех стадий: урбанизации, субурбанизации, контурбанизации и реурбанизации²⁰².

Термин «субурбанизация» уже давно вошёл в профессиональный язык урбанистов, объединяя достаточно широкий круг представлений о направлениях и тенденциях развития крупнейших городских агломераций, самое простое из которых – это опережающий рост пригородов по сравнению с главным центром (наступает после стадии урбанизации, на которой ядро развивается быстрее субурбий). Термин «постсубурбанизация» (реурбанизация) – менее распространен. Он означает возврат к начальной стадии (урбанизации) при общем замедлении и даже стабилизации темпов роста агломерации и усложнении ее структуры (наступает после стадии контр- или дезурбанизации, индикатором которой служит переток населения и экономической активности на внеагломерационные, но примыкающие к городским агломерациям территории).

При этом общие теоретические представления о принципах функционирования городских агломераций в каждом конкретном случае дополняются локальными особенностями, что отражается и на прохождении ими стадий развития. Кроме того, для постиндустриального урбанизма становится необязательным последовательное прохождение од-

²⁰² Klaassen L., Scimemi G. Theoretical issuers in urban dynamics // Dynamics of Urban Development. N. Y.: St Martin's Pres, 1981. P. 8 – 28.

ной фазы за другой, а возможен «пропуск» отдельных стадий или их прохождение в «искаженном» виде²⁰³.

Московская столичная агломерация²⁰⁴ – крупнейшее и наиболее развитое урбанистическое образование страны, один из главных центров притяжения населения и концентрации экономической активности в стране, модернизационных процессов и локализации инноваций. Москва лидирует в России по скорости протекания трансформационных процессов в экономике и социальной сфере. Процесс диффузии инноваций, генерируемый и транслируемый столицей, включая модернизацию образа жизни населения, жилищных стандартов и территориальных предпочтений в расселении, быстрее всего распространяется на её ближнюю периферию – в Московскую область, а в дальнейшем – в другие города и регионы страны. Именно эта роль столицы и ее агломерации делает актуальным изучение сдвигов в расселении и мобильности населения Московского региона.

Сеть постоянного и сезонного расселения

Практически всё население Подмосковья с разной степенью интенсивности вовлечено во внутриагломерационные связи, а пропорции размещения по поясам иллюстрируют лишь его распределение по зонам агломерации. Система постоянного расселения Московской области, состоящая из городских и сельских населенных мест, достаточно устойчива, хотя пропорции в размещении населения по поясам и секторам региона постоянно претерпевают небольшие изменения, связанные с разной динамикой развития отдельных элементов и административно-территориальными преобразованиями (табл.1). В структуре поясов продолжилась наметившаяся ещё в советский период тенденция «стягивания» населения в прилегающие к Москве муниципалитеты²⁰⁵. Основным фактором таких динамических процессов является привлекательность московского рынка труда и близость к концентрации «столичных благ». Изменения качественного характера в виде роста социальных контрастов в расселении населения в городах Московской области, подавляющая часть жилищного фонда которых по-прежнему пред-

²⁰³ International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World? Palgrave-MacMillan, 2011.

²⁰⁴ Вопрос о составе ядра и пригородной зоны Московской агломерации остаётся открытым и разными авторами трактуется по-разному. В данной работе границы Московской агломерации упрощенно рассматриваются в границах Москвы и Московской области, что связано с использованием статистики в разрезе обоих регионов и их муниципалитетов.

²⁰⁵ Заец Е.С., Махрова А.Г., Перцик Е.Н. Новейшие тенденции расселения в Московском столичном регионе // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 1990. №6.

ставлена типовыми панельными домами, происходят медленнее, чем в Москве.

Таблица 1.

Динамика распределения населения по поясам и секторам Московской области

	Численность населения, тыс. чел.		Удельный вес, %		Изменение численности населения, 1991-2016 гг., %*	Плотность населения, чел./км ² 2016 г. *
	1991 г.	2016* г.	1991 г.	2016* г.		
Московская область	6720,2	7318,6	100,0	100,0	108,9	159,8
Первый пояс	1941,8	2337,0	28,9	31,9	120,4	770,7
Второй пояс	2374,7	2769,5	35,3	37,8	116,6	220,3
Третий пояс	2403,7	2212,2	35,8	30,2	92,0	72,8
Северный сектор	1728	2213,1	25,7	30,2	128,1	215,9
Восточный сектор	2452,7	2750,4	36,5	37,6	112,1	243,9
Южный сектор	1563,6	1228,5	23,3	16,8	78,6	105,7
Западный сектор	975,9	1126,6	14,5	15,4	115,4	87,7

Составлено по данным Мособлкомстата.

* - с учётом административно-территориальных преобразований

Садово-дачные объединения и коттеджные поселки не имеют статуса поселений, но образуют на территории области фактически еще одну альтернативную сеть расселения для сезонного проживания. В Подмосковье она в 1,8 раз превышает число сельских поселений (соответственно 10,9 и 6,2 тыс. единиц). Эти бесстатусные поселения образуют на территории области целые сезонные псевдогородки, коренным образом трансформируя «официальную» сеть расселения области. Пик их создания пришёлся на 1980-е гг. и первую половину 1990-х гг. (соответственно, 28% и 51%), в настоящее время эти поселки пронизывают всю территорию Московской области, а ленты дачных поселков сконцентрированы вдоль основных магистралей (рис. 1, 2).

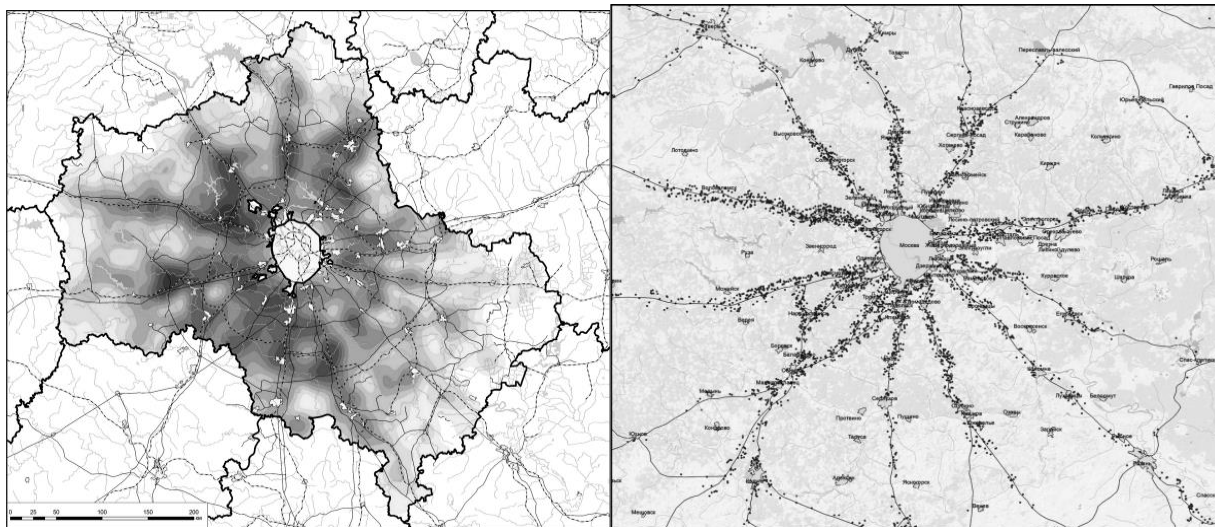

Рис. 1. Ареалы с разной плотностью дачных поселков в Московской области
Источник: Махрова, Медведев., Нефедова, 2016²⁰⁶

Рис. 2. Концентрация дачных поселков в 5-км зоне от основных трасс в Московской области

Наиболее зримым признаком перемен, происходящих в сети сезонного расселения, можно считать появление и довольно быстрое распространение организованных коттеджных поселков вследствие реализации новых жилых стандартов наиболее активных и/или состоятельных слоев россиян. И хотя их число пока невелико, оно быстро увеличивается. Первые коттеджи «новых русских» появились в начале 1990-х гг., когда огромные замки и дворцы располагались часто на шестисоточных участках с огородами. Активно коттеджное строительство стало развиваться с середины 1990-х гг., а появление организованных поселков относится к началу 2000-х гг.²⁰⁷. В 2001 г. в области было всего около 30 таких поселков, в 2004 г. – более 300, в 2008 г. их число достигло 700 единиц, а 2013 г. превысило 1000 поселков, включая строящиеся²⁰⁸.

Тем не менее, несмотря на появление и активное развитие организованных коттеджных поселков, по-прежнему наиболее распространенным элементом в системе сезонного расселения остаются традиционные дачные и садово-огородные объединения. В середине 2000-х гг. на территории Московской области было свыше 1,3 млн. участков в садовых, огородных и дачных товариществах (с учетом индивидуальных садов и огородов граждан эта цифра достигает 2,1 млн. хозяйств). Кроме того, дачниками активно скупаются дома и в обычных сельских поселе-

²⁰⁶ Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения. Вестник МГУ. Серия 5. География. 2016. № 2. С. 64–74.

²⁰⁷ Махрова А.Г. Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2006. № 2. С. 29 – 34.

²⁰⁸ Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации // Известия РАН. 2013. № 2. С. 19 –29.

ниях. С обслуживанием потребностей этого сезонного населения связан бурный рост торговли продуктами и стройматериалами как придорожной, так и в подмосковных городах и поселках. Хотя дачники, как правило, отгорожены от сельского населения как физически, так и социально, местные жители, также как и гастарбайтеры, активно вовлечены в их обслуживание (работа сторожами, садовниками, помощниками по ведению хозяйства, продажа овощей, реже – молока и мяса и пр.).

Кроме того, за счет высокой концентрации в подмосковных деревнях и селах временно проживающего населения в них, как и в садово-дачных и коттеджных поселках развивается специфическая «дачная» культура загородного образа жизни. Вместо выращивания овощей и фруктов на участках для самообеспечения продовольствием, как это было в советское время, приоритет отдается цветам и декоративным кустарникам для красоты, а если и овощам – то уже в большей степени для удовольствия, получаемого от этого занятия.

Это отличие образа жизни московских дачников хорошо уловила сельскохозяйственная перепись, показавшая, что в Подмоскowie в наиболее распространенном типе дач (садовым участкам) газоны и декоративные культуры занимают почти половину общей площади земельных участков (49,8%), а посевам сельскохозяйственных культур отводится менее одной пятой (17,5%). Для сравнения, уже в соседней Владимирской области дачники отдают приоритет выращиванию сельскохозяйственных культур (36,5%), а газонам и декоративным культурам отводится менее четверти площади (23,3%)²⁰⁹.

Привязанность москвичей к дачам фиксирует не только статистика числа дачных владений, но и социологические опросы, которые показывают, что негативно к дачной жизни относятся всего 12% всех опрошенных²¹⁰. Однако лишь 27% от общего числа респондентов и 32% владельцев дач готовы использовать их для постоянного проживания, предпочитая оставаться сезонными дачниками. Это подтверждает, что именно сезонный характер проживания в загородном жилье является пока еще типичным проявлением российской специфики субурбанизации. Массовый характер владения сезонным загородным жильем предопределяет сохранение этой модели (квартира в городе и дача в приго-

²⁰⁹Овчинцева Л.А. Экономическое значение и социальная роль садовых товариществ // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 3(234). С. 50–55.

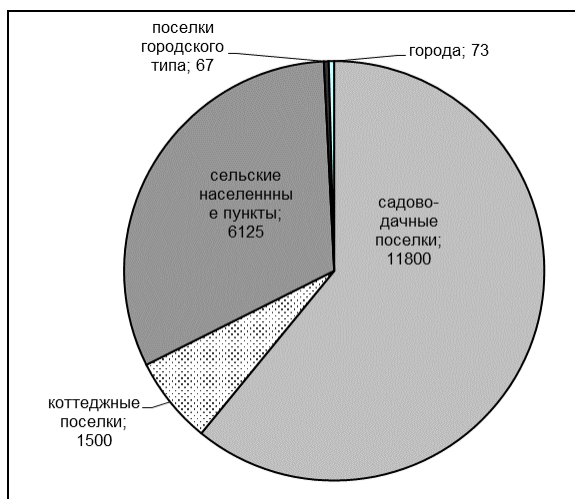
²¹⁰Народное мнение жить за городом, конечно, хорошо... URL: <http://www.metrimfo.ru/news/114065.html>.

роде) еще в течение достаточно длительного периода времени, а переезд за город, как показывают опросы, сдерживает транспортная доступность и недостаток социальной инфраструктуры.

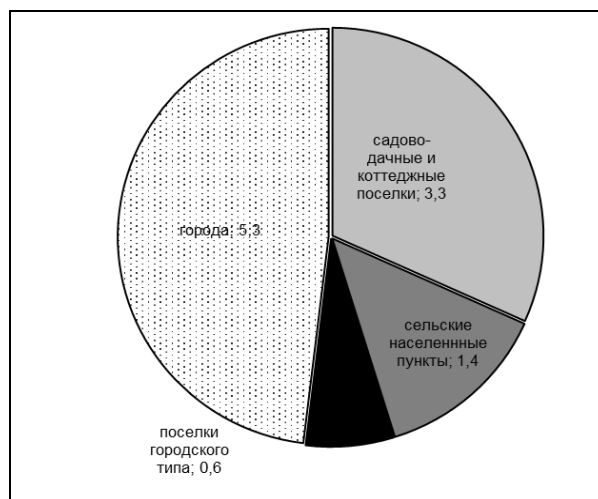
При этом дачные миграции москвичей не ограничиваются Московской областью, распространяясь далеко за ее границы. «Дальние дачи» и «дальние дачники» существовали еще в советские годы: в соседних областях они появились в 1970-80-х гг. и в виде садово-дачных поселков, и домов в сельской местности, включая полученные по наследству. Особенное распространение дальние дачи получили со второй половины 2000-х гг. Растущее давление на природные ландшафты Подмосковья, обилие коттеджных и садово-дачных поселков, машин и соседей приводит к тому, что пригород становится густонаселенным, превращаясь в своеобразный загородный вариант «многокоттеджного» жилья. Потеря того, к чему люди стремятся за город – близости к природе, покою для души, тишине и уединению, формирует потребность именно в дальних дачах, которые еще могут выполнять функцию реанимобильной недвижимости. Выбор покупателей таких дач ограничен сельскими домами, причем многие из них уже имеют «ближнюю» дачу в Подмосковье, что фиксируют и риэлторы, и результаты соцопросов. Так, по данным Т.Г. Нефедовой, каждый пятый из опрошенных дачников в этих удаленных местах имеет дачу и в Подмосковье²¹¹. Растущий спрос на дальние дачи отражает не только расширение масштабов сезонной контрурбанизации или квазиконтрурбанизации, но и устойчивость этого процесса, когда москвичи, сохраняя адрес своей регистрации, меняют свое место жительства в течение года. Этот процесс трансформации сети расселения проявляется в сильной сезонной пульсации людности не только городских агломераций, но и территорий, расположенных на значительном удалении от ее границ.

Однако, несмотря на всю распространенность сезонных дачных миграций, людность постоянного населения субурбий превышает численность сезонного населения Московской агломерации в два раза. Причем основная часть постоянного населения (более 80%) по-прежнему живет в городских населенных пунктах, по количеству и плотности которых пригородная зона столицы не имеет себе равных в стране: 73 города и 67 пгт (2016 г.) (рис. 3).

²¹¹Нефедова Т.Г. Российские дачи как социальный феномен // SPERO Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2011. № 15/ осень-зима 2011. С. 161-173.

а. Структура населённых пунктов по общему количеству, единиц

б. Структура населённых пунктов по численности проживающих, млн чел.

Рис. 3. Структура сети сезонных и постоянных поселений пригородной зоны Москвы по количеству и численности проживающего в них населения, 2016

Таким образом, можно констатировать, что в системе расселения Московской области активно происходят изменения, связанные с распространением моды на «свой дом с лужайкой» и с развитием загородного коттеджного строительства, включая быстрое появление загородных коттеджных посёлков, застраиваемых жильём разного формата (коттеджи, таунхаусы, мало- и среднеэтажные многоквартирные дома). Хотя в настоящее время они ориентированы на наиболее состоятельное население, в результате переселения москвичей на постоянное место жительства в города и коттеджные и дачные посёлки Подмосковья сезонная субурбанизация начинает постепенно заменяться субурбанизацией западного типа. Однако, несмотря на формирование коттеджных субурбий, наиболее важным и распространённым элементом в системе сезонного расселения по-прежнему остаются традиционные дачные и садово-огородные поселки. Это приводит к тому, что сезонный характер проживания в загородном жилье сохранится ещё в течение длительного времени, оставаясь пока еще типичным проявлением российской специфики субурбанизации.

Вместе с тем, все более значительная часть домов не только в коттеджных, но и в удачно расположенных дачных и садовых поселках начинает использоваться москвичами для постоянного проживания. В зависимости от состава и жизненного цикла семьи это может быть и ее альтернативное, и единственное жилье. Причем переселяются за город далеко не всегда наиболее состоятельное население и/или фрилансеры. Не меньше и обычных москвичей, особенно старших возрастов, которые

или оставили свою городскую квартиру взрослым детям, решив свой жилищный вопрос, или сдают ее, получая солидную добавку к пенсии, но сохраняя столичную регистрацию и связанные с ней льготы, что делает этот процесс невидимым для статистики.

Возвратная мобильность населения и пульсация системы расселения

В настоящее время в пределах Московской агломерации сложилось несколько устойчивых моделей пространственного (расселенческого) поведения населения Москвы и Московской области. В общем виде к стационарным группам населения можно отнести жителей, постоянно пребывающих в местах проживания и совершающих лишь нерегулярные (эпизодические) поездки за их пределы. Мобильное население представлено несколькими категориями населения, среди которых особо следует выделить маятниковых мигрантов и дачников: в сумме эти категории (с учётом наличия дачных миграций жителей области) охватывают до 40% населения Москвы и Московской области. При этом наиболее многочисленная категория мобильного населения – дачники, модель пространственного поведения которых также внутренне дифференцирована и включает сезонных дачников; «ложных» москвичей, постоянно живущих на территории области, но сохраняющих статус постоянных жителей Москвы; и москвичей, едущих на работу в Москву из своего загородного жилья на постоянно-периодической основе.

Маятниковые миграции в Московской агломерации формируют феноменальный по своим размерам поток населения, масштабы которых сами по себе могут рассматриваться как отдельное социальное явление. Московская область традиционно служит поставщиком трудовых ресурсов в Москву, и эта ситуация сохранилась и в настоящее время. В структуре трудовых маятниковых миграций центростремительный поток по-прежнему, как и в советский период, доминирует над центробежным, что соответствует стадии урбанизации и/или началу субурбанизации. Значительно лучшая динамика социально-экономического развития Москвы в 1990-е гг. привела к тому, что столица существенно расширила зону своего трудового тяготения. К концу 1980-х гг. он оценивался в 750 тыс. чел.²¹², а по разным оценкам в настоящее время поток маятниковых мигрантов в Москву достигает около 1,3 млн. чел. В период экономического роста 2000-х гг. вырос объем трудовых маятниковых

²¹² Махрова А.Г., Трифонов А.А. Некоторые черты развития урбанизационных процессов в Московском регионе // Русский город (исследования и материалы). Выпуск 9, 1990. С. 40-74.

миграций и из Москвы в Московскую область²¹³, прежде всего в ближние пригороды из-за субурбанизации офисно-деловых и торгово-развлекательных функций.

Увеличилось количество мест приложения труда и в дальних пригородах, и даже за границами Московской агломерации в очагах ускоренного роста отраслей, ориентированных на рынок всего Московского региона (Ступино, Клин, Калуга и др.), которые в свою очередь становятся подцентрами трудового тяготения. При этом многие жители таких центров роста работают в Москве и/или в других пригородах, а рабочие места занимают мигранты из соседних поселений и даже областей. Возник феномен «замещающей занятости», особенно характерный для агломераций второго порядка. Подобное усложнение географии трудовых маятниковых миграций может служить признаком начала перехода от стадии урбанизации к следующим фазам (субурбанизации, а возможно и постсубурбанизации).

Обобщая представления о современных маятниковых миграциях и маятниковых мигрантах, отметим, что уровень охвата населения Московской области «маятниковой мобильностью» следует расценивать как умеренный: для взрослого населения он составляет около 18%²¹⁴. Как отмечают различные исследователи и показывают результаты соцопросов²¹⁵, их основу образуют люди в активной фазе трудоспособного возраста, причём маятниковые миграции остаются привлекательными для большей части населения вплоть до выхода на пенсию²¹⁶.

Пропорции в распределении компьютеров по секторам, как и по поясам, в общих чертах традиционно повторяют структуру размещения населения и занятых Подмосковья. Максимальное число работников «поставляют» на столичный рынок труда ближний пояс пригородов и восточный сектор области – в обоих случаях более 1/3 от общего числа трудовых мигрантов, причём такая картина сохраняется на протяжении последних 10 лет (табл. 2). До расширения территории Москвы наиме-

²¹³ По данным статистики Пенсионного фонда РФ в середине 2000-х гг. из Москвы в Московскую область выезжало с трудовыми целями около 200-300 тыс. чел.

²¹⁴Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117 – 125.

²¹⁵ Для характеристики портера маятниковых мигрантов использованы результаты социологического опроса «Центра экономики инфраструктуры», проведенного в 2014 г.

²¹⁶Шитова Ю.Ю. Маятниковая миграция в Подмосковье: комплексный социально-экономический анализ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2009; Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015.

нее сильно в миграционный обмен был вовлечён западный сектор, и при пересчете потоков в старых границах столицы на его долю по-прежнему приходилась минимальная часть от всего центростремительного потока.

Таблица 2.

Оценка динамики центростремительного потока трудовых маятниковых мигрантов по поясам и секторам периферийности Московской области, млн чел.

Пояса	Источники информации				Сектора	Источники информации		
	данные баланса трудовых ресурсов	данные Пенсионного фонда	данные соц. опроса	данные сотовых операторов*		данные баланса трудовых ресурсов	данные Пенсионного фонда	данные сотовых операторов*
	2005	2005	2014	2015		2005	2005	2015
1-й пояс	0,6	0,5	0,6	0,7/0,8	север	0,3	0,3	0,4
2-й пояс	0,4	0,4	0,5	0,4/0,4	восток	0,5	0,5	0,4
3-й пояс	0,2	0,3	0,1	0,1/0,1	юг	0,2	0,2	0,2/0,3
всего по области	1,2	1,2	1,2	1,2/1,3	запад	0,2	0,2	0,2

*в числителе указан размер потока в Москву в новых границах, в знаменателе – размер потока в Москву в старых границах.

Значительная часть трудовых маятниковых мигрантов из Московской области работает в Центральном административном округе из-за централизованности размещения рабочих мест всех без исключения отраслей экономики столицы. Одновременно трудовые мигранты «оседают» в периферийных районах, что сокращает время в пути и позволяет комьютерам из более отдаленных муниципалитетов Подмосковья работать в Москве. Данные операторов сотовой связи подтверждают такую модель приоритетов по выбору места работы комьютерами: в об-

щей структуре потока мигранты, которые едут на работу в центр, составляют около $\frac{1}{4}$, а почти $\frac{3}{4}$ «оседают» в округе на своем «луче»²¹⁷.

Одновременно в пригородной зоне Московской агломерации, которая выделяется полицентричностью, довольно много городов (35), играющих роль подцентров трудового тяготения, среди которых можно выделить «окраинные» города (edge cites) – самодостаточные центры занятости, проживания и проведения досуга²¹⁸. Первая группа таких центров (Химки, Красногорск, Одинцово и ряд других ближних спутников столицы) примыкает к городу-ядру, быстро наращивая офисно-деловые и торгово-развлекательные функции в расчете на спрос москвичей и своих жителей. Вторая группа – это ядра удаленных агломераций второго порядка (Дубна, Ступино, Обнинск), расположенных как в Московской, так и в соседних областях, часть из которых тоже развилась в центры приложения труда и потребления, приуроченные уже к внешним рубежам агломерации²¹⁹.

Анализ локальных рынков труда подмосковных городов, проведенный на примере двух агломераций второго порядка (Химкинско-Зеленоградской и Серпуховской)²²⁰, показывает на начинающуюся переориентацию транспортных потоков, когда при доминировании центростремительных потоков маятниковые миграции направлены и от центра к периферии, и между субурбиями, как еще одна черта, приближающая Московскую агломерацию к проявлениям постсубурбанизации в большинстве агломераций развитых стран. Усложнение зоны спутников вместе с изменением модели взаимодействия между частями агломерации приводит к постепенной трансформации Московской агломерации в город-регион.

Несмотря на многообразие факторов, влияющих на интенсивность маятниково-миграционного обмена в пределах агломераций, основным всё-таки следует признать фактор транспортной доступности (удалённости) ядра агломерации, через который так или иначе могут быть вы-

²¹⁷Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 71 -82.

²¹⁸Махрова А.Г. Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестник МГУ. Серия 5. География. 2014. № 4. С. 10 – 16.

²¹⁹Golubchikov, O., Phelps, N. and Makhrova, A., 2011. From closed city to edge city? Governing growth at the periphery of Moscow - the case of Khimki. // Phelps, N. and Wu, F. (eds). International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World? Palgrave-MacMillan, pp. 177 – 191.

²²⁰Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 71 -82.

ражены все другие факторы. Существенную роль фактора транспортной доступности (комфортности миграций) при выборе месте приложения труда подтверждает регрессионный анализ пространственного распределения маятниковых миграций в разрезе муниципальных образований Московской области: градиент снижения доли маятниковых мигрантов в зависимости от удаленности Москвы составляет 0,3% на 1 км удаления от центра столицы. Граница условного перелома потока коммьютеров проходит примерно в 50 км от МКАД, выделяя зону, которая характеризуется градиентом снижения потока в среднем на 1,2% на 1 км расстояния от ядра агломерации. По сути, она является продолжением пояса городских спальных районов на территории области, а маятниковые перемещения населения по формальным критериям могут быть даже названы внутригородскими. За пределами этого пояса мощность миграционных потоков сильнее дифференцирована и поляризована между городами, стоящими на транспортных путях, и межлучевыми пространствами. Здесь полученный на основании регрессии градиент центробежного снижения привлекательности маятниковых миграций замедляется до 0,1% вовлеченности на каждый километр удаления²²¹.

Трудовые маятниковые миграции подвержены сезонным колебаниям, что связано как с массовым наступлением отпусков в летний период, так и с переездом части городского населения на дачи, откуда они ездят на работу. Центростремительный поток своего максимума достигает в ноябре (1,3 млн. чел) при двух минимумах – в июле и январе, первый из которых связан с летними отпусками, а второй – с зимними праздниками. Близкие значения октября – ноября можно рассматривать как наиболее полно отражающие размер ежедневных трудовых маятниковых миграций, хотя в октябре еще ощущается влияние конца отпускного периода.

Размах колебаний размеров центробежного потока (из Москвы в область) меньше. Его пик приходится на июль, что, по-видимому, связано с особенностями учета москвичей-дачников с их двудомной моделью проживания (на даче и в городской квартире). Косвенно можно судить, что «нормальное» значение числа москвичей, работающих в области, превышает 400 тыс. чел., что фиксируют показатели и октября, и ноября (соответственно 401 и 407 тыс. человек). Таким образом, объемы пото-

²²¹ Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 71 -82.

ков трудовой маятниковой миграции показывают, что происходит изменение традиционных типов подвижности, прежде всего, за счет москвичей – обладателей жилья в области, которые живут на два дома, мигрируя между работой и городским (первым) и загородным (вторым) жильем.

Маятниковые миграции – явление вынужденное, но уже ставшее образом жизни для значительной части населения как реакция на пространственные социально-экономические пропорции (вернее даже диспропорции), присущие городским агломерациям. В позднесоветское время маятниковые миграции воспринимались как временное явление, следствие дисбаланса в рабочих местах и размещении населения. Сейчас они рассматриваются как многокомпонентный процесс, который связан не только со стратегией выживания из-за нехватки рабочих мест и/или низкого уровня зарплат, но и с осознанным выбором человека, т.е. имеющий под собой не только экономическую, но и социальную основу.

С одной стороны, естественным наследием маятниковых миграций «советского типа» являются те категории населения, которые за счёт работы в Москве при проживании в периферийных районах реализуют ренту маятниковой занятостью через соотношение относительно высоких доходов при умеренных издержках проживания. Эта категория расширяется за счёт увеличения числа жителей примыкающих к Москве муниципалитетов области.

С другой стороны, продолжающееся развитие классической субурбанизации западного типа сопровождается повышением доли в структуре маятниковых потоков комьютеров, которые не вынужденно, а осознанно выбирают маятниковые миграции (вернее, допускают возможность ежедневных перемещений на дальние расстояния) в качестве одного из элементов своего суточного графика жизнедеятельности. Взамен повышения издержек на трудовые миграции эта категория населения получает возможность постоянного проживания в комфортном природном, дачном или «полудачном» окружении, большую площадь жилых помещений и др.

Пространственная картина сезонных колебаний населения, связанных с притоком на территорию области дачников значительно сложнее. Особенно ярко территориальные контрасты проявляются при сопоставлении отдельных муниципалитетов. При этом центр-периферийный градиент проявляется при анализе плотностных, но не абсолютных и удельных показателей численности сезонного населения

(рис. 4, 5). Наиболее высокие показатели плотности сезонного населения, как и плотности сети дачного расселения, характерны для ближних пригородов. По мере удаления от Москвы они падают, что характерно и для других характеристик системы расселения и экономики Московской агломерации²²².

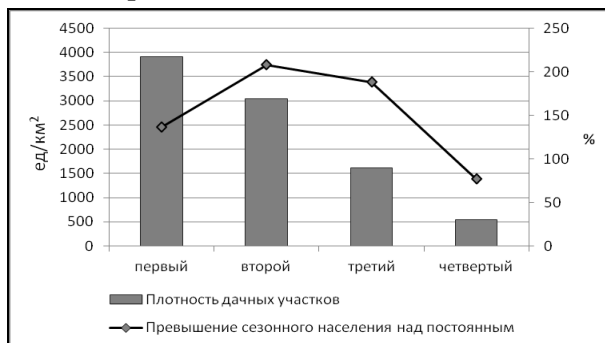

Рис. 4. Структура дачного расселения по поясам

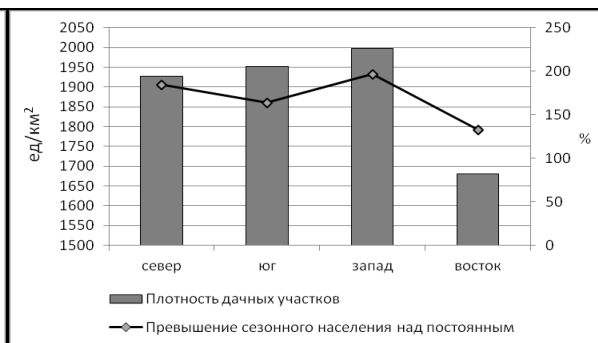

Рис. 5. Структура дачного расселения по секторам

Рассчитано по данным дешифрирования космических снимков²²³

В секторальной структуре по числу поселков, дачных домов и сезонному населению выделяется запад (около 30% их общего числа), что почти зеркально противоположно пропорциям размещения постоянного населения области. Дачные и садовые товарищества фактически дополняли сеть постоянного расселения из-за их локализации на свободных от застройки территориях, причем СНТ, как правило, располагались на неудобьях, под ЛЭП и других местах, непригодных для сельскохозяйственного использования 5).

В постсоветский период западный сектор с его традициями дачного освоения усилил свое доминирование, став главным направлением для строительства загородного, чаще коттеджного, жилья. Концентрация поселков происходила здесь несмотря на его важные природоохранные функции в масштабах всего Московского столичного региона, а, возможно, и благодаря им, так как элитное загородное жилье часто тяготеет к зонам охраны природы²²⁴. Так, только три района западного направления – Истринский, Наро-Фоминский и Одинцовский – концен-

²²² Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г. Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. – Смоленск: Ойкумена, 2003.

²²³ Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения. Вестник МГУ. Серия 5. География. 2016. № 2. С. 64–74.

²²⁴ Махрова А.Г. Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Изв.РАН. Сер. геогр. 2014. № 4. С. 49–59; Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя. Книга 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом / ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. – М.: URSS-ЛЕНАНД, 2015.

трируют пятую часть всего сезонного населения, сосредоточенного в бесстатусных товариществах Московской области.

В результате сокращения численности дневного населения пригородов в будний зимний день более чем на 1,3 млн. чел за счет трудовых маятниковых миграций, и его увеличения в летний уикенд более чем на 3 млн. чел. за счет дачников Московская агломерация имеет ярко выраженный пульсирующий характер (рис. 6). Еще большая разница в численности населения наблюдается в старых границах Москвы, где она составляет почти 5 млн. чел. (оценочно, 9 млн. чел. в летний выходной день и 14 млн. чел. в будний зимний)²²⁵.

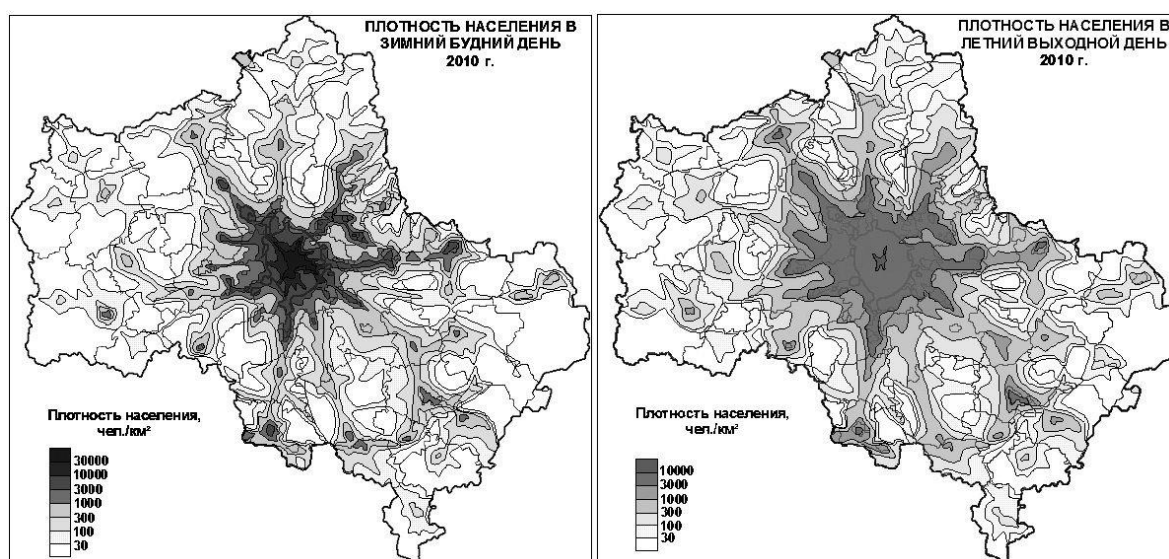

Рис. 6. Плотность населения в будний зимний и летний выходной день

Источник: Махрова, Нефедова, Трейвиш; Демоскоп Weekly, 2012²²⁶

На основе итоговых оценок, сложившихся сезонных и суточных колебаний расселенческой нагрузки всех этих сложных, накладывающихся друг на друга потоки перемещающегося населения с разными временными интервалами в пределах поясов периферийности Московской области выявляются следующие пространственные особенности расселения (табл. 3). Во-первых, они подтверждают высокий уровень интегрированности ближнего пояса подмосковных муниципалитетов в единое социально-экономическое пространство ядра агломерации. Се-

²²⁵ Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. № 517-518. 1-19 августа 2012 г. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/index.php>.

²²⁶ Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. № 517-518. 1-19 августа 2012 г. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/index.php>.

зонные колебания населения здесь не превышают 60% (2,4 млн. человек в выходные летом против 1,6 млн в будни зимой), хотя в целом по области различия в реальной численности летом выше зимнего уровня в 1,9 раза²²⁷.

Таблица 3.

*Пульсация «реальной» численности населения Московской области
(по поясам периферийности)*

Период	Всего	Ближний пояс	Средний пояс	Дальний пояс
Летний выходной день, тыс. чел.	11265,7	2438,7	5705,9	3121,2
Зимний будний день, тыс. чел.	5943,4/ (6237,4 ²²⁸)	1558,9	2815,7	1568,9
Годовая амплитуда	1,89 (1,81)	1,56	2,03	1,99

Рассчитано по данным социологического опроса «Центра экономики инфраструктуры».

Во-вторых, как следствие пространственной неравномерности дачной субурбанизации, сезонные перепады реальной численности населения максимальны в среднем поясе подмосковных муниципалитетов – более 2 раз (5,7 млн летом при 2,8 зимой). Именно в его пределах сложилось оптимальное для субурбанизации сочетание факторов концентрации дачно-рекреационных ресурсов и транспортной доступности ядра агломерации. В дальнем поясе амплитуда колебания незначительно нивелируется. Однако в отдельных, наименее густонаселённых муниципалитетах приток дачников весьма ощутим (например, в Серпуховском, Талдомском, Волоколамском и других периферийных районах области).

Ключевым показателем оценки пульсаций в Московской городской агломерации является частота перемещений с учётом сезонности и «глубины» поездок. При этом центробежные и центростремительные потоки комьютеров в ритме рабочей недели и дачников на выходные летом играют роль «фоновых» нагрузок, обуславливая относительно стабильную ритмику пульсации сети расселения. Наибольшую изменчивость этой системе придают нерегулярные миграции москвичей на

²²⁷ Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117 – 125.

²²⁸ Оценка с учётом маятниковых мигрантов из Москвы в Московскую область.

дачу, которые перетекают в трудовые маятниковые миграции из дачного жилья на работу в Москву.

Как показывают результаты социологических опросов (в частности, обследование «Центра экономики инфраструктуры» 2014 г.), в современных условиях сформировавшаяся еще в советское время модель постоянного проживания в городской квартире и на даче в теплый сезон стала еще более распространенной практикой, о чем свидетельствует рост популярности загородного жилья. Так, почти 60% всех дач появилось у москвичей уже в условиях рыночной экономики, а около 30% – в последние десять лет, когда дачи перестали быть важным средством обеспечения семьи овощами и фруктами²²⁹.

Увеличились и размеры дачных владений: по сравнению со стандартными шестью сотками советского времени средняя площадь участка возросла до 11 соток, а средняя площадь дома – до 86 м², что увеличивает обеспеченность жильем москвичей почти до 28 м²/чел., приближая ее к европейскому уровню. «Коммунальная революция», обеспечившая загородное жилье автономными системами канализации, водопровода и отопления, увеличила не только комфортность жизни на даче, но и возможность ее круглогодичного использования. Согласно результатам опроса, почти 20% всего загородного жилья – это зимние дачи, пригодные для постоянного проживания.

Еще одно изменение традиционной модели дачной жизни связано с массовой автомобилизацией населения, давшей принципиально другую степень доступности и свободы использования загородного жилья. Большая часть респондентов (почти 58%) для поездки на дачи использует личный транспорт, но при этом сохраняет свои позиции и электричка (более 25%).

Как и в советское время, наиболее распространенный вариант использования дач – это поездки летом на выходные дни: свыше трети всех дачников выбирают именно этот способ пребывания на дачах. Одновременно почти 30% респондентов приезжают в свои загородные дома несколько раз в неделю, т.е. используют их как второе постоянное жилье. Таким образом, за счет этих двух категорий москвичей-дачников минимальная численность сезонного населения увеличивается более

²²⁹ Махрова А.Г., Кириллов П.Л. Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. 2015. № 1 (47). С. 117 – 125.

чем на 2 млн человек, причем чуть менее 1 млн москвичей живет в Подмосковье в летний сезон постоянно.

В межсезонье частота использования дач уменьшается: каждые выходные приезжает только четверть всех дачников, а на постоянной основе дачами пользуется около 15% всех респондентов, что приводит к снижению численности москвичей, живущих в Подмосковье. Количество дачников выходного дня сокращается до 0,8 млн человек, а численность москвичей, постоянно живущих на дачах, – до 0,4 млн человек.

Зимой дачи используются еще реже: по сравнению с весной и осенью несколько раз в сезон приезжает уже не 35%, а 60% их владельцев, а доля дачников выходного дня и москвичей, живущих на дачах постоянно, сближается (по 10% в каждой группе респондентов). Таким образом, несмотря на то, что свыше 0,6 млн москвичей владеет теплыми домами, лишь половина из них живет зимой на дачах постоянно.

В целом, роль второго – по сути дачного – жилья, как основного места жительства закономерным образом увеличивается от зимы к лету. Эта двудомность москвичей, размывая старые формы дачной мобильности (на выходные, отпуск, каникулы), увеличивает поток коммютеров из загородного жилья в Москву. Согласно оценкам, сделанным на основе периодичности поездок, их численность достигает почти 1 млн человек летом, сокращаясь до полумиллиона в межсезонье и 300 тысяч в зимний сезон (табл. 4).

Таблица 4.

Численность мобильного населения (москвичи, тыс. чел.), 2014 г.

	Зима	Осень-весна	Лето
Дачники	314	833	1082
Маятниковые мигранты из Москвы в область	296	296	296
Маятниковые мигранты из области в Москву	325	487	985
Москвичи – «постоянные жители» области	368	379	995

Рассчитано по данным социологического опроса «Центра экономики инфраструктуры».

Фактор сезонности проявляется в существенном изменении пропорций расселения между разными частями агломерации. В общей сложности на территории области в зимний сезон находится как минимум 600 тыс. москвичей, наполовину компенсируя ежедневный отток маятниковых мигрантов из области в столицу. Летом же, в период полноценной реализации субурбанизационных дачных установок, числен-

ность сезонного населения в пиковый период (выходные дни) возрастает в пять раз, увеличивая «официальное» население области более чем на 3 млн человек.

Выводы

Современные социальные трансформации большинства городских и сельских поселений в Московской агломерации, как и в других крупнейших агломерациях мира, связаны с увеличением разнообразия социального состава населения, дифференциацией состава, стилей жизни и жизненных практик населения, а также практик дачных и трудовых маятниковых мигрантов (по суточным ритмам и географии). Одновременно с этим развитие в условиях глобализации приводит к усилению социального неравенства, росту социальных контрастов внутри и между поселениями, развитию феномена «закрытых общин». Однако в Московской агломерации стиль жизни все еще в большей степени определяется размером личного или семейного бюджета, а не потребительской ориентацией и карьерой, как в агломерациях развитых стран²³⁰.

Главным «носителем» трансформации сезонности расселения является феномен дачной субурбанизации или в более широком смысле – «двудомности». В совокупности с регулярными маятниковыми миграциями они формируют своего рода зону диффузии двух структурных элементов агломерации – ядерной и внешнего окружения. В совокупности эта «мобильная зона» диффузии расселения охватывает в течение года до 4,5 млн человек (почти четверть всего населения Московской агломерации).

Инерционность сложившихся форм сезонной субурбанизации при доминировании «автомобилизационного» механизма субурбанизационных связей приводит к тому, что сезонная дачная миграция, по-прежнему, определяет специфику субурбанизации в Московской агломерации: более 3 млн москвичей имеет дачное жилье (в т.ч. свыше полумиллиона владеют всесезонными дачными домами), однако масштабы проживания за городом на постоянной основе пока существенно меньше. Доминирование рекреационной функции дач над функцией постоянной селитьбы подтверждает и сохранение традиционной модели проживания на даче в выходные дни независимо от сезона года. Пока

²³⁰ Браде И., Бурдак И., Рудольф Р. Тенденции развития периферийных зон крупнейших городов Европы // Крупные города и вызовы глобализации, Смоленск: Ойкумена. 2003. С. 128-139; International Perspectives on Suburbanization: A Post-Suburban World? Phelps N. and WuF. (eds). A book project accepted to Palgrave-MacMillan. 2011.

для большей части москвичей жизнь в мегаполисе невозможна без дач, но и постоянное проживание за городом все еще неприемлемо.

Масштабная автомобилизация вместе с развитием альтернативных форм занятости (удаленная работа, фрилансинг, гибкий рабочий график и др.) и наличием зимних дач стимулирует жизнь на два дома на постоянно-периодической основе, приводя к размыванию старых форм дачной мобильности. Одновременно рост числа москвичей, которые используют дачу в качестве еще одного постоянного жилья, независимо от сезона года, проявляется и в увеличении объемов трудовых маятниковых миграций, когда несколько раз в неделю они ездят из области на работу в Москву и обратно.

Свобода выбора изменяет традиционные практики дачно-коммьютерной мобильности москвичей и жителей Подмосковья, причем двудомность не только формирует особый стиль жизни, но размывает само понятие резидентности, приводя к пульсации динамичных элементов расселения Московской агломерации как проявлению одной из форм современного общества «текучей модерности» с его беспрестанно меняющейся действительностью. В значительной степени то, как дальше будет трансформироваться характер системы расселения, будет определяться масштабами реализации потенциала субурбанизации в ближнем и среднем поясах агломерации, напрямую зависящей и от характеристик связности ее элементов.

В целом, в условиях унаследованного от предыдущих этапов развития агломерации достаточно жёсткого каркаса расселения на территории области (стационарного и дачного/сезонного) и низкой общей миграционной мобильности населения в качестве механизмов потенциальных трансформаций расселения в первую очередь должны рассматриваться меры, связанные с изменением транспортно-коммуникационной доступности территории (инфраструктурные, временные, тарифные). Именно они в конечном итоге являются ключевыми регуляторами возможных изменений в пространственной картине миграций, обусловленных логикой субурбанизационного поведения населения – как маятниковых миграций, так и поездок жителей ядра агломерации во второе жильё.

ПОТЕНЦИАЛ РУРАЛИЗАЦИИ В РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ

А.Г. ФАРКОВ

Актуальной проблемой для большинства стран, прошедших пик своего промышленного развития, в настоящее время является проблема восстановления социума, создание условий его устойчивого роста в новых условиях, создаваемых постиндустриальным обществом. Очевидно, что нужны новые альтернативные подходы к преодолению перечисленных выше негативных тенденций развития общества. Рядом исследователей эксурбанизация рассматривается как магистральный путь развития постиндустриального общества. Действительно, создание территориально распределенной структуры расселения способно решить многие проблемы социального развития, начиная от обеспечения населения (и молодых семей, в частности) жильем, которое непомерно дорого в крупных городах, до создания экологически благоприятных условий, которые, по сути, являются одним из ключевых благ в современном мире. Вероятно, возможность эксурбанизации является одним из важнейших факторов, способных обеспечить конкурентоспособность национальных экономик в постиндустриальном мире.

Однако, в реальности ситуация в российской экономике носит диаметрально противоположный характер. В настоящее время традиционно принято относить большинство аграрных регионов к территориям, имеющим «напряженное» положение в социальном секторе, или даже депрессивное положение всего социального сектора. Во многом такие суждения обусловлены ситуацией, которая складывалась в регионах аграрной специализации в 90-х гг. XX века, когда произошло массовое (и не только в сельской местности) сворачивание производства, в результате чего оказались невостребованными значительные объемы трудовых ресурсов.

Сегодня является уже вполне очевидным, что результатом этих явлений в экономике 90-х гг. становится прогрессирующая деградация потенциала трудовых ресурсов аграрных территорий. Связано это, в первую очередь, с тем, что экономическое оживление, имевшее место к середине 2000-х гг. сделало более привлекательным переселение в города, в особенности крупные, что и было сделано мало-мальски экономически активным населением. Надо заметить, что сегодня средний

возраст жителей сельских поселений составляет, в среднем, более пятидесяти лет и имеет тенденцию к росту. По сути своей, можно говорить о постепенном вымирании населения большинства сельских территорий.

Следует заметить, что такая, совершенно нездоровая ситуация в социальной сфере современного села приводит к совершенно негативным и, во многом, необратимым явлениям во всех сферах территориального хозяйства, так, или иначе соприкасающихся с ней. Сегодня, как точно заметили В. Лексин и А. Швецов в своей работе, сегодня мотивацией большинства селян является «дожитие», а не развитие, нацеленное в будущее²³¹.

Безусловно, что эти тенденции не могут быть признаны положительными, однако следует заметить, что утверждения ряда исследователей о, якобы, полной деградации российской деревни, являются мягко говоря, сильно преувеличенными. Конечно, сельское общество достаточно разнородно и имеет серьезные проблемы в своем развитии, однако сейчас есть и положительные тенденции. В частности, в настоящее время все более отчетливо наблюдается тенденция к существенному укрупнению личных подсобных хозяйств. Другой существенной тенденцией можно назвать пока не совсем отчетливо проявившиеся, но все же существующие ростки рурализации.

В социальном плане можно выделить следующие категории лиц, переселяющихся на жительство в сельскую местность: (а) «северные» пенсионеры, представители иных профессий, вышедшие на пенсию в 40-45 лет и желающие провести оставшуюся жизнь в экологически чистом районе; (б) активисты всевозможных экологических движений, основывающие всевозможного рода экологически поселки, общины, иногда с религиозным уклоном, самым известным в этом плане является движение «анастасийцев»; (в) переселенцы из бывших республик СССР, которые, по каким-либо причинам, не могут, или не хотят жить в городе – как правило, эта категория лиц начинает развивать личное подсобное хозяйство с наибольшей степенью интенсивности.

Что касается первой социальной группы, то следует заметить, что часто – это люди, имеющие более чем достаточный опыт работы в промышленности, в т.ч. и на управленческих должностях, многие из них не утрачивают активную жизненную позицию и по выходе на пенсию. Надо заметить, что именно эта категория, среди всех вышеперечисленных,

²³¹ Лексин, В.Н. Муниципальная Россия: социально-экономическая ситуация, право, статистика. В 5-ти томах. / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов – М.:Эдиториал УРСС, 2001 –Т.1.

как правило, обладает наибольшими личными сбережениями, которые как правило вкладываются в обустройство усадьбы, приобретение транспорта, налаживание хозяйства и т.п. Нередки среди этой социальной категории попытки заниматься бизнесом, создание каких-либо перерабатывающих производств. Пока эта категория весьма немногочисленна, поскольку её требования к качеству жизни, как правило, достаточно высокие, а обеспечить их по одиночке, как правило, такие переселенцы не могут. Следует заметить, что представители этой группы, как правило, имеют техническое образование, большинство из них достаточно хорошо владеет смежными со своей профессией техническими навыками, которые успешно могут быть применены и в сельской местности. Характерной чертой для этой социальной группы является наличие взрослых детей, в большинстве случаев живущих отдельно от родителей, иными словами, молодежь, в лучшем случае, снисходительно относится к попыткам старшего поколения провести остаток жизни в глуши, «на лоне природы».

Вторая категория является сегодня наиболее многочисленной и, потенциально, её численность может существенно увеличиться. В настоящее время существует достаточно много попыток создания поселений нового типа, построенных на основе нового общественного уклада, новой морали и, в некоторых случаях, новой религии. Если исключить из этого явно тоталитарные религиозные секты, лидеры которых строят общины на деструктивных принципах (в качестве такого примера можно привести селение небезызвестного «Виссариона» в Красноярском крае), то к этой тенденции следовало бы присмотреться более внимательно. Наиболее известным считается «анастасийское» движение, которое хоть и носит некоторые черты религиозной секты, в то же время имеет вполне цивилизованный характер и до сего времени не было замечено в распространении каких-либо деструктивных культов. К нему же примыкают движения последователи Рериха и им подобные. Как правило, последователи этих движений достаточно молоды, средний возраст обитателей экопоселений (самыми известным из которых являются поселения «Китеж» в Калужской области, «Ковчег» в Рязанской области, в Сибири можно назвать экопоселения в с.Салганды Чойского района Республики Алтай и группу поселений в Уймонской долине (Усть-Коксинский район Республики Алтай), основанные инициативными группами, преимущественно бывшими жителями Новосибирского Академгородка) составляет 25-35 лет, в большинстве случаев не имеют

каких-либо вредных привычек, имеют достаточно высокий образовательный и культурный уровень. Причины, послужившие мотивацией к переезду этой социальной группы могут быть различны: это и проблемы с жильем в больших городах, без какой-либо реальной возможности его приобрести, и стресс, неизбежно сопутствующий жителям крупных мегаполисов. и наконец, осознанное желание строить жизнь по новым, общинным принципам, в коллективе единомышленников. Как правило, большинство жителей экопоселений в прошлом являлись жителями крупных городов, имеют высшее образование, в большинстве случаев гуманитарного, или естественнонаучного направления, также достаточно часто можно встретить специалистов в области информационных технологий. Случаи переселения в подобные поселения лиц с инженерным, сельскохозяйственным или же военным образованием неизмеримо реже. Это безусловно, накладывает определенный отпечаток на мировоззрение жителей новых поселений и уклад жизни в них.

Те же «анастасийцы» пропагандируют вегетарианское питание, безмашинное земледелие, и т.п. аспекты жизни, полностью исключающие товарное хозяйство. Впрочем, на практике есть и другие случаи: в экопоселениях Усть-Коксинского района многие жители отказались от полного следования этим установкам, достаточно широкой используют современные средства механизации и являются владельцами крепких товарных хозяйств (основным продуктом является мед, панты маралов и пр.). В целом же эту социальную категорию отличает низкий уровень технических знаний (в особенности – в практических вопросах, касающихся эксплуатации и обслуживания техники), малый практический опыт коммерческой деятельности, или работы в промышленности. Следует заметить, что представители этой социальной группы, как правило, неплохо разбираются в современных информационных технологиях, что позволяет им создавать собственные компьютерные сети с выходом в Интернет через спутниковый канал, создавать сайты, и т.п.

Также представители этой социальной группы, как правило, неплохо разбираются в правовых вопросах, в частности, в рамках «анастасийского» движения была разработана и растиражирована схема получения земли под экопоселения. В то же время, как правило, эта социальная категория потенциальных поселенцев в наименьшей степени ориентирована на создание товарного производства сельскохозяйственного профиля, часто в силу личных морально-духовных установок, построенных в соответствии с учением Н.В.Рериха и проповедующим

отказ от излишеств, простой быт и т.п., что, конечно, ограничивает потребительские стремления, существенно снижая и саму потребность в получении материальных средств.

В то же время многие жители крупных городов, ранее имевшие там свои квартиры, или же работавшие на достаточно высокооплачиваемых должностях, располагают, к моменту переселения в сельскую местность, достаточно крупными денежными суммами, позволяющими, в принципе, организовать нормальное товарное хозяйство. Однако, очень часто, представители этой социальной группы, в силу малого практического опыта, не в состоянии правильно реализовать свои сбережения. Эта социальная группа является весьма перспективной, учитывая то, что как правило, её представители переселяются в сельскую местность супружескими парами, причем рождение детей является одним из жизненных приоритетов. В то же время существенное различие в мировоззрении, культуре, уровне образования, и т.п. представителей этой социальной группы с местным населением очень часто приводит к отсутствию взаимопонимания и даже прямым конфликтам, что, безусловно, осложняет жизнь первых. Как правило, представители данной социальной группы в наименьшей степени защищена от проявления агрессии со стороны криминальных элементов в сельской местности, в силу отсутствия, в большинстве случаев, какой-либо специальной подготовки и опыта решения подобных проблем.

Следующая социальная группа наиболее многогранна: в неё входят представители различных русскоязычных этносов, которые, с распадом Советского Союза, предпочли переехать на территорию Российской Федерации. Многие представители этих социальных групп, в особенности, ранее занимавшиеся сельским хозяйством профессионально, предпочитают избирать для переселения сельскую местность. Другим мотивом обычно является недостаток денежных средств для того, чтобы купить квартиру в большом городе, где есть перспективы трудоустройства, при отсутствии возможности такового в городах, где жилье может быть по карману. В этом случае вариант самозанятости может быть привлекательным, в особенности для возрастной категории 40-45 лет, имеющих навыки жизни и трудовой деятельности в сельской местности. С другой стороны, существуют и прецеденты, когда в сельской местности «обосновывались», под видом переселенцев, этнические преступные группировки, криминализирующие жизнь иногда целых районов. Как правило это приводит к расцвету преступного бизнеса, прежде всего

нелегальных лесозаготовок, резкому ухудшению качества жизни коренного населения. Безусловно, что такие попытки должны самым решительным образом пресекаться. в соответствии с действующим законодательством и нормами права.

В целом же, большинство переселенцев из республика бывшего СССР часто являются наиболее экономически активной прослойкой населения в российских селах. Как правило, образовательный уровень таких переселенцев выше, чем у большинства местного населения, эта социальная группа, как правило, имеет значительный опыт хозяйственной деятельности, что позволяет с уверенностью сделать вывод о том, что приток этой социальной группы, во многих случаях является для российских регионов благом. Как правило, эта социальная группа, на момент своего переселения располагает небольшими средствами, что не позволяет сразу наладить товарное хозяйство, однако, во многих случаях, необходимый капитал для расширения такого хозяйства накапливается в течении нескольких лет, при благоприятном стечении обстоятельств. Для этой социальной группы характерно наличие детей, преимущественно среднего и старшего возраста. В то же время, сейчас большинство детей представителей этой группы, покидают сельскую местность по достижении 17-18 лет, отправляясь на учебу, и т.п. в крупные города, при этом лишь небольшая часть связывает свое будущее с сельской местностью.

Конечно, слабые движения «экопоселенцев», или же единичные попытки относительно молодых «северных» пенсионеров обосноваться в сельской местности неспособны сами по себе обеспечить построение нового социума. Собственный же социум аграрных территорий, в большинстве случаев находится в стадии распада, что обусловлено, в первую очередь, тем, что средний возраст сельских жителей скоро перевалит отметку в 60 лет (а в некоторых регионах, особенно – в средней полосе России, этот порог уже пройден).

В существующих условиях, когда наблюдается устойчивый отток населения из сельских районов, противопоставить этим негативным явлениям, по большому счету, нечего.

Необходим поиск скрытых резервов социального развития в сельских территориях, в противном случае многим из них угрожает вообще полное исчезновение населения в течении ближайших 20-25 лет. Следует отметить, что в настоящее время нет средств, способных повернуть эту ситуацию вспять. Ключевым условием для дальнейшего развития

аграрных территорий в социальном плане, является поиск факторов, способных сделать их конкурентоспособными для перспективных, в точки зрения дальнейшего развития, групп населения. Иными словами, необходимо создать условия, делающие возможным обеспечение конкурентоспособного качества жизни в сельской местности. Это отнюдь не означает того, что достаточно обеспечить уровень зарплат, сопоставимый с московским, для того, чтобы все проблемы развития были бы решены. Не говоря уже о том, что это сегодня невозможно, следует помнить, что деньги существенно улучшают качество жизни, но не способны изменить его кардинально. Для решения проблемы социального развития территория должна обеспечить комплекс факторов, делающих проживание на ней более выгодным, по сравнению с альтернативными вариантами. Такими факторами конкурентоспособности могут быть следующие: (а) экологический фактор; (б) возможность местного самоуправления, включая дальнейшее расширение полномочий территориальных организаций самоуправления (ТОС); (в) наличие условий для реализации собственного бизнеса; (г) доступность услуг современной социальной и производственной инфраструктуры; (д) комфортная, в психологическом плане, среда обитания; (е) возможности развития и личностного роста; (ж) социальные перспективы (наличие «социального лифта»); (з) безопасность проживания, включая личную, имущественную и правовую её разновидности, в соответствии с современными представлениями о правах человека и личности²³².

Однако, одной из целей формирования агломерационных структур и является повышение качества жизни в российской сельской местности до уровня аналогичных территорий Великобритании, США, Норвегии и других стран, где значительная доля населения проживает в маленьких городках (нередко численностью в несколько десятков человек), являясь при этом носителями городской культуры.

Создание новой субкультуры на общинной «матрице», сегодня, вероятно есть единственно возможное направление социального развития агропромышленных регионов в постиндустриальном периоде. Сегодня уже очевидно, что существующий общественный уклад в сельской местности нежизнеспособен в средне- и долгосрочной перспективе и, безусловно, нуждается в модернизации, главным образом, на основе

²³² Фарков А.Г. Агломерационный подход: возможности мультипликативного развития аграрных регионов. / А.Г. Фарков – Saarbrücken, Germany: Lambert Academy Publishing, 2012 – 701 с.

возврата, на новом витке спирали развития, к традиционным общечеловеческим ценностям.

Надо заметить, что развязка этой проблемы, главным образом в виде изменения общественного сознания, приведение его к нормам постиндустриального общества, при которых жизнь в сельской местности, в маленьком городке, или же вообще – в обособленной резиденции – ферме, ранчо, поместье и т.п. является существенно более престижным, чем жизнь в мегаполисе, есть основа формирования социума постиндустриального общества в нашей стране.

Инструментальным средством, обеспечивающим решение этой, безусловно общественно-значимой задачи, в настоящее время могут стать территориально-производственные агломерации. Под ними следует понимать сообщество хозяйствующих субъектов и индивидуумов, локализованных в рамках определенной территории и объединенных между собой системой горизонтальных связей. Таким образом, территориально-производственная агломерация является дальнейшим развитием и адаптацией, применительно к задачам развития аграрных регионов, хорошо известной концепции территориально-производственных комплексов, доказавших свою эффективность многочисленными примерами на практике.

Конечно, это не одномоментный процесс, но следует помнить, что пока есть человеческий потенциал, способный составить общество будущего, есть группы населения, готовые к тому, чтобы начать конструирование нового общества, в силу того, что по каким-либо причинам не имеют комфорта в современном окружении. Таких людей в современной России достаточно много, свидетельством чем рост числа различного рода экологических движений типа «анастасийского», и именно они могут стать тем иницирующим звеном, которое запустит процесс социогенеза общества постиндустриального типа – основу для агломерационных структур. Возможности развития аграрных агломерационных кластеров, вероятно, напрямую зависят от темпов этих процессов. Ключевым условием их ускорения является развитие опережающими темпами социальных институтов конкретной территории, избранной по тем, или иным причинам, в качестве основы аграрной территориально-производственной агломерации. Необходимо создание предпосылок к развитию спектра и качества социальных услуг, предоставляемых социальной инфраструктурой территории, вместе с тем, большое значение играют и неявные социальные факторы, в первую очередь такие, как

уровень развития и готовность к дальнейшему развитию институтов гражданского общества на конкретной территории, создание предпосылок к формированию нового формата местного самоуправления, в большей степени соответствующего требованиям образованных слоев населения в этой области. Надо заметить, что это является важнейшим конкурентным преимуществом аграрных территорий: начиная с того момента, когда сельский житель (в том числе и новый, осознанно избравший сельский образ жизни) будет чувствовать себя более защищенным в правовом отношении, чем его городской визави, маятник престижности, в общественном сознании, неизбежно качнется в сторону сельского образа жизни. Это может быть осуществлено при формировании в сельской местности общинных институтов нового типа, осуществляющих поддержку своих членов в рамках их гражданской деятельности и выступающих как коллективный представитель при взаимодействии с внешней средой. Они должны обеспечивать важнейшие потребности индивидуума в сфере безопасности, социальной защищенности и других социальных приоритетов. Процесс этот не может быть одномоментным, однако следует помнить, что внедрение современных технологий, главным образом в информационной сфере, способно существенно убыстрить процесс формирования социальных консорциев, которые впоследствии должны будут превратиться в общинные структуры.

Вполне очевидно, что создание такого общественного уклада не может быть привязано к каким-либо религиозным, или иным догмам, вообще следует избегать подобного рода явлений. В то же время создание нового социума, пусть на микроуровне, неизбежно потребует и идейного, смыслового его наполнения. Такими смысловыми узлами могут стать идеи экологической направленности, ориентированные на достижение гармонии человека с природой, минимизации ущерба, наносимого окружающей среде, сохранения и восстановления природы. Большинство людей, в том числе и базовых социальных групп, которые должны сыграть ключевую роль в формировании будущего социума аграрных регионов, в той, или иной мере, разделяют сегодня эти взгляды, а соответственно они и являются основой, на которой можно выстраивать новые общественные и организационные структуры. Конечно, различного рода перегибы могут быть весьма вредны, прежде всего с позиций экономического развития и, в конечном итоге, для реализации самих идей экологически ориентированного общества.

Сегодня можно выделить три магистральные альтернативы социального развития сельских территорий: (а) консервативный путь – сохранение существующего социума и его постепенная деградация с последующим вымиранием, в силу отсутствия полноценной репродукции населения в большинстве сельских территорий (как, впрочем, и вообще в России); (б) путь традиционного развития аграрной экономики индустриального общества – ориентированный, прежде всего на широкий приток инвестиций в аграрный сектор и привлечение новых работников, прежде всего, на основе экономической целесообразности; Излишне говорить о том, что сегодня нет оснований позволяющих предполагать, что когда-либо, при реализации в рамках традиционных индустриальных подходов, работа в сельской местности станет привлекательной для широких социальных групп и произойдет переток населения в обратном направлении, из городов в сельскую местность. (в) социально-сетевой путь развития, ориентированный прежде всего на создание общественного уклада нового типа, выстроенного на сетевых принципах, открывающих как перед обществом, так и отдельным индивидуумом новые возможности, которые отсутствуют в традиционном обществе; Этот путь развития, по сути своей строящийся на основе социальной инженерии, конструирования нового общественного уклада является сегодня практически единственной альтернативой первому сценарию развития, то есть медленному вымиранию, с «анестезией» в виде дотационной поддержки, с отсутствием каких-либо перспектив будущего. Без создания устойчивого социума нового типа, соответствующего специфике и укладу экономики постиндустриального периода невозможно какое-либо устойчивое экономическое развитие аграрных регионов. Для этого необходимо использовать все имеющиеся в наличии факторы, способные стать первичными ячейками будущей общественной структуры, в первую очередь речь может и должна идти о тех социальных группах, которые, по каким-либо причинам хотели бы его построить, причем именно в сельской местности.

Вместе с тем, следует отметить, что именно территориально-производственная агломерация создает самые широкие возможности для профессионального и социального роста, ввиду постоянного саморазвития системы, её потребности в специалистах будут непрерывно возрастать. В общем случае, требования к компетенции специалистов в агломерационных структурах, вероятно, будут значительно отличаться от существующей сегодня профессионально-квалификационной струк-

туры. В частности, очевидно будет возникать потребность в специалистах, объединяющих в себе несколько профессий, уровень образования которых позволяет им, по сути, работать на «стыке» профессий. Особенно это касается, конечно, специалистов управленческого звена. Вместе с тем, в рамках агломерационного кластера могут быть существенно снижены требования к формализованному образованию, ориентированному лишь на подтверждение соответствия квалификационному уровню. Безусловно и то, что существующая система образования сегодня неспособна дать специалистов, в полной мере обладающих навыками, необходимыми для работы в кластерных структурах, на среднем и верхнем управленческом уровнях. Подготовка специалистов такого рода должна вестись непосредственно, в рамках агломерационного кластера, при этом не обязательно должна иметь какую-то формализацию, выраженную дипломом, или каким-либо другим свидетельством. Однако, гораздо более важным представляется наличие необходимого набора навыков, позволяющих осуществлять координацию всех элементов кластера, позволяющую обеспечить их взаимодействие в согласованном режиме. Понятно, что для этих целей руководитель должен обладать, помимо технических знаний, еще и достаточным уровнем образования в области экономики, юриспруденции, психологии. Однако, просто «коллекционирование» дипломов ничего не даст, необходимо умение организации системного мета действия в рамках агломерационной структуры, затрагивающего все сферы деятельности индивидуумов.

Иными словами, территориально-производственная агломерация должна обеспечить возможность того понятия, которое в западной социологии носит название “downshifting”, т.е. переселение специалистов в сельскую местность, как правило, с некоторой потерей доходов, но зато с более комфортной средой обитания.

ДАУНШИФТИНГ И АПШИФТИНГ В СОВРЕМЕННОЙ СЕЛЬСКОЙ РОССИИ: ИСТОКИ, ПРИЧИНЫ, СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Светлой памяти профессора В.Ф. Ефимова, соавтора и наставника, обратившего наше внимание на эту проблематику, посвящается.

Е.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Ф. ЕФИМОВ

Современное общество в начале третьего тысячелетия столкнулось с рядом новых проблем и явлений, которые ране сложно было предвидеть и прогнозировать. Ныне и исследователи-гуманитарии, и публицисты, пытаются проанализировать их, сняв с себя очки предвзятости, прогрессисткой мифологии, или иные ментальные шоры, препятствующие пониманию общественной правды, в. т. ч. без претензий на постижение истины в её последней инстанции.

Одним из таких веяний стал дауншифтинг. В 1990-е годы этот термин появился в статье Washington Post. Западное определение дауншифтинга – отказ от высокой должности и доходов ради простой и неторопливой жизни в кругу семьи (simple living). Но дауншифтинг стал боле и более распространяться по миру и приобретать разные лики, маски и формы. В массовом сознании он увязывается с почти полным (а порою и постоянным отказом от благ (а также общепринятого стиля жизни, условностей, предрассудков) цивилизации в пользу жизни где-нибудь на тропических островах (в качестве первого прецедента подобного стиля жизни приводят Поля Гогена), или (это является основным предметом данной статьи) миграция в деревни из мегаполисов. Конечно, нечто подобное уже было – хиппи, зеленый туризм. Приверженцы этого течения (дауншифтеры) отказываются от пропагандируемых общественным ценностям: конформизма, рабства имиджу, денег, карьеры и так далее. В большинстве своем люди вкладывают в дауншифтинг как собственный смысл, так и плохо осознаваемые фобии, включая фроммовское «бегство от свободы».

Однако массово говорить о дауншифтинге стали на Западе в 70-е гг. XX века, а к началу XXI века он дошел и до России — его стали активно обсуждать в блогосфере, появились сообщества русских дауншифтеров. В России этот термин появляется в 2007-2008 гг. в газетной публицистике и означает примерно тоже самое.

Этот термин (пока еще не совсем обжитый в русском языке варваризм) довольно часто встречаются и его написания – латиницей «Downshifting». Со временем, возможно, слово станет привычным, как например граффити. А еще в 1973 г. и оно было непривычным. Так, митрополит Антоний (Мельников) в своей статье «О христианстве в Помпеях и Геркулануме» писал этот термин как «graffiti» и давал пояснение, что они «...очень быстро наносятся на поверхность ..и не требуют специальной подготовки...ни специального орудия письма»²³³. Приведем первые прецеденты употребления термина «дауншифтинг» в русскоязычном пространстве. Так, журналист Игорь Найденов писал, что дауншифтинг- это «когда люди все продают и уезжают в Индию...курить»²³⁴. А Алина Гарбузняк одной из первых дала пояснение, что предполагается «сход вниз по социальной лестнице»²³⁵.

Массовое распространение данного течения по всему миру вызывает сомнения и недоумения. Ведь, еще в шестидесятых годах маститые американские политики прогнозировали «эру праздности». Они связывали это с тем, что зарплаты растут, с лихвой удовлетворяя человеческие потребности, и для полноценного обеспечения человеку будет достаточно работать три дня в неделю и уйдет он на пенсию в возрасте сорока лет.

Однако на практике все обернулось иначе – они захотели большего. Уровень жизни как можно выше – вот их новый идол! Современные американцы по переработкам обогнали своих ближайших предков. Не все поддались влиянию толпы. Это началось задолго до того, как появился термин «дауншифтинг». Взять то же «Поколение X» Дугласа Коупленда. Герои его книги, являясь выходцами из состоятельных, уважаемых семей, отказались от всех привилегий, что им дала жизнь по праву рождения, и ушли в полузабытые кафе и бараки.

Постепенно формируется и основной принцип дауншифтинга – отказ от бездумного потребления, навязанного социумом. Однако исключительно отказом от социальных благ не исчерпывается проблематика дауншифтинга. Мы здесь встречаемся с родственным, но несколько иным явлением - апшифтингом. Поскольку в современной науке и публицистике трактование данных терминов все еще носит неустоявшийся

²³³ Антоний (Мельников), митрополит Минский. О Христианстве в Помпеях и Геркулануме. // Богословские труды № 10. М., 1973. С.60

²³⁴ Найденов И. Выше ангелов // «Русский репортер», № 18 (48), 21-28 февраля 2008.

²³⁵ Гарбузняк А. Рай для романтиков // Труд-7, 2008.08.12

характер, мы приведем свое понимание, осознавая и то, что время и мысль внесут в него свои коррективы. Итак, в каком-то смысле дауншифтинг можно рассматривать как этап к апшифтингу — полному отказу от прошлой жизни. Но апшифтинг свойственен только «радикалам» в поиске себя. Апшифтеры — это радикально настроенные дауншифтеры, предпочитающие вообще сойти с дистанции, занявшись совершенно иным видом деятельности и пожертвовав наработанным за долгие годы статусом и положением, в то время как большинству бывает достаточно спуститься вниз на одну-две ступеньки карьерной лестницы, уменьшив объем ответственности и должностных обязанностей.

Апшифтер - это просто дауншифтер, который занят каким-то делом. То есть тот, кто улетает на острова и живет исключительно на то, что заработал раньше или просто на деньги от сдачи своего жилья, - это дауншифтер. А тот, кто переехал в райские (или сельские) условия, но продолжает трудиться и повышать свое благосостояние, - это апшифтер. Апшифтер - занят делом, не лентяй, не трудоголик, золотая середина, он успешен, несмотря на то что живет в свое удовольствие. Апшифтинг — это целая наука, некая реорганизация своей жизни, при которой уровень жизни вырастает, то есть Up (вверх), а траты остаются теми же или же уменьшаются. Хороший пример апшифтинга — это переезд, смена вида деятельности, новое начинание, при котором уровень жизни может возрасти при тех же финансовых затратах.

При этом стоит обратить внимание и на то, что существует вариант и временного дауншифтинга, с возможностью возобновления карьеры после тайм-аута. Классический западный дауншифтинг (с понижением доходов) — это всегда революция в ответ на требования компании. Выбором дауншифтера является осознанный отказ от участия в "крысиных бегах", что влечёт снижение материального дохода и зачастую воспринимается в штыки близкими и обществом. В награду дауншифтер получает внутренне удовлетворение от жизни, возможность заниматься любимым делом, жить так, как хочется. Основным принципом дауншифтинга является отрицание всего, что связано с потреблением. Неприятие высокого статуса, стремления добиться как можно больших материальных благ, дабы лишней раз этот статус подчеркнуть во имя простых общечеловеческих ценностей, таких как увлечения, семья, здоровье, окружающий мир вокруг.

Уютные берега океанов или (что бывает не так заметно, сельская глубинка) стимулируют лень и беззаботность российских дауншифте-

ров. Их побег от цивилизации они готовы воспринять как временную меру. Никаких сожженных мостов во имя качественного перехода к новой жизни. Даже квартиры в крупных городах не продаются, а сдаются – всегда есть план «Б», по которому можно вернуться в социальную гонку. Быть может, они и не воспользуются этой возможностью, но сам факт возможности «соломки подстелить» утешает и успокаивает.

Всем довольный и умиротворенный человек не сможет стать дауншифтером – по большому счету, это является крайней мерой для человека, который был доведен обществом до ручки. Именно тогда встает вопрос ребром: или кардинальные изменения, или движение по спирали, которое ведет в персональный ад, полный бесконечных стрессов, неизлечимого эмоционального выгорания, депрессий, медикаментов и суицидальных мыслей. Дома, красивые авто, дорогая одежда, лучшие отели – все это не делает несчастным, до ручки доводит методика достижения всех этих благ.

Главное от чего отказывается дауншифтер - это **чужие цели и желания**. Он ищет себя и свое место в мире, за **рамками цивилизации** с её распорядком и обыденностью. Во все времена это называлось «отречением». Всегда были люди, которые вели подобный образ жизни, которые не находили вкуса в мирских утехах, комфорте, шике, а шли путем возвышения сознания. Однако в нынешнее время возникло так называемое «ложное отречение», когда человек просто хочет отказаться от исполнения своих обязанностей и под видом отречения просто-напросто удрать. Такие горе-йоги не будут счастливы в этом и рано или поздно их привязанность к материальной жизни стянет их назад. Они обречены на зависть, неприязнь, гнев, склонны критиковать материальную жизнь и погрязших в ней людей. Это признак крушения собственных несбывшихся надежд. Истинно отреченные люди отличаются удовлетворенностью, они светятся счастьем изнутри. Так их можно распознать.

В России последователей этого течения значительно меньше. Ведь к классическому западному определению дауншифтеров русские придут лишь тогда, когда в стране, наконец, появится четко сформированный средний класс. Иными словами, для того чтобы наблюдать побег от сытости, эту сытость нужно достичь и успеть от неё утомиться. А виной этому, прежде всего, экономические факторы: россияне в отличие от жителей развитых стран сравнительно недавно стали жить более-менее достойно и ещё не успели насытиться плодами общества потребления. Кроме того, уровень жизни в России значительно ниже, чем в странах,

лидирующих по количеству дауншифтеров, уверенность в завтрашнем дне отсутствует практически у всех социальных слоёв. Наряду с материальными преградами и отрицательным общественным мнением, в России есть территориальные проблемы с дауншифтингом — всё-таки русские деревни - это совсем не цивилизованные европейские сёла, жизнь в которых похожа на пасторальную картинку.

Но тем не менее, после почти тотальной урбанизации, приведшей к опустошению и моральной деградации села, а также имевшей место (преимущественно в южном полушарии «ложной урбанизации» (обращение городов трущобами, где действовали бандиты, наподобие тех, которых описал Жорже Амаду в романе «Капитаны песка») начался процесс деурбанизации, который можно рассматривать как своеобразное проявление дауншифтинга. Ведь наряду «(а не вместо) с потоком людей, покидающих деревню во имя города (урбанизация), возникал поток тех, кто покидал город, устремляясь в деревню (деурбанизация). Очень важно подчеркнуть: люди, покидая город, прощались с ценностями индустриализма, возвращаясь к аграрному укладу жизни и труда. Практическая диалектика урбанизации/деурбанизации в ее современном облике заключается в следующем. С одной стороны, в первом десятилетии XXI века численность городского населения планеты превысила численность населения, проживающего в деревне. С другой стороны, и в то же самое время, массовый характер приобрело движение дауншифтинга. Его сторонники не только открыто порывают с городом, но также открыто провозглашают отказ от идеологии массового потребления/производства — основы основ индустриализма. Противоречие между индустриализмом и дауншифтингом оказалось настолько ярким и острым, что затмило собой факт рождения и нарастания потока людей, исповедующих, несущих и практически (но без шума и гама) реализующих новый исторический тип ценностей — ценностей постурбанистического характера. Это ценность уникализации, приходящей на смену ценности унификации, которая со хорошо укладывается в уже постулированный современной философии концепт множества. Это ценность современного семейного трудо- и бытоустройства, замещающей ценность фабрично-заводского барака как придатка внесемейного труда (даже если фаб-

ричный барак мимикрирует вначале под дом, напичканный квартирками, а затем и под спальный микрорайон)»²³⁶.

Русских людей, решивших погрузиться в мир дауншифтинга, интересует, куда можно отправиться? Места, которые для этого подходят, невозможно оценить по балльной или звездочной системе. Одни даушифтеры находят успокоение в сибирских лесах, другие выбирают норильский экстрим или карельские болота, третьи уезжают в Подмоскowie, восстанавливают бабушкину мазанку и выращивают овощи. Приведем выразительный пример. В Аргентине существует русское экопоселение; там около 100 семей, они ведут экологически чисто натуральное хозяйство.

Так, в Англии (и отчасти в России, как мы покажем в ходе нашей статьи) дауншифтинг имеет яркий экологический окрас (употребление или выращивание органических продуктов, особое отношение к мусору и его вторичной переработке, экономия энергии). Но не только экологическими факторами можно объяснить генезис дауншифтинга, рассмотрим и морально-экзистенциальные аспекты.

Задолго до появления в мире капитализма или даже до появления христианства, проповедники уже говорили о других ценностях. Они упоминали прекращение постоянной погони за материальными благами, стремились дать людям другие ценности для жизни, помочь понять, что есть свой повод для счастья, вне зависимости от материального обеспечения.

Но на самом деле, история философии дауншифтинга началась не 50 лет назад, а уходит в глубину веков. Всегда были люди, находящиеся в меньшинстве, которые предпочитали жить согласно своим ценностям, а не навязываемым обществом. Можно упомянуть графа Льва Николаевича Толстого с его идеей опрощения, который вёл образ жизни простого крестьянина; французского художника Гогена, который уехал на Таити, променяв карьеру успешного банкира на возможность рисовать туземные красоты. Классическим является пример римского императора Диоклетиана, который отказался от власти и удалился в своё поместье, где посвятил себя выращиванию капусты. Даже жизненный путь Будды Гаутамы есть типичный пример дауншифтинга — отказ от царствования взамен на поиск себя.

²³⁶ Дончевский Г.Н., Клименко Л.В., Ермишина А.В. Ценностные основания институционализации постурбанистических образований в России: гипотеза и результаты эмпирических исследований // *Journal of Institutional Studies*. 2016. Т. 8. № 1. С. 72-84

Такой философии придерживался еще Диоген²³⁷, доказывая, что человеку почти ничего не нужно для настоящей свободы, а жить можно даже в бочке. В качестве яркого примера (правда, из другой эпохи) стремления не жить в системе «чужих» ценностей (в какой мере типологически близкий к современному дауншифтингу) можно привести жизненный путь и социально-психологическую практику преподобного Франциска Ассизского (1181- 1226). Этот средневековый святой выступил против тех ценностей, которые доминировали в современном ему обществе: богатство, куртуазность, чиновничество, конформизм, культ должностей и титулов. Примечательно, что Франциск всему этому противопоставил вечные ценности Евангелия, методы реализации которых на практике он воплотил в своей жизни и пастырско-педагогической практике. В противовес общественным предрассудкам, святой Франциск углубил идею бедности: из отрицательного признака отречения от мира он возвел её в положительный, жизненный идеал, который вытекал из идеи следования примеру бедного Христа. Вместе с этим Франциск преобразил и самое назначение монашества, заменив монаха-отшельника апостолом-миссионером, который, отрекшись внутренне от мира, остается в мире, чтобы среди него призывать людей к миру и покаянию.

Если последователи святого Франциска и в Средние века и в наши дни отказывались от благ идолов цивилизации по религиозным убеждениям, то предпосылки и мотивы современных дауншифтеров, как правило, **не связаны с христианской аскезой и стремлением осуществить обожение (теозис) своей жизни «через Христа, со Христом и во Христе»** (католическая литургическая формула). В третьем тысячелетии сторонниками этого течения, даже если они и имеют религиозное мирозерцание (но, как правило, они - либо агностики, либо люди религиозно индифферентные, либо, как и большинство россиян, играющие в «духовность», но не знакомые ни с историей Церкви, ни с её вероучением) движут отнюдь не религиозные мотивы. Возможно именно поэтому, дауншифтинг часто критикуют за эгоизм и праздность.

Вполне закономерно, что именно сейчас многие дауншифтеры стремятся попасть в Азию, где христианская религия прочно не укоренилась. Возник даже «синдром Гоа»²³⁸. Многие менеджеры, продав или сдав столичные квартиры, уезжают в Азию и вполне наслаждаются жиз-

²³⁷ Хмелевский С. В. Почему россияне покидают свою страну //Социально-политические науки. – 2012. – №. 3.С. 138-144

²³⁸ Станович И.В. Гоанские хроники : исповедь дауншифтера, взгляд изнутри. М., 2008

нюю. Ведь в Азии совсем другой ритм и философия жизни, денег на жизнь уходит не так много. Конечно, есть и такие, которые со временем понимают, что не могут жить вне деловой суеты и спешки²³⁹. Кому-то начинает не хватать ночной клубной жизни, адреналина, высоких скоростей.

В классическом американском варианте – топ-менеджеры все бросают и едут заниматься серфингом на какие-нибудь острова рядом с океаном. Естественно, это люди, которые имеют сбережения. Традиционно такой человек работает 2-3 часа в день преподавателем серфинга, дает уроки. Остальное время он занимается тем же серфингом в свое удовольствие. Преподавательский заработок дает ему возможность по минимуму поддерживать, обеспечивать себя.

К сожалению, как отмечают специалисты – на российской почве это более сложно, это могут позволить себе немногие. Классика русского дауншифтинга – предприниматель Герман Стерлигов. Будучи общественным деятелем, политиком и бизнесменом, основавшим российскую товарную биржу, он оставил дела и перебрался с семейством в Подмосковье. Теперь у него сельский дом и полноценное хозяйство. Конечно, частично он вернулся к бизнесу и основал расчетно-товарный центр, однако возвращать титул олигарха не намеревается. Дауншифтер — человек, решивший полностью изменить жизнь. На подобный шаг его толкает усталость от гонки за материальными благами и разгоревшийся конфликт между психологическим комфортом и красивой жизнью. Однако таких примеров мало.

В России явление дауншифтинга наиболее часто встречалось в банковской сфере. В банковском секторе есть такие люди, которые работали на хороших позициях, как загнанные лошади, по 17 часов в день. В какой-то момент они уезжали и оставляли карьерную гонку. Ежедневные двухчасовые путешествия дом — работа, «отдых» в пробках, двухнедельный отпуск раз в год, спокойно переносят обладатели недюжинного здоровья. Иные дауншифтеры - это те, кто «наигрался» дорогими автомобилями, часами и решил, что заработанных сумм хватит для будущих внуков и пора заняться делом для души. Такие люди из бизнеса уходят в искусство, консультирование или благотворительность.

Приведем в качестве примера конкретное свидетельство нашей современницы, покинувшей Москву и обретшей свое счастье в провинции: *«Мой дауншифтинг произошёл от нервного срыва, приобретённого*

²³⁹ Там же. С.9

внезапно, как мне тогда казалось, но... в субботу, опоздавши на полчаса в Москве на работу, меня попросили... В понедельник пригласили вернуться, но я была уже дома, в Пермской области, в городе мельче, чем можно себе представить. Три месяца была домохозяйкой и не пыталась даже устроиться (благо родители были рады возвращению блудной дочери). Спустя три месяца безделья и бессмысленности, я получила права, мне помогли купить машину, я поступила в университет. сейчас тружусь в хорошей компании и мечтаю о своём жилье, которое уже не за горами (без 20-тилетнего рабства)... И смысл жизни обошёлся мне всего в 2 тыс. - билет назад до Перми, и бонусом бесценный жизненный опыт...

А что до дауншифтинга - я уже давно не работаю, так сложилось, поэтому необходимости нет. Но искренне понимаю людей, которые хотят вырваться из беличьего колеса. Странно, что многие так хотят острова - наверное, это прижившийся романтический образ. Я бы не смогла в чужой мало населенной местности бездельничать под пальмами... Свихнуться можно от лени». (Ольга, Пермский край, 45 лет)

Часто решение о дауншифтинге связано с кризисом среднего возраста. Семьи не всегда оказывают поддержку философствующему карьеристу, считая его душевные переживания ленью. Наоборот — желание снять с себя профнагрузки и акцентировать внимание на внутреннем развитии или здоровье — именно это проявление активного отношения к жизни! А жертвоприношения социальному стереотипу, который постоянно требует доказательств — обычный конформизм. Сама идея дауншифтинга подразумевает отказ от вездесущих офисов, дел и всей прочей рутины, зарабатывать ровно, сколько необходимо для выживания и пропитания. У такого человека не только вынужденный перерыв в работе вызывает дискомфорт, но и сама перемена представления о себе. Несколько месяцев в голову защитные механизмы просто не пустят такие мысли, чтобы сохранить в сознании привычную структуру, и человек продолжает воспринимать себя как продолжение своей должности. Эта фаза у дауншифтера проходит на работе, что означает куда менее травмирующее ее восприятие. Личность находится в состоянии постоянной войны с социумом, пытаясь сохранить представление о себе и отказавшись от внезапной перестройки всего сознания. Навязанная необходимость внутренних перемен может происходить крайне долго, возможно даже косметическая маскировка и адаптация внешнего характера.

С самого начала человек находится в состоянии повышенных амбиций, и хочет все как раньше. На второй стадии он начинает искать новые методы и стратегии поиска работы, порой даже обращается к специалистам, потому что видит, что методы не работают, но не понимает почему. Вследствие проблемы появляется глубочайшая растерянность и озадаченность, вызванная несогласованностью требований мира и собственных желаний. Чем больше человек находится без работы, тем выше уровень требований и ниже реальные его возможности. Активность по поиску работы претерпевает перерыв во время затворничества, потому что человек начинает постепенно внутренне меняться. И даже признает, что просто так вернуться назад он уже не способен. После торга и поиска альтернатив личность уже воспринимает, что готова отдать, а что желает сохранить, в первую очередь, осознавая необходимость изменений внутри себя.

Потом человек может войти в фазу постоянного самообмана, формально занимаясь работой, но реально существуя психически в другом мире. А может согласиться с происходящим, отдать себя на волю протекающим изменениям, и наконец, принять мир таким, каким он есть.

Приведем другую, ставшую типичной историю, «из жизни». Супружеская пара работала в банке. Он занимал позицию руководителя отдела автоматизации и программирования. У них был ребенок. Однако около трех лет назад они купили участок земли в коммуне в Тверской области. В этой коммуне люди занимались сельским хозяйством. Интернета в общине практически не было, мобильная связь так же плохо работала. В настоящее время герои уже развелись. Он вернулся в город, работает в Москве, но уже не в столь высокой должности, и сторонится общения с прежними знакомыми. Женщина все еще живет в коммуне, вновь вышла замуж и занимается сельским хозяйством вдалеке от «стрессов внешнего мира». Для программистов, к слову, подобный вариант дауншифтинга также возможен и достаточно удобен, поскольку они могут работать удаленно.

Данный пример иллюстрирует еще один параметр деурбанизации. Ведь «...постурбанисты, покидая город как место физического проживания или оставаясь в нем (в этом смысле постурбанисты делятся на две большие группы: на городских и сельских постурбанистов), не рубят связность, а если и рубят, то не с плеча и не сгоряча. Их главная цель даже (и вовсе) не связность. В центре внимания постурбанистов — новые формы, уровни и типы вовлеченности во внешнюю среду, - то, чего го-

род не может им дать, как таковой. Но исторической, образовательной, культурной, экономической и социальной предпосылкой чего он, город, для постурбанистов является (причем, является несомненно). В известном смысле можно утверждать, что постурбанизация является одним из тех заместителей, через которые проявляет себя современная «деконструкция» и «диссеминация» в том смысле (хотя сами по себе они и бессмысленны), в котором понимает их Жак Деррида»²⁴⁰.

В современном обществе, где тотальное погружение в информационное пространство стало нормой²⁴¹, усилились экзистенциальная усталость и тоска по свободе. В этом контексте выделим три основные причины, по которым люди становятся дауншифтерами:

1. Стремление к гармоничной жизни. Побег от цивилизации — это своеобразная попытка вернуться к своему «Я» и проводить больше времени со своей семьей. Человек осознанно отказывается от карьеры, поскольку осознает, что этот путь заводит его в глубокий жизненный тупик.

2. Внутреннее истощение организма. Изматывающая карьерная гонка зачастую приводит к глубокому разочарованию. Человек понимает, что он от работы больше не получает удовольствия, а вместо самореализации получает лишь новую порцию стресса. Именно по этой причине чаще всего становятся дауншифтерами топ-менеджеры крупных компаний.

3. Ухудшение здоровья. Часто, если человек тяжело болел или находился на волосок от смерти, у него происходит переоценка ценностей. Он понимает, что жизнь всего одна и надо ее прожить так, как мечталось, ведь завтра может и не наступить.

Сами дауншифтеры называют еще одну причину, и она очень проста — жажда приключений. Зачастую у современных мужчин и женщин нет возможности насладиться беззаботной юностью: по окончании вуза они сразу устраиваются на работу, затем связывают себя узами брака, а дальше по накатанной — дети, ипотека, кредиты... И в какой-то момент у них наступает своеобразный кризис: появляется ощущение, что жизнь

²⁴⁰ Дончевский Г.Н., Клименко Л.В., Ермишина А.В. Ценностные основания институционализации постурбанистических образований в России: гипотеза и результаты эмпирических исследований // *Journal of Institutional Studies*. 2016. Т. 8. № 1. С. 72-84

²⁴¹ Берестова Т.Ф. Единство информационного пространства и роль государства в его достижении // *Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств*. 2006. Т. 9. № 1. С. 74-85; Берестова Т.Ф. Законы формирования структуры информационного пространства и функции информации // *Библиография. Научный журнал по библиографоведению и книговедению*. 2009. № 5. С. 32-47.

проходит, а они в это время стоят на ее обочине и ничего не успели попробовать. В такой ситуации некоторые находят способ самореализоваться в чем-то помимо карьеры, а кто-то полностью меняет свою жизнь, становится дауншифтером и таким образом старается наверстать упущенное.

Вряд ли кто станет возражать против такого основания для дауншифтинга, как забота о собственном здоровье. Не секрет, что большой бизнес или руководящий пост в крупной корпорации часто сказываются на здоровье столь же отрицательно, как и работа на вредном производстве. Вместе с солидными заработками, красивой жизнью и уважением окружающих нередко настигает целый букет заболеваний - от сердечно-сосудистых до расстройств нервной системы.

Другой причиной, порождающей дауншифтинг становится психологический слом, нервозы и, порою, экзистенциальный кризис. Последнее явление было блистательно описано в последней работе Н.А. Бердяева «Царство духа и царство кесаря». Философ специально отмечал: «Кризис, переживаемый человеком, связан с несоответствием душевной и физической организации человека с современной техникой. Душа и тело человека формировались, когда человеческая жизнь была еще в соответствии с ритмом природы, когда для него еще существовал космический порядок. Человек был еще связан с матерью-землей. Власть техники означает конец теллурической эпохи. Органическая, естественная среда человека, земля, растение, животные и пр., может быть убита техникой; что тогда будет? Элементарная техника существовала с первобытных времен. С конца XVIII века начинается революционизирующее вторжение машины, с которым связано развитие капиталистической промышленности. Только в наше время техника приобретает детерминирующую власть над человеком и человеческими обществами и возникает тип технической цивилизации...»²⁴².

Дауншифтинг в таких условиях является, как правило, вынужденным, о нем задумываются, лишь, когда вопрос встает ребром: **или карьера, или здоровье, изматывающий стресс с его спутником- эмоциональным выгоранием или спокойная, но скромная (по общепринятым меркам) жизнь.** Чуть менее важным основанием для «движения вниз» по карьерной лестнице является стремление минимизировать юридические риски. Увы, реалии нашего времени таковы, что стремительный карьерный рост может закончиться в самый неподходящий

²⁴² Бердяев Н.А. Судьба России. Царство духа и царство кесаря. М., 1994. С.34

момент на скамье подсудимых. Не стоит уповать на законопослушное поведение: даже безукоризненно честный сотрудник может стать козлом отпущения в корпоративных финансовых махинациях. Рожденного с авантюрной жилкой это вряд ли испугает, но осторожный и благоразумный человек всерьез задумается о возможности притормозить. Желание проводить больше времени с семьей и детьми или посвящать себя любимому делу может быть встречено непониманием знакомых, мыслящих ценностными категориями яппи, но в принципе оно тоже является уважительной причиной для «скачка вниз».

Далеко не всегда дауншифтинг означает снижение доходов: радикальная смена профессии может стать источником больших заработков, нежели прежняя работа. Разумеется, философия добровольной простоты применима к российской действительности с рядом оговорок, но совершенно ясно одно: процент людей, для которых счастье заключается не в деньгах и даже не в их количестве, весьма велик.

Например, для образцового семьянина возможность уделять больше времени воспитанию детей значит намного больше, нежели роскошный автомобиль, костюмы Hugo Boss и обеды в дорогих ресторанах. Поэтому уход с высокооплачиваемой должности, позволяющей жить красиво, но требующей взамен полной самоотдачи (или даже аннигиляции-деконструкции личности на рабочем месте), не будет для него тяжелым ударом. То же самое можно сказать и о человеке, увлеченном тем или иным хобби или творчеством: даже наличие полного комплекта атрибутов материального достатка и обеспеченности не в состоянии компенсировать вынужденный отказ от самореализации и зарытый в землю талант. Сплошь и рядом встречаются ситуации, когда молодые специалисты приобретают специальность, не отвечающую их реальным запросам, способностям и ожиданиям. Наглядный пример - перепроизводство экономистов, юристов и менеджеров за последние годы, продиктованное кратковременными потребностями рынка труда. В таких условиях намного лучше решиться на дауншифтинг, нежели ежедневно переламывать себя, занимаясь нелюбимой работой.

Наконец, всегда существует определенный процент людей (как правило, это интроверты, особенно соционического типа ИЛИ (аналитик), а также личности креативного плана, нонконформисты), которые органически «не могут вписаться в корпоративный распорядок дня и

коллектив сотрудников»²⁴³. Составляя перечень плюсов и минусов того или иного варианта дауншифтинга, вместо абстрактных и общих фраз лучше всего использовать четкие и конкретные категории. Скажем, расплывчатая фраза "у меня будет больше свободного времени" неприемлема, ее необходимо заменить предложением "ежедневно у меня будет столько-то часов свободного времени". Для подсчета финансовых перспектив карьерного понижения полезно вооружиться калькулятором и соотнести уровень ожидаемой зарплаты с запланированными расходами и покупками. Не исключено, что в свете философии добровольной простоты некоторые сугубо имиджевые траты окажутся совершенно ненужными. «Некоторым довольно трудно в одночасье отказаться от привычных стереотипов мышления - это, пожалуй, основная сложность в распределении приоритета расходов»²⁴⁴. Следующей причиной дауншифтинга, на которую мы хотели бы обратить внимание-это экономический кризис, и несостоятельность проектов о евразийской интеграции²⁴⁵. Данные процессы становятся катализаторами для морально-экзистенциальных поисков

Большинство работодателей, однако, с подозрением отнесется к дауншифтеру; если человек однажды отказался от карьеры, повторно сформировать у него требуемую мотивацию и нацеленность на успех, столь ценимую кадровиками, будет довольно проблематично. Именно поэтому начинающему экс-карьеристу следует приложить все усилия, чтобы сохранить хотя бы профессиональную репутацию и по возможности замаскировать или даже скрыть зигзаг в собственной карьере. «В дауншифтинге совершенно неприемлемы опрометчивые и скоропалительные решения, самое главное - это максимальная осторожность и умение с гроссмейстерской точностью просчитывать свои жизненные и профессиональные перспективы на несколько ходов вперед»²⁴⁶. Для того, чтобы стать истинным дауншифтером, необходимо знать о будущих жизненных задачах. Спуск вниз по карьерной лестнице по доброй воле должен в конечном итоге стимулировать рост духовный (точнее эстетико-экзистенциальный). В идеале, конечно же, ломать карьеру не сто-

²⁴³ Дрейк Дж. Дауншифтинг: как меньше работать и больше наслаждаться жизнью. М., 2007. С. 127

²⁴⁴ Дрейк Дж. Дауншифтинг: как меньше работать и больше наслаждаться жизнью. М., 2007. С. 153

²⁴⁵ Киевич А.В., Король О.В. Евразийская интеграция: этапы становления и перспективы развития/А.В. Киевич, О.В. Король //Экономические науки. М., 2016. -№ 1 (134). С. 123-129.

²⁴⁶ Пчелин А. Д. Дауншифтинг по-московски М., 2010. С.101

ит. Необходимо только понять, что внутренне человек хочет получить от жизни и чем в дальнейшем заниматься. Если смотреть на дауншифтеров со стороны, то такие резкие жизненные перемены могут показаться кому-то глупыми и опрометчивыми.

В поисках себя дауншифтер может потерять большинство своих знакомых и приятелей, но по-настоящему близкие люди всегда поймут и поддержат. Дауншифтер получает, - экономию жизненного времени. Ведь теперь не надо растрчивать себя на дела и обязанности, прописанные в трудовом договоре, на никчемные реверансы и улыбки тем людям, которым ты бы не хотел улыбаться. И еще он получает возможность обретения самого себя, своего собственного я, попытку понять, кем являешься в этой жизни и какова цель в ней. Но для этого дауншифтинг должен быть не бегством, а осознанным выбором. Как показали наш исторический экскурс, подобные явления возникали в предыдущие эпохи, однако массовым явлением дауншифтинг стал лишь в конце XX века. Ныне отказ от благоустроенной жизни и карьеры обусловлен не религиозными поисками, а экзистенциальной усталостью. В будущем возможно развитие дауншифтинга, появление промежуточных форм, не исключая и неполного отказа от благ цивилизации.

Одним из возможных вариантов в российском социально-культурном пространстве считается деревня. Переселение семей из города на село уже стало обычной практикой, равно как и возвращение с лона природы в городские бетонные джунгли. И основная причина этого – в неправильной оценке трудностей, с которыми придется встретиться. Часто переселение семьи осуществляется в радужных ожиданиях. Почему-то дауншифтеры полагают, что переезд мигом избавит от всех проблем. Не нужны будут деньги, вокруг красота, природа, чистый воздух и натуральные продукты. Вот только жизнь в деревне не так проста.

Самая большая трудность — в том, что дауншифтеры видят слова воодушевления, но не видят настоящих препятствий для городского жителя, особо никогда не занимавшегося хозяйством. Розовые очки, через которые они смотрят на жизнь в деревне, сводят ее к представлениям о месте идеальной медитации, о закатах и рассветах, о созерцании и спокойствии. Но при этом обязательно необходимо чем-то питаться. Самообеспечение возможно только при организации крепкого хозяйства. Но, как правило, такие навыки присутствуют только у деревенских жителей, которые и слово «дауншифтер» не встречали.

Село в России не самый прогрессивный регион, там сложно найти действительно квалифицированную работу, хотя бы на минимальную сумму – а она будет необходима даже при почти полном самообеспечении, чтобы покупать хотя бы одежду и обувь. Возможности для заработка открываются только знакомым с сельским хозяйством и с инвестированием одновременно.

Трат в селе действительно будет не слишком много, а отдыха от огромного груза общества города — бессчетное и бесценное количество.

Приведем еще одно свидетельство: *«Я купил дом в деревне в Псковской области, в 15 км от райцентра и образовал там поместье. Кругом лес, поля. Работаю через интернет, когда душе угодно. В городе появляюсь раз в два месяца родственников навестить да к поместью прикупить по мелочи».* (Вадим, 37 лет Орехово-Зуевский район, Подмосковье)

Отринуть стрессы и суету большого города и ощутить единение с природой, пережить захватывающие приключения, обрести друзей-единомышленников - об этом мечтают многие. Частично такие грезы реализуются в эко-поселениях дауншифтеров, которые ныне могут признать на государственном уровне опасными ввиду потенциальной угрозы со стороны различных сект. При этом многие эко-поселения, как упоминают религиоведы, просто разгоняются, и сторонники проверки всех поселений никогда не уточняют кем именно. Зато с удовольствием приводят примеры сектантских поселений, сводя к таким все экопоселения. И, говорят, что проверка всех подобных точек необходима, чтобы выяснить – действительно ли люди просто живут, так как им нравится, или могут быть сектой и соответственно приносить опасность. Было бы хорошо, если бы закон предполагал возможность и критерии такой проверки, а сводить все к тому, чтобы просто ликвидировать все экопоселения, как в свое время были уничтожены дворянство и кулачество.

Иные примеры сельского дауншифтинга далеко не всегда являются историями успеха. Во-первых, люди часто хорошо понимают, от чего они хотят убежать, но очень смутно — к чему стремятся. И трудности новой жизни могут многих надломить, например, деревенская жизнь для непривычного горожанина может оказаться не такой пасторальной картинкой, как представлялось в офисе. Другой аспект заключается в том, что дауншифтинг многими воспринимается как бегство от себя, но от себя убежать невозможно. Через некоторое время человек может обнаружить, что нерешённые проблемы, с которыми он сталкивался ранее, снова возникают на новом месте.

Чаще всего в этот лагерь попадают люди, не бегающие от системы, а идущие к конкретной цели. К примеру, те, кто оставляет свои насыщенные места в пользу эко-поселений, работы и жизни в деревне или же на благо какого-либо собственного проекта. Это здоровые и открытые личности, без вредных привычек, прокуренных голосов и красных глаз. Их мотивация — в тесном общении с семьей, саморазвитии и внимательном отношении к окружающей среде.

Среди них можно часто встретить размеренных путешественников, впечатляющих размахом своих интересов и глубоким взглядом на мир. Можно встретить оседлых граждан, смысл жизни которых — в созидательном труде на земле. Но, не смотря на внешние различия, всех их объединяет осмысленное отношение к собственным целям, которое в последующем приводит к апшифтингу.

Такой вариант также благотворно влияет и на других людей, простых жителей городов или соседей по селу, так как в условиях крестьянско-фермерского хозяйства, как правило, излишки своих продуктов крестьянин старается продавать, т.е. поставлять на рынки. Тем самым создаётся благоприятная среда для развития экономики страны (в том числе и рамках декларируемого импортозамещения), ведь России, в итоге, не будет необходимости закупать продукцию из-за рубежа, а брать свою. Да, ценовая политика вызывает различные споры, но при разумном подходе можно принять компромиссы для обеих сторон. Однако те олигархи, которые получают свою прибыль за счёт ввоза иностранной продукции (прежде всего спекулятивный капитал), разумеется, будут против этого и всячески отговаривать, утверждая, что это только лишь навредит экономике, так как из-за рубежа продукт закупается по более низкой цене.

Стало быть, переезжая на село, человек создаёт предпосылки для развития различных отраслей. Возможно, даже новые рабочие места. В таком контексте дауншифтинга мы выделяем два основных его вида: 1) переезд с целью продолжительной оседлой жизни на своей земле (купленной, арендованной или самозахват); и 2) затянувшаяся тусовка на каком-нибудь курорте. Мы подробно в данной статье рассмотрели первый подтип.

Мотивация у современных дауншифтеров (и отчасти апшифтеров), устремившихся в села, может быть различной. Частично она совпадает с общими причинами дауншифтинга и апшифтинга (желанием обрести себя, уйти от постоянных стрессов, конформизма, жизни в ракурсе чу-

жих ценностей, мечты посвятить себя любимому делу, а не навязанным офисами стилю жизни, поиски «референтной группы» единомышленников, более глубокого общения, предполагающего усиление семейных и подлинно дружеских связей, и так далее), но есть и отличительные нюансы. При переселении из городов в села у людей наблюдается тяга к земле, возможно, сформированная генетической памятью, стремление к новым типам труда, а также желание жить в большей гармонии с природой. Но на этом пути подстерегают и сложности: неумение рассчитать и предположить трудности, возможное неприятие со стороны сельских «аборигенов», подлинные, или мнимые обвинения в бездуховности, или сектантстве, кризисные процессы (в т.ч. и стремлением к лидерству) внутри новых сельских коммун, неокончательное осознание конечных целей.

Перспективы возврата на село нами в радужном свете не видится: с одной стороны, возможно, усиление экономической и социально-культурной деятельности сельских коммун и фермеров-единоличников, не исключая и варианта частичной реституции и, таким образом, вовлечения села в активную экономическую жизнь России. С другой стороны, при отсутствии господдержки (и реальном противодействии «аборигенов» и бандитов, непонимании городских жителей, многочисленной эмиграции из России²⁴⁷), переселенцам остается уповать только на себя, а насколько хватит их потенциала и энтузиазма, пока никто с определённой уверенностью сказать не может.

В заключении отметим, что отношение к дауншифтингу и дауншифтерам, а также и апшифтингу и апшифтерам во всем мире очень разное: кто-то завидует им, потому что они осмелились так круто изменить свою жизнь, кто-то, наоборот, считает их неудачниками, не выдержавшими ритма современной жизни. Но в любом случае стоит помнить, что побег от цивилизации — это не решение проблем. Возможно, для кого-то дауншифтинг (или апшифтинг) — это единственный способ стать счастливым, но зачастую у тех, кто решил отказаться от работы, карьеры и прочих благ, исчезает цель в жизни. Все, что было когда-то важным, отходит на второй план, и остается только гедонизм в чистом виде. А это уже вопрос сугубо нравственного порядка.

²⁴⁷ Хмелевский С. В. Почему россияне покидают свою страну //Социально-политические науки. – 2012. – №. 3.С. 138-144

ПОПЫТКИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОСЕЛЕНИЙ РОДОВЫХ ПОМЕСТИЙ В РОССИИ

А.А. ПОЗАНЕНКО

На сегодняшний день наиболее распространённым видом постурбанистических поселений в России являются поселения родовых поместий (ПРП). Феномен не поддаётся строгому статистическому учёту, однако можно с уверенностью сказать, что общее количество ПРП исчисляется сотнями, совокупная численность их населения – десятками тысяч, а количество сторонников движения и, соответственно, потенциальных переселенцев – по крайней мере, сотнями тысяч человек. По моим грубым оценкам, среди всех российских постурбанистических поселений ПРП составляют около двух третей²⁴⁸.

ПРП стали появляться на рубеже тысячелетий, вскоре после выхода книги Владимира Мегре «Анастасия» (1996), положившей начало серии «Звенящие кедры России» (ЗКР) и движению анастасийцев. Согласно ЗКР, в современном обществе потребления и больших городов люди деградируют, и, чтобы восстановить былые невероятные возможности ума и духа и здоровье, им следует уезжать на землю, создавать родовые поместья площадью не менее гектара и селиться там всей семьёй. Поместье не продаётся и не делится, а может лишь быть передано по наследству. Соответственно, представители рода будут жить в нём всегда. В перспективе поселенцы надеются выйти на самообеспечение и получать всё необходимое за счёт хозяйствования в своём поместье. Поместье может и должно использоваться для жизнеобеспечения, но не должно становиться средством достижения богатства, и, тем более, на нём нельзя размещать неэкологичные производства. Быт также не должен наносить даже малейшего вреда окружающей среде (что поселенцами, как правило, не соблюдается, поскольку они активно пользуются бензогенераторами, автомобилями и проч.). Считается, что поместья и любая продукция, на них произведённая, должны в перспективе быть избавле-

²⁴⁸ Постурбанистические поселения в своих работах я называю самоизолирующимися. Степень самоизоляции может быть самой разной – от попыток максимально отгородиться от внешнего мира до ограничения взаимодействия с ним в отдельных сферах (например, отказ от официальных здравоохранения и образования). Умеренные самоизолянты находятся в безусловном большинстве. Подробнее о самоизолирующихся поселениях и, особенно, о ПРП см. Позаненко А. А. (2016). Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России, № 1, с. 129-153

ны от каких бы то ни было налогов. Родовые поместья обычно создаются не отдельно, а в поселениях, из них состоящих.

Для создания ПРП необходим цельный и большой кусок земли – от нескольких десятков до нескольких сотен гектаров. Также желательно, чтобы территория не примыкала вплотную к существующим обычным населённым пунктам. Закономерно, что подобных участков среди свободных земель категории «земли населённых пунктов» нет, не говоря уже о том, что такие огромные участки (гектар и более), выделяемые под индивидуальное жилищное или дачное строительство одного дома, большая редкость. Лучше всего для нужд анастасийцев подходят земли сельскохозяйственного назначения, дешёвые и облагающиеся низкими налогами. По этой причине почти все ПРП создаются на этой категории земель, а именно на заброшенных полях или пастбищах. Вид разрешённого использования этих земель не предусматривает возведения на них жилых построек, тем более предназначенных для постоянного проживания с регистрацией. Таким образом, дома поселенцев построены незаконно и либо официально не существуют, либо оформлены, например, как хозяйственные постройки. Соответственно, сегодня подавляющее большинство ПРП находятся на полуплегалном положении. У некоторых из них по этому поводу возникают трения с властями, что, впрочем, насколько мне известно, пока не приводило к ликвидации уже построенных поселений. Однако очевидно, что в том случае, если землёй заинтересуется перспективный инвестор или же просто влиятельное лицо или организация, то власти, сославшись на нецелевое использование земли, смогут найти возможность изъять её у поселенцев²⁴⁹. Шаткость этого положения, наряду с некоторым недоверием к анастасийцам среди той части общества, которая о них знает, обуславливает необходимость институционализации самого движения и, особенно, поселений родовых поместий. Статья посвящена рассмотрению основных шагов, предпринимаемых в этих целях²⁵⁰. Можно выделить три основных группы таких шагов: изменение правового статуса земли под ПРП, способ-

²⁴⁹ В глубокой периферии или, тем более, пространственной изоляции поселенцам в этом отношении было бы спокойнее, поскольку там вероятность того, что эта же земля понадобится кому-то ещё, чрезвычайно мала. Однако практика показывает, что ПРП, как правило, создаются хотя и не в пригородах, но в относительно небольшом удалении от крупных городов, от которых они, так или иначе, продолжают зависеть.

²⁵⁰ Материалы частично были собраны в ходе полевых исследований, проведённых преимущественно в рамках работы над индивидуальным проектом «Социальная структура локальных сообществ, пространственно изолированных от институтов публичной власти» (2012-2014), осуществлённом при финансовой поддержке Фонда «Хамовники».

ствование принятию институционализирующих нормативных правовых актов, создание благоприятного образа ПРП. Для каждого отдельного ПРП шаги, направленные на институционализацию, могут как полностью отсутствовать, так и присутствовать в разных комбинациях.

Изменение правового статуса земли

Легализовать жилые постройки посредством предусмотренных буквой и духом закона процедур можно путём перевода земель из категории «земли сельскохозяйственного назначения» в категорию «земли населённых пунктов» или изменения вида разрешённого использования земли.

Перевод земель в категорию «земли населённых пунктов» сложен, продолжителен и, что особенно важно, как правило, влечёт за собой значительные траты, неподъёмные для многих поселенцев. Изменить категорию земли можно либо присоединив территорию ПРП к территории соседнего населённого пункта, либо создав новый населённый пункт. Первый вариант возможен лишь в том случае, если земли ПРП вплотную, без малейшего зазора, примыкают к землям ближайшего населённого пункта, что, как правило, не так. Примеры успешного присоединения есть в Белгородской области, власти которой фактически дали создателям ПРП «зелёный свет». В других же регионах мне известны два случая, когда поселение попыталось пойти по этому пути, но оба раза безуспешно, в том числе и по причине негативного настроения со стороны районного руководства. Что касается создания нового населённого пункта, то одному поселению это удалось, несмотря на то, что соответствующая процедура ещё более трудоёмка и обременительна, а также требует санкции не только местных, но и региональных властей²⁵¹. На сегодняшний день это, безусловно, исключение, оказавшееся возможным благодаря сочетанию множества факторов: настойчивости и терпеливости, умения вести переговоры, высокого уровня юридической грамотности и, что имело решающее значение, благосклонности со стороны власти.

Не отказываясь от категории «земли сельскохозяйственного назначения», легализовать жилые постройки можно путём изменения разрешённого вида использования земли на (1) ведение крестьянского (фермерского) хозяйства, (2) дачное строительство, (3) садоводство или огородничество.

²⁵¹ См. Лазутин Ф. (2009). Этапы юридического оформления экопоселения «Ковчег» как населённого пункта <http://www.eco-kovcheg.ru/think8.html>

Допускает строительство жилья с последующей регистрацией в нём, однако требует создания крестьянского (фермерского) хозяйства (т.е. юридического лица) и, в дальнейшем, соответствия его критериям, что неудобно и, как правило, не соответствует целям поселенцев.

Допускает строительство жилья с последующей регистрацией в нём, но в большинстве случаев ведёт к переоценке кадастровой стоимости земли в сторону значительного её увеличения и, часто, к росту процентной ставки земельного налога. В результате сумма земельного налога может вырасти на несколько порядков²⁵² и стать неприемлемой для людей, ограниченных в доходах и стремящихся в перспективе к уходу от уплаты налогов и вообще от денежных отношений.

Допускает строительство жилья, не предусматривающего постоянного проживания и регистрации в нём. По моим наблюдениям, этот вариант, как наименее обременительный, распространён шире всего. В таком случае у поселенцев либо остаётся городская регистрация, либо они регистрируются у знакомых или в коллективно приобретённом «резиновом» доме в одной из ближайших деревень.

Изменить вид разрешённого использования земли проще, чем её категорию, однако тоже весьма трудоёмко и затратно. Все три варианта малопривлекательны, а для многих поселенцев по разным причинам неприемлемы.

Продвижение принятия институционализирующих нормативных правовых актов

О необходимости принятия закона, легализующего и стимулирующего создание ПРП, говорилось ещё в серии ЗКР. Несколько лет назад представители движения, среди которых активнее всего был юрист Василий Петров, взялись за составление соответствующего законопроекта. Исходно предполагалось принятие Федерального конституционного закона и поправок в Конституцию, но впоследствии от этой задумки отказались в пользу Федерального закона (ФЗ) «О родовых поместьях»²⁵³. Согласно законопроекту, любой гражданин России сможет один раз в

²⁵² Один из моих информантов рассказал о том, что у его знакомых земельный налог вырос в 1000 раз – с 60 до 60000 рублей в год.

²⁵³ Разработкой аналогичных нормативных правовых актов занимаются и сторонники движения на Украине, в Белоруссии и Казахстане.

жизни получить в любимшемся месте участок земли²⁵⁴ площадью не менее гектара, на котором он обязан будет поселиться и создать своё родовое поместье (законопроект – тем более, его первые редакции – появился за несколько лет до идеи о раздаче дальневосточных гектаров). Участок нельзя будет делить и продавать, он будет передаваться только по наследству. Поместье и всё на нём произведённое не будет облагаться никакими налогами. Нельзя будет приносить вред окружающей среде, включая создание соответствующих производств, а также застраивать поместье более чем на 10%²⁵⁵.

В целях официальной институционализации и популяризации движения была создана Родная партия (зарегистрирована Министерством юстиции в 2013 г.), объявившая родовые поместья национальной идеей России. Основная текущая задача партии – способствование принятию ФЗ «О родовых поместьях». Представителями партии и движения велись переговоры с парламентскими партиями, ЛДПР и КПРФ, о внесении законопроекта на рассмотрение в Государственную Думу, что после внесения некоторых правок ими и было сделано в 2013 и 2014 гг. соответственно. Любопытно, что большинство моих информантов, с которыми я беседовал в ходе экспедиций, основная часть которых пришлась на 2013 год, выражали полную уверенность в том, что ФЗ будет принят в самое ближайшее время, что, возможно, связано с соответствующими предсказаниями, данными в серии ЗКР. Законопроекты сначала лежали без значительного движения, потом получили отрицательный отзыв Правительства и, в итоге, в конце 2015 г. были отклонены в первом чтении. Сегодня партия собирает подписи за инициативу «Об утверждении Указа Президента РФ «О безвозмездном выделении каждой желающей российской семье одного гектара земли для обустройства на нём Родового поместья. Земля выделяется в пожизненное пользование с правом передачи по наследству. Произведённая в Родовом поместье продукция не облагается никакими налогами»»²⁵⁶, но от принятия ФЗ в перспекти-

²⁵⁴ Из состава «земель сельскохозяйственного назначения, земель сельских населенных пунктов, земель лесного фонда и земель запаса», причём могут быть предоставлены «любые свободные от прав третьих лиц земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, которые не изъяты из оборота, не запрещены к приватизации федеральным законом и не зарезервированы для государственных или муниципальных нужд» (Проект Федерального закона..., 2014).

²⁵⁵ Проект Федерального закона «О Родовых поместьях» (2014). http://www.rodus31.ru/attachments/120_proekt_fz.doc

²⁵⁶ Обращение к единомышленникам и сторонникам Родной партии (2016). <http://родпарт.пф/index.php/news/875-obrashchenie-k-edinomyshlennikam-i-storonnikam-rodnoj-partii.html>

ве не отказывается. На очередном круглом столе по родовым поместьям, проведённом в МГУ им. М. В. Ломоносова (см. след. раздел), один из поселенцев выразил мнение, что ФЗ будет принят лишь тогда, когда ПРП появится так много, что государству станет неудобно с ними взаимодействовать вне законодательно закреплённых рамок. В связи с этим он предложил всем фиксировать свой опыт, аккумулировать его, и он станет инструкцией для тех, кто захочет создать новое ПРП. На том же круглом столе политтехнолог В. М. Минин заявил, что анастасийцам не следует концентрироваться на продвижении своих интересов на федеральном уровне, поскольку результатов это не принесёт. По его мнению, необходимо переключиться на муниципальный уровень.

Ещё в 2010 г. были приняты областные законы в Брянской и Белгородской областях, но правоприменительная практика на сегодняшний день существует лишь в Белгородской. Причём сам закон «О родовых поместьях в Белгородской области» сильно отличается от законопроекта ФЗ: поселенцы не освобождаются от трат на оформление поместий и налогов; земля выдаётся не в собственность, а в безвозмездное пользование на 49 лет; фонд земель, из которого можно выбрать участок, крайне невелик. Более того, не всем желающим удаётся успешно пройти процедуру оформления. Принятие закона пока не привело к взрывному росту количества ПРП в области, и по численности поселенцев она мало отличается от соседних регионов.

У Родной партии есть небольшой опыт участия в муниципальных и региональных выборах, а в 2016 г. было принято решение об участии в избирательной кампании по выборам в Государственную Думу. Партия, имея среди всех участников кампании самый скудный избирательный фонд, составлявший примерно 220 000 рублей, успешно дошла до этапа сбора подписей, на котором её участие в выборах закончилось. Удалось собрать около трети из необходимых 200 000 подписей, что сами представители партии объясняют нехваткой времени – на весь процесс у них было меньше недели²⁵⁷.

Отношение к партии и её деятельности среди поселенцев вовсе не однозначное. Дело в том, что среди жителей ПРП довольно велика группа людей, стремящихся максимально изолироваться от «системы» (само

²⁵⁷ Итоги участия политической партии «Родная партия» в выборах в депутаты Государственной Думы РФ в 2016 году (2016) <http://подпарт.рф/index.php/mobvibori/980-itogi-uchastiya-politicheskoy-partii-rodnaya-partiya-v-vyborah-v-deputaty-gosudarstvennoj-dumy-rf-v-2016-godu.html>

слово для них является бранным) и, в том числе, от государства и политической системы. Партия же была создана людьми, уверенными в том, что от государства можно чего-либо добиться, лишь разговаривая с ним на одном языке. Регистрация партии потребовала написания типового устава, а участие в выборах означает включение в существующую политическую систему. Это вызывает протест изоляционистски настроенных поселенцев и даже приводит к конфликтам внутри ПРП, особенно при наличии в них активистов, агитирующих за вступление в партию и последующую партийную работу. Много в поселениях и индифферентно настроенных людей, сторонящихся такого рода общественной работы. По состоянию на октябрь 2015 г. в партии состояло лишь около 2000 человек, что на фоне общей численности сторонников движения (как живущих в ПРП, так и пока не решившихся на переезд) весьма скромно.

Институционализация ПРП как в стране вообще, так и на отдельно взятых территориях, напрямую зависит от отношения соответствующих властей. Например, если губернатор благосклонно относится к подобным инициативам по возрождению села (как в Белгородской или Калужской области), то ПРП на территории региона могут быть более-менее спокойны за своё ближайшее будущее. В Казахстане перед создателями поселений были сняты многие преграды после того, как их идеи поддержала Алия Назарбаева, дочь Президента. Так что недаром аناстасийцы так любят упоминать одобрительный отзыв о них Дмитрия Медведева (данный ещё в 2007 г. в его бытность Заместителем Председателя Правительства) или проводят автопробеги «За Родину! За Путина!»

Создание благоприятного образа

Представляется, что для локальной институционализации конкретного ПРП важнейшую роль играет не только диалог с властями, но и дружественное взаимодействие с жителями окрестных деревень. Однако из шести посещённых мной ПРП, так поступает лишь одно – приглашает местных жителей и их детей на свои мероприятия, само участвует в различных сельских и районных мероприятиях, организует субботники. Ещё в одном ПРП взаимодействие менее интенсивно и иногда даже конфликтно, а представители остальных четырёх поселений практически не вступают в контакт с местными, за редким исключением их найма на строительные работы. По всей видимости, это связано не только с изоляционистскими стремлениями поселенцев, но и с коренными отличиями в мировоззрении и картине мира, жизненном опыте и условиях социализации – все или почти все поселенцы приезжают из крупных го-

родов и часто являются потомственными горожанами, не имевшими практики сельской жизни и общения с селянами. В результате возникает взаимное отношение полувраждебной недоверчивой отчуждённости, часто подкреплённое убеждённостью местных жителей в сектантской природе ПРП.

Деятельность по созданию благоприятного образа ПРП больше нацелена на горожан, хотя в условиях интернетизации доступ к соответствующей информации имеет любой желающий. У многих поселений есть свои сайты и страницы в социальных сетях, где они рассказывают о своём опыте и мыслях, а также размещают объявления о гостевых днях, лекциях, семинарах, мастер-классах, ярмарках, лагерях и прочих мероприятиях для приезжих. Большое количество информационных, образовательных, культурных (особенно музыкальных) мероприятий проводится и в городах.

В 1999 г. Владимиром Мегре был учреждён Фонд культуры и поддержки творчества «Анастасия», основная роль которого сводится к ведению сайта (www.anastasia.ru), на котором рассказывается о движении, аккумулируется информация (исключительно положительная) о ПРП, публикуются новости и объявления, координируется деятельность активистов, поддерживаются раздел знакомств и довольно масштабный форум (важная площадка общения поселенцев между собой и с сочувствующими). Есть и другие значимые сайты, нацеленные на межпоселенческое взаимодействие и популяризацию движения (например, www.poselenia.ru, www.bytdobru.info). Участники движения издают газеты, снимают про себя фильмы, организовали интернет-радио, вынашивают планы создания телевизионного канала (хотя большинство поселенцев относится к самому феномену телевидения отрицательно).

Не так часто, но всё же случаются обсуждения явления, организованные лицами, не аффилированными с движением. Так, в федеральной и некоторых региональных Общественных палатах проходили круглые столы по экопоселениям вообще. Подробнее остановлюсь на круглых столах, посвящённых именно родовым поместьям, которые проводятся в МГУ им. М. В. Ломоносова.

23 марта 2016 г. на Московском экономическом форуме (МЭФ) состоялся круглый стол «Родовые поместья» - стратегия импортозамещения, обеспечения экономической безопасности и позитивного развития России». Начиная с 2013 г. в МГУ, в рамках различных конференций, форумов и фестивалей, прошло не менее шести аналогичных круглых

столов, на четырёх из которых я присутствовал. Их организатором и председателем является к.э.н., доцент М.Ю. Павлов (МГУ)²⁵⁸. Проведение круглых столов становится возможным, в том числе, благодаря письмам поддержки, направляемым губернатором Белгородской области Е. С. Савченко²⁵⁹ в адрес руководства университета. Фактически эти мероприятия являются, скорее, собраниями участников и сторонников движения, на которых также присутствует небольшое количество других приверженцев экологичного образа жизни (жители других экопоселений, эко-предприниматели и др.) и случайных людей. Такой состав набирается вполне осознанно – в одном из анонсов круглого стола 2016 г. высказывалась просьба распространить информацию только среди единомышленников. Таким образом, с одной стороны, такой подход не способствует популяризации движения, к которой стремятся его сторонники; с другой стороны, организаторам удаётся избежать дискуссий и споров, которые с большой вероятностью возникли бы, так как для несочувствующих многие анастасийские идеи кажутся спорными.

Доклады и сообщения, делающиеся на круглых столах, исключая в случайно попавшие на круглый стол (например, реклама, адресованная явно другой аудитории), можно сгруппировать следующим образом:

1) обоснование невозможности жить в «системе» и необходимости создания родовых поместий и ПРП, которые, по мнению сторонников движения, должны стать национальной идеей, а также социальной, экологической и экономической стратегией России (часть таких докладов носят эзотерический характер).

2) рассказы об опыте своей семьи или своего поселения;

3) доклады, являющиеся, по сути, рекламой фирм и посредников, торгующих экологически чистой продукцией;

4) предложения по координации действий, нацеленных на развитие движения;

Предложения представляются собой чаще всего призывы к вступлению в Родную партию и дальнейшей партийной работе, но не только. Например, в 2013 г. одна из поселенок предложила создать в МГУ «факультет Родовые поместья», который будет базироваться в специально созданном ПРП. По её замыслу, учёные и преподаватели будут жить

²⁵⁸ Pavlov M. Yu. (2013). How to overcome global economic crisis: from Homestead-Act to Wikinomics and Kin Estates. In: Russian Economy in the Context of Globalization. ICET, Bozeman, Montana, pp. 38-43.

²⁵⁹ Е. С. Савченко поддерживает самые разные способы оживления сельской местности, включая создание ПРП.

каждый в своём поместье и фиксировать весь процесс его создания и становления, а студенты будут приезжать в учебный центр, наблюдать и учиться. На МЭФ 2015 г. стало известно, что М. Ю. Павлов надеется организовать в университете хотя бы лабораторию по изучению родовых поместий.

Круглый стол на МЭФ-2016 несколько отличался от очень похожих друг на друга круглых столов 2013-2015 гг. бóльшим количеством и относительно пёстрым составом участников, многие из которых не были представителями ПРП, а также бóльшими разнообразием и дискуSSIONностью докладов. Следующий круглый стол в МГУ им. М. В. Ломоносова, возможно, состоится на МЭФ-2017 следующей весной.

Общее недоверие к анастасийцам и неопределённый правовой статус ПРП обуславливают острую необходимость институционализации движения и поселений, за исключением разве что тех немногих, что созданы в «медвежьих углах» и никому не могут помешать. Основные предпринимаемые меры направлены не на установление хороших отношений с соседними деревнями и внедрение в соответствующее местное общество, а на популяризацию движения среди горожан и, к неудовольствию изоляционистски настроенных поселенцев, на взаимодействие с властями, от которых напрямую зависит судьба самого феномена ПРП.

ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ НЕУРБАНИЗИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ²⁶⁰

Г.Н. ДОНЧЕВСКИЙ, Л.В. КЛИМЕНКО, А.В. ЕРМИШИНА

Согласно докладу ООН, сегодня в городах живёт более половины всех жителей планеты. Для сравнения, если в 1950 г. в городах проживало 746 миллионов человек, то в 2014 г. городское население в мире составило 3,9 млрд человек. Доля городского населения в мире к 2050 г. достигнет 66%²⁶¹.

Достигнутый уровень урбанизации сопровождается быстрым нарастанием проблем жизнедеятельности в крупных и сверхкрупных городских агломерациях. При этом рост крупных городов во многих странах сопровождается явлениями деградации неурбанизированной «периферии». Проблема разрыва социально-экономического развития урбанизированных и неурбанизированных территорий сегодня разрабатывается на всех уровнях: от мирового до регионального.

Ее высокая актуальность подчеркивается тем фактом, что для поисков путей и накопления лучших практик по решению данной проблемы Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) была сформулирована специальная Программа по неурбанизированным территориям и регионам. В рамках данной программы только в 2012-2013 гг. ОЭСР провела 5 крупных международных семинаров и конференций (одна из конференций "Инновация и модернизация экономики неурбанизированных регионов" была проведена в Красноярске). К числу научных результатов такой работы принадлежит фундаментальный труд, изданный этой организацией в октябре 2013 г.²⁶²

В состав все большего числа национальных органов управления вводятся структуры, специализирующиеся на проблемах развития неурбанизированных территорий. Проблема преодоления негативных последствий развития городских агломераций и растущего разрыва в социально-экономическом развитии урбанизированных и неурбанизи-

²⁶⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ» (№ 15-02-00444/15)

²⁶¹ World Urbanization Prospects: The 2014 Revision <http://esa.un.org/unpd/wup/FinalReport/WUP2014-Report.pdf>

²⁶² Rural-Urban Partnerships: An Integrated Approach to Economic Development. 2013 <http://www.oecd.org/economy/rural-urban-partnerships-an-integrated-approach-to-economic-development.htm>

ванных территорий особенно остро стоит в современном российском обществе. Министерство регионального развития РФ организовало Межведомственную рабочую группу по социально-экономическому развитию городских агломераций (Приказ Министра регионального развития № 415 от 30.09.2013г.).

В последние годы активизировался интерес исследователей к тем формам дезурбанистической миграции, которые реализуются с опорой на современную социотехнологическую основу. В отличие от распространенной трактовки постурбанизации как обратной миграции (переселения городских жителей в сельскую местность), ряд авторов усматривает в нарождающихся постурбанистических формах жизнеустройства очертания мощного социоструктурного сдвига. «Речь идет не о неоархаическом и демодернизационном повороте к буколической цивилизации, не о возвратной редукции городского к сельскому, а о трансформации города в некие постурбанистические формы».

В рамках данного научно-исследовательского дискурса разворачивается концептуальная логика описываемого далее исследования, реализуемого коллективом ученых Южного федерального университета под руководством проф. Г.Н. Дончевского. Базовая гипотеза научного проекта заключатся в том, что на фундаменте урбанизированного типа жизнеустройства уже возникли и множатся перспективные с точки зрения продвижения к новому социально-экономическому укладу формы организации жизни и деятельности сообществ людей (их рабочее наименование - постурбанистические).

В течение 2015-2016 гг. коллектив экономистов, историков и социологов исследовал постурбанизационные процессы, проводил глубинные интервью с постурбанистами и реализовывал невключенные наблюдения в поселениях постурбанистического типа (родовые поместья, экопоселения, поселения- социальные проекты). География опроса – Ростовская область, Краснодарский край, Калужская область, Нижегородская область, Тверская область, Московская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Адыгея, Мордовия в России, Винницкая область в Украине. Всего в исследовании приняло участие около 40 респондентов, часть из которых проживает в городе, часть - за городом. В частности, опрашивались жители поселений родовых поместий «Росток» (Ростовская область), «Милёнки» (Калужская область), экопоселения «Цица» (Краснодарский край), поселений родовых поместий «Агудария» (Краснодарский край), поселение родовых поместий «Калино-

вещь», экопоселения «Новый мир» (Адыгея), проекта «Переселение в поселение» (Тверская область), родового поместья «Миродолье» и экопоселения «Эколодж» (Московская область).

Критерии отбора респондентов-постурбанистов. Первичные критерии: 1) новый тип деятельности, основанный на постиндустриальном технологическом укладе; 2) квалификация (компетенции) носителей, основанные на образовании / знаниях, сформированных и транслируемых в урбанистической среде; 3) синкретизм работы и семьи (нет разделения работа - дом). Вторичные критерии: 4) все взрослые члены семьи заняты новыми формами семейно-трудового хозяйства; 5) за счет реализации нового технологического уклада бюджет семьи получает не менее 60-70% доходов.

Основные результаты исследования. 1) Авторским коллективом была сформирована концепция исследования, которая на основе междисциплинарного подхода фиксирует в недрах современного города развитие нескольких базисных процессов.

Первый процесс носит кризисный характер, его симптомами являются городской транспортный коллапс, рост преступности, высокая суицидность, городской вандализм и др. В качестве своего выхода он тяготеет к возникновению и развитию доурбанистических форм жизнедеятельности и находит массовое проявление в движении дауншифтеров, покидающих современные города.

Второй процесс, наоборот, образует базу для перспектив развития постурбанистических форм жизнедеятельности, важные признаки которых уже сформировались (например, высокотехнологичные формы загородного фрилансинга и жизнеобеспечения). Эти новые формы жизнедеятельности названы нами апшифтингом.

Наряду с этими двумя базовыми процессами современный город генерирует и третий процесс, связанный с сохранением собственно урбанистической формы жизнедеятельности, перспективы которого зависят от векторов развития новейших производственных и социальных технологий преодоления негативов урбанизации.

Методологический конструкт исследования предполагает выделение и анализ постурбанистических форм жизнеустройства по осям связанности/вовлеченности, дауншифтинга/апшифтинга, фабрично-заводской/семейно-трудовой модели

2) Сравнительный анализ отечественной и зарубежной историографии позволил выделить новые тенденции в изучении постурбани-

стического развития, заключающиеся в углублении содержательных противоречий, сужении предметных областей при одновременном сохранении междисциплинарности, комплексности в подходах к изучению. Контактными для российской и зарубежной историографии являются вопросы вовлеченности в городскую среду, дауншифтинга и апшифтинга, неотехнологических видов деятельности, идей «маргинальности», «обратной миграции», «креативного города», «ассоциативных горожан», «агрегаций». Общей идеей данных подходов является исключительность определенного слоя горожан, «уставших» от сформировавшейся среды и находящихся в поиске новых методов и форм жизнедеятельности как в самом городе, так и вне его.

Российская историография, в отличие от зарубежной, на новейшем этапе своего развития находится в фазе наращивания исследовательского объема, наиболее важными проблемами являются вопросы изучения постурбанистических форм жизни в контексте методологического и структурного поиска. Общим явлением становится изучение структурных элементов постурбанистического общественного устройства, таких как родовые общины, фриланс, неоязыческие и экологические поселения. Исследователи постурбанизма сосредоточены на определении характерных черт, соотнесении теоретических конструктов и складывающейся социально-экономической ситуации в отдельных странах, в том числе, в России .

3) Типологизированы проявления постурбанистической активности и выделены две группы постурбанистов, которые по выделенным основаниям (ориентации на социальный побег или же на преобразование связей с городом, отказ от достижений цивилизации или же на продуктивное использование современных технологий) дифференцируются на дауншифтеров и апшифтеров.

Поток переселенцев из города представлен, по крайней мере, двумя большими группами. Одна группа мигрантов для целей обеспечения своей жизнедеятельности применяют преимущественно доиндустриальные технологии жизнеустройства. Эта группа мигрантов в литературе обозначается дауншифтерами. Как отмечают исследователи, «дауншифтинг, буквально «движение вниз», представляет собой добровольный отказ от движения по карьерной лестнице, зачастую связанный с понижением социального статуса и ухудшением материального положения, для освобождения времени досуга и посвящения его другим, не связанным с работой видам деятельности» .

Вторая группа переселенцев из города формирует явление постурбанистической миграции. Покидая город номинально или реально, люди сам факт своего освобождения от давления урбанистической связности используют для того, чтобы либо существенно (до экономически значимых пределов) расширить использование в своей жизнедеятельности тех современных прогрессивных технологий, с которыми они имели дело в городе, либо даже перейти на новый, более высокий технологический уровень. В противоположность дауншифтерам этот второй тип мигрантов мы называем «постурбанистами» или «апшифтерами».

Родовыми признаками движения апшифтеров выступает потребность (осознанная или имплицитная) поиска и укоренения новых форм жизнеустройства, отличающихся от прежнего образа жизни по ряду важнейших параметров. Это, прежде всего, нивелирование последствий городской связанности и оформление новых гуманизированных принципов вовлеченности в урбанистическую среду. Вторым особым признаком нарождающегося технологического уклада выступает ориентация на семейно-трудовую модель жизнеобеспечения. А также, важное место в моделях социально-экономической активности постурбанистов занимают современные технологические решения.

С точки зрения авторского коллектива несомненна ведущая роль апшифтинга в формировании нового технологического уклада, когда, покидая город (номинально или реально), факт своего освобождения от давления урбанистической связности апшифтеры используют для того, чтобы либо существенно (до экономически значимых пределов) расширить использование современных технологий, либо даже перейти на новый, более высокий технологический уровень.

4) Обоснована валидность «качественной» методологии социологического исследования в изучении неустоявшихся и транзитивных постурбанистических форм жизнеустройства. В качестве способа интерпретации материалов глубинных интервью избран метод структурирования смысла посредством нарратива, позволяющий выделить типичные смыслы, которые индивиды обретают в возникших типичных ситуациях.

5) На основе анализа эмпирических результатов исследования описаны модели деловой активности субъектов постурбанистической жизнедеятельности, характеризующиеся:

- ориентацией постурбанистов на самостоятельную организацию труда, формированием основы семейного бюджета за счет использования современных технологий;

- ростом производительности используемых технологий в новых условиях, а также эволюцией части постурбанистов на новый технологический уровень.

Спектр трудовой деятельности опрошенных постурбанистов широк: от выращивания и продажи экотоваров (овощи, фрукты, грибы, чай, мед и т.д.), изготовления ювелирных изделий, перевода, копирайтинга, до веб-дизайна и создания он-лайн хранилищ данных. Стремление к свободе и самостоятельности определяет характер организации труда апшифтеров. Принявшие участие в социологическом исследовании постурбанисты занимаются, преимущественно, фрилансом или предпринимательством (свой бизнес).

6) Изучены ценностные ориентации и характер идентичности постурбанистов и показано, что процессы постурбанизации проистекают и поддерживаются ценностями постурбанистического типа, к важнейшим из которых относятся:

- ценность уникализации, приходящей на смену ценности унификации;

- ценность современного семейного трудо- и бытоустройства, замещающая ценность фабрично-заводской отчужденности;

- ценность человекоцентристского технологического и социально-бытового уклада, конкурирующего с приоритетами машинного производства и стандартами потребления;

- ценность социального капитала в ближайшем и более широком окружении в противоположность городской разобщенности.

Охарактеризованы идентификационные практики постурбанистов, когда с традиционно доминирующими примордиальными компонентами (гендерные и семейные статусы) в я-идентификациях апшифтеров конкурируют параметры социально-достигательного «Я» (свобода, автономия, творчество, самореализация).

7) Показано, что развитие постурбанистических форм организации, с одной стороны, в значительной степени опирается на новые автономные и экологичные технологии жилищного обеспечения, а, с другой стороны, стимулирует спрос на них.

Выявлено, что типичной практикой российского апшифтинга становится использование возобновляемых источников энергии, прежде

всего солнечных аккумуляторов, гидронасосов и тепловых коллекторов, однако практически не встречаются дорогие по инвестициям, но дешевые и удобные в использовании технологии (геотермальные тепловые насосы, биогазовые установки и пр.) .

8) Определены социокультурные источники формирования постурбанистических поселений, в качестве которых выступают:

- ощущение давления и критическое осмысление ограничений городской цивилизации (ритм жизни, экология, коммуникации, потребительские стандарты и пр.);

- потребности постурбанистов в профессиональной свободе и самореализации;

- духовные поиски (тяга к земле, равновесие с природой, забота о будущем детей, преемственность поколений);

- потребность в высоком уровне социального капитала в непосредственном окружении.

Таким образом, на территории России уже сегодня складываются новые постурбанистические формы жизнеустройства, которые способны внести существенный вклад в преодоление проблемы неравномерности развития городских и неурбанизированных территорий.

В процессе проведения исследования был конкретизирован и апробирован концептуальный и категориальный аппарат интерпретации постурбанистических форм жизнедеятельности. Аргументирована ведущая роль апшифтинга в формировании нового технологического уклада. Обоснованы эвристичность междисциплинарного подхода и валидность «качественного» подхода в исследовании жизненного мира постурбанистов.

Перспективы развития новых постурбанистических форм жизнеустройства будут определяться, с одной стороны, дальнейшим углублением конфликтов современной урбанистической среды, а с другой – удешевлением и расширением использования инновационных технологических решений во всех сферах жизни и деятельности человека.

**ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАДО-СЕЛЬСКОЙ
МИГРАЦИИ ЗА РУБЕЖОМ**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ФАКТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В ГРАДО-СЕЛЬСКОЙ МИГРАЦИИ

А. С. ВИЛЬЯМС, П.С. ДЖОБС

Anne S. Williams, Patrick C. Jobs

Economic and Quality-of-Life Considerations in Urban-Rural Migration//
Journal of Rural Studies. 1990. Vol.6. No.2. PP.187-194.

Исследование американских социологов из Университета Монтаны Анны Вильямс и Патрика Джобса ставит своей целью описать социальную теорию, мотивы миграции в терминах экономических и социальных переменных. Авторы изучают взаимосвязи между тремя основными переменными: причиной переезда, факторами, повлиявшими на выбор именно этого места для переезда и социо-экономическим статусом мигранта.

Авторы рассуждают о тенденции «антиурбанизации», которая может частично объяснять тенденцию переезда из города в сельскую местность. «Антиурбанисты», по мнению авторов, движимы особым комплексом ценностей, которые связаны с заботой об окружающей среде, обществе и заботой о будущем, однако выбирают для жизни области с высоким уровнем социально-бытового обслуживания.

Ссылаясь на работы Плоха и Кука (1982), Вильямса (1981) и Бергера (1971) авторы обращают внимание на то, что причины переезда потенциальных мигрантов могут крайне отличаться. В первую очередь потому, что мигранты по-разному выстраивают свои рассуждения и по-разному оценивают свои возможности и вероятность достижения конкретных целей на новом месте.

Среди мигрантов, переезжавших исключительно по экономическим причинам, можно выявить высокий процент людей, которые имеют низкие доходы, но желают остаться в месте переезда, даже если уровень доходов не вырос. Объяснение может крыться в улучшении качества жизни. Существует достаточно большой кластер мигрантов, делающих выбор в пользу «удобного» образа жизни, который зачастую не сопряжен с увеличением дохода. Менее обеспеченные люди могут меньше потерять при миграции, так что доступность рабочих мест может являться фактором, побуждающим их к переезду, а также фактором, способным упорядочить спрос и предложение на территории.

Вилльямс и Джобс указывают на то, что существуют различные системы принятия решений мигрантами. Все мигранты выстраивают свои системы, ранжируя факторы в определенном порядке. Например, экономически мотивированные мигранты будут сначала рассматривать экономическую безопасность как первостепенное основание для переезда, а уже после этого - факторы, определяющие качество жизни в данной области.

Для иллюстрации теории авторы опираются на конкретные примеры. Первый кейс - небольшой город Боузмен, численность жителей которого составляет 24000 человек, с его парками, чистым воздухом и университетом. В городе преобладает высокообразованное население, большинство населения занято в сельском хозяйстве, небольшой процентом людей занят в горнодобывающей промышленности.

Город Боузмен находится в штате Монтана. 1960-е - 1970-е годы были временем процветания как самого штата, так и города Боузмен. Население города увеличилось с 11325 до 21645 человек, бюджет, потраченный на образовательные услуги увеличился в 4 раза. Но, после 1980-х гг. начался упадок штата, однако, данный упадок не затронул Боузмен, и его население к 1989 г. увеличилось до 24600 человек. Авторы делают вывод, что экономические факторы напрямую влияют на выбор мигрантов, но все же, мигранты в город хотят получить нечто большее, чем высокооплачиваемую работу.

Авторы проводят анализ причин, побудивших мигрантов выбрать именно Боузмен местом для своего переезда. В первую очередь интерес был направлен на личные мотивы, то есть, доход или работа не брались в расчёт. В качестве основных критериев мигранты указывали: доступность отдыха, чистая природная среда, безопасность, условия для развития детей. Исследование проводилось с 1981 по 1983 год, в нем приняли участие 390 человек. Респонденты были случайным образом выбраны из телефонного справочника и проживали в городе не менее 6 месяцев (из опроса были исключены студенты).

В своей статье Вилльямс и Джобс вводят специальный показатель - SES. Он состоит из таких переменных, как доход, образование и профессиональные переменные. Каждая переменная подразделяется на низкую, среднюю и высокую категории.

Главный вопрос, который задавался мигрантам: «Что явилось самой важной причиной для вашего переезда?». Вилльямс и Джобс измеря-

ют корреляцию между самой важной причиной и второй по значимости для респондентов.

Степень важности данного подхода была продемонстрирована многими авторами, такими как Свенсон, Макмиллан. Следует упомянуть, что принятие решение о миграции носит очень сложный характер, так что необходимо знать как можно больше факторов, побудивших совершить переезд для того, чтобы составить полную картину о миграционном выборе.

Первая гипотеза авторов – экономические факторы, связанные с переездом, будут иметь большее значение для респондентов с высоким социо-культурным статусом (переезд с надеждой повысить материальный достаток). Далее авторами вводится вторая гипотеза – мигранты, которые исходят исключительно из неэкономических факторов, будут иметь меньший социо-экономический статус. Данная гипотеза была введена по причине того, что неэкономические факторы не оказались настолько важны, как экономические.

Для проверки высказанных предположений использована модель WCS (множественный коэффициент детерминации). Коэффициент WC демонстрирует причины, по которым мигранты решили переехать и выбрать именно эту местность. Коэффициент SC показывает взаимосвязь между коэффициентом SES (социо-экономическим статусом) и факторами, повлиявшими на выбор именно этой местности. Полученные взаимосвязи свидетельствуют о том, что респондентов, указавших изначально экономические причины, было в 5 раз больше. Хотя респонденты и указывали чаще экономические причины для переезда, но также и неэкономические факторы играли очень важную роль. В связи с этим, делается вывод о том, что для большинства мигрантов показатели качества жизни были вторичными и зависели от занятости, работы и экономических возможностей.

Возникает предположение, что мигранты рассматривают качество жизни как результат экономической безопасности, а, следовательно, экономические и неэкономические мотивы должны быть связаны намного больше, так как являются продолжением одних и тех же явлений.

В связи с этим Вильямс делает предположение, что наличие рабочих мест является вторичным фактором и иллюстрирует данную гипотезу на примере сельской местности под названием «Рокки». На протяжении всего исследуемого периода (с 1950-е по 1980-е гг.) в данном ре-

гионе происходило постоянное расширение сектора занятости. Однако данное увеличение количества вакансий немедленно компенсировалось увеличением и мигрантов, что привело к тому, что показатель безработицы практически не изменялся. Начиная с 1950-х годов наблюдается непрерывное увеличение низкоквалифицированной рабочей силы в регионе. Миграции высококвалифицированных рабочих практически не происходило, т.к. найти достойную работу на местном рынке труда было практически нереально. Новые высококвалифицированные рабочие места фактически оставались доступными только для постоянных местных жителей. Соответственно, именно группа низкоквалифицированных рабочих составила большую часть респондентов. Скорее всего, данная группа будет заинтересована в возможности трудоустройства в любом другом месте и не будет иметь мотивов для постоянного проживания. То есть, как это не парадоксально, лица, имеющие более высокий показатель SES (социо-культурный статус) оказываются менее заинтересованы экономическими факторами при миграции (что не подтверждает первую гипотезу исследования). Эта группа мигрирует в поисках улучшения качества жизни, поиска комфортного места жизни.

Можно было бы предположить, что мигранты, в приоритете у которых чисто экономические мотивы не сдвинутся с места, пока будут уверены, что в данном конкретном месте экономическое благополучие находится на должном уровне.

Авторы говорят, что результаты проведенного исследования не являются подтверждением или опровержением первостепенности экономических или других факторов при миграции. Нет смысла искать единственную причину миграции людей. Возможность трудоустройства, качество жизни, специфика местности влияют на миграционные процессы. Данное исследование подтверждает важность занятости и экономических мотивов для сельской миграции в то время, как для мигрантов с низкими показателями социо-экономического нельзя не учитывать влияния неэкономических факторов.

Лысенко А.И.

МИГРАЦИЯ ИЗ ГОРОДОВ В СЕЛЬСКУЮ МЕСТНОСТЬ ФРАНЦИИ: ПРОФИЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СЕГРЕГАЦИИ

Я. СЕНСЕБЕ, Д. ЛЕПИСИЕ

Sencebe Y., Lepicier D.

Migration residentielles de l'urbain vers le rural en France: differenciation social des profils et segregation spatial // Espacestemp.net. Penses les humains ensemble. - 10.05.2007. - Mode of access: Espacestemp.net <http://www.espacestemp.net/articles/migrations-residentielles-urbain-vers-rural-en-france/>

По данным переписей населения Франции (1990-1999гг.) за счет миграционных потоков сельское население стало увеличиваться, в то время как городское - уменьшаться. В этой связи французские социолог Я. Сенсебе и экономист Д. Леписие считают актуальными изучение обстоятельств, которые обуславливают выбор мигрантами среды обитания, а также продолжение наблюдения за ними.

Первая часть вышеуказанной задачи была исследована в рамках методов т.н. «сельской социологии» и, в более широком смысле, «сельских исследований», которые используются для описания и анализа миграционных потоков в сельскую местность с 1970 года. Индустриализация сельской местности и фактическое окончание ранее общепринятого сельскохозяйственного мироустройства привели к процессу массового переселения населения, увеличению их мобильности, в том числе в контексте перемещений между городскими и сельскими поселениями. Результаты изучения условий жизни "неоселян" свидетельствуют о наличии признаков их приближения к городскому образу жизни. Тема «переселения» также открывает путь к теории «сельского ренессанса».

Вторая часть исследовательской задачи, разработанная социологами города, привела последних к анализу особенно «трудных» районов и необходимости облагораживания городских центров. Этот подход противоречит тезису о «сельском ренессансе» и кампаниям в СМИ за повышение комфортности проживания и работы в сельской местности. При этом недостаточно изученным остается вопрос о бедных или незащищенных семьях в сельской местности.

На сегодняшний день нищета анализируется как явление, затрагивающее небольшую группу фермеров. Недавно опубликованная социальная карта Франции позволяет увидеть распределение социальных классов в зависимости от региона, обнаруживая перекосы от региона к региону. Основной тезис исследователей этих процессов заключается в необходимости облагораживания городских центров и других районов с целью массового перенаселения населения на окраины городских центров.

В данной статье предлагается анализ причин миграции из жилых городских в сельские районы с учетом данных статистики, переписи населения 1999 г., а также предлагается социологический анализ социальных проблем, связанных с миграцией и особенностями различных территорий.

В период с 1990 по 1999 год более 18 миллионов человек во Франции переселились из одних муниципалитетов в другие, а также в сельскую местность. Это явление имеет важные последствия для территориального распределения населения, а также вызывает глубокие изменения в социальном составе сельской местности. При этом внутри городов или между ними переселенцами оказались более восьми миллионов человек.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что городские центры остаются важными «генераторами миграции населения». Они предоставляют возможность обучения и получения первой работы тем, кто моложе тридцати, т.е. тем, кто является наиболее мобильной частью населения.

На втором месте - миграция между городскими центрами и пригородными районами, которая насчитывает в общей сложности 4,2 млн мигрантов.

Миграция из городских в сельские районы находится на третьем месте с 3,3 млн человек, и это положительно сказывается на состоянии сельской местности.

Эта статья посвящена одной категории населения, а именно «неоселянам», чье историческое значение весьма часто игнорируется. То, что наблюдается сегодня с приходом сельского населения, имеет мало общего с «возвращением на землю» крестьян, а касается больше среднего класса.

Выбор будущего места работы и проживания все больше зависит от мобильности населения. Действительно технические и социальные,

инновации постоянно открывают новые возможности, влияющие на образ жизни и передвижения. Распространение новой системы индивидуалистических ценностей и современные средства транспорта позволяют облегчить индивидууму зависимость от ограничений во времени и от преодоления расстояний в контексте возможности его самореализации. В этом же контексте можно говорить об «изобретении человека».

Важными являются параметры для измерения степени подвижности отдельных лиц и понимания, как каждое лицо может приспособиться к новым условиям. Исследователями была развита концепция подвижности для учета возможной сферы мобильности физических лиц или их групп и использования этого для развивающихся проектов. Этот подход включает как различные параметры (стремление к инертности или подвижности, которая зависит от индивидуальной мобильности), так и некоторые более структурные институциональные и организационные факторы, которые могут возникнуть в зависимости от индивидуальной мобильности (трудовые факторы).

Высокую мобильность отдельных групп населения может ограничить доступ к жилью в менее обеспеченных районах, которые выбираются в качестве будущего жилья. И наоборот, иммобильность некоторых групп в районах, куда стремятся попасть другие, влечет за собой вытеснение первых.

В существующей литературе по этому вопросу можно выявить четыре фактора, которые учитывают обстоятельства, приводящие к миграции из городских в сельские районы:

эффект «жизненного цикла» объясняет загородную миграцию семей с детьми, желающих жить в собственном доме;

эффект «сохранения» для средних классов и молодежи для миграции как процесса выселения в пригороды;

эффект «поколение», связанный с миграцией в сельскую местность;

эффект "неоселян", соответствующий переходу на жизнь и работу в сельской местности. Это может касаться категории типа "сельских предпринимателей", ищущих сельскую среду обитания и чья деятельность не ограничивается местоположением, видя в сельском образе жизни некую форму эскейпа.

Методология

Интерес к миграции между городскими и сельскими районами требует различать категории городского типа в зависимости от расстоя-

яния до города, масштабов самого города и наличия определенных природных ресурсов. Изучение данной проблематики по отношению к городской и сельской местности также проводится Национальным институтом статистики и экономических исследований Франции в сотрудничестве с Национальным институтом агрономических исследований.

Выделяют два основных критерия в сфере такого изучения:

- размер города с точки зрения количества рабочих мест. В связи с этим различаются: города с более чем 5000 рабочими местами, города от 1500 до 5000 рабочих мест и сельские центры занятости.

- для муниципальных образований за пределами городского центра - это доля населения, работающего в городе с пригородами. Выделяются:

1 - муниципалитеты с более чем с 40% постоянного населения, работающего в центре этого же муниципалитета - они классифицируются как пригородные общины, где местом работы всего пригорода является центр муниципалитета.

2 - сельские, когда место работы находится в самом городе за пределами муниципалитета.

Таким образом, городская территория состоит из городских центров и пригородных общин. Предлагается разделить эти два образования на: старые пригородные сообщества, т. е. те, которые уже были пригородами при переписи населения 1990г. и на пригородные общины, состоящие из новых пригородных общин, которые образовались в период между 1990 и 1999 годами в связи с приходом нового населения, работающего в городском центре.

Сельские поселения и пригороды можно разделить на две категории: территории, находящиеся под небольшим влиянием в городах, в которых двадцать-сорок процентов населения работает в городском центре и другие изолированные территории, в которых население работает внутри ее.

Данные мобильности в период с 1990 по 1999 год были получены из переписи населения 1999 года, в сравнении с 1990 годом. Эта миграционная перепись населения между двумя конкретными датами, как правило, недооценивает истинные масштабы миграции из-за многочисленных миграций в течение этого же периода, что привело к погрешностям в статистике. Промежуточная миграция между двумя датами переписи или миграции с последующим возвращением к месту происхожде-

ния может соответствовать размерам миграционного поведения, но этот источник данных не принимается во внимание.

Миграция населения, сопровождаемая изменением муниципальных образований, которая затронула 18 млн. человек в период с 1990 по 1999 г., представляет собой две трети миграционного потока в этот период. Это подтверждает важность этих миграционных процессов в территориальном распределении населения. Как показано на рис. 1, жилая миграция из городских в сельские районы очень неравномерна по всей стране.

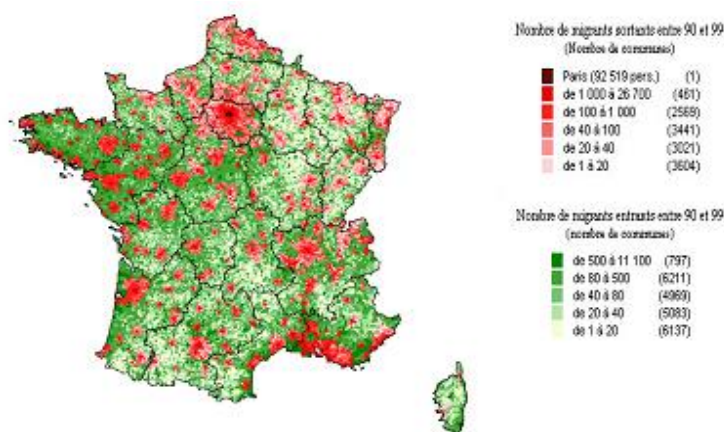

Рис. 1: Мобильность городских центров в преимущественно сельских районах в период между 1990 и 1999 гг..

В более долгосрочной перспективе эта ситуация вписывается в контекст уменьшения миграции внутри города по сравнению с межгородским.

Изучение и классификация миграционных потоков по категориям мест, в которых осуществляется миграция, позволяет определить два основных типа миграции: действующие внутри конкретного объекта (города и т.п.) и между ними, включая миграцию в сельские поселения. Если более половины миграции подпадает под первый тип, почти восемь миллионов человек меняют категорию места.

Миграции внутри и между городскими центрами представляют собой наиболее важный показатель жилой миграции. Высокая напряженность на рынке жилья, сложности в поиске работы - это факторы, которые объясняют внутри и межгородскую миграцию. Внутренние мигранты по количеству примерно в три раза меньше постоянного населения. Крупнейшие миграционные потоки между городами, в том числе между сельскими поселениями и пригородами, обусловлены расширением городской застройки, что подтвердила перепись населения 1999 года.

Миграция из городов в сельскую местность в два раза меньше, чем внутри и межгородская.

Другими обстоятельствами миграции являются впитывающими пригородами в себя нового населения как «губками»:

Первоначально пригороды городских центров являются «губками», которые «впитывают» некоторые социальные категории: это явление тесно связано с городской застройкой, которая касается, прежде всего, семей с детьми и средних классов.

Через некоторое время, эти «губки» становятся насыщенными, и становятся «рикошетом» для мигрирующего населения в сельскую местность или иные пригороды.

Миграционные потоки между городскими центрами и пригородами также свидетельствуют о том, что первые поддерживают высокие темпы рождаемости, в отличие от менее насыщенных пригородов и сельской местности. Сельские общины и пригороды около бедных городов (их центров) обладают серьезным влиянием на вторых при численности почти 200 000 человек.

Как уже было отмечено выше, новые пригородные и сельские районы, являются излюбленным местом миграции из категории активных сотрудников вне зависимости от слоя населения. Однако средние классы являются наиболее многочисленными среди мигрантов.

Эффект жизненного цикла, как представляется, является важным фактором в процессе миграции в сельскую местность. Наиболее активными здесь являются лица от 30 до 39 лет и с семьями из трех-пяти человек.

Группы соответствующих мигрантов стараются выехать в пригороды или сельские поселения вблизи больших городов для заведения и обустройства собственного дома с детьми, выезжая на работу в центр города. Увеличение городской плотности, изменение индивидуальных предпочтений в течение этого жизненного цикла, может объяснить этот тип миграции, которая приносит пользу в первую очередь периферийным районам городских центров и тем самым подпитывает разрастание городов.

Нередко молодые люди мигрируют в новые пригороды по профессиональным причинам ближе к месту работы. После заключения брака и рождения детей, без смены рабочих мест, они остаются проживать на окраинах городов в небольшой удаленности от работы. Это явление переселения в новые пригороды из-за места работы касается всех соци-

альных категорий. При этом одна треть таких мигрантов покинули центры городов или старые пригороды в период с 1990 по 1999 год, чтобы обосноваться в новом пригороде.

Почти две трети мигрантов возрастных групп в возрасте до 14 лет и от 30 до 39 направляются в эти места проживания. Большие домашние хозяйства (от 3 до 5 человек и более 6 человек), также, скорее всего, переедут на новые пригороды и, с точки зрения количества, они представляют собой значительную долю мигрантов. Эти характеристики, как правило, подтверждают гипотезу об эффекте «жизненного цикла» в миграции этого типа.

Эффект сохранения толкает средние и рабочие классы в сельскую окраину.

В контексте отсутствия гарантий занятости, усиления общественного воспроизводства, ухудшения условий жизни в городах, географическая мобильность может, в некотором роде, являться причиной выезда населения в сельские районы. Антропологи увидели в этом также ограничения общительности: это замкнутая жизнь, сосредоточение на семье, детях, друзьях.

Подвижность населения осуществляется в первую очередь между центрами в городах и между городами и сельскими поселениями, что наблюдается между двумя последними переписями населения. Кроме того, чаще всего с постройкой второго дома, эти социальные категории, оставаясь в рабочие дни в городских центрах, выезжают в сельскую местность в выходные дни или на отдыхе.

Менеджеры среднего звена составляют основную категорию среди таких покупателей недвижимости. Эта категория не остается в городских условиях, особенно с учетом недостаточности собственности. Кроме того, они ценят городские окраины и сельскую местность, увеличивая плотность их заселения.

Еще одна причина миграции заключается в том, что арендаторов больше в четыре раза, чем владельцев недвижимости. Руководители высшего звена, как правило, остаются в городских центрах, арендуя жилье, так как в связи с очень быстрым ростом цен сложно стать его собственником.

В анализах по миграции в соответствии с жизненным циклом отмечается следующая тенденция: поселение пенсионеров в сельскую местность. Масштабы такой миграции достаточно большие и обычно

осуществляются в южном направлении, приводя к образованию «гетто для богатых пенсионеров».

Проблемы первого поколения мигрантов начинаются в возрасте от 60 до 74 лет. Это поколение больше, чем другие, страдает от миграции в города в связи с необходимостью поиска работы. Урбанизация и индустриализация во Франции привели к недостатку количества крестьян еще в 1950-х и 1960-х годов. Для спокойствия жизни пенсионеры склонны приезжать в сельскую местность, особенно если они ранее в более молодом возрасте уехали на работу в город. Этот вид миграции может называть как «возвращение домой».

Миграция пенсионеров концентрируется вокруг зоны Средиземноморья, в сельских местностях Иль-де-Франс, в западных областях Атлантической дуги.

Что касается другого поколения, возраст которого составлял в 1999 году от 40 до 59 лет, то оно больше, чем любое другое, пользуется плодами периода экономического роста. Строительство второго дома, «перезаселение сельской местности» в значительной степени связано с крестьянским происхождением большей части поколения после Второй мировой войны и появлением многочисленного класса относительно богатых лиц, которые могли бы получить или сохранить активы собственности в сельской местности страны.

Миграция в сельскую местность и выбор неосельской жизни, имеют, вероятно, побочный эффект, ведь сельские районы привлекают гораздо меньше мигрантов, чем пригороды. Кроме того, значительная часть из прибывших в это место касается пенсионеров. Таким образом, можно сделать вывод о том, что «неоселян» мало.

Действительно, мигрантов, являющихся сельскохозяйственными рабочими, немного, даже если их устраивает сельский уклад под городским влиянием.

Мелкие предприятия, коммерсанты, врачи и т.д. могут переехать в сельскую местность, если смогут решить проблемы жилья и решат проблемы с получением соответствующих услуг. Между тем, последние разработки в области коммуникационных технологий, приводят к тому, что делают сельские места менее изолированными от «центров общественной жизни», приводят к снижению стоимости жилья и отсутствия некоторых негативных аспектов городской жизни (загрязнение, распушенности, стресса и пр.), что, в свою очередь, повышает привлекательность современной неосельской жизни.

Этот тип миграций в последнее время присущ классу менеджеров и лиц с либеральными и интеллектуальными профессиями, не требующими ежедневного присутствия на рабочем месте и позволяющими работать в отдаленном режиме. Этот тип миграции может действительно объяснить локализацию в сельских местностях до 16 % кадров среди высших или интеллектуальных профессий.

Наконец, в условиях кризиса занятости и снижения уровня жизни в городах, для тех, кто не может полностью реализовать себя, легче стать неосельским жителем.

Представляется необходимым отдельно рассмотреть социально-ориентированный отъезд из городов.

Одним из первых вопросов, который следует решить – зависит ли миграция от социальной категории лиц? Другими словами, кто чаще покидает города?

Коэффициент миграции в зависимости от особенности социально-демографических характеристик мигрантов и в зависимости от их категории могут служить средством измерения этого явления. Действительно, в зависимости от размера городов, которые концентрируют ресурсы и услуги высшего уровня (связанного с культурой, обучением и пр.), а также рабочие места и перечень соответствующих профессий очевидно наличие или отсутствие привлекательности у сельской местности, и это более заметно среди населения с высшим образованием и имеющим определенное благосостояние.

Можно понять, что при наличии множества культурных, экономических, образовательных и иных ресурсов, которую городские центры концентрируют, привлекательность сельских пространств будет минимальна.

При этом в средних городах, и в меньшей степени, в пригородах население объективно меньше тяготеет к сельской привлекательности. Наиболее сильную миграции из средних городов в сельскую местность можно объяснить слабостью самих взаимоотношений между центром города и его окраинами.

Миграция из пригородов в сельские районы является относительно слабой, и связано это с сильным демографическим ростом этих объектов. На практике только около одного человека из пяти устраивается в сельском поселении, когда он переезжает из пригорода, в то время как лишь один из шести - когда он переезжает с городского центра. Обычно в этом случае идет обратная миграция, и она связана с доступом к раз-

личным ресурсам. Также можно добавить и то, что образ жизни пригородов не городской, а очень широко насыщенный услугами, в том числе семейного плана, что затрудняет отъезд в сельские районы таких жителей.

Обычно пенсионеры являются наименее мобильными. Их большое количество в обществе и проживание в центрах городов около надлежаще предоставляемых услуг, активизируют процессы выезда из центров городов более молодого населения, которое еще не приобрело жилье.

Что происходит с мигрантами по прибытии? Наблюдение прибытия мигрантов, как правило, поддерживает идею городской разобщенности, которая наиболее ярко проявляется в больших городах. При этом темпы миграции уменьшаются по мере отдаления конкретной сельской местности от города.

Можно отметить, что высшие руководители и специалисты и мигранты промежуточных профессий в новых пригородах очень многочисленны по сравнению с рабочими или служащими.

Однако в сельской местности наименьшее количество представляют собой высшие руководители и безработные, и их каждое перемещение влияет на обстановку внутри конкретного сельского объекта.

Таким образом, сильное влияние миграции безработных в отдаленные сельские местности соответствует небольшой численности последних. Это может привести к некоему клеймению этих пространств (они становятся убежищем маргинальных слоев населения) и феномену отторжения для новичков-мигрантов.

В итоге, говоря о миграции из городских в сельские районы, следует иметь в виду наличие ряда ее конкретных факторов. Многие зависят от социального уровня конкретных мигрантов и условий жизни в городах и сельских поселениях. При этом трудно объяснить разнообразие миграционных категорий лиц без учета маршрутов между конкретными пунктами отправления и прибытия. Городские и сельские пространства – имеют все больше увеличивающиеся отличия, но разнообразие жизненных и трудовых факторов миграции приводят к появлению взаимосвязи между отдельными группами населения и уровнями их подвижности. Рост пригородов должен рассматриваться в контексте трудовой миграции и образования семей. При этом рост городов может привести к миграции в них лиц и из сельских поселений.

В настоящее время ежедневная мобильность - в частности, из городской в сельскую местность - отражает расширение горизонтов и увеличивает число потенциальных мигрантов. Для продолжения научных исследований в этой сфере необходимо понять потенциальные последствия миграции из городских в сельские районы в зависимости от социального положения мигрирующего населения, семейного состояния, наличия или отсутствия собственного жилья, профессии и других факторов.

О.Б. Скиба

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ ГРАДО-СЕЛЬСКОЙ МИГРАЦИИ В ИЗРАИЛЕ

У. РЕБАНТ, Д.Л. БРАУН

Uzi Rebhun, David L. Brown

Patterns and selectivities of urban/rural migration in Israel // Demographic Research . Vol. 33, Art. 5, P.P 113–144

Mode of access: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol33/5/>

DOI: 10.4054/DemRes.2015.33.5

Узи Ребант из Еврейского университета в Иерусалиме (Hebrew University of Jerusalem) и Дэвид Браун, профессор Корнельского университета в Нью-Йорке (Cornell University, Ithaca, New York) исследуют особенности градо-сельской миграции в Израиле, стране, которая имеет большой опыт развития территории за пределами крупных городов.

Израиль, как и другие развитые страны, является весьма урбанизированным. Действительно, еще в 1955 г., около 8/10 населения было сосредоточено в местах с 2000 или более жителей (т.е. в городах). Сегодня доля городского населения поднялась до 9/10. Таким образом, можно задаться вопросом, зачем изучать миграцию из города в село, если только 10% населения страны проживает в сельской местности? Причина в том, что даже при таком высоком уровне концентрации городского населения, люди до сих пор продолжают приезжать и уезжать из таких мест, и избирательность этих миграционных потоков может изменить состав городского и сельского населения, даже если они оказывают незначительное влияние на размеры городских и сельских населенных пунктов или общий уровень урбанизации.

Как показывают некоторые исследования, пожилые люди менее склонны к переселению, но те, кто это делает, весьма вероятно, будут

искать сельские населенные пункты, тем самым усиливая тенденцию старение сельского населения страны. Напротив, люди с высшим образованием и высокой профессиональной квалификацией, с большей вероятностью переедут из сельской местности в города, которые предлагают лучшие экономические возможности, более высокую отдачу от человеческого капитала, а также разнообразные культурные мероприятия. Другие исследования показывают, что некоторые лица в более позднем зрелом возрасте, особенно состоящие в здоровом браке и с относительно высокими доходами, имеют тенденцию перемещаться из городов в сельские районы в основном по причинам образа жизни. Такая избирательность меняет социально-экономический профиль сельской местности, учитывая их относительно меньший размер.

Концентрация внимания на сельской местности в столичном обществе оправдано по многим причинам, независимо от малой доли таких областей от общего населения страны. Как указывается в Международном справочнике сельской демографии (International Handbook of Rural Demography) , сельские районы и их население по-прежнему имеют значение в более развитых и высоко урбанизированных странах, потому что в то время как они включают только меньшинство населения, они часто занимают большинство национальной земли, воды, полезных ископаемых, энергии и других природных ресурсов; а также значительную часть национальной инфраструктуры, такой как дороги, мосты, трубопроводы, и, конечно, большую часть своего внутреннего производства продуктов питания.

В данной работе исследуется внутренняя мобильность населения в Израиле между городами и сельской местностью, а также движение среди поселений. Авторы заинтересованы в изучении ситуаций, когда мигранты с определенными социально-экономическими характеристиками с большей вероятностью переезжают из городов в сельскую местность, из сельской местности в города, или циркулируют внутри самих городских и сельских категорий. Неудивительно, что миграционная селективность еврейского и нееврейского населения представляет интерес для Израиля и, следовательно, первая часть анализа посвящена различиям в миграции и склонности к миграции между евреями и неевреями. После этого, из-за отсутствия данных о неевреях, авторы сужают внимание только до еврейского населения Израиля, исследуя определители внутренней миграции, а также каким образом такие определители могут отличаться между сельско-городскими потоками по сравнению с

градо-сельскими, а также между потоками внутри сельской и городской местности. В своем анализе Ребан и Браун исследуют влияние отдельных демографических и социально-экономических характеристик на направление миграции. Несмотря на маленький размер страны с относительно небольшими расстояниями между местами, Израиль получил опыт широкого развития за пределами основных городов. Это сопровождалось непрерывной дисперсией населения. Введение в израильские дела, которые в меру имеющихся знаний не были исследованы в течение последних нескольких лет, вносит свой вклад в эмпирическую и теоретическую литературу по городской и сельской миграции и перераспределению населения в современных промышленно развитых странах.

Исторический контекст

С момента своего создания в 1948 году, власти Израиля рассматривают население как инструмент территориального планирования и переселения. В стране, где на долю работников сельского хозяйства приходится лишь небольшая часть рабочей силы и расположение отраслей промышленности не затронута дисперсией природных ресурсов, соображения социальных, экономических и геополитических факторов, а также экологические предпочтения становятся основными факторами, определяющими требуемую структуру распределения населения. Правительство предлагает значительные экономические стимулы, особенно в предоставлении жилья, возможностях трудоустройства, а также налоговых льготах, чтобы влиять на пространственное распределение населения. Эти факторы, наряду с изменчивостью в индивидуальных и семейных ресурсах (деньги, образование и социальные сети) сформировали структуру населенных пунктов страны и ее внутренние закономерности миграции.

С идеологической точки зрения, еврейский национализм подчеркнул "возврат на землю" нации и способствовал дезурбанизации еврейского населения. Дополненным соображениями безопасности наряду с утопическими экономическими и социальными видениями, основным руководящим принципом государственной политики и планирования была де-концентрация еврейского населения к национальной периферии. Специальное государственное предпочтение было и все еще остается отданным увеличению доли евреев на севере и юге страны, в основном включающие в себя Галилея и Негев. Это предполагает консолидацию геополитически важных областей, таких как Иерусалим и укреп-

ление "городов развития": городские населенные пункты, специально созданные для приема населения, и якорь регионального развития находился в этих областях. Другая государственная цель распределения еврейского населения - укрепление геополитических границ страны. С приходом к власти политического права во второй половине 1970-х годов, были предприняты попытки усилить еврейский контроль над спорными территориями.

Пункты, относящиеся к дисперсии населения, появляются в основополагающих принципах и платформах всех израильских правительств. Практические и количественные выражения этих намерений всплывает в программах, подготовленных государственными органами, в частности Министерства внутренних дел и Министерства финансов, а также в нескольких мастер-планах, которые прогнозируют размер и пространственное распределение населения страны. Некоторые из этих планов описывают предполагаемое развитие без вмешательства со стороны правительства или продолжение существующих тенденций. Другие вводят политические цели, которые принимают во внимание факторы в других районах страны, например, снижение численности населения вдоль морского берега. Правительство по-прежнему придает большое значение развитию национальных периферий, что стало очевидным в 2005 году созданием Министерства по развитию Негева и Галилеи.

Учитывая небольшие размеры страны (около 21 000 квадратных километров), некоторые из периферийных областей можно рассматривать как средние или внешние кольца городских районов; следовательно, в то время как официально они являются сельские, они находятся в пределах легкого доступа городских мест и рынков труда. Кроме того, израильское правительство направило значительные усилия и деньги в улучшение национальных дорог и системы общественного транспорта, которые позволяют легко и удобно добираться на работу из периферии в центральные места. Израиль переживает региональную реструктуризацию, где новые фирмы и экономические центры, особенно высоких технологий, создаются в промежуточной глубине страны районы, которые растут быстрее, чем их столичные коллеги.

Что отличает Израиль от большинства других высокоразвитых развитых стран - это то, что Израиль имеет формальную пространственную политику рассредоточения населения, что в сочетании с его физическими характеристиками стремится повысить вероятность пере-

движения людей из городов в сельские местности. Сегодня желание молодых семей жить в частных домах и улучшить качество жизни также усиливает привлекательность сельской местности. Рассмотрим случай Кибуца. Этот тип поселения первоначально был основан на идеологическом и практическом эгалитаризме; коллективная собственность имущества, экономическое сотрудничество, а также производство сельскохозяйственной и тяжелой промышленности. Сегодня, однако, Кибуц проходит интенсивную приватизацию, что привлекает новых членов или жителей, не являющихся членами, которые стремятся жить в сельской местности с особыми социальными и культурными отношениями.

В отличие от евреев, арабские израильтяне сильно ограничены во внутренней миграции из-за неформальных ограничений, включая отсутствие доступного жилья, ограниченных экономических сетей, а также дискриминации. Действительно, степень в которой арабское население растет в периферийных районах, в основном осуществляется за счет естественного прироста, а не чистой внутренней миграции. Следовательно, это существенно ограничивает региональное перераспределение арабского населения. Кроме того, жилищные потребности растущего нееврейского населения, происходящие из естественного прироста, мешают также расширению сел.

Данные, определения и программа исследования

Данные, используемые в исследовании, являются производными от Переписи населения Израиля 2008 года. Был использован инновационный метод Комплексной переписи, который объединил данные из административных источников (в основном регистра населения) с образцами данных, полученных в результате исследований, т.е. в полевых работах переписи. Полевые работы включали два исследования: первый проводился в период с декабря 2008 года по февраль 2009 года и включал в себя приблизительно 400,000 домашних хозяйств; второй был телефонный опрос, проведенный с марта 2009 года по июль 2009 года для завершения сбора информации переписи, и состоял из около 250,000 человек. Файл данных, который был сделан доступным для данного исследования включал информацию из обеих частей переписи.

Для того, чтобы оценить детерминанты, а не последствия миграции с максимально возможной адекватностью авторы взяли информацию о начале периода миграции (2003 г.) в своем файле переписи в отношении двух основных достигнутых (меняющихся) характеристик:

статус занятости и доходы. Эти данные, полученные от Национального института страхования (Социальное Страхование Израиля) были приписаны к респондентам в соответствии с их идентификационным номером.

Выборка ограничивается еврейскими и нееврейскими (например, мусульмане, христиане, друзы) респондентами в возрасте от 18 лет и старше. Евреи и неевреи могут проявлять уникальные закономерности миграции из-за различных воздействий модернизации, конкретной профессиональной структуры, которые могут быть подходящими для городских или сельских районов, а также социальной дискриминации, которая ограничивает способность неевреев приобретать жилье и заселяться в местах, плотно заселенных евреями. Другим критерием для включения в анализ было проживание в Израиле в течение пяти лет до проведения переписи. Авторы делают ставку на одного взрослого человека (в возрасте от 18 лет и старше) от каждой семьи, а не несколько взрослых, с целью устранения потенциальной систематической ошибки взаимозависимости в поведении миграции. Этот взрослый, человек, с которым было проведено интервью переписи, является членом семьи и был дома, когда переписчик посетил его дом. Если же дома были несколько членов семьи, им было предложено выбрать одного из своих членов, которых они предпочитали в качестве интервьюируемого. Применение этих критериев принесло пример 291,322 респондентов: 241,868 евреев (83,0%) и 49,454 неевреев (17,0%).

Населенные пункты в Израиле отличаются между сельскими и городскими районами; точка определения города - населения 2000 и выше. Тип местности не зависит от его экономического характера (сельскохозяйственный или нет) или других атрибутов. На самом деле, сельская категория весьма разнообразна. Она включает в себя различные типы организаций и статусов. Основная разница наблюдается между населенными пунктами (Мошавы и Кибуцы), которые проявляют особый вид экономического сотрудничества среди жителей в области производства, сбыта или потребления, и институциональными или общественными населенными пунктами, где такое экономическое сотрудничество не существует. В значительной степени, населенные пункты, которые характеризуются экономическим сотрудничеством населены евреями в то время как институциональные и общественные населенные пункты могут быть заселены евреями или неевреями.

В нееврейской части населения Израиля, в основном это касается мусульман, многие городские поселения поддерживают традиционное использование сельскохозяйственной земли и традиционные экономические модели. Даже если они подвергаются процессу концентрации населения, это не приводит к их урбанизации в социально-экономическом смысле. Хотя население этих деревень может возрастать, плотность может подниматься, и начинаться жилищное строительство с использованием современных технологий, эти населенные пункты не испытывают процессов развития индустриализации и модернизации, которые, как правило, связаны с урбанизацией и урбанизмом. Эти населенные пункты не имеют промышленную экономическую базу. На самом деле, экономическая зависимость этих нееврейских местностей от еврейских населенных пунктов для работы в и государственных бюджетных организациях укреплялась с течением времени.

По данным переписи 2008 года, Израиль имел 1178 населенных пунктов: 229 городских и 949 сельских. Каждый из шести официальных районов страны состоял из городских и сельских поселений. Соответствующие типы населенных пунктов, однако, не равномерно распределены между районами. Сельские населенные пункты непропорционально расположены в периферийных районах: Северный округ (332 населенных пунктов) и Южный округ (209 населенных пунктов). Тем не менее, значительное число сельских населенных пунктов (187) располагаются в Центральном округе. Тель-Авив является единственным районом, который имеет больше городских, чем сельских территорий.

Общее количество населенных пунктов, также включает в себя еврейские поселения на спорных территориях. В период данного исследования, Израиль в одностороннем порядке вышел из сектора Газа и некоторых районов северной части Самарии, отсеяв таким образом 21 населенный пункт, большинство из которых были в сельской местности. В начале 2008 года насчитывалось 119 еврейских поселений на спорных территориях, 27 городских и 92 сельских районов. Эти 119 населенных пунктов включены в исследование.

Городское и сельское территориальное распределение населения в Израиле и его мобильность

Население Израиля в значительной степени городское, и эта характеристика растет, хотя и не последовательно, в течение долгого времени. В 1955 г., вскоре после того, как была достигнута государствен-

ность, 83% израильтян жили в населенных пунктах с 2000 жителей и более. К 2008 году эта доля увеличилась до 91,7%.

Еврейская община, которая присутствовала во время становления государства, уже была городской. За годы своего становления, как и значительное число от массового притока еврейских иммигрантов иностранного происхождения, они были направлены в небольшие населенные пункты, многие из этих поселений быстро прошли порог 2000 жителей и стали статистически, если не перцептивно, "городскими". Многие другие еврейские иммигранты обосновались в крупных городах, таких как Тель-Авив, Иерусалим и Хайфа. В то время как в 1955 году 84,9% евреев проживало в городских населенных пунктах, эта доля увеличилась до 90,3% в начале 1970-х гг. и до 90,8% в настоящее время. В то же время, урбанизированное еврейское население испытывает субурбанизацию, со значительным движением от крупных городских центров в спальные районы вокруг крупных городских районов. Нееврейское население, в свою очередь, подверглось быстрой урбанизации. Доля этого населения, живущего в населенных пунктах с более чем 2000 жителей, увеличилась с 63,5% в 1961 г. до 94,4% в 2008 г. Таким образом, нееврейское население сегодня чуть более городское, чем еврейское.

Рост процента городского населения объясняется естественным приростом, а не внутренней миграцией (а также, возможно, международной миграцией). Тем не менее, в течение последних двух межпереписных периодов (1983-1995 и 1995-2008 гг), существует значительная тенденция у евреев переезжать из городской местности в сельскохозяйственные и несельскохозяйственные сельские поселения. Ежегодный обмен населением по типу местности привел к чистому приросту в сельской местности в течение 25 лет между 1983 и 2008 годами. В колебании этого чистого прироста один интервал особенно заметен: начало 1990-х, с его высоким избытком миграции для сельских районов. Соответственно, хотя доля сельских жителей среди евреев уменьшалась (поскольку городские районы росли более быстрыми темпами), абсолютное число еврейских сельских жителей впечатляюще увеличилось более чем на 50% (с 325,000 в 1983 г. до 508,000 в 2008 г.) (Статистический Справочник Израиля, разные годы). Примечательно, что некоторые явления этой внутренней миграции из города в сельскую местность, особенно на севере Израиля, являются процессом "аграризации", в результате которой население перепрыгивает через пригороды крупных городов в более сельскую глубинку.

Среди неевреев, данные показывают увеличение городской концентрации, даже несмотря на то, что чистые обмены между городскими и сельскими районами были невелики с 1983 г. (за исключением двух лет с достаточно большими чистыми сельскими оттоками в 1991 и 2001 г.г., причем последний год приводит к чистой сельской потере для общего населения Израиля). Таким образом, увеличение уровня урбанизации почти на 10 процентов, которое неевреи пережили с 1983 г. связано в основном с естественным приростом, а также, как следствие, с изменением статуса населенных пунктов из сельских в городские населенные пункты.

Особенности сельско-городской миграции

В этом разделе авторы рассматривают социально-экономические различия между мигрантами и немигрантами и, среди прочих, различными типами миграции. Направляя все внимание на внутреннюю миграцию, относительный дефицит нееврейских мигрантов существенно снижает объем данных, доступных для этой группы населения. Соответственно, с этого момента при рассмотрении миграционной селективности, авторы ограничивают свое внимание только еврейском населении. Анализ направлен на оценку социально-экономических коррелятов миграции между различными типами населенных пунктов, а также в рамках аналогичных категорий населенных пунктов.

Миграция через внутренние границы влияет на относительные размеры мест, и, возможно, что более важно, их соответствующий социально-экономический состав. Долгое исследование традиций миграции из городов в сельские поселения выявило различия между городским и сельским населением, но такие социально-демографические и экономические различия существенно сужаются с течением времени в высоко-развитых и урбанизированных странах. Например, с сокращением занятости в сельском хозяйстве и других добывающих отраслях, экономическая деятельность сельских жителей и их городских коллег во многом становятся схожими, а также новые информационные и транспортные технологии связывают сельских и городских жителей, сообщества и экономику все более тесно. Ослабление городской и сельской дихотомии особенно заметно, когда уровень миграции между этими двумя типами местностей высок. Таким образом, современные исследования городских и сельских миграций в более развитых странах, таких как Израиль, стремятся подчеркнуть пространственную интеграцию, которая

является результатом мобильности населения, а не пространственной дифференциации.

Многие жители сельской местности ездят на работу в город и, тем самым, сохраняют и сельскую, и городскую ориентацию одновременно. На самом деле, исследования показывают, что мигранты из городов в сельскую местность, вероятно, сохраняют свое городское рабочее место, по крайней мере в течение некоторого времени после переезда. Одновременно с этим, сельские районы стали местами, которые городские жители посещают для отдыха и потребления товаров и услуг. Несмотря на то, усиление взаимозависимости и сближение различных типов населенных пунктов, вероятно, смягчают социальные и экономические последствия миграции из городов в сельскую местность, исследователи до сих пор сообщают, что в городских против сельских местах жительства сохраняются, хотя и в меньшей степени, различия людей в социо-демографических характеристиках, поведении и мировоззрении. Соответственно, авторы ожидают, что израильтяне, которые перемещаются из городских в сельские районы, наиболее вероятно, будут различаться по таким характеристикам, по сравнению с немигрантами и с мигрантами, которые перемещаются из сельских районов в городские. Эмпирические данные это подтверждают.

Мигранты, конечно, не все вырезаны из одного куска ткани. Часто есть значимые различия между мигрантами, которые перемещаются между городскими и сельскими районами и теми, кто переезжает в пределах одной жилой классификации. Сравнения мигрантов из сельской местности в города с их коллегами, которые перемещаются из городских в сельские районы показывают, что первые несколько моложе, у них чуть меньше шансов быть женщиной, гораздо меньше шансов быть в браке (скорее всего, одиноки или разведены) менее вероятно, что имеют высшее образование, и имеют немного более низкий доход до переезда в 2003 г. в отличие мигрантов из городских в сельские районы, которые, более вероятно, будут иметь иностранное происхождение, и работать на других.

Лица, которые перемещаются в сельскую местность, более вероятно, будет среднего возраста, женаты. Сельские мигранты имеют меньше шансов быть израильского происхождения, и более вероятно, будет самозаняты. Данные об уровне образования показывают несколько систематических различий между этими двумя группами, мигранты из сел в села имеют несколько более высокие доходы. Обращаясь к лицам, ко-

торые перемещаются среди городских мест, по сравнению с мигрантами из сельской местности в города, данные показывают, что с меньшей вероятностью это будут люди молодого или среднего возраста и более вероятно, будут пожилые люди, скорее всего, состоящие в браке, иностранного происхождения из Европы / Америки и имеющие последипломное образование. Кроме того, они имели несколько более высокие доходы до переезда в 2003 г. В отличие от этого, они менее вероятно, будут молодые люди, один, израильского происхождения, и они, скорее всего, имеют самые низкие уровни образования.

Трудно суммировать эти различия в характеристиках между четырьмя потоками мигрантов, хотя сельско-городские мигранты, как представляется, мигрируют на более ранней стадии их жизненного цикла и несколько ниже их социально-экономический статус по сравнению с городскими людьми, которые переезжают в сельскую местность. По сравнению с мигрантами из городов в села, люди, которые переезжают из одного сельского места в другое, среднего возраста, не состоят в браке, и несколько менее зажиточны относительно дохода до переезда. По сравнению с мигрантами из городов в села, люди, переезжающие из одного городского места в другое, более вероятно, будут пожилыми, не состоящими в браке, иностранного происхождения, будут иметь либо низкий или высокий уровень образования, и немного более высокие доходы. Эти сравнения, и предыдущие исследования избирательности внутренней миграции в более развитых странах, приводят авторов к сосредоточению на анализе факторов, влияющих на вероятность миграции в конкретных направлениях: (1) демографические характеристики, (2) состояние жизненного пути и (3) социально-экономические достижения.

Факторы, связанные с внутренней миграцией в Израиле

Люди перемещаются в городские районы для расширения экономических возможностей. В отличие от этого, мигранты переселяются в сельскую местность в целях повышения удобства и качества их жизни. Это соответствовало бы с исследованиями в других высокоразвитых странах, которые показывают, что даже в сегодняшних, менее пространственно дифференцированных обществах, люди продолжают менять место жительства из городских в сельские или из сельских районов в городские из-за экономических стимулов и нетрудовых рыночных предпочтений, связанных с культурными особенностями и удобствами.

Удобство и качество жизненных факторов, которые привлекают зрелых людей с несколько более высоким социально-экономическим

статусом в сельскую местность включают низкую плотность населения, относительно недорогие частные дома, а также поиск сообщества общих ценностей и деятельности.

Помимо социально-экономического статуса, литература указывает на то, что миграция связана с развитием человека на протяжении всей его жизни, а также различные типы движений более вероятны на разных этапах жизненного пути. Этапы жизненного пути отражаются по возрасту и уровню образования. В отличие от этого, мотивы повышения доходов можно было бы ожидать от молодых людей, которые не получили высшее образование и которые более вероятно, будут одиноки.

Возраст, казалось бы, имеет четкую связь с направлением миграции: предполагается, что молодые мигранты чаще перемещаться из сельских районов в городские для экономической комфортабельности и культурным причинам. Как правило, молодые люди предпочитают городские районы, где высокая стоимость жизни противостоит доступному образованию, широким возможностям занятости и культурных мероприятий. С возрастом люди, вступают в брак и заводят детей, их потребности и предпочтения могут изменяться. Теперь им требуется больше жилых удобств, больше общественной безопасности, а также школ, которые часто воспринимаются выше в сельской местности.

Пенсионеры, типичным примером которых является фиксированная пенсия и много свободного времени, "становятся все больше заинтересованы в тех местах, где стоимость жизни являются низким и больше услуг". Тем не менее, уровень миграции, как правило, низкий в более позднем возрасте. А в Израиле, большинство домов престарелых расположены в крупных городах, а не в сельской местности. Таким образом, если географическая мобильность в более позднем возрасте и есть, то пожилые люди склонны двигаться из сельских районов в городские или из городских в городские.

Направление еврейской внутренней миграции в Израиле также, как ожидается, будет связано с иммиграцией и этнической принадлежности. Иммигранты, как правило, живут в крупных городах, где расположены со-этнические анклавов. В США есть доказательства того, что некоторые иммигранты выходят за пределы "входного города" в других городских и сельских пунктах назначения. Кроме того, некоторые иммигранты переходят непосредственно в сельские общины. Новая сельская иммиграция в США связана с конкретными экономическими возможностями в пищевой промышленности, сельском хозяйстве, некото-

рых видах производства, а также работах в сфере услуг. Интересно, что это не имеет прямого отношения к израильскому случаю.

Большинство недавних иммигрантов в Израиль возникли из бывшего Советского Союза, в то время как меньшее количество прибыло из Северной Америки, Западной Европы и Южной Африки. Как и в целом еврейского населения, городские иммигранты прибыли из таких городов, как Москва, Киев, Санкт-Петербург, Нью-Йорке, Лондон или Йоханнесбург. По данным последней советской переписи (1989), например, 98,7 процента советских евреев были горожане. Таким образом, мы можем быть уверены, что подавляющее большинство советских иммигрантов в Израиле осели в городах и городских районах, а не в сельской местности. Кроме того, в 2007 году исследование религиозного ландшафта показало, что, по состоянию на дату подсчета, 97,1 процента американских евреев проживали в городских и пригородных образованиях и лишь 2,9 процента в сельской местности. Во время прибытия, эти иммигранты имели человеческий капитал, указывающий на высший уровень образования, чем у коренного израильского еврейского населения, с большими пропорциями сосредоточения в научных, академических и других областях. Примечательно, что, когда массовый приток советских евреев начался в начале 1990-х годов, из-за нехватки жилья, правительство создало мобильные домашние лагеря, большинство из которых были расположены в открытых пространствах сельских местности. Те, кто снимал это жилье, тем не менее, оставили их сразу же после появления возможности приобретения жилья в городских районах, будь то в центре или на периферии страны.

Кроме того, в течение последних трех десятилетий в Израиле абсорбируется около 100,000 иммигрантов из Эфиопии. Эта группа существенно отличается от тех, кто приехал из Северной Америки и Европы в связи с их низким уровнем образования, их повсеместным отсутствием профессиональной квалификации, а также их лишений. После первоначального заселения их в специальных интеграционных центрах, передвижных домах, гостиницах и пустых жилых домах, правительство инициировало специальную ипотечную программу для иммигрантов из Эфиопии, направленную на стимулирование их к покупке квартиры и установлению постоянного места жительства в относительно сильных поселениях в центре страны, Даже если некоторые из них оказались в бедных городах, тем не менее, они поселились в городских населенных пунктах.

Удивительно, но обнаружилось, что 12 процентов иммигрантов, прибывших с 2002 по 2006 г.г., первоначально поселились в сельской местности (по данным Центрального статистического бюро за 2009 г.). Некоторые из них, вероятно, приехали из Северной Америки и из-за их сильной религиозной идентификации, решили остановиться в небольших еврейских поселениях на спорных территориях Западного побережья. Несколько отличаются от них - советские иммигранты низкого экономического статуса, которые могли бы найти там дешевое жилье. Тем не менее, три четверти иммигрантов, переселившихся непосредственно в сельскую местность, сначала осели в кибуцах и мошавах (кооперативные поселения) в пределах признанных границ страны. Большинство из них были молодыми, двадцати- и тридцатилетними. Опрос крупной организации, ответственной за поглощение иммигрантов, ясно дал понять, что большинство из этих людей провели всего пять месяцев в кибуцах, в течение которых они приняли участие в "Ульпан" (программа на иврите), а это означает, что они останавливались там только временно.

Учитывая, что большинство иммигрантов прибыли из городов и городских районов, они предпочитают подобные типы населенных пунктов в Израиле. Если они обосновались в местах, населенных коренными жителями, говорящих на новом языке (иврите), их социальная и культурная адаптация была бы довольно трудной. Кроме того, постоянное членство в сельской местности включает процесс приема, который может быть скользким и сложным для иммигрантов. Таким образом, выходцы из других стран менее склонны переезжать из городов в сельскую местность. Хотя сила этой зависимости в Израиле со временем ослабевает, она по-прежнему остается отрицательной.

Так как обзор литературы показывает, что внутренняя миграция может быть продиктована разнообразием как экономических и неэкономических факторов, в этом разделе авторы рассматривают социальные и экономические характеристики мигрантов, движущихся в различных направлениях. Здесь авторы проводят многомерный анализ для изучения влияния социально-экономических факторов.

В исследовании используется полиномиальная логистическая регрессия для сравнения относительного влияния различных демографических и социально-экономических характеристик на вероятность взаимосвязи миграционных потоков по отношению друг к другу. Авторы используют миграционный поток из сельских районов в города в каче-

стве эталона из-за его центральной роли в урбанизации, и сравнивают его с миграцией из городов в сельскую местность, основным демографическим определителем контр урбанизации, а также с миграцией между местами подобных типов, которая оказывает незначительное влияние (либо не оказывает никакого влияния вообще) на распределение населения или состав городского или сельского сектора.

Спецификация модели

Для оценки надежности указанных выше "догадок", авторы применили мультиномиальную логистическую регрессию. Они провели анализ на основе двух моделей, каждая из которых анализирует факторы, связанные с пребыванием в определенном миграционном потоке: из городов в сельскую местность или среди аналогичных типов местности, в сравнении с мигрантами из сельской местности в города.

Первая модель включает в себя все демографическое, жизненный путь, и другие предикторы, кроме дохода. Она также включает в себя измерение расстояния миграции. Вторая модель включает в себя все эти переменные плюс доход.

Результаты анализа

Первый анализ показывает, что по сравнению с сельско-городскими мигрантами, израильтяне, которые перемещаются из городов в сельские районы, более вероятно, будут в браке (по сравнению с холостыми или разведенными) и с большей вероятностью будут рождены в Израиле (особенно по сравнению с рожденными за рубежом, и проживающими недолго в новой стране). Кроме того, мигранты из городов в сельскую местность, более вероятно, будут американо-европейского или афро-азиатского происхождения (первое или второе поколение в стране).

Когда добавляется доход (модель 2), коэффициенты взаимосвязи предполагают, что мигранты из городов в сельскую местность имеют несколько более высокие доходы, чем лица, которые перемещаются в обратном направлении. Ассоциации семейного положения, национальной и этнической принадлежности остаются неизменными. В противоположность этому, возраст, уровень образования, расстояние миграции и статус трудоустройства не связаны с направлением миграции (будь то мигранты из городов в села и наоборот).

Далее авторы рассматривают факторы, связанные с миграцией среди аналогичных категорий проживания (из городов в города и из сел в села) в противопоставлении с перемещениями из сельской местности

в города. По сравнению с лицами сельского происхождения, прибывшими в города, мигранты внутри категорий проживания имеют меньше шансов быть моложе 65 лет, а также с меньшей вероятностью будут разведены, чем будут в браке. Мигранты внутри категорий проживания имеют больше шансов быть иностранного происхождения, прибыв недавно (в пределах десяти лет), и израильской этнической принадлежности. Кроме того, такие мигранты являются менее образованными.

Когда в модель 2 добавляется доход, можно заметить, что мигранты внутри категорий проживания имеют заметно более высокие доходы, чем лица, которые перемещаются из сельских районов в города. Влияние возраста, семейного положения, национальности, этнической принадлежности, уровня образования и статуса трудоустройства остаются неизменными, когда учитывается доход. Аналогичным образом, гендерные аспекты и расстояние миграции остаются несвязанными с вероятностью перемещения в пределах одних и тех же жилых категорий по сравнению с перемещением из сельских районов в городские.

Обсуждение и выводы

В данном исследовании были рассмотрены уровни, направления и детерминанты городской миграции сельского населения в Израиле в период 2003-2008 гг.. В статье впервые рассмотрена распространенность моделей городских и сельских районов миграции между евреями и неевреями, показывается, что евреи были гораздо более географически мобильны в период 2003-2008 гг. После этого, из-за небольшого числа нееврейских мигрантов, авторы сосредоточились исключительно на евреях, сравнивая демографические и социально-экономические характеристики внутренних мигрантов против немигрантов, а среди последних в соответствии с различными миграционными потоками. В заключительной части анализа используется многомерный анализ, чтобы определить, являются ли композиционные различия, показанные в сравнительном профиле различных миграционных потоков связанными с вероятностью перемещения между и среди различных категорий проживания. Лица, которые переезжают в менее урбанизированные места, как правило, в браке и имеют несколько более высокий доход по сравнению с теми, кто движутся в противоположном направлении. Следовательно, перемещение в сельскую местность в Израиле, кажется, согласуется с процессом миграции удобства и стиля жизни, который встречается в других в постиндустриальных обществах. Как мы указывали ранее в

работе, этому способствуют относительно короткие расстояния между сельскими домами и городскими рабочими местами в Израиле.

Само собой разумеется, что некоторые израильтяне, которые уже достигли высокого социально-экономического статуса могут перемещаться из городских в сельские местности, чтобы спокойно жить в частных домах и непринужденной обстановке. Это особенно верно, учитывая короткие расстояния между сельской местностью Израиля и городскими рабочими центрами. В противоположность этому, мигранты в противоположном (из сельских районов в городские) направлении, как ожидается, будут менее обеспечены, чем лица, перемещающиеся в сельских сообществах.

Есть и другие стимулы для переезда в сельскую местность (или между сельскими местностями) в Израиле. В дополнение к значительно более низким средним ценам жилого помещения в сельской местности, израильское правительство предлагает значительные экономические стимулы, включая удобные жилищные кредиты, скидки на землю для постройки домов и более низкие налоги, чтобы поощрять людей селиться в периферийных районах. Тем не менее, сельским районам в Израиле не хватает развитых экономических предприятий и, соответственно, рабочих мест. Действительно, большинство сельских работников добираются до городских рабочих мест. Занятость населения в сельском хозяйстве также уменьшается с течением времени. Соответственно, сельские места менее привлекательны для молодых, не состоящих в браке, лиц, которые находятся в трудоспособном возрасте.

В отличие от мигрантов из городов в села, лица, переселившиеся из сельских районов в городские, как правило, имеют несколько более низкие доходы и по всей видимости, перемещаются в города в поисках улучшения экономических возможностей. Сельские пункты назначения также являются привлекательными для мигрантов неизраильского происхождения. Внутренние миграционные процессы, показанные в этом исследовании, пока не вносят значительного вклада в перераспределение населения, а лишь влияют на относительный социодемографический состав сельского и городского Израиля.

Мигранты внутренней категории, например, лица, которые перемещаются из одного городского места в другое или из одной сельской местности в другую, также несколько отличаются от сельско-городских мигрантов своим составом. Подобно лицам, мигрирующим из городов в сельскую местность, у категории внутренних мигрантов несколько вы-

ше социально-экономический статус по сравнению с мигрантами, покидающими города. Кроме того, наиболее вероятно, что они будут в возрасте до 65 лет, так как большинство жилья для пожилых в Израиле сосредоточено в городах. Внутригородские и внутрирегиональные сельские мигранты также отличаются по рождаемости и этнической принадлежности по сравнению с покидающими город мигрантами.

Несмотря на весьма урбанизированное общество, израильтяне демонстрируют относительно сильную тенденцию к изменению их типа проживания от городского к сельскому, а также в обратном направлении. На самом деле, почти каждый пятый израильский еврей изменил место жительства в период 2003-2008 гг. Это довольно высокий показатель по сравнению с другими развитыми странами. Многие из этих движений происходят на относительно короткие расстояния, но значительное число составляют перемещения на большие расстояния, включающие изменение района проживания. Эти образцы городской / сельской миграции распределены неравномерно среди населения.

В статье освещены основные аспекты демографической взаимосвязи между городскими и сельскими районами в Израиле. Авторы изображают благоприятный социо-демографический профиль лиц, которые покидают город в пользу сельской местности, а также несколько менее благоприятный профиль людей, которые, вероятно, будут двигаться в противоположном направлении. Кроме того, в дополнение к миграции между городскими и сельскими районами, данные авторов показывают, что мигранты, которые перемещаются в пределах типов поселений, например, из одних городов в другие или из одной сельской местности в другую, также несколько более высоко отобраны, чем люди, движущихся в сторону города. Соответственно, в то время как внутренняя миграция больше не вносит большой вклад перераспределение населения в Израиле из-за его уже высокого уровня урбанизации, она имеет возможность изменять составы групп населения, проживающих в различных типах мест.

Исследования в области городской миграции сельского населения за пределами Израиля часто показывает хорошо установленную селективность с миграцией в городские районы которые состоят из более молодых, более образованных людей, которые либо одно- или молодожены. Лица, которые перемещаются из городских в сельские также положительно выбраны с точки зрения социально-экономических факторов, таких как доход и образование, но они также имеют тенденцию быть

старше, чем лица, которые переезжают в сельские поселения пенсионного назначения. Обмены населения из городов в села среди евреев в Израиле, которые, как правило, в соответствии с предыдущими исследованиями явлений в других странах, особенно в отношении селективности дохода, как правило, менее определены по отношению к уровню образования и возрасту. Возможно, это происходит потому, что многие движения из сельских в городские поселения в Израиле имеют относительно короткие расстояния и либо берут начало или конец в более низкой плотности, периферии, например, сельские районы крупных городских агломераций. Независимо от этих различий, ясно, что обмены еврейского населения из сельской местности в города в Израиле не является случайным процессом. Лица, которые перемещаются внутри и между сельскими и городскими категориями поселений в социально-экономическом отношении отличаются друг от друга, так и среди более мигрантов на более длинные расстояния, экономические возможности также влияют на миграционные вероятности. Соответственно, в то время как исследования по сельско-городской миграции в других местах является ориентиром для таких исследований в Израиле, израильская ситуация рассказывает свою собственную историю, которая помогает выяснить разнообразие внутренних миграционных процессов, с которыми сталкиваются более развитые страны.

Будущие исследования должны повторно проанализировать эти модели для нееврейского населения. Как было указано выше, это было невозможно с данными переписи из-за небольшого числа нееврейских мигрантов. Такое исследование позволит оценить эффект большинства населения (евреев) против меньшинства (неевреи) при прочих равных условиях. Это может пролить свет на процессы интеграции против разделения, расширяя тем самым вклад данного исследования в географо-демографической области, чтобы лучше понять пространственное измерение групповой принадлежности в современном Израиле.

Хачкинаев А.А

ГРАДО-СЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВОМ ВЕКЕ: ОБОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛОГИКИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ

Э. КОПАС

Andrew Copus

Urban-rural relationships in the new century: clarifying and updating the intervention logic. 2012 - Mode of access:

<http://www.esponontheroad.eu/library/copus-urban-rural-relationships-in-the-new-century-clarifying-and-updating-the-intervention-logic>

Работа Э. Копаса содержит теоретическое обоснование и изучение аспектов внутренней политики, направленной на развитие отношений «город – село». В рамках данной политики городам отдается роль «двигателей экономического роста», а сельским областям роль «источника ресурсов» для данного роста. Следует отметить, что такое ролевое распределение в плане установления деловых отношений не так сильно выражено в нынешнее время. Поэтому сейчас существует целый кластер межлокационных партнеров, которые позволяют сгладить ролевую разбивку и направления установления возможных деловых связей. Все это находит отражение в материале данного исследования, которое в целом направлено на рассмотрение возможных путей урегулирования данных связей между представителями сельского и городского бизнеса.

Говоря о причинах необходимости улучшения данных отношений, следует сказать о недостаточной интегрированности многофункциональных сельских районов в региональные и национальные программы развития. Сельские районы, как и во всех странах, менее привлекательны с точки зрения доходности для их жителей, которые, в свою очередь, стремятся в городские центры, где располагаются более выгодные возможности дохода. Данная проблематика долгое время была усилена тем фактом, что отсутствовала соответствующая государственная политика, которая должна была быть направлена на снижения существующего социально-экономического диспаритета.

Основная политика установления тесных и долгосрочных отношений между городами и сельскими поселениями направлена на использование сильных качеств каждой из сторон. Сельские районы способны обеспечивать городские поселения своими природными ресурсами, дешёвой рабочей силой и привлекательными рекреационными ресурсами.

По замыслу данной политики они должны находиться в более тесной взаимосвязи с городскими районами, развиваясь, исходя из общих транслокальных потребностей.

Исходя из этого можно сделать вывод, что характер данных сельско-городских отношений весьма комплексный и сложен по своей природе, так как отношения между субъектами данных отношений складываются сугубо индивидуальные и не могут быть в полной мере урегулированы без притеснения какой-либо из сторон. Авторами предпринимается попытка найти стратегические направления для установления взаимовыгодных долгосрочных отношений между городами и сельскими поселениями.

В статье отмечается тесная экономическая и политическая взаимосвязь между городскими и сельскими районами, выраженная в социальном и других отношениях (через проблемы занятости населения, поиска жилья, образовательных, транспортных и туристических услугах).

Исходя из этого были выделены 5 основных видов сельско-городского взаимодействия:

- передвижение людских ресурсов;
- передвижение товаров;
- передвижение капитала;
- социальные транзакции;
- услуги общего пользования.

Данные категории предопределили основные типы обмена ресурсами между городскими и сельскими поселениями. Чаще всего происходит товарно-денежный обмен, обмен знаниями и инновационными решениями среди городских и связанных с ними сельскими (пригородными) компаниями. В последнее время среди малых и средних сельских предприятий стали появляться транслокальные бизнес-сети (Hedberg и Carro и тд.), которые соединяют между собой поставщиков и клиентов, неважно в какой местности они находятся - в сельской или городской.

В свою очередь городские жители в рамках концепции укрепления сельско-городских отношений, могут использовать сельские местности для повышения привлекательности территории с туристической и рекреационной точек зрения. Данные местности могут быть использованы с целью получения возобновляемой экологически чистой энергии. Все это может привести к долгосрочному планированию развития данных сельских местностей, так как для реализации таких проектов будет необходимо привлечение инвестиций, создание новых рабочих мест,

транслокальная, а также международная кооперация в сфере реализации инновационных экологических проектов. Также менее благоприятные для туризма сельские районы могут быть использованы для вывоза отходов из городских поселений, тем самым освобождая их от необходимости решать вопросы, связанные с экологической переработкой и утилизацией результатов как человеческой жизнедеятельности, так и производственных отходов.

Все это приводит к тому, что происходит качественный скачок в отношениях, возникающих в системе «город-деревня», каждая из сторон нивелирует слабые качества другой стороны и предоставляет ей те ресурсы и возможности, в которых возникает не только взаимозависимость, но и взаимная выгода.

Но, несмотря на наличие возможных путей налаживания сельско-городских отношений, следует выделить тот факт, что характер данных отношений очень гибкий, поэтому существует необходимость создания устойчивой системы сбора и обработки фактической информации о деловой активности между городом и селом.

Таким образом, основные положения автора сводятся к тому, что политика, направленная на укрепление тесных связей между городом и сельскими поселениями, имеет под собой реальные экономические и социо-культурные основания. Во-первых, следует выделить высокий потенциал сельских поселений в качестве фактора устойчивого развития городских поселений (в связи с наличием хорошей ресурсной и рекреационной базы). Во-вторых, существует естественная потребность в совместной кооперации между представителями городского и сельского бизнеса (взаимовыгодный обмен ресурсами и технологиями). В-третьих, представленные в данной статье категории сельско-городского взаимодействия вполне отвечают принципу взаимовыгодного сотрудничества между сельскими и городскими поселениями.

Однако следует сказать, что представленная в данной статье стратегия развития сельских территорий не предоставляет очевидных ниш для законодательного вмешательства, оставляя за собой стратегический пробел в урегулировании данного вопроса. Всё это говорит о недостаточной проработанности практических аспектов проблемы и реальной необходимости ее дальнейшего изучения.

И.О. Литовченко

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННЫХ
НЕГОРОДСКИХ МОДЕЛЕЙ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА:
ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ**

**ИССЛЕДОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕНАПРАВЛЕНИЯ
МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В СЕЛЬСКУЮ МЕСТНОСТЬ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ ВАЖНОСТЬ.
ИНТЕРВЬЮ С БАРСУКОВОЙ С.Ю.**

Светлана Юрьевна Барсукова, профессор Высшей школы экономики, доктор социологических наук, главный редактор журнала «Мир России: Социология, этнология», руководитель проектов «Роль местного самоуправления в новом освоении и устойчивом развитии сельских территорий как условия сбережения населения» (грант Президента РФ, Некоммерческий фонд - Институт социально-экономических и политических исследований, 2014-2015), «Исследование условий, обеспечивающих трудовую миграцию на сельские территории» (грант Президента РФ, АНО «Институт общественного проектирования» (ИНОП), 2013), «Исследование проблем и механизмов организации трудовой миграции на сельские территории» (грант Президента РФ, АНО «Институт общественного проектирования» (ИНОП), 2012), далее – Респондент (Р.)

Анна Вениаминовна Ермишина, член научного коллектива проекта «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ», выполненного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, № 15-02-00444/15), далее - Интервьюер (И.)

И.: В процессе реализации нашего проекта мы анализируем жизненные стратегии наших респондентов, которые ушли из города и живут где-то за городом или иногда они живут в городе. Но их ключевое отличие – это то, что они не работают формально, они получают доходы каким-то иным образом, способом. Насколько перспективны исследования «усталости» горожан от городов, их поиска новых постурбанистических способов жизнеустройства, тенденции отъезда из городов цивилизованных, высокообразованных людей, предпочитающих жизнедеятельность в некотором отдалении и относительной изоляции?

Р.: Исследования процессов, противоположных урбанизации на Западе это началось раньше, чем в России, были попытки обозначить эти процессы терминологически: «обратная миграция», «контрурбанизация» и так далее. Термин «обратная миграция» в американской литературе обозначает потоки именно тех людей, которые сознательно из города

уезжают в сельскую местность. В России также пытаются отследить, насколько эти настроения в городах живы потому, что через реализацию этой идеологии можно заселять бескрайние российские просторы в ситуации, когда города перенаселены, а вокруг городов - пустое пространство. Одна из больших работ – статья Звягинцева В.И. и Неуважаевой М.А.²⁶³ о переселенцах из города в сельскую местность. Исследование проводилось на общероссийской репрезентативной выборке с формулировкой основного вопроса: «Задумывались ли вы о возможности переезда из города?». В результате оказалось, что каждый четвертый россиянин-горожанин заявляет: «Да, я задумывался». Однако это не значит, что 25% горожан в России в ближайшем будущем реализуют эти заявления.

И.: Результаты исследования Циркона²⁶⁴ показывают, 1,9% опрошенных не просто задумывались, а намерены реализовать намерение уехать из города.

Р.: Да, таким образом, с одной стороны имеет место личная инициатива горожан по отъезду из больших городов, а с другой стороны, эта инициатива соответствует российской государственной политике территориальной организации страны. В частности, комплекс вопросов о благоустройстве сельской территории ставится под сомнение при тенденции отсутствия роста сельского населения.

Для принятия государственных решений в территориальной политике важно понимание перспектив, возможностей, которые нужно исследовать.

Исследование возможности перенаправления миграционных потоков в сельскую местность представляет общественно-политическую важность. Требуется понимание того, насколько россияне устали от жизни в крупных городах. Если есть потоки переселенцев из города, то важно понимание того, кто составляет эти потоки по уровню образования, мотивации и другим характеристикам. Ответы на эти вопросы помогут понять, будут ли развиваться малые формы сельское хозяйство (фермерство) с помощью этих потоков, либо необходимы развивать крупные агрохолдинги и обеспечивать в сельской местности не-сельскохозяйственную занятость. Возникают совершенно разные сценарии развития сельской местности в зависимости от того, приедут туда

²⁶³ Звягинцев В.И. и Неуважаева М.А. (2015) Переселенцы из города в сельскую местность: феномен обратной миграции в современной России // Мир России, № 1

²⁶⁴ Войнилов Ю., Мальцева Д. (2016) Потенциал переселения из города в село // Служба занятости. №7

пенсионеры в числе 1,9 процента выразивших готовность, которые будут вести свое микрохозяйство и внуков на лето ждать, или тридцатилетние трудоспособные мужчины в репродуктивном возрасте, склонные к увеличению семьи и формирующие потребность в услугах детских садов, школ, больниц. В зависимости от сценария развития сельских территорий необходимы и разные ресурсы, которые государство должно вложить в эти территории. При этом вопрос о том, кто поедет, важнее, чем вопрос сколько. Молодые семьи поедут, либо пенсионеры туда уедут.

Суть поступков уезжающих из города определена желанием сменить образ жизни, но эта группа неоднородна. Социология фактически редуцируется к одному слову: типология, то есть, по большому счету, все социологические исследования - о том, что люди разные. Вопрос в том, по какому критерию эту разность выявить и на сколько групп в результате разделить совокупность: на разности мужчин и женщин стоит гендерная социология, социология молодежи - о том, что у молодежи другое целеполагание, ценности, чем у пожилых, и так далее.

Если взять группу людей, сознательно уезжающих из города в сельскую местность, то внутри этой группы можно найти массу принципиально разных мотивационных установок, и через эти разные установки реализуются разные стратегии: экопоселения - это идеология вокруг экологического, другие - люди, которые изгоняемы из города как раз тем, что их заработная плата не покрывает услуги ЖКХ и другие необходимые расходы.

Смысл разных интервью с уехавшими из города не в том, чтобы нащупать что-то общее и считать свою задачу решенной, наоборот, выявление только общего свидетельствует о плохой работе. Нужно находить именно разные мотивы исхода из города и соответствующие им стратегии. Одни хотят, например, подальше от города уехать, жить среди себе подобных, создать вот это комьюнити, вот эту ценностную родственность вокруг себя. Кто-то хочет, наоборот, поближе к городу, потому что он не создает новую жизнь, он по-прежнему ездит в город по любому поводу, просто жить за городом - дешевле. Существует множество разных очень стратегий, и в эта мозаика интересна.

И.: Наши респонденты в экопоселениях - это относительно молодые люди, они говорят, что в экопоселении в основном живут люди от тридцати до сорока...

Р.: Вы взяли сейчас нишу одну, вот эти вот идейные, это «беглецы из города», у Звягинцева эта группа названа «сознательные беглецы из города». У них своя идеология фактически есть, свой взгляд на мир, они это осознанно сделали. Но еще наряду с ними туда идет массовый дрейф пенсионеров, особенно молодых пенсионеров, тех, кто из силовых структур уходит на пенсию, они же уходят еще очень в хорошем возрасте.

И.: Сорок пять.

Р.: И многие уезжают туда, чтобы там тоже что-то может быть создать, какой-то бизнес, им понятней, как это все идет. Безработные, опять же, это тоже вопрос. Туда едут не востребовавшие городом? Либо уже все получившие от города? Может быть сделавшие накопления? Они уезжают с этими деньгами в сельскую местность и вкладывают эти деньги туда. Это тоже очень немаловажно. То есть, за счет чего будем развивать эти экопоселения? За счет собственных инвестиций этих людей, либо мы воспользуемся только их готовностью ехать, но государство должно профинансировать фактически эту идею? Вот в чем вопрос, мне кажется.

И.: Насколько перспективно это направление в России с точки зрения политики и значит с точки зрения исследований?

Р.: Все-таки, я считаю, что это, безусловно, маргиналы. Маргиналы в том, что количественно их мало и в том, что они не принадлежат мейнстриму по образу жизни, по ценностям. Маргинал в социологии – это слово не бранное, это то, что стоит на обочине мейнстримов каких-нибудь, культурных, ценностных и так далее. Может быть, эти люди – предвестники будущего, но пока, в настоящий момент, они все-таки маргиналы. Маргиналы выполняют часто очень важную социальную роль. Я не думаю, что последователи у них будут многомиллионные... Это зависит от многих факторов, и от того, как будет изменяться уровень жизни в России, куда покачнется.

Вот экономика в отличие от социологии заточена на прогноз. Что бы вы как экономист не говорили, ценность всего вами сказанного определяется только одним, вы, из этого исходя, можете сделать прогноз? Если не можете, то нам вообще не интересно все, что вы сейчас сказали. В принципе прогнозирование – это функция экономической науки. И поэтому журналы экономистов называются «Проблемы прогнозирования», например, в ЦЭМИ, издаётся. А у социологии нет такой целевой функции. Её функция - описывать и объяснять. Когда Вебер писал про протестантов в Европе, он ведь не прогнозировал, что дальше будет, дехристиани-

зация или другое.... Он говорил, что это так. Вот эти люди, отказавшиеся от обрядности и так далее, своей религиозностью сдвинули вообще ход истории в Западной Европе. Но с прогнозами в социологии мало что связано, главное - это объяснить.

И.: То есть то, что сейчас происходит?

Р.: Но еще раз говорю, обратная миграция - это не чисто российское явление. На Западе это началось раньше нас.

И.: Но и оно не приобрело какие-то большие масштабы... Есть исследования (Хамильтона, например), опросы также показывают, что 25% согласились на понижение своего дохода.

Р.: У Звягинцева тоже получилось 25%, но, когда задавался вопрос при каких условиях (были отдельные вопросы о том, насколько вам важна канализация, водоснабжение и так далее всё-все-всё, причем не только бытовые условия. Есть же еще социальные: дома культуры и так далее. Но есть еще и рабочие условия, то есть вы, соглашаясь на переезд в село, вы понимаете, что по нашей статистике житель села получает в два раза меньше жителя города? То есть, с учетом этого переезжаете?), многие выбрали, что только если паритет заработных плат установится... То есть, фактически, в пересказе на простой бытовой язык, означало так: если вы сделаете жизнь в деревне не хуже, чем в городе, тогда я поеду.

И.: А как вы думаете, какова роль новых технологий, может еще что-то придумают такое, что может помочь этим людям зарабатывать вне города?

Р.: Конечно, кстати, для этого необязательно уезжать даже из города, многие фрилансер с помощью новых технологи, сидят у себя дома, как в блиндаже, и зарабатывают. Сейчас стало очень модно изучать этих фрилансеров. Я мельком читала эти исследования, и я поняла, что там все очень непросто. Они часто вызывают раздражение со стороны друзей и близких. Им непонятно, почему здоровый мужик утром не встает и не идет на работу, а спит до обеда, потом варит кофе, потом до полуночи сидит за компом. Я все равно думаю, что ближайшие годы, конечно, они не переломят стандартный образ жизни, общепринятые способы хозяйствования и поведения. Но эти люди есть.

Этот массив крайне неоднороден по своим мотивам и целям отъезда из города. Если вы берете экопоселение, это - одна из историй. Она довольно гомогенна, потому, что можно искать разные экопоселения, сравнивать. Но, по большому счету, вы будете видеть общую подложку и

маленькие различия наверху. По большому счету, это все равно экопоселение. Но эти экопоселения составляют все-таки не 100% от миграций из города в деревню. Потом, там же есть совсем одиозные случаи, у них там не гуру чуть ли свои какие-то...

И.: Да, но мы эти изолированные поселения не рассматриваем, понятно, что ими движут идеи какие-то, и самоорганизуют их на эту деятельность. Мне особо интересны вопросы еще и самоорганизации среди уехавших из города. Я также занимаюсь исследованиями жилищной самоорганизации в городе, деятельности товариществ собственников жилья и все прочее. Результаты исследований показывают низкий уровень социального капитала, люди не могут договориться в своем многоквартирном доме, что им делать, кого выбирать управлять многоквартирным домом - ТСЖ или управляющую компанию, и.т.д.²⁶⁵. Часто люди, уезжающие из многоквартирных домов, в интервью говорят: «Мне надоел этот бардак, эти собрания, на которых мы ругаемся, и при этом полный бардак. Я хочу, лучше, я буду жить один, ни с кем не вступать вот в эти конфликты. Не нужно ни коллективных действий, ни принятия коллективных решений». Это стремления освободиться от общей собственности в многоквартирном доме и связанными с ней проблемами тоже может быть мотивом переезда из города...

Р.: Да, но в городе жители МКД не могут поменять только лампочки в подъезде, а дороги, инфраструктура и прочие общие блага - горожанам по этому поводу не нужно договариваться, это делают городские власти. А вот в любой деревне как раз надо договариваться по поводу очень многих вещей, иначе за порогом вашего частного дома начнется полная разруха. И вот там договариваться приходится, и это тоже вызывает и конфликты, и распри, и, кстати, примеры экопоселений, наверняка, можно найти как удачные, так и неудачные, которые распускались, сворачивали свою деятельность, разъезжались. Имели место такие конфликты, чуть ли не с топорами друг на друга, бывшие интеллигентные люди. Просто от безделья, от замкнутости этого пространства. И они распускались, разъезжались восвояси. Такое тоже бывало. То есть, не надо романтизировать и идеализировать этот образ.

²⁶⁵ Ермишина А.В., Клименко Л.В. В поисках эффективных собственников в многоквартирном доме // Экономическая социология. 2010. Т.11. №4. С. 105–136. http://ecsoc.hse.ru/issues/2010-11-4/annot.html#doc_23041 (1,8/1,0 п.л.)

И.: Наши респонденты говорили, что, наоборот, у них в целом все хорошо, бывают какие-то мелкие споры, но, наоборот, большая часть жителей поселения живут дружно. Один из факторов - у них запрещен алкоголь полностью, это принцип. И, вообще, люди собирались туда на основе признания правил совместного общежития, без религиозной направленности, без какой-то идеологии.

Р.: *Да, как коммуны советские, они тоже были без религиозной идеологии...*

И.: Среди наших респондентов есть такие, которые пытались сначала уехать в сельскую местность, в деревню, покупали там дом, или отстраивали дом. Но потом респондент говорит: «Ребенок растет же в среде, в деревне. Тут кругом пьют, ругаются, режут свиней, которые кричат. Я не хочу, чтоб дети это видели. Поэтому мы продали все в деревне и уехали именно в такое поселение, где живут приличные люди с такими же ценностями как у нас».

Р.: *Это да, но надо смотреть историю такую биографическую, что б исследование делать: кто эти люди, как они видят будущее своих детей, понимаете? Город ведь тешит всех иллюзией того, что даже если вы неудачливы, лузер в этой городской жизни, то все-таки город – это площадка неких возможностей, которые хотя бы у детей будут...*

Здесь вырисовываются две тактики исследований переселенцев из города. Либо вы исследуете исход из города и разбираетесь с этими исходниками, выделяя отходников, экопоселенцев, фанатов и т.д. Вы рисуете карту, что они очень разные эти группы, у них у всех разные мотивы и разные стратегии. Одни - ближе к городу прижимаются, другие уходят подальше, и.т.д.. Либо вы наоборот говорите: «Я всех остальных в упор не вижу, я занимаюсь только экопоселениями». Тогда это не просто контурбанизация, это именно экопоселение, как одна из возможных форм, только одна из форм. Тогда надо брать разные экопоселения как разные кейсы, смотреть общее, различное, историю их возникновения, как кейсы вот такие.

И.: А можно заниматься изучением жизнеустройства только тех людей, которые уехали из города, у которых хорошее образование, нет особых религиозных убеждений при этом не разделяя, живут они в экопоселении или в обычном сельском поселении, деревне?

Р.: *Это такие социально активные, с хорошим человеческим капиталом, способные люди. Тогда вы очерчиваете группу респондентов и исследуете их особенности. Они тоже будут разные, я думаю, по мотивам.*

И.: И потом искать, насколько их будет вообще много. Искать, непонятно, как искать.

Р.: *Ну, много или мало, нет, вы не найдете. Это строго качественное исследование будет. Вы найдете разные модели поведения. О степени их распространённости вы говорить не сможете. В пределах области, может быть, как-то и можно, а для России - нет...*

И.: Хорошо, спасибо!

НЕОБХОДИМОСТЬ УДЕРЖАНИЕ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ СОЗДАЕТ ЗАПРОС НА ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЫХ НЕГОРОДСКИХ ФОРМ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА

ИНТЕРВЬЮ И.В. ЗАДОРИНЫМ

Игорь Вениаминович Задорин, руководитель Исследовательской группы ЦИРКОН, руководитель проектов «Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения» (2012)²⁶⁶, «Потенциал переселения из города в село: стимулы и барьеры на пути внутренней миграции» (2014)²⁶⁷, далее – Респондент (Р.)

Анна Вениаминовна Ермишина, член научного коллектива проекта «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ», выполненного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, № 15-02-00444/15), далее - Интервьюер (И.)

И.: Насколько Вам кажется перспективной с точки зрения теории гипотеза о том, что урбанизация рано или поздно сменится противоположной тенденцией, и люди будут уезжать из городов?

Р.: *Здесь есть два тренда, которые, как мне кажется, должны позволить оценить эти перспективы как действительно реальные. Тренд первый - появились новые технологии жизнеобеспечения, которых раньше не было, и которые сделали возможным то, что можно было бы назвать индивидуальным жильем, но с должным качеством, должными свойствами этого самого жилья. Усиление городов и концентрация населения в этих городах-мегаполисах были связаны именно с более высоким качеством жилья, ну и соответственно условий работы, то есть условий реализации личности, которые таким образом сконцентрировали поток из сел в города в свое время. Но, по крайней мере, вот этот первый фактор - качество жилья, сейчас технологии позволяют обеспечивать качество жилья и вне города. Это не означает, что этого фактора будет достаточно для того, чтобы повернуть поток обратно из города в*

²⁶⁶ Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения. Итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования. – Циркон, 2012.

²⁶⁷ Войнилов Ю., Мальцева Д. Потенциал переселения из города в село // Служба занятости. 2016. №7

село, но, по крайней мере, этот тренд, в некотором смысле, может способствовать. Появилось много проектов таких небольших поселений, которые фактически представляют из себя гибридное поселение, в том смысле, что оно вроде бы в сельской местности, но реально, - это совершенно городское качество жилья по характеристикам, эти проекты довольно активно сейчас продвигаются. Это раз.

Вторая тенденция – это уже внешняя. В известной степени в России есть серьезная потребность поворота вот этого потока из города. В свое время, когда я для себя и в рамках некоторых выступлений пытался найти самые главные три цели развития России на ближайшее время или три самых главных вызова, проблемы, у меня сформулировался такой вызов как «удержание территории». То есть, по большому счету, для России сейчас это самое важное, на протяжении последних лет это самое важное. В этом тезисе, в удержании территории, сконцентрировано все: и безопасность, и удержание ресурсов, которыми Россия богата, и т.д. По большому счету вся госполитика последних лет, в известной степени, ориентирована на то, что удержание территории – это самый главный приоритет. Это удержание территории невозможно, если, фактически по границам мы выдерживаем, но реально внутри этой границы территорию обезлюдиваем, опустыниваем, теряем фактически. Если там никто не живет, то, во-первых, она становится необоснованно занимаемой. И второе, она теряет человеческую заинтересованность, то есть заинтересованность человека, живущего на этой земле. Поэтому, по большому счету, государство, как мне кажется, должно было бы озаботиться тем, чтобы повернуть этот самый демографический поток из крупных городов в малые и села именно для того, чтобы сделать расселение в стране более равномерным. У нас одна из самых главных проблем - это категорическая недонаселенность очень многих районов.

И вот если мы свяжем эти два фактора - государственный запрос, государственную стратегическую цель, удержание территории и более оптимальное расселение людей, с тем, что теперь появились еще и технологии, которые позволяют жить в селе, и на самом деле совсем необязательно заниматься самообеспечением сельскохозяйственным трудом, а в принципе наоборот, хайтек какой-то развивать и т.д., то мне кажется, что такие перспективы есть, конечно.

Хотя, естественно, многие действия, которые осуществляет государство противоречат этому. Понятно, что у нас есть борьба такая. Я в свое время столкнулся с одним из таких лидеров либерального направ-

ления, не буду называть фамилию, он довольно известный человек, эксперт, занимал посты в Правительстве в свое время в девяностых годах, и вот мы с ним столкнулись как-то в, так скажем, предбаннике радиостанции. Перед выступлением пили чай и он говорит: «А я сейчас консультировал одного губернатора области соседней, и я ему сразу сказал, зачем тебе вообще такая территория - развивать и так далее, - ты сконцентрируйся вдоль железной дороги, которая от Москвы идет, плюс-минус 30 километров, все остальное брось, все равно не потянуть». Вот эта позиция – почти людоедская. Почему? Потому что принимаются решения, которые концентрируют население в определенных точках и фактически опустынивают остальную территорию. А что такое решение по Новой Москве? Это ровно то же самое. То есть мы все время говорим о том, что Москва оттягивает человеческие ресурсы со всей страны, и это проблема для страны. Так вместо того, чтобы эту проблему решать, мы увеличиваем мощность этого насоса еще в три раза. Просто будет еще быстрее, еще больше качать. Отвечая на Ваш вопрос, есть ли перспективы у этого тренда - есть основания для того, чтобы какие-то люди поехали, но, конечно, многие действия из тех, которые на уровне государства происходят, не способствуют этому. Поэтому, какова там будет реальная суперпозиция этих разнонаправленных векторов, мне трудно сказать.

И.: Хорошо. Спасибо. То есть, возможен ли новый технологический уклад, если будут технологии не только жилищного жизнеобеспечения, а вообще новые технологии деятельности?

Р.: Безусловно. И социальные технологии, прежде всего. У меня самая первая, можно сказать юношеская работа была в 1989 г., когда только-только в аспирантуру поступил, под названием «Производственно-жилищные комплексы как перспектива». И фактически тезисы заключались в следующем, что в свое время человек жил там же, где и работал, но потом, технологии и технологический уклад развивались так, что у человека развели место жилья и место работы. Он в одном месте с одними людьми жил, а с другими работал. Эти соответствующие фабрики и заводы, они, конечно, были принципиально отделены от того места, где жили работники. В этом смысле вот эти сферы жизни, они были разделены. Но нынешние технологии как раз позволяют опять вернуться к тому первоначальному совсем древнему укладу, когда человек живет там, где работает, и главное с теми же людьми, с кем и работает. То есть, в этом смысле будут создаваться некоторые новые

общности. И в принципе довольно много обсуждается таких полуутопических проектов некоторых новых поселений, альтернативных, где вот эта самая человеческая общность и сотрудничество, совместное проживание там и работа - это и есть самая главная ценность. То есть, по большому счету, если мы возьмем все эти замечательные поселения, которые у нас сейчас существуют, часть родовых поместий и т.д. - они все так и строятся. Они все строятся на том, что «я не просто один поеду, сделав хутор, а я именно в таком коллективе единомышленников». Все поселенцы говорят, что самая главная ценность экопоселения - это не собственно экологические дома, а это социальная среда, то есть среда единомышленников, таких же людей как они, которые думают и те же самые ценности исповедуют. В этом смысле, конечно, новые технологии позволяют это реализовать, тут есть перспектива.

И.: А вот если мы про структуру постурбанистической миграции говорим, про соотношение дауншифтеров, беглецов из города, и апшифтеров. Каковы Ваши экспертные оценки здесь?

Р.: *Пока я думаю, что, конечно, больше бегут, чем уезжают с некоторым позитивным конструктивным проектом. Когда я беседовал со многими экопоселенцами о главном мотиве, они в первую очередь говорят про отрицательные мотивы. «Мы убежали из этого загрязненного пространства, мы убежали из этого замусоренного телевизионным... Мы выкинули все телевизоры. Мы теперь дышим свежим воздухом. Но не потому, что это хорошо. Потому что это лучше чем... Мы из города убежали, потому что там нельзя было дышать. Мы воспитываем детей не в этих коробках железобетонных, а на природе». Но в некотором роде, это не позитивный проект, то есть у очень малого количества людей есть четкий свой образ вот этой новой жизни, какой они хотят. Но совершенно ясно есть, чего они не хотят. И поэтому это, в основном, все-таки убежание. Но некоторые продвигаются дальше, они уже имеют действительно свой собственный проект, который это новое качество жизни как-то воплощает.*

И.: Вот тут, наверное, будет интересно наблюдать эволюцию этих людей – какие они были в момент ухода, а потом они дошли до конструктивизма, или они поняли, что там тоже все плохо...?

Р.: *А вот в том-то и дело. Это очень интересно. Смотрите, если наблюдать, например, за этим Ковчегом, первым экопоселением, там вот уже жизненный цикл прошел довольно далеко, и они уже столкну-*

лись с некоторыми проблемами, потому что, когда они уезжали туда, они уезжали с малыми детьми, которые...

И.: Не принимали никаких решений?

Р.: *Нет, дело не в том, что они сами не принимали решений, а в том, что они их в семье могли полностью социализировать, обучать, обеспечивать медициной. Но вот они выросли, их надо в школу, в какие-то учреждения, нужны соответствующие механизмы: кто-то в секцию хочет ходить, кто-то еще что-то. А это собственное поселение не предоставляет. Потом – дальше, в институт надо поступать, а если еще какие-то интересы... И вот тут они сталкиваются с тем, что не все из их детей ту же самую идеологию, например, исповедуют. Поэтому, конечно, я допускаю вполне, что некоторые такие поселения будут умирать по разным причинам. Носители первоначального импульса - они будут уходить. И, соответственно, дальше потенциал воспроизводства не бог весть какой. Это, кстати, мы не только по экопоселениям видим. Мы это знаем по атомным городам, которые в свое время были построены тоже как такие «центры будущего», фактически. Там интеллектуалы селились, они жили как раз вот в этой совершенно замечательной и комфортной социальной среде, они там работали вместе. Высокоинтеллектуальный труд, реализация – все было. А дети выросли, и у них другие интересы, а территория замкнутая. Все. И там возникает кризис. Кризис воспроизводства идеологии, передачи ценностей и т.д. И здесь тоже с такими альтернативными поселениями такое может быть. Это одна из самых главных проблем. То есть проблема воспроизводства культуры.*

И.: Да, нам одна респондентка рассказывала, что она разошлась с мужем и переехала в экопоселение с детьми. А её старшая дочь, когда достигла пятнадцати лет, уехала к папе.

Р.: *Да, вот и все.*

И.: Говорит: «Скучно».

Р.: *Это одна из главных таких проблем. Но тут ведь какая ситуация, это означает, что они должны сменить свой формат социальный. Пока это социальный формат коммуны. То есть люди, которые связаны какой-то общностью, они закрытые довольно. Не случайно эти родовые поместья многие называют «сектами». Они закрытые в плане принятия в себя новых людей. У них все-таки есть дистанция определенная, они проверяют, берут не каждого. Они должны понять, что если они хотят выживать, они должны становиться более открытыми для новой*

«свежей крови». Пусть даже немножечко отличающейся, может быть даже немножко изменяющей их собственную природу, идеологию и т.д. То есть, приходящий новый человек не должен полностью соответствовать канонам и больше никак, а как раз он должен, может быть, даже наоборот чуть-чуть отличаться, чтобы давать некоторый импульс к развитию и позволять поселениям включать в себя новых людей. Дети уехали, но зато появились другие люди совсем, другие семьи с малыми детьми, которые, может быть, чуть-чуть отличаются, но они дают жизнь всему поселению. Вот такого рода механизмы и такого рода социальные технологии - это конечно очень важная задача, в некотором смысле такой вызов интеллектуальный, то есть создание социальных технологий. Кстати, как раз про это тоже разговор во всех этих исследованиях идет, потому что очень многие поселения фактически рождаются стихийно. Это такой скорее эмоциональный порыв очень многих, но каждый раз это такой уникальный опыт преодоления трудностей и соответственно выживания. А он, к сожалению, не переводится в технологии. В чем перевод технологии? Когда опыт отчуждается от автора, он становится возможным для тиражирования. Вот пока наши альтернативные поселения, они еще не перешли в стадию перевода своего уникального опыта в тиражируемые социальные технологии, когда кто-нибудь из желающих такое сделать, взял бы, условно говоря, книжку, он бы знал, куда пойти, с кем посоветоваться, какие нюансы учитывать, и - вперед к реализации. Вот этого нет, конечно.

И.: Но они уже стараются это делать.

Р.: Уже стараются.

И.: Вот, например, они говорят: «Я знаю, как обустроить дом. Если кто-то хочет, я могу рассказать, сколько денег надо, какие технологии, что первое, что второе».

Р.: Это правда – но по отдельным вещам, я подчеркиваю: дом – да, печки – да, энергетика, все, что угодно. Но я говорю про социальные технологии, то есть технологии общежития. Самоуправление, решение социальных проблем, связанных с воспитанием, со здравоохранением - вот эти вещи пока для всех уникальны. В том-то и дело, что они как раз могут легко рассказать, как дом построить, как огород выращивать, пермакультура, органическое земледелие, они с удовольствием об этом рассказывают. А вот обустроить жизнь социальную – нет. Это еще пока слабо рефлексировано.

И.: Ну они сами нащупывают.

Р.: *Они сами нащупывают, стихийно.*

И.: Да, вот они и приходят к тому, нужны эти жесткие ограничения или не нужны.

Р.: *Наверное, да.*

И.: Позвольте вопрос по методам исследования. Мы используем глубинные интервью и невключенное наблюдение, насколько возможно. Какие методы эффективнее здесь использовать, насколько здесь эти методы исследования работают на Ваш взгляд?

Р.: *Я пришел к выводу, что никакие интервью ничего особенного... Не то, что... Они много дают. Но в данном случае здесь конечно нужен мультиметодический подход, комбинированные методы. Фактически нужны довольно длительные как включенные, так и невключенные сторонние наблюдения. Потом, очень мало, к сожалению, используется - и, в общем, по понятной причине - то, что называется «анализ документов».*

И.: А каких документов?

Р.: *Вот. Потому что документов, вроде бы, нет. Но, на самом деле, это не совсем так, потому что в этих экопоселениях есть то, что называется какие-нибудь протоколы собраний. Если посмотреть протоколы собраний того же самого Ковчега за 15 то лет, то мы снимем очень многое, реальное возникновение проблем, которые обсуждались, как они решались, какие решения принимались и т.д. И это история не пересказанная, а история зафиксированная прямо тогда же. Вот нам этого точно очень не хватило, и, строго говоря, мы поняли это чуть позже, чем проводили исследование. Через год, когда я организовывал экспедицию по старообрядческим общинам (это совсем другое), мы там с самого начала уже планировали, что будем стараться смотреть протоколы собраний общин. Хотя это не сильно получилось, не давали, но, по крайней мере, была попытка обратиться к документам - а сколько членов зарегистрировано реальных. И здесь, конечно, для исследования этих поселений, безусловно, это тоже необходимо. То есть, я бы так сказал, что по большому счету нужна такая триангуляция методическая: интервью, наблюдение и анализ документов максимально.*

И.: А насколько целесообразно беседовать с органами власти, на территории которых эти поселения существуют?

Р.: *Целесообразно. Мы поняли это на тех же самых общинах. Мы приехали изучать общины, и в рамках программы исследований была задача беседовать только с самими членами общины. Но уже с пол-оборота мы поняли, что на самом деле надо беседовать, конечно, и со*

сторонними людьми, то есть с теми, которые не входят в общины, т.к. они дают сторонний взгляд на эту общину. В отдельных случаях они дают очень важные сигналы к пониманию того, как эти общины живут. Поэтому и для изучения экопоселений, и для всех альтернативных поселений, безусловно, любые эксперты, которые могут высказать какую-то точку зрения относительно этого поселения со стороны, не будучи включенными туда, очень ценны. Это может быть власть, какие-то бизнесмены, которые, условно говоря, завозят туда продукты. Это могут быть просто соседние села, в которые они приходят, общаются и т.д. Это обязательно тоже. По методам - это тоже интервью, конечно. В этом смысле не меняется метод, это расширение объекта. Объект исследований, безусловно, должен включать в себя не только поселения, но и контекст.

Еще одно дополнение по сбору данных. Метод - интервью, конечно, ничего не меняется. Я теперь совершенно точно бы взял по возможности интервью и у тех людей, которые являлись в свое время участниками принятия решения об отъезде. То есть родственники, которые остались в городе. Потому что сегодняшний поселенец, как любой иммигрант. Вы возьмите интервью у иммигранта, он скажет, что все хорошо. Потому что даже если плохо, он будет уходить от пережевывания собственной травмы психологической от иммиграции. Он уехал, он, может быть, уже жалеет об этом, но он не может признаться в собственной ошибке, что он уехал. Он будет оттаивать, он будет сам себя убеждать специальным образом, что все сделано правильно, это единственно возможное было и т.д. Но тот человек, который для него является доверительным референтом, он, по крайней мере, знает, как принималось это решение, он может в известной степени и знает про реальность ощущений того человека, который уехал в поселение. Это ценный информант.

И.: И еще, мне кажется, те, кто приехали и уехали оттуда.

Р.: Неудачный опыт тоже важен.

И.: Неудачный опыт. А почему? Поселенцы говорят о таких: «Вот купили, построили и не живут, или не построили». Почему не получилось у людей? Другое дело – их очень сложно найти.

Р.: Если сами поселенцы знают, что человек уехал.

И.: Только да, по контактам, если они доступны. Только так.

Ваше исследование потенциала переселения из городской местности на всероссийской выборке 1600 человек мне кажется, очень важным, необходимо его в динамике проводить, как мониторинг. Может быть, в

какие-то другие всероссийские опросы включать соответствующие вопросы?

Р.: *Согласен с Вами.*

И.: И смотреть, растут эти 3% желающих переехать из города или не растут?

Р.: *Согласен, это было бы, конечно, здорово.*

И.: Хорошо бы было вообще сделать международное исследование, чтобы сравнивать по странам. Не знаете, нет таких опросов?

Р.: *Не знаю. И думаю, что очень трудно будет сопоставить результаты, сделать действительно корректное сопоставление. Потому что понимание переезда из города в село в разных странах очень разное. Вообще сам феномен дачи, например, российский, поэтому для других стран непонятный. Если делать международное сопоставление, нужна общая платформа.*

И.: А вы планируете мониторинг хотя бы?

Р.: *Не планировали. Хотя, сама тема любопытная. И конечно мы думаем, как её продолжить. Но мы в большей степени были ориентированы на исследование отдельных сюжетов.*

И.: Спасибо большое!

ГРАДО-СЕЛЬСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ: ЭСКЕЙП ИЛИ ПОИСК НОВОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

ИНТЕРВЬЮ С Д.В. МАЛЬЦЕВОЙ

Дарья Васильевна Мальцева, социолог Исследовательской группы ЦИРКОН, участник проектов «Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения» (2012)²⁶⁸, «Потенциал переселения из города в село: стимулы и барьеры на пути внутренней миграции» (2014)²⁶⁹, далее – Респондент (Р.)

Анна Вениаминовна Ермишина, член научного коллектива проекта «Постурбанистические формы жизнеустройства в современной России: социоэкономический анализ», выполненного при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, № 15-02-00444/15), далее - Интервьюер (И.)

И.: Спасибо, Дарья Васильевна, что согласились дать нам интервью в связи с нашим проектом по постурбанизации. ЦИРКОН проводил два интересных проекта, связанных с близкой темой, в 2012 г. и в 2014-2015 гг., так? Расскажите нам, пожалуйста, про ваши проекты.

Р.: *Первый проект, с которого я начну, это проект изучения экопоселений. Он у нас проводился в 2012 г.. Это был наш инициативный проект, мы получили президентский грант от РГНФ. И как-то он у нас возник достаточно внезапно, потому что такая тематика новая. Но мы позиционируем себя как компания, которая изучает социальные инновации, в какой-то момент мы увидели, что вот такое движение, оно может быть социальной инновацией тоже.*

И.: То есть, вы были инициаторами этого?

Р.: *Да, мы были инициаторами.*

И.: Это идея была чисто ваша, никакие другие заказчики, никакие коммерческие организации или движения этих экопоселений?

Р.: *У Игоря Вениаминовича Задорина, руководителя Группы ЦИРКОН, была коммуникация с одним из активных «двигателей» этого*

²⁶⁸ Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения. Итоговый комплексный аналитический отчет по результатам исследования. – Циркон, 2012.

²⁶⁹ Войнилов Ю., Мальцева Д. Потенциал переселения из города в село // Служба занятости. 2016. №7

процесса, Александром Николаевичем Метёлкиным. Написали заявку, получили грант, и стали работать над этим проектом. Как вчера Игорь Вениаминович на конференции сказал, изначально мы называли проект изучением внутренней миграции. Мы считали, что движение из городов в сельскую местность - это такой дауншифтинг, причем это такая внутренняя миграция, когда человек бежит из города, когда он не хочет больше продолжать оставаться в городе, он закрывается. Это такой эскейп, эскапизм. Но в процессе того, как мы начали изучать этих людей, начали с ними общаться, мы поняли, что это другое какое-то явление. Даже нам пришлось потом менять название проекта, когда мы его сдавали, мы просто уже называли его «Мотивы переселения», мы отказались от понимания того, что это эскапизм. Проект был очень интересный. Мы начали с того, что пытались вообще просто изучить это явление - что такое экопоселение, какие есть типы экопоселений. Поняли, что есть большое количество. В наше понимание экопоселений стало входить как собственно и экопоселение, то, что на Западе называется экопоселениями, и наше российское явление - это родовые поместья. Плюс еще такие поселения типа социально-инженерных проектов, когда осуществляется не уход на землю и возвращение земли плугом, а как раз применение новых технологий для того, чтоб эффективно существовать, но вне города. Вот такие мы типы видели и попытались составить базу экопоселений. Этим как раз непосредственно я занималась, мы перешерстили очень большое количество источников в интернете - есть такие сайты, где фиксируются экопоселения.

И.: Есть карта даже, по-моему, российская карта экопоселений.

Р.: Мы разные сайты смотрели, из них переносили информацию о том, в каком регионе находится экопоселение, собирали информацию по количеству домов, площади, которую занимает экопоселение, фиксировали, в какой собственности земля, какова форма существования самого поселения (они могут быть разные). Ну и собирали различные контакты представителей этих экопоселений, и потом мы с ними пытались связаться. У нас получилось 62 экопоселения, можно посмотреть, у нас отчет вывешен. Во-первых, мы определили по регионам, где сколько экопоселений. Интересно, что помимо того, что достаточно много поселений оказалось в южных регионах, что ожидаемо, много их оказалось и в Центральном регионе, на Урале, в Сибири.

И.: Наши респонденты в Краснодарском крае говорят: «Да тут же рай на Земле! Столько фруктов, солнца!». Тем более люди с севера, Мур-

манск и Петербург. Естественно места очень им понравились. Они специально сюда из-за климата приехали. Но есть и северные поселения.

Р.: *Есть и северные, да. Но есть и вот эти поселения родовых поместий, это вообще отдельное направление.*

И.: У нас были респонденты из Ростовской области, там родовое поместье «Росток», и вот они тоже много рассказывали про закон, который они продвигают сейчас, чтоб его приняли.

Р.: *Даже уже сейчас на Дальнем Востоке принят закон про гектар.*

И.: Но это про гектар. Это не совсем про родовое поместье. У них же там еще особая форма передачи земли, что только по наследству, её продать нельзя. Вот такие особенности.

Р.: *Да. В общем, эта база у нас выступила основой для формирования дальнейшей выборки качественного исследования. Мы связывались с представителями экопоселений, и потом проводили серию интервью с ними. И одновременно у нас еще была идея провести невключенное наблюдение в экопоселениях. И мы тоже пытались выбрать разные места, чтобы они поселения были разные по типу. Я лично сама ездила в экопоселение «Славное», это Тульская область, жила там сама в доме неделю, помогала убирать сено. В общем, это было на самом деле включенно довольно. Понятно, что все знали, что я исследователь, я брала интервью, проводила стандартные процедуры.*

И.: Недели было достаточно, чтобы погрузиться в жизнь экопоселенца?

Р.: *Мне кажется, что да. Там очень богатые выводы были. Моя коллега ездила в другое экопоселение – Милёнки в Калужской области, - и с другого ракурса посмотрела на это. Потом еще моя подруга там оказалась. Поскольку мы, всё-таки, закрепили отношения с теми экопоселенцами, у которых я была, она оказалась тоже там волонтером, и она тоже нам добавила информации. Потому что, всё-таки, при ней уже может чуть-чуть снизился градус того, что тут исследователи, себя каким-то образом надо вести. Какие-то дополнительные детали, всё-таки, мы отметили для себя. Помимо этого, я еще ездила в качестве такого разведывательного пилотажного исследования на фестиваль в поселение Родное во Владимирской области. Там у них 5 поселений рядом. Как раз где-то там находится домик у Владимира Мегре. Там собралось очень много народа, а я туда поехала как участник.*

И.: И Вы жили тоже в тех поселениях, которые по книжкам Мегре все это устраивали, «Анастасия»?

Р.: На этом собрании я жила в доме, который в качестве школы у них используется. Это было летом. Я там тоже нашла несколько людей, поговорила с ними, провела несколько интервью, договорилась на будущие беседы. Там мы как раз встретились с основателем «Ковчега», он умер в прошлом году. Также взяла у него интервью. В общем, как-то постепенно стало накапливаться количество знакомых людей, они кого-то рекомендовали, к кому можно обратиться. В итоге мы взяли 15 с представителями экопоселений. Потом мы еще проводили онлайн фокус-группы и экспертные сессии с представителями экопоселений.

И.: Расскажите про онлайн фокус-группы.

Р.: Это у нас есть такой формат, который мы любим. Мы заводим людей на какую-то площадку в интернете, в Google Groups или социальную сеть. Задаем вопросы раз в день, люди отвечают, друг друга комментируют, мы их комментируем. Кстати, в исследовании экопоселений мы не смогли получить ответы на некоторые вопросы. Там ведь как – некоторые экопоселенцы хорошо с компьютером и с Интернетом «общаются», а некоторые нет. Исследование проводилось летом – а это как раз посевная и сборочная пора, естественно, мы не смогли всех респондентов максимально вовлечь. То есть оказалось все довольно непросто, мы поняли, что есть порог недостижимости, потому что лето и потому что компьютер. Поэтому я внедрилась еще в несколько Skype-групп, которые экопоселенцы ведут как раз-таки довольно активно. Это Skype-группа, большой-большой чат, люди там общаются на очень разные темы. Я не знаю, насколько это удобно, но почему-то у них вот такая форма коммуникации развита. В общем, там я тоже пыталась внедриться со своими вопросами, тоже что-то получила.

И.: А вот эти методы как-то описаны, они дают результат? Потому что я, четко говоря, в первый раз слышу, что таким образом можно собирать данные. Или это дополнительные методы?

Р.: Онлайн фокус-группа была запланирована – такой же качественный метод как обычная фокус-группа. Сейчас это довольно распространенный способ сбора данных.

И.: Хорошо, а что по поводу экспертных сессий? Это Вы к ним ездили?

Р.: Ездил Игорь Вениаминович, тоже на какую-то из их встреч, в поселение Благодать, там была экспертная сессия, можно сказать, массовая фокус-группа. А потом мы здесь уже в Высшей школе экономики и в Общественной Палате собирали представителей и презентовали ре-

зультаты исследования. Надо сказать, что для нас довольно интересно было в этом проекте то, что наша исследовательская деятельность перешла в какую-то практическую плоскость, потому что в результате нашего исследования, представители экопоселений сами стали, так сказать, рефлексировать по поводу своего существования, своего будущего, стали вести деятельность по объединению и по попыткам обсуждения каких-то вопросов, которые являются для них важными. Если до этого на фестивалях похожие экопоселения объединялись с похожими, то тут появилась возможность для коммуникации между разными поселениями - кто-то из родовых поместий, а кто-то из стандартных экопоселений. И вот они встретились на одной площадке, стали обсуждать какие-то вопросы. И после этого – что на самом деле для нас было удивительно - они стали время от времени собираться. Получается, что в Общественной Палате было проведено, наверное, пару таких собраний, потом была конференция в МГУ, они тоже там встречались, и я сейчас вижу, просто мы сейчас уже на все их мероприятия не ходим, но по письмам я вижу, что периодически бывают какие-то обсуждения, встречи. То есть, мы, как будто бы, способствовали консолидации объекта исследования, что вообще очень удивительно.

И.: Южные поселения, с которыми мы беседовали, они тоже проводят фестивали, знают друг друга, пытаются объединяться как-то. Но чтоб это была деятельность, выходящая за рамки общения, - такого я не видела пока; кроме продвижения закона о родовых поместьях, где они конечно письма общие пишут. Одна из задач нашего проекта - выявление характера взаимодействия поселений с городом и властью. Вы про это спрашивали?

Р.: Спрашивали. Но я сейчас Вам, наверное, про второе исследование расскажу, чтоб мы по логике, а потом тогда уже про этот вопрос, хорошо? Второе исследование про миграцию из города в село мы проводили вместе с «Зеленой лигой», это тоже был инициативный проект и тоже грант президентский. И там у нас была идея измерять потенциал того, какое количество жителей города готовы переехать в село. Там тоже у нас была комплексная процедура. Захотелось вообще понять, насколько это явление распространено в широком масштабе. Действительно, если мы под микроскопом сморим на 62 экопоселения – то это одно дело, но, конечно, интересно было посмотреть, насколько вообще такие настроения у жителей России распространены. Мы сначала проводили онлайн фокус-группы с людьми, которые потенциально готовы переехать, уже

думают о переезде или уже переехали. Сначала претенденты заполняли анкеты, а потом мы по анкетам отбирали людей, которые в результате зашли на онлайн-площадку – кажется, их было около 25 человек. Фокус-группу мы вели довольно долго, около двух недель. В рамках нее мы выделили причины того, почему люди могут не хотеть уезжать из города, и почему могут хотеть переехать в село. То есть это мотивы-барьеры и мотивы-стимулы. Потом мы эту информацию использовали для формирования анкет массового опроса.

И.: Но вы формировали фокус-группы из тех, кто участвовал прошлом исследовании, или это были вообще новые люди?

Р.: Новые люди, да. Мы как раз экспертов не брали. Тех, кто участвовал в первом проекте, мы все-таки считаем экспертами, потому что это руководители экопоселений, знаковые люди в этой области – например, представляют сеть глобальную сеть экопоселений GEN в России. Мы их не брали, хотя они просились. Но мы хотели не спугнуть обычных людей, которые просто переезжают или хотят переехать, чтобы их не задавили экспертностью. У нас еще проводилась экспертная группа в офлайн, где мы как раз с экспертами и встретились и где обсуждались вопросы, по каким причинам люди могут хотеть уехать или остаться. Потом из этих двух качественных процедур мы составили анкету для всероссийского репрезентативного массового опроса, который был проведен в рамках нашего омнибуса «КВАРТА». У нас был вариант анкеты для горожан и для селян, благодаря чему мы перекрестно посмотрели, что думают горожане и что думают селяне. Селян получилось около 400 - это в принципе хорошие цифры, чтобы распределение смотреть.

И.: Конечно, из 1600 респондентов 400 респондентов-селян.

Р.: Вот, в общем, наверное, так, такая история по проектам.

И.: Нам, конечно, очень интересно посмотреть со своего ракурса. У нас немножко другой заход. Нас не просто интересуют те люди, а именно те, которые уехали и пользуются новыми передовыми городскими технологиями. То есть они городские технологии вместе с собой увозят из города, освобождаясь от того, что им мешает жить в городе.

Р.: Это как раз третья группа экопоселений, которую мы выделяли - в которых люди переезжают и используют новые технологии при этом. Вернее, их четыре было - еще религиозные.

И.: Как раз вот они нас и интересуют. У вас, может быть, есть контакты какие-то? Или хотя бы названия?

Р.: Ну вот, например, Ирина Галанова, она занимается как раз продвижением идеи того, что можно уехать за город и там ходить в шляпке. То есть, необязательно, уезжая за город, отказываться от жизни, которую люди ведут в городе, т.е. это как раз идея того, что в экопоселения надо привлекать новые технологии. У них есть группа в Facebook – там, наверное

И.: Группа Александра Метелкина как раз за возвращение из города в село, но и при этом за возрождение сельского хозяйства. Это немножко не то, что нам было бы интересно. Потому что сама идея проекта – постурбанизация. То есть, как люди смогут преодолеть ограниченность города. Она возникла, почему, эта ограниченность? Потому что надо было работать на фабриках, заводах, и, значит, людям надо было жить рядом, чтобы все вместе это делать. А теперь, когда такой необходимости нет, наверное, есть какие-то тенденции по расселению, по заполнению этой территории. И вот как раз здесь было бы интересно посмотреть не через сельское хозяйство, а через какие-то более свободные, другие формы жизнедеятельности у этих людей. Но, конечно, в нашем проекте есть разные блоки. Сама эта идея, что постурбанизация придет на смену урбанизации – это один блок, который надо рассматривать, доказывать на уровне, может быть, теоретических аргументов.

Р.: В исследовании 2012 г. есть представление экопоселенцев о будущем. Это были самые последние вопросы в анкете, то есть, это где-то в конце отчета должно быть. Некоторые говорят о том, что скоро будет рай на Земле, везде будут экопоселения, люди будут жить счастливо, вот такие очень «розовые». А некоторые говорят, что сейчас все развалится, все будет очень плохо, и если люди хотят спастись, они могут попытаться сделать это в экопоселениях.

И.: Из тех, кого мы спрашивали: «Найдутся ли у вас последователи, как вы думаете, многие ли приемлют такую жизнедеятельность?». Они говорят, что нет, что «Да, есть люди, которые восхищаются нами, но у них очень много ограничений и они не совсем готовы».

Р.: Вы знаете, вопрос этот очень интересен в плоскости того, как думают дети экопоселенцев, и как сами экопоселенцы думают о том, что будут делать их дети, когда подрастут. У нас первые экопоселения – это конец 80-х годов, это поселение «Нево-Эковиль» в Карелии, вот как раз «Ковчег» тоже был когда-то в 90-х основан. Люди уезжали туда молодыми, у них были маленькие дети, и как раз сейчас подрастает поколение, которое собственно должно показать, останется оно там или нет.

А большинство экопоселений - это же волна вот этих «зеленых книжек» Мегре в 2000-е годы. То есть, пока, может быть, дети, они маленькие, они просто выбора не делают. Но через 10 лет, например, будет очень интересно, какой выбор они будут делать - останутся ли они там, или предпочтут город.

И.: Но вот из тех, с кем мы беседовали, у них еще маленькие дети, и собственно, как Игорь Вениаминович говорил, что дети – это один из центральных мотивов, чтобы дети росли в близости с природой. А вот что выберут дети? И более того, у них еще, у наших респондентов, этот вопрос вообще не решен. С одной стороны, они понимают, что детям надо учиться. Но еще, если такое начальное образование, даже среднее, в Ростове школу свою они сделали.

Р.: *Они сами, да?*

И.: Сами. Потому что уехали люди с высшим образованием, даже английский язык. Потом дети ездят в ближайшую школу, сдают экзамены, и сдают лучше, чем дети, которые там учатся. А вот, что касается университетского, здесь они говорят: «Не знаем, придется, наверное, куда-то детей отправлять». Но вернутся ли они после этого?

Р.: *Это интересно. В перспективе интересная очень тема для изучения, на самом деле.*

И.: Наверное, потому что от этого на самом деле зависят перспективы урбанизации или постурбанизации.

Р.: *В наших экопоселениях нет еще смены поколений, поэтому непонятно, что будет. Может быть это будут поколения, а может быть это будет так, что одни переехали, состарились, потом приехали другие, состарились. А их дети постоянно уезжают, а приезжают какие-то новые, другие. В общем, непонятно пока.*

И.: Да, пока непонятно, пожалуй. Но вот как они представляют всю эту деятельность и по поводу детей, у них очень свободное к этому отношение, что они говорят, что, конечно, хотелось бы, чтобы они остались, но если они уедут...

Р.: *У нас то же самое было, да.*

И.: Они более терпимы к выбору. То есть сами свободные люди, что хотели, то выбрали.

Р.: *Ну да. Наши респонденты говорили, что «У меня была возможность сравнить, а у него нет возможности сравнить, потому что он пока только поселение видел. Пусть он тогда сравнивает и выбирает». Это логично.*

И.: У нас с Вами еще вопрос был про взаимоотношения с властью и с городом.

Р.: У нас этот вопрос в исследовании про экопоселения тоже рассматривался, разные есть варианты того, что нам рассказывали. Есть, поселения, которые пытаются как-то взаимодействовать с городом, и в том числе с более широким кругом, в том числе с властью. А есть те, которые «закрываются». Рано или поздно у них все равно возникают вопросы с землей. Были экопоселения, которые просто взяли какое-то поле, поставили там домики, а потом оказывается, что, во-первых, это чья-то земля, во-вторых, туда не могут ничего провести, никакого электричества или дороги, потому что там нет поселения - как власти могут это делать? Поэтому, они, постепенно, обжигаясь, начали взаимодействовать с властью. И есть примеры удачные, когда реально добились, например, «Ковчег» добился того, что их стали официально считать поселением. Есть люди, которые уезжают в деревни, но...

И.: Мы эти поселения тоже охватываем. Необязательно, чтобы они жили в экопоселении. Это просто люди, которые сменили городской образ жизни на негородской, даже не сельский, просто негородской образ жизни.

Р.: Здесь плюс, что там уже есть коммуникации, дороги – может, и не абы какие, но все равно они есть, в принципе. И тут важен вопрос того, как они взаимодействуют еще с местным населением. То есть это тоже важный фактор того, насколько люди смогут переезжать в деревни.

И.: Да, у нас были респонденты, которые сказали: «Да, мы хотели уехать, и мы купили в Алтайском крае дом», даже не купили, они купили участок, отстроили дом, и когда стали жить в этом селе: «У нас дети, а там соседи режут поросят, эти поросята кричат. А там соседи ругаются и пьяные ходят. И неприятно. Поэтому мы все это продали и специально ездили, чтобы найти тех соседей, с которыми мы хотим жить».

Р.: Да, то есть они же, попадая в деревню, они попадают в определенную культурную среду. И не факт, что эта среда окажется такой же.

И.: Как правило, да. Оказывается, что эта среда просто совсем другая, это чужие люди. А здесь единомышленники.

Р.: На пути миграции это как раз очень важный барьер, то, что люди, переехав куда-то, без единомышленников, без знакомых, они могут просто в капсуле оказаться и без социальной жизни. В этом плане людям

просто комфортнее в экопоселениях - с этим можно пообщаться, к тому в гости сходить, какие-то общие праздники устраиваются.

И.: Да, но вот есть те, которые все-таки нашли в сельской местности себя. И что интересно, что они активно включаются в жизнь местного сообщества. Кто-то организовал праздник в Доме культуры на 9 Мая, чтоб музыка и что-то еще, кто-то создал сайт, который продвигает вот это маленькое поселение. То есть они готовы еще на какие-то общие блага работать и считают, что это важно - вокруг себя и среду преобразовывать.

Р.: *Вы вчера говорили, что уезжают люди образованные и с какими-то ценностями, «цвет» условно. Они уезжают, и таким образом, когда люди откуда-то уезжают, то ситуация здесь становится еще хуже. Но если они приезжают куда-то и там делают жизнь лучше, то это такой позитивный момент на самом деле.*

И.: Но там – кто кого.

Р.: *Кто кого пересилит.*

И.: Хватит ли у них ресурсов, чтобы вот эти свои ценности продвигать. Кто-то стал участвовать у нас в празднике древонасаждения, не то, чтобы участвовать, а он инициировал, чтоб каждый приехал, парк общий создать. То есть, такие люди активные есть, не замыкаются в себе, а вокруг себя создают качество жизни какое-то.

Р.: *Да, они активные. Люди, которые оказались способными на такой поступок, у них действительно потенциал есть такой, преобразующий. Поэтому да. То есть, можно говорить не только о том, что среда в городе портится. На самом деле они могут менять жизнь не в городах, а в селах. Это тоже интересно очень.*

И.: В вашем опросе на 1600 человек по структуре вопросов можно ли выявить тех, кто имеет тенденцию переезжать, именно тех людей, которые нужны для качественного преобразования этой среды?

Р.: *Может быть, там же есть вопросы про социальный оптимизм, возможно - вопрос про доверие.*

И.: Или про какую-то еще социальную активность...

Р.: *Да, насколько они активны, но это надо посмотреть. Я сейчас вам так с ходу не скажу, наверное. То есть, насколько те люди, которые готовы переезжать, обладают потенциалом, да?*

И.: А Вам, как эксперту, насколько кажется эта перспектива постурбанистического развития реальной? Это перспектива или это все-

таки отдельные люди сейчас? Как Вы думаете, как у нас решится проблема урбанизации и постурбанизации?

Р.: Сейчас это, наверно, отдельные люди, я бы сказала, отдельные коллективы людей, может быть. А вообще, если говорить даже про дальность нашего второго исследования про миграцию из города в село, по нашим подсчетам, кто готов переехать, вернее, кто задумывался – 20%, кто какие-то конкретные действия предпринимал уже. Понятно, что это декларации в любом случае, но, тем не менее. У нас получилось 3%. Вообще, если подумать, 3% от населения России – это миллионов 5. То есть, если 5 миллионов человек в России задумывались о том, чтобы переехать, то это, вообще-то, цифра немаленькая. Может быть, они как раз и могут выступать этими «драйверами». Есть же модель, как инновация любая принимается. Сначала есть «адаптеры», их очень мало, потом еще какие-то, а потом это все пошло-пошло, и совсем чуть-чуть осталось, люди, которые консервативные, они уже в конце это приняли, или не приняли. Мы в принципе считаем, что они могут выступать «драйверами», то есть теми, за кем могут последовать потом. Но при этом должны быть сделаны какие-то действия, многие люди же пытаются переехать, у них не выходит.

И.: Нам рассказывали, что покупают участки - то есть люди хотят переехать, - но ничего не делают.

Р.: Они могут не знать, как.

И.: Или даже выстраиваются, но потом все равно не живут. И сами жители говорят, что это плохо: «Потому что мы хотим, чтобы вокруг жили люди». Вроде бы чья-то собственность, но, тем не менее, пустота. Почему людям не удается это сделать? Это, конечно, тоже интересный вопрос. А что им помешало? При том, что они уже даже сделали.

Р.: Может быть, в рамках вашего исследования было бы интересно поговорить с кем-то, кто попытался, но не смог. Что его остановило, почему? Мне кажется, причин может быть... Начиная от личных, заканчивая финансовыми.

И.: И причем это большая даже группа таких людей. Вплоть до того, что в поселениях хотели принять такое правило, что если ты не построился в течение трех лет, то участок у тебя уже забирается. Только с серьезными намерениями.

Р.: Там разные, конечно, правила есть в разных поселениях. Но я думаю, что должны быть преодолены какие-то барьеры, то есть, законодательные есть барьеры, та же инфраструктура, невысокий уровень

развития медицины, образования в сельских поселениях. По вчерашним результатам презентации было видно, что одним из главных барьеров выступает неразвитость этих учреждений.

И.: А вдруг что.

Р.: На самом деле, мы же посмотрели по данным, там действительно преобладает готовность переехать у групп от 24-35 лет, а потом уже 45-54 лет. То есть это те люди, которые либо только начинают свою самостоятельную жизнь, или те, кто заканчивает свою экономическую жизнь. Они еще в силах, но они понимают, что через 10 лет, возможно им нужно будет, чтоб поликлиника была где-то рядом. Или те же мамочки, которые переезжают, им тоже надо будет, мало ли что.

И.: Да, маленькие дети.

Р.: Хотя, там разные тоже есть идеи. Есть деторождение в воде...

И.: Домашнее, дома, это да. Но, тем не менее, лучше, когда подстраховаться можно.

Р.: Под присмотром, да. Наверное, как-то надо преодолевать эти барьеры. Но тут они сами не справятся с этим, тут от государства какие-то должны быть шаги.

И.: Да, конечно, если это является барьером. У нас было экспертное интервью с риэлтором, который как раз занимается тем, что помогает людям из города искать негородскую недвижимость. В пределах Ростовской области километров 200. Так вот она тоже говорит: «Я всегда смотрю на тех людей, которые хотят уехать из города, и если у них, допустим, маленькие дети, говорю: Вы ж подумали? А вдруг что? Где больница и все остальное. Даже отговариваю людей, что они не смогут. У меня есть опыт, когда люди приезжали и бросали, потом опять мы все это перепродавали».

Р.: В целом, если уже на уровне законодательном принимаются какие-то законы про гектар, то информировать нужно людей о том, что это есть. На самом деле не очень многие люди знают про это. Может быть те, кто в теме, они заинтересованы. Это такая должна быть стратегия очень комплексная, государственная. Вообще, как Вы правильно вчера сказали, это на уровне национальной безопасности. Происходит обезлюдивание территорий, на которые заселяются какие-нибудь китайцы - у нас просто полстраны могут заселить, а потом мы будем решать, что с этим делать. Я хотела добавить, что на самом деле получается смотрите что: у нас явление направленное, и из села есть миграция в город, естественно, и из города в село обратно. Если в принципе

в селе будут лучше условия, лучше инфраструктура, какие-то занятия для детей – то, что является сейчас барьером, - то и оттуда уезжать люди не будут. Это вообще базовая основа для того, чтобы люди там жили. Развитие инфраструктуры в сельской местности может как остановить миграцию из села, так и способствовать миграции из города.

И.: Но, глядя на качественный состав сельских жителей, он же ухудшается очень сильно.

Р.: Ухудшается, потому что лучшие уезжают в города.

И.: Но насколько это можно будет восстановить? Почему экопоселенцы и хотят жить не ближе 20 километров от сельских населенных пунктов - потому что там среда совсем не такая. И даже мы беседовали: «А как вы выстраиваете отношения?», они же ходят или ездят туда, покупают молоко, те же яйца еженедельно. Говорят: «Просто мы очень толерантны, терпимы, все понимаем, поэтому стараемся мирные отношения выстраивать». Но они понимают, что это все-таки другие люди, они не хотели бы жить рядом с ними. Это другая среда.

Р.: Возможно, если бы там оставались те люди, которые уезжают в город, там тоже был бы среда другая, не такая депрессивная.

И.: Но, похоже, что они все оттуда уже уехали.

Р.: Но тут уже зависит от нашей установки, либо мы решаем, что уже все совсем плохо, либо мы считаем, что тут еще можно что-то изменить.

И.: А вот зарубежные какие-то такие эмпирические исследования вам знакомы?

Р.: Зарубежные исследования знакомы, да.

И.: По экопоселению или по отъезду из города?

Р.: Скорее по экопоселениям, потому что мы там очень большой литературный обзор делали вначале проекта. Есть ассоциации международные, которые исследованиями занимаются.

И.: А есть оценки того, сколько у них людей переезжают из городов?

Р.: Я сама не могу точно сказать, но мне кажется, что это можно найти. Поскольку это явление и в США, и в Европе зародилось гораздо раньше, чем у нас.

И.: Движение экопоселений – да. Это даже знают вот эти жители родовых поместий, наши респонденты.

Р.: Там это все старше на 50 лет.

И.: Но там это больше связано с дауншифтингом, на что они опираются. А вот так, чтобы и с новыми технологиями, и с новым образом жизни...

Р.: Вы знаете, я случайно примерно в тот момент оказалась в поселении Ауровиль в Индии. Это очень крупное, наверное, самое крупное поселение в Индии. Это попытка построить город без наций. Там несколько тысяч человек сейчас проживает. Нельзя сказать, что эта попытка прямо удалась, но это такой обычный пример, его описывают. И там живут люди из разных стран, там даже 13 % русских, по-моему, было на тот момент, и как раз те, кого мы там встречали, они были очень компьютеризированные и адаптированные к городской жизни. Они скорее были похожи на такой пример дауншифтинга, когда люди уезжают в Таиланд, в Индию, при этом продолжают работать, просто удаленно. Там есть кейсы такие, где люди не сельским хозяйством явно занимаются, и не каким-нибудь рукоделием, а именно работают удаленно с новыми технологиями.

И.: Хорошо. А вот у нас один из вопросов - это по структуре бюджета, откуда они деньги берут. Вы такими вопросами интересовались?

Р.: Да, задавали вопросы. Мы пытались понять, насколько жители экопоселений независимы от города на самом деле. Они-то декларируют, они уехали, и что они самодостаточны. На самом деле, кто-то продолжает ездить на работу.

И.: Кто-то на конференции вчера вопрос задавал, что квартиру в Москве сдают и живут на эти деньги.

Р.: На самом деле, это практика весьма распространенная.

И.: Среди наших респондентов не было.

Р.: У нас были такие. Ну, кто-то наоборот, продает квартиру, чтобы переехать.

И.: Такие – да были, продавали и строились на эти деньги.

Р.: А кто-то, например, у него огромный дом на 200 квадратных метров, может быть и больше, мужчина, он продолжал работать, у него была очень хорошая зарплата в городе, поэтому он не был готов отказаться от нее. Каждый день он ездил на работу. Это Тульская область. По сути, оказывается, что связи с городом экономические у них есть. Они даже не то, что есть, они довольно широким потоком идут. Ну как Вы даже говорите, пойти в магазин, понятно, что это все равно в село пойти.

И.: Это магазин за 20 километров ближайший. А так они еще ездят в Краснодар на базы, это чуть дальше, но это раз в месяц они ездят, закупаются полностью. Естественно, им нужна такая инфраструктура, раз они это у себя все не производят.

Р.: *И понятно, что некоторые вещи нельзя просто произвести в поселении. Если это поселение не на архаику завязано, где совсем все по дедовским методам, то тогда они просто вынуждены поддерживать связи с городом. Есть, конечно, те, кто работать пытается в поселении, они, например, дома строят другим людям.*

И.: Да. Распространено строительство или работа вахтовым методом.

Р.: *Или куда-то ездят, насека у кого-то. То есть пытаются что-то производить.*

И.: В южных есть экотуризм еще. Они приглашают к себе, к ним действительно приезжают, они селят, специальные домики гостевые делают.

Р.: *Мне кажется, что можно по пальцам пересчитать те случаи, когда это успешно. Потому что, во-первых, экотуризм пока не сильно у нас распространен, как и покупка того, что они производят: органические товары, косметику – хотя сейчас есть тренд на потребление таких товаров. Но они оказываются все время дороже, чем обычные товары. Плюс это потребление идет в рамках того же круга людей, которые этим увлекаются.*

И.: Рынок не такой большой, ограниченный.

Р.: *Я бы не сказала, что там есть рынок сформированный, что есть какие-то отработанные модели сбыта. Мне кажется, что если это удачно, то это какие-то кейсы отдельные.*

И.: С этим сложно. Я думаю, тоже надо подумать власти, а как бы создать какие-то условия, чтоб у людей были постоянные источники дохода.

Р.: *Вот видите, если бы собирались работать фермерами, то есть заниматься сельским хозяйством, то возможно это был бы какой-нибудь вариант, но вот как мы по исследованию, по нашим данным, выяснили - если переезжать и работать, то сельским хозяйством готова заниматься лишь очень небольшая часть людей. Это не то, что люди из города желают переехать, да еще и сельским хозяйством заниматься.*

И.: Но у них есть же эта пермакультура, что это все растет само по себе. Но оно дает пока очень небольшие результаты.

Р.: Мне в интервью говорила одна женщина: «Я когда приехала, я же книжек читалась про Анастасию. Я тоже сначала так все - семена во рту подержу, а потом их сажаю. А потом не вошло у меня ничего на следующий год. Я стала уже задумываться, как бы это делать». В Краснодаре, конечно, может быть, это все само собой колосится. Но в наших северных регионах, где семечку подержал, а она потом разрослась – это, конечно, наивно.

И.: На юге скорее сады хорошо растут, потому что экопоселенцы таких местах живут, где сады, например, яблочные, можно выращивать. А то, что на земле растет, то почва сама не очень к этому пригодная. Поэтому есть, конечно, проблема с доходами. И респонденты наши тоже говорят, что человек должен подумать, на что он будет жить. И если у тебя есть постоянные источники дохода, тогда можешь попробовать.

Р.: По крайней мере, какое-то первое время, потому что пока у тебя ничего не выстроено, никаких в смысле рынков сбыта, направлений. Даже если ты там чем-то собираешься заниматься, это в любом случае вклад. Это как любой старт, все равно в начале надо вкладываться.

И.: А вот вы у них спрашивали, считают ли они себя бедными людьми или богатыми, как оценивают уровень своего благосостояния?

Р.: Вообще по наблюдению нельзя сказать, что это богатые люди, но у них же еще есть идея сокращения потребления, как правило. То есть, это потребление не только ресурсов земли, но еще одежды и других товаров. Все очень просто одетые. Хотя тоже различается на самом деле, у кого-то дом в 200 квадратных метров, у кого-то дом со стеклянной стеной, новые технологии используются, а у кого-то саманный дом. Тот дом, где я жила в экопоселении - это первый дом, который появился на всем поле, его строили всей общиной, это саманный дом - просто глина и солома, мешки с соломой, которые глиной обмазаны. Маленький такой домик. По жизни, по быту хозяев нельзя сказать, что они богатые. Но мне кажется, что если вы будете такой вопрос задавать, вам часто будут отвечать, что они по внутреннему миру больше богатство оценивают. В смысле, само по себе богатство - это не ценность, которая является важной, приоритетной.

И.: Но при этом они не называют себя бедными людьми?

Р.: Нет. Вы знаете, мы наблюдали такой очень интересный момент, я не знаю, с чем это связано: многие говорят, что они в городе были очень успешными людьми, бизнесменами, а потом от всего отказа-

лись и уехали сюда. То есть, вот эти все материальные блага стали им не нужны, поэтому они приехали сюда жить.

И.: Есть такое. Говорят, что «Там я слишком много тратил». Человек в Москве жил, говорит: «На обеды, на одни обеды, я как вспомню, сколько я тратила, это же очень дорого в Москве. А тут мне ничего не нужно, этот дресс-код в офис ходить поддерживать. А тут зачем это все?». И сократились расходы поэтому. Но мы спрашивали: «А вы хотели бы зарабатывать больше?», и, как правило, все говорят: «Хотели».

Р.: *Да, мне кажется, что там есть нехватка средств определенная.*

И.: Правда, на вопрос «А вот, если бы вы больше зарабатывали, то куда тратили бы?» они говорят: «А вот я бы сделал что-то типа Диснейленда для детей», и «К нам бы приезжали со всей страны или с ближайшего района дети отдыхать. Мне вот это интересно». То есть такое что-то еще построить для всех, общее.

Р.: *Все равно запрос получается есть. Плюс мне еще кажется, что все-таки там есть момент лукавства какого-то, когда люди говорят: «Да, я был очень успешным человеком в городе, просто от этого отказался». От хорошей жизни, прямо от совсем хорошей, когда тебя все там устраивает, люди не переезжают, наверное. В смысле, есть, наверное, какой-то...*

И.: Выталкивающий фактор?

Р.: *Что-то, наверное, повлияло. Может быть, в какой-то момент город настолько надоел, но, если он был очень успешным человеком - а это, как правило, и потребление выше, то есть запросы какие-то, - а тут внезапно он решает переезжать. Мне кажется, в экономическом моменте есть какая-то тонкость такая, которую интересно было бы тоже поискать вам. То есть, как они оценивают свое материальное состояние до, как они оценивают его сейчас, и, как Вы говорите, хотели бы они больше зарабатывать. Это интересно.*

И.: Ну просто сейчас еще у многих этап строительства - это люди, которые не так давно переехали.

Р.: *В нашем исследовании мы также проследили этапы становления экопоселений. И первый этап - это такой очень оптимистичный этап, когда они все собираются, это столько надежд, столько позитивных эмоций. Возможно, конечно, они через эту призму смотрят сейчас на свой переезд и говорят: «Все хорошо». «Как вы оцениваете свое материальное положение?» - «Хорошо оцениваю, все нормально». А потом-то они понимают, что еще что-то нужно было бы, а денег нет, и где их взять*

непонятно. То есть это еще может зависеть, на мой взгляд, от того, как долго люди живут в поселении. Потому что как раз те, которые живут дольше, у них уже происходит этап рефлексии. То есть кто-то пришел – все оптимисты, все на драйве на таком. Потом кто-то остается, а кто-то уходит, потому что он понимает, что это не для него. А потом те, кто остаются, у них конфликты возникают, естественно, сквозь эти конфликты тоже какие-то выводы возникают, и потом уже становится понятно, что, например, нельзя экопоселению быть закрытым, что надо все равно поддерживать связи с государством, с властью.

И.: Или в Цице были отцы-основатели, которые считали, что не нужно никаких дизельных генераторов для выработки электроэнергии, потому что они портят экологию и все прочее. А потом жизнь показала, что все-таки без генераторов не обойтись, и поселенцы стали более лояльно относиться к источникам энергии. Или там были очень жесткие требования, чтоб все были вегетарианцы, но потом требования стали более толерантными. Иначе нельзя заполнить, нельзя людям все это предписать.

Р.: *Или семечки во рту держать перед посадкой, а потом просто уже нормально сажать. Осмысление потом происходит, как правило, и меняются оценки.*

И.: А вот еще у нас вопрос, меня он особо интересует, как поселенцы жилище обеспечивают, насколько современные технологии жизнеобеспечения внедряю?. Вы на это не обращали внимание? Специально не спрашивали?

Р.: *По-разному, наверное. Это я из наблюдения могу сказать. В той семье, где я жила, там была солнечная батарея... Вода была просто из колодца ведрышком принести.*

И.: А отопление - дровами?

Р.: *Отопление - дровами. Но саманный дом считается очень теплым. Он очень холодный летом и теплый зимой.*

И.: В родовых поместьях мы тоже видели такие.

Р.: *А так, в принципе, рядышком было место, где все жители выходят в Интернет – это Общий дом. Там Интернет у них был подведен, модем, и в принципе очень хорошая сеть была. А у кого-то генераторы стояли. Вода - не знаю, насколько подведена или нет, наверное, биотуалеты сделаны. То есть, какие-то есть попытки имплементации вот этих технологий.*

И.: Вы не помните, чтобы они жаловались на это? Наши респонденты считают, что у них нет проблем в этом плане, что они все решили. Даже те, у кого не все эти технологии задействованы. Но они говорят, что самое главное, чтобы была электроэнергия. Если есть электроэнергия, значит можно нормально жить.

Р.: *Я тоже с жалобами не сталкивалась. Хотя какие могут быть жалобы от людей, которые приехали и первую зиму жили в палатке. Зиму - в палатке! Это очень стойкие люди.*

И.: Вы летом ездили, а вот зимой было бы интересно посмотреть. Они первое время даже уезжают в город, потому что тяжело зимой выживать. А потом гордятся, что мы вот...

Р.: *Еще считается, что проживание зимой - это показатель того, сколько живет людей в поселении в принципе. Например, на сайтах пишут: «десять семей зимуют». Это значит, что вот он костяк, который зимует. А те, которые приезжают, это как бы так, дачники, туристы. Зимование - важный показатель того, насколько поселение на самом деле такое крепкое.*

И.: По моим ощущениям, это все-таки люди очень интересные, и главное - от них исходит счастье. Они все время говорят: «Я стал более счастлив, не смотря на все трудности».

Р.: *Да. Хотя конфликты там тоже случаются. Это ж все люди.*

И.: Случаются конфликты. Но большей частью, как мы спрашивали, они такие межличностные конфликты, не глобальные.

Р.: *Бывает, что руководители, которые стояли у истоков, друг с другом вдруг не договариваются о чем-то, разное понимание возникает у людей.*

И.: Там, где нет жестких требований и какой-то идеологизации, там они более автономно живут в этом плане, и только когда у них возникают какие-то общие вопросы, тогда и могут возникать конфликты. Эти конфликты бывают по поводу мест общего пользования – например, все складываются, а кто-то нет. Вот это вечная проблема безбилетника с общественным благом.

Р.: *Это в любой общественной организации может быть.*

И.: Да, в любой общественной организации. Но они говорят, что в городе острее эти конфликты и больше людей, которые склонны уклоняться. Там у них, все-таки, это все легче решается, даже просто по их оценкам. Моральное воздействие среды, видимо, имеет значение. Только самые-самые такие бессовестные могут уклоняться.

Р.: Это еще надо смотреть в разрезе количества лет, которое поселение существует.

И.: Да, наверное, чем больше лет, тем меньше таких вот склонных к этому.

Р.: Вообще да. Я хочу сказать, что они очаровывают, конечно, эти люди, они такие «не такие». Я думаю, что большинство людей подспудно разделяют идею того, что на природе хорошо, но вот есть такие люди, которые готовы переехать ближе к природе. Но я Вам хотела бы сказать, что исследователю стоит подходить не с такой вот «очаровывающейся» позиции, а с критической, чтоб какие-то моменты выделять важные. Нам кажется, что поскольку мы как раз начинали с того, что это эскейп, то и какие-то важные моменты мы поняли, которые чуть меньше идеализируют это все движение и как-то чуть приближают «на землю».

И.: А все-таки, как Вы думаете, по структуре тех, кто уезжает, это больше, все-таки, эскейп или поиск нового качества жизни?

Р.: Тут надо сделать оговорку, конечно, что тех, кто уезжают, и у кого это эскейп, мы не нашли. Они не оставляют свои контакты. Есть поселения полностью закрытые, и они пишут, что приехать туда возможно только с кем-нибудь «своим». А кто-то же вообще не оставляет о себе информацию.

И.: Я так поняла, что вы в тех поселениях нашли какую-то часть, для которых это поиск, но, все-таки, большая часть - это эскейп. Мы так поняли это по отчету.

Р.: А мы как раз стали считать, что это не эскейп, а новое качество жизни. Я когда приехала из поселения, то сформулировала, что это скорее не «уход от», а это «переход к». Все-таки слово «эскейп» имеет окрас скорее негативный – «исчезновение». А эти люди, они же присутствуют в информационной среде, они есть в Интернете, есть их сайты. Они вполне себе спокойно делятся информацией. Сейчас они даже стали приезжать на какие-то конференции. Я думаю, что эти люди, они заняты просто поиском новой жизни и они даже готовы кому-то показывать эту жизнь. А те, кто не готов, те, у кого эскейп – мы их не видим. Тут смещение есть в любом случае. Как, например, когда проводится телефонный опрос: «Здравствуйте, телефонный опрос. Можете принять участие в исследовании?». Одни говорят «нет», другие более активны, более открыты. Это определенная часть населения. Здесь то же самое. Те, кому не надо, те, кто хотел эскейпа, они его получают, живя в

каком-нибудь домике на опушке леса, и нигде в интернетах про них не написано.

И.: А каково отношение к городу? У Григория Никифоровича Дончевского, руководителя нашего проекта, возник термин «урбанолуддиты», то есть те, кто хочет разрушить все, что дает город. Вот таких вот урбанолуддитов не встречали? Которые очень негативно относятся ко всему, что несет город, урбанизация, городской образ жизни. Или это скорее характерно для тех, для которых это эскейп, отъезд из города?

Р.: *Возможно, да, для таких людей более характерна неприязнь города. Можно это проверить как-то, хотя непонятно, как этих людей найти. Мне кажется, есть такой тренд, не про город, а вообще про цивилизацию массового потребления, массового производства, вот этих всех масс-медиа, то, что скоро этой цивилизации придет конец. Ну, это я вот уже чуть-чуть говорила раньше. То есть это не то, чтобы города надо разрушить, а то, что они сами скоро себя разрушат из-за того, что там плотность населения очень высокая, экологическая среда нездоровая. Как скоро это – разные представления. Но именно идеи о том, чтобы это все разрушить, мне кажется, я не встречала.*

И.: То есть, все-таки, пусть города будут?

Р.: *Из тех, с кем я разговаривала, это, наверное, так: «Пусть города будут, но мы не в них, мы за пределами городов». Кстати, на Ваш вопрос про развитие тренда можно еще добавить, что, например, в той же самой Америке, где одноэтажные домики, в принципе меньше возникает этих вопросов, потому что они уже и так живут на земле.*

И.: Да. У нас или очень крупные города, или совершенно низкая плотность населения.

Р.: *Или совершенная пустота, да. А там вот едешь и едешь и все вот эти одноэтажные домики кругом. Может быть части людей, которые желают переехать из города, им вот этого уровня было бы уже достаточно. То есть переехать из высокого панельного дома просто в свой дом, окруженный маленьким садиком и своей площадкой, где цветочки можно сажать.*

И.: То есть не обязательно уезжать?

Р.: *Да, может быть и не обязательно. Тут, наверное, какую-то градацию проводить надо. Может быть просто человек не готов уезжать из города, но хотел бы жить в частном доме, чтоб в принципе зеленее было кругом.*

И.: Это скорее вот эти частно-городские партнерства, то, что на Западе развито в проекции.

Р.: *Да, поэтому, возможно, на Западе не так стоит этот вопрос.*

И.: Не так остро, как у нас. Тем более у нас - это искусственное расселение, урбанизация, которая сложилась. Это принудительное строительство городов именно в местах, связанных с промышленностью.

Р.: *Еще помню такую фразу, на каком-то урбанистическом семинаре кто-то сказал, что наши многоэтажки – это решение социальной проблемы. То есть, это не то, что люди хотят жить в многоэтажках, а их надо было куда-то заселять. Вот что делать? Территории мало, будем строить вверх.*

И.: Хорошо, а вы дальше планируете как-то эту тему изучать? Остались какие-то непроверенные гипотезы или нерешенные задачи? Или вам уже все понятно в этом направлении?

Р.: *Мне кажется, что, как и в любом другом явлении, здесь есть еще много всего интересного.*

И.: То есть, может быть, будет продолжение этой темы?

Р.: *Может быть, да. Вот ваше исследование чуть-чуть с другой стороны, тоже интересное дополнение делает к нашим данным. Мне кажется, что тут поле богатое на самом деле. Очень много изучением экопоселений занимались, кстати, Иван и Антонина Кулясовы из поселения «Нево-Эковиль», про которое я уже говорила – они тоже социологи.*

И.: Есть еще Угорский проект Покровского?

Р.: *Да, это деревня Медведево в Мантуровском районе Костромской области - мы тоже, кстати, там побывали в прошлом году. Мы ездили на регулярную конференцию СОПСО, которая там проводится. Там куплено несколько домов в полузаброшенной деревне. Я не знаю, кто там живет, кроме социологов, которые приезжают на лето, и нескольких людей, которые им помогают. Там была еще пара очень интересная, они географы из Москвы, купили дом огромный - это же такие северные дома, дома-корабли. Там сарай сразу на первом этаже, сам дом со второго начинается. Они его купили в 2010 г. за 40 тысяч рублей с участком в 4 гектара. Они туда приезжают. Они говорят: «На майские праздники приезжаем, и на месяц приезжаем летом в августе. Вложения такие были небольшие, мы приезжаем и тут отдыхаем». Они, конечно, не все время там присутствуют. Но когда устраивается встреча Сообщества социологов, там много людей. Наверное, у них есть какие-то идеи, как развивать дальше это все.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ангел Ольга Юрьевна - кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.
E-mail: kornienko00@yandex.ru

Бреславский Анатолий Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии, Сибирское отделение РАН, Улан-Удэ.
E-mail: anabres05@mail.ru

Гугуева Дарья Александровна - кандидат социологических наук, старший преподаватель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.
E-mail: gudiv@yandex.ru

Дончевский Григорий Никифорович - доктор экономических наук, профессор, Ростов-на-Дону. E-mail: gndonchevsky@sfnedu.ru

Ермишина Анна Вениамивновна – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета Южного федерального университета, Ростов-на-Дону. E-mail: avermishina@sfnedu.ru

Ефимов Владимир Федорович (1953-2016) - доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Ефимова Екатерина Андреевна – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента. Самарский государственный национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара. E-mail: ritamargo@rambler.ru

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, доцент экономического факультета Южного федерального университета, Ростов-на-Дону. E-mail: lvklimenko@sfnedu.ru

Махрова Алла Георгиевна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник географического факультета Московского гос-

ударственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.
E-mail: almah@mail.ru

Нехамкин Валерий Аркадьевич - доктор философских наук, профессор Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Москва. E-mail: nechamkin@rambler.ru

Никольский Евгений Владимирович, доктор филологических наук, магистр богословия, член-корреспондент РАН, профессор Института Русистики Варшавского Университета, Варшава (Польша).
E-mail: eugenius-08@yandex.ru.

Плюснин Юрий Михайлович - доктор философских наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. E-mail: jplusnin@hse.ru

Позаненко Артемий Алексеевич – аналитик Проектно-учебной лаборатории муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва.
E-mail: apozenenko@hse.ru

Тарновский Константин Юрьевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ), Москва.
E-mail: portulak13@yandex.ru.

Фарков Андрей Георгиевич – кандидат экономических наук, доцент экономического факультета Алтайского государственного аграрного университета. E-mail: af19@mail.ru

OUR AUTORS

Angel Olga Yu. - PhD of Sociology, Senior Lecturer. Institute of Sociology and Area Issue at the Southern Federal University, Rostov-on-Don.
E-mail: kornienko00@yandex.ru

Breslavsky Anatoly S. - PhD of History, Research Fellow. Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies at the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude. E-mail: anabres05@mail.ru

Gugueva Daria A. - PhD of Sociology, a Senior Lecturer. Institute of Sociology and Area Issue at the Southern Federal University, Rostov-on-Don.
E-mail: gudiv@yandex.ru

Donchevsky Grigory N. – Doctor of Economics, Professor. Rostov-on-Don.
E-mail: gndonchevsky@sfedu.ru

Ermishina Anna V. – PhD of Economics, Associate Professor. Economic Faculty at the Southern Federal University, Rostov-on-Don.
E-mail: avermishina@sfedu.ru

Efimov Vladimir F. (1953-2016) - Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History

Efimova Ekaterina A. - Doctor of Economics, Professor. Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara University), Samara. E-mail: ritamargo@rambler.ru

Klimenko Lyudmila V. - Doctor of Sociology, Associate Professor. Economic Faculty at the Southern Federal University, Rostov-on-Don. E-mail: lvklimenko@sfedu.ru

Makhrova Alla G. - PhD of Geography, Leading Researcher. Faculty of Geography at the Moscow State University, Leninskie gory, Moscow. E-mail: almah@mail.ru

Nekhamkin Valery A. - Doctor of Philosophy, Professor. Bauman Moscow State Technical University, Moscow. E-mail: nechamkin@rambler.ru

Nikolsky Eugeny V. - Doctor of Philology, Master of Theology, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Professor. Institute of Russian Studies at the University of Warsaw (Poland). E-mail: eugenius-08@yandex.ru.

Plusnin Yury M. - Doctor of Philosophy, Professor. National Research University "Higher School of Economics", Moscow. E-mail: jplusnin@hse.ru

Pozanenko Artemy A. – Research Fellow. Analyst, Project and Educational Laboratory for Local Administration at the National Research University “Higher School of Economics”, Moscow. E-mail: apozenenko@hse.ru

Tarnowskiy Konstantin Yu. – PhD of Philosophy, Senior Lecturer. Department of Philosophy at the Moscow State University of Railway Engineering, Moscow. E-mail: portulak13@yandex.ru.

Farkov Andrey G. - PhD of Economics, Associate Professor. Altai State Agricultural University, Barnaul. E-mail: af19@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Н. (2011) Внутренние миграции в Казахстане и формирование «нового» городского пространства // Дятлов В.И. (ред.) Восток России: миграции и диаспоры в переселенческом обществе. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков. Иркутск: Оттиск
- Андрюшин Е.А. (2012) Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф.
- Антоний (Мельников), митрополит Минский (1973). О Христианстве в Помпеях и Геркулануме // Богословские труды № 10.
- Асланов А.В. (2013) Кохаузинг как объект социально-философского анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 5-1 (31). С. 13-15.
- Аттали Ж. (2014) Краткая история будущего. СПб: Питер.
- Бабурин В.Л., Битюкова В.Р., Казьмин М.А., Махрова А.Г. (2003) Московский столичный регион на рубеже веков: новейшая история и пути развития. Смоленск: Ойкумена
- Байбурин А.К. (2009) К предыстории советского паспорта (1917 – 1932) // Неприкосновенный запас. № 2(64).
- Байда Д.В., Любимова, Е.В. (2012) Спецоперация «Звенящие кедры России»: Кто и зачем загоняет нас в «гектарный рай» /Д.В. Байда, Е.В. Любимова. – СПб: Изд. дом «Митраков»
- Батбаяр Т., Галиймаа Н. (2010) Внутренняя миграция: нынешнее положение и возникшие проблемы (на примере Улан-Батора 1990–2008 гг.) // Базаров Б.В. (ред.) Азиатская Россия: миграции, регионы и регионализм в исторической динамике. Иркутск: Оттиск. С. 223–231
- Белов А.В. (2005) Москва, московские пригороды, пригородные поселения во второй половине XIX – начале XX века: город и процессы урбанизации сельских окраин. Москва: Папирус Про.
- Бердяев Н.А. (1994) Судьба России. Царство духа и царство кесаря
- Берестова Т.Ф. (2006) Единство информационного пространства и роль государства в его достижении // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Т. 9. № 1. С. 74-85

- Берестова Т.Ф. (2009) Законы формирования структуры информационного пространства и функции информации // Библиография. Научный журнал по библиографоведению и книговедению. № 5. С. 32-47.
- Бессонова О.Э. (1985) К вопросу о квартирной плате в СССР (на примере Новосибирска) // Известия СО АН СССР. Серия: Экономика и прикладная социология. - 1985. - № 1, вып. 1. - С. 55-62
- Бессонова О.Э. (1993) Жилье: рынок и раздача. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е.
- Бессонова О.Э. (2011) Жилищный раздаток и модернизация России. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Браде И., Бурдак И., Рудольф Р. (2003) Тенденции развития периферийных зон крупнейших городов Европы // Крупные города и вызовы глобализации, Смоленск: Ойкумена. С. 128-139
- Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2013) Особенности субурбанизации в Московской агломерации // Известия РАН. № 2. С. 19 –29.
- Браде И., Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2013) Особенности субурбанизации в московской агломерации в постсоветский период // Известия РАН. Серия «География». № 2. С. 19–29.
- Бреславский А.С. (2014) Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Бродель Ф. (1986) Материальная цивилизация, экономика, капитализм. Т.1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс.
- Бродель Ф. (1993) Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма.
- Буркин С.А. (1978) Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории. № 9. С. 201-209.
- Бутовецкий А.И. (2016) Садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие товарищества как собственники недвижимости // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 4.
- Вагин В.В. (2000) Российские города: новые подходы к изучению. Вместо предисловия // Вагин В.В. (ред.) Российское городское пространство: попытка осмысления. Серия «Научные доклады». Вып. 116. М.: МОНФ.
- Весин Л. (1886) Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. № 7. С. 102-124.
- Весин Л. (1887) Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. № 2. С. 102-124.
- Виллардуэн Ж. (1993) Завоевание Константинополя. М.: Наука.

- Владимирский Н.Н. (1927) Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела.
- Войнилов Ю., Мальцева Д. (2016) Потенциал переселения из города в село // Служба занятости. №7
- Гарбузняк А. (2008) Рай для романтиков // Труд-7, 08.12
- Герашенко К. Звездный час «умных городов»// [Электронный ресурс] <http://www.crn.ru/numbers/spec-numbers/detail.php?ID=74288> (Дата обращения: 07.02.2016)
- Герберштейн С. (1988) Записки о Московии. М.: Изд-во МГУ. См. также http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein_3.htm
- Грааф де Дж. Ванн Д., Нейлор Т.Х. (2003) Потреблятьство: Болезнь, угрожающая миру. – М.: Ультра Культура.
- Григоричев К.В. (2013) В тени большого города: социальное пространство пригорода. Иркутск: Оттиск.
- Гумилёв Л.Н. (2006) Древняя Русь и Великая Степь. М.: ЭКСМО.
- Гэлбрейт Дж. К. (2009) Экономика невинного обмана: правда нашего времени. – М.: Изд-во «Европа».
- Дегтярев Д.С. (2012) Основные объекты пригородной зоны Томска во второй половине XIX – начале XX вв., их типы и функции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». № 1. С. 100–107.
- Демографический ежегодник России (2015): Стат. сб./ Росстат.
- Дончевский Г.Н. (2014) Об антикризисной природе семейно-трудового хозяйства (по материалам истории российского крестьянства // Общество и экономика. №4. С.178-188
- Дончевский Г.Н. (2014) Трудовое семейное хозяйство на Юге России: воспроизводственная и стабилизирующая функции (исторический и теоретико-концептуальный анализ) – В кн.: Юг России: институты и стратегии модернизации экономики: монография /под ред. А.Г. Дружинина, Ю.С. Колесникова, В.Н. Овчинникова. – М.: Вузовская книга, 2014. С.382-406.
- Дончевский Г.Н., Клименко Л.В., Ермишина А.В. (2016) Ценностные основания институционализации постурбанистических образований в России: гипотеза и результаты эмпирических исследований // Journal of Institutional Studies. Т. 8. № 1. С. 72-84
- Дрейк Дж. (2007) Дауншифтинг: как меньше работать и больше наслаждаться жизнью. М.

- Ермишина А.В., Клименко Л.В. (2010) В поисках эффективных собственников в многоквартирном доме // Экономическая социология. Т.11. №4. С. 105–136. http://ecsoc.hse.ru/issues/2010-11-4/annot.html#doc_23041
- Есаулов Г.В., Есаулова Л.Г. (2013) «Умный город» как модель урбанизации XXI века // Градостроительство. №4. С. 27.
- Жмакин М.С. (2011) Природные катастрофы, потрясшие мир. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Заец Е.С., Махрова А.Г., Перцик Е.Н. (1990) Новейшие тенденции расселения в Московском столичном регионе // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. №6.
- Звягинцев В.И., Неуважаева М.А. (2015) Переселенцы из города в сельскую местность: феномен обратной миграции в современной России // Мир России, № 1
- Иванов А.В., Миронов В.В. (2005) Университетские лекции по метафизике. М.: «Философские тетради»
- Казаринов Л. (1926) Отхожие промыслы Чухломского уезда. Чухлома.
- Как будут выглядеть «умные города» (2015) // Эффективное антикризисное управление. №1.
- Киевич А.В., Король О.В. (2016) Евразийская интеграция: этапы становления и перспективы развития // Экономические науки. № 1 (134). С. 123-129.
- Киплинг Р. (1992) Отходная //Честертон Г.К. Перелетный кабак. Возвращение дон Кихота. СПб: Ассоциация «Новая литература».
- Кисловский С.В. (2006) Кашинский край // Забытые станицы истории / Сост. С.В. Кустов. Калязин. Кн. II.
- Койл Д. (2016) ВВП: Краткая история, рассказанная с пиететом. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Кордонский С.Г. (2010) Россия: Поместная Федерация. М.: Изд-во «Европа»
- Кордонский С.Г. (2002) Кристалл и кисель. М: Модест Колеров, Три квадрата.
- Кордонский С.Г. (2007) Ресурсное государство. М.: Регнум, 2007.
- Космарская Н.П. (2010) Исследования города // Антропологический форум. № 12. С. 74–85. С. 76
- Кривов А.С., Крупнов Ю.В. (2004) Дом в России. Национальная идея. М.: ОЛМА-ПРЕСС.
- Лексин В.Н. (2001) Муниципальная Россия: социально-экономическая ситуация, право, статистика. В 5-ти томах / В.Н. Лексин, А.Н. Швецов – М.:Эдиториал УРСС. –Т.1.

- Ленин В.И. (1971) Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности / В.И. Ленин Полн.собр.соч. Изд. пятое. М.: Изд-во политической литературы. Т. 3.
- Ловелл С. (2008) Дачники: История летнего жилья в России: 1710–2000. СПб.: Академический проект; ДНК.
- Лурье С.В. (1996) Геополитические формы организации пространства экспансии и их влияние на характер народной колонизации // Цивилизации и культуры. Вып. III, М.
- Лурье С.В. (1996) Русская крестьянская колонизация и проблемы регионализма: взгляд в историю // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. М., 1996
- Лурье С.В. (1996) Этнокультурные особенности восприятия народом осваиваемой территории // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 1.
- Лурье С.В. (1998) Восприятие народом осваиваемой территории // Общественные науки и современность. №5
- Лурье С.В. (2015) Игра в кошки-мышки: модели русской крестьянской колонизации в XIX – начале XX веков // Международный научно-исследовательский журнал. №11 (42). Часть 4.
- Лурье С.В., Казарян Л. (1994) Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // Общественные науки и современность. № 4
- Ляхова Д.А., Никоненко Н.Д. (2016) Концепция «умного города». современное состояние развития, проблемы и перспективы // Стратегия устойчивого развития регионов России. №33.
- Малинова-Тзиафета О. (2013) Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
- Малышева Е.А. (2014) «Лучший город, лучшая жизнь» - современные тенденции построения умных городов: Тезисы докладов 33-й межвузовской студенческой научно-технической конференции по итогам научно-исследовательской работы студентов в 2013 году. - Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет.
- Манштейн Э. (2003) Утерянные победы. М.: АСТ.
- Махрова А.Г. (2006) Территориальная дифференциация рынка загородного жилья в Московской области // Вест. Моск. ун-та. Сер. 5. География. № 2. С. 29 – 34.

- Махрова А.Г. (2014) Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестник МГУ. Серия 5. География. № 4. С. 10 – 16.
- Махрова А.Г. (2014) Роль организованных коттеджных поселков в развитии субурбанизации в постсоветской России // Изв.РАН. Сер. геогр. № 4. С. 49–59
- Махрова А.Г., Кириллов П.Л. (2015) Сезонная пульсация расселения в Московской агломерации под влиянием дачной и трудовой маятниковой миграции: подходы к изучению и оценка // Региональные исследования. № 1 (47). С. 117 – 125.
- Махрова А.Г., Кириллов П.Л., Бочкарев А.Н. (2016) Маятниковые трудовые миграции населения в Московской агломерации: опыт оценок потоков с использованием данных сотовых операторов // Региональные исследования. № 3 (53). С. 71 -82.
- Махрова А.Г., Медведев А.А., Нефедова Т.Г. (2016) Садово-дачные поселки горожан в системе сельского расселения. Вестник МГУ. Серия 5. География. № 2. С. 64–74.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2012) Москва: мегаполис? агломерация? мегалополис? // Демоскоп Weekly. № 517-518. 1-19 августа 2012 г. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0517/index.php>.
- Махрова А.Г., Трифонов А.А. (1990) Некоторые черты развития урбанизационных процессов в Московском регионе // Русский город (исследования и материалы). Выпуск 9. С. 40-74.
- Медведева Л.Н. (2011) Пригородная зона как одна из форм социально-экономического и территориального расселения горожан: актуальность и значение // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 150. № 3. С. 139–148
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / К.В. Аверкиева, Е.В. Антонов, П.Л. Кириллов, А.Г. Махрова, А.А. Мед-ведев, А.С. Неретин, Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш – М.: Новый хронограф.
- Миграция в современном Кыргызстане (2011) // Демоскоп Weekly. № 481–482 // http://demoscope.ru/weekly/2011/0481/s_mar.php#1
- Мингалева Ж.А. (2015) Инновационные технологии в городском хозяйстве (зарубежный опыт) // Современный город: власть. Управление, экономика. Т. 1. С. 280.
- Минц Л.Е. (1926) Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М.: Вопросы труда.

- Михеева З.А. (2012) Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области: дис... к.г.н.: 25.00.24. СПб: СПбГУ.
- Моисеев Н.Н. (1998) Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. № 8. С.26-32.
- Мордвина-Щодро О.А. (2007) «Чистый» как характеристика человека в русском языке: лингво-культурологический аспект // Известия Российского Государственного Педагогического Университета Им. А.И. Герцена. Выпуск № 37. Т. 14. С.135-136
- Муравьев А.А., Позмогова С.Б. (2012) Перспективы развития города Ульяновска в процессе перехода от урбанизации к субурбанизации // Вестник Ульяновского государственного технического университета. № 3 (59). С. 56–59.
- Нефедова Н.Г. (2001) Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен (Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского). М.: ОГИ. С. 374–399
- Нефедова Н.Г. (2008) Российская глубинка глазами ее обитателей // Покровский Н.Е. (ред.) Угорский проект: экология и люди Ближнего Севера. М.: Сообщество профессиональных социологов. С. 98–120
- Нефедова Н.Г. (2011) Российские дачи как социальный феномен // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. № 15. С. 161–173
- Нефедова Н.Г. (2012) Горожане и дачи // Отечественные записки. № 3. С. 204–216.
- Нефедова Т.Г. (2009) Поляризация пространства России: ареалы роста и «черные дыры» // Экономическая наука современной России. № 1. С. 62–77
- Нефедова Т.Г., Савчук И.Г. (2014) Второе загородное жилье горожан в России и Украине: эволюция дач и тренды их современных изменений // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 39–47.
- Нехамкин А.Н., Нехамкин В.А. (2016) Антиурбанизм в современном мире: формы проявления и последствия // Гуманитарный вестник. № 8 (46)
- Нехамкин В.А. (2015) Антиурбанизм как социальное явление: философский анализ // Социум и власть. № 2 (52)
- Нехамкин В.А., Сачкова В.А. (2012) Образы «города будущего» в культуре конца XX – начала XXI вв.: мифы и реальность. Вестник Московского

- Государственного областного университета. Серия «Философские науки», 2012. № 3. С. 47-55.
- Нехамкин В.А., Сачкова В.А. (2013) Урбанистическая цивилизация и ее роль в современном мире // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». № 3. С. 38-50.
- Овчинцева Л.А. (2012) Экономическое значение и социальная роль садовых товариществ // Региональная экономика: теория и практика. № 3(234). С. 50–55.
- Палама Григорий (2004). Триады в защиту священо безмолвствующих. СПб: Наука.
- Панарин А.С.(1999) Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ.
- Паскаль П. (2011) Протопоп Аввакум и начало Раскола. М.: Знак.
- Петракова Ю.Н. (2010) Миграция в Беларуси // Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. (ред.) Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси. Кишинев: Штиинца
- Петри О.В., Аксенов К.Э., Крутиков С.А. (2012) Пригородные закрытые жилые комплексы Санкт-Петербурга: начало сегрегации или смена образа жизни? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Геология, география». № 1. С. 86–98
- Пинк Д. (2005) Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. – М.: Издательский дом «Секрет фирмы»
- Плюснин Ю.М. (2012) Отходничество в современной России // Отечественные записки № 5(50).
- Плюснин Ю.М. (2013) Свои и чужие в русском провинциальном городе // Мир России. Т. XXII. № 3. С. 60-93.
- Плюснин Ю.М. (2016) Вдали от государства: отходники и власть в современной России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 60-80.
- Плюснин Ю.М., Заусаева Я.Д., Жидкевич Н.Н., Позаненко А.А. (2013) Отходники. М.: Новый хронограф.
- Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. (2009) Муниципальная Россия. Образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ.
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А, Жидкевич Н.Н. (2015) Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. Т. 24. №1. С. 35-71.

- Позаненко А.А. (2016). Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России, № 1, с. 129-153
- Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н., Плюснин Ю.М. (2015) Несоответствие работы полученному образованию: случай современных российских отходников // Социология образования. № 12. С. 36-52.
- Польский И.В. (2013) От «дачников» к «поселенцам»: опыты сообщества в движении «Анастасия» / «Звенящие кедры России»//Труды русской антропологической школы, т.12. С. 136-155.
- Путешествие из Петербурга в Москву. 222 года спустя. Книга 1. Два столетия российской истории между Москвой и Санкт-Петербургом (2015) / ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша. – М.: URSS-ЛЕНАНД.
- Пчелин А.Д. (2010) Дауншифтинг по-московски. - М.
- Рамоне И. (2001) Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001.
- Рыбакова М.В., Щукина М.Ю. (2012) Экопоселения как социальная экологическая практика общества//Социально-гуманитарные знания. С. 316-324
- Сакоян А. «Умные города» (2013)// [Электронный ресурс]
http://polit.ru/article/2013/12/24/ps_as_smartcity
- Серебрянников В.В. (1997) Социология войны. М.: Научный мир.
- Симагин Ю.А. (1997) Экономико-географические аспекты субурбанизации в Московском столичном регионе: дис. ... к.г.н. : 11.00.02. М.: МГУ
- Смирнов Д.Н. (1995) Нижегородская старина. Н. Новгород: Нижегородская ярмарка.
- Смурова О.В. (2003) Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861-1914 гг: по материалам Санкт-Петербурга и Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний: монография. Кострома: Изд-во КГТУ.
- Смурова О.В. (2008) Между городом и деревней: (образ жизни крестьянина-отходника во второй пол. XIX-нач. XX вв.): монография Изд-во КГТУ, 2008
- Соловьёв С.М. (1990) История России с древнейших времён. // Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 10, М.: Мысль, 1990. Гл. 1. С. 357-440; Кн. VII. Т. 13. М.: Мысль, 1991. Гл. 1. С. 40-48; Гл. 2. С. 173-175;
- Станович И.В. (2008) Гоанские хроники : исповедь дауншифтера, взгляд изнутри. М.
- Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. (2016) Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эф-

- фективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Суханов Н.Н. (1913) К характеристике российского пролетариата // Современник. № 4. С. 320–328.
- Тешке Б. (2011) Миф о 1648 года: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – М.: Издательский дом ВШЭ.
- Тешке Б. (2011) Миф о 1648 года: класс, геополитика и создание современных международных отношений. – М.: Издательский дом ВШЭ.
- Трейвиш А.И. (2014) «Дачеведение» как наука о втором доме на западе и в России // Известия РАН. Серия «География». № 4. С. 22–32. С.24
- Трубина Е.Г. (2011) Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение.
- Турчаева Р.А. (2008) Развитие экологического сознания будущих специалистов. Автореф. дис. канд. псих. наук. М.
- Уехал из Москвы в деревню. Чего и Вам желаю. - Электр. ресурс: <http://sergeichik33.livejournal.com/1536.html> (дата обращения 04.03.2016)
- Фарков А.Г. (2012) Агломерационный подход: возможности мультипликативного развития аг-рарных регионов. – Saarbrücken, Germany: Lambert Academy Publishing.
- Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малева Т.М., Кириллова М.К. (2015) Миграция и рынок труда. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Хайретдинова Р.С. (2014) Определение научной категории «умный город» // Теоретические и практические аспекты экономических наук: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Уфа: Научный центр «АЭТЕРНА».
- Хёйзинга Й. (1988) Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: «Наука»
- Хмелевский С.В. (2012) Почему россияне покидают свою страну // Социально-политические науки. №. 3. С. 138-144
- Цибульский В.Р., Мухамедшина Е.В. (2008) Пригородная экономика // Вестник Челябинского государственного университета. № 29. С. 52–63
- ЦИРКОН (2012) Аналитический обзор экологических поселений России [Электронный ресурс] http://www.zircon.ru/upload/iblock/e76/Jekoposelenija_v_Rossii_Analiticheskiy_obzor.pdf),

- ЦИРКОН (2012) Экопоселения как форма внутренней эмиграции: мотивация и перспективы распространения [Электронный ресурс] (http://www.zircon.ru/upload/iblock/841/Јekoposelenija_otchet_ZIRCON_2012.pdf)
- Чаянов А.В. (1989) Крестьянское хозяйство: Избранные труды. – М.: Экономика.
- Честертон Г.К. (2006) Вечный человек. М.: РИПОЛ классик.
- Шибаета М.А. (2008) Определение экономически выгодной удаленности приобретаемого в пригороде жилья // Предпринимательство. № 6. С. 151–154
- Шитова Ю.Ю. (2009) Маятниковая миграция в Подмоскowie: комплексный социально-экономический анализ. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та.
- Щепеткова И.О. (2013) Дача: пригородная рекреация или физический труд // Географический вестник. № 3(26). С. 104–106.
- Юрченко А.Г. (2012) Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб: Евразия.
- Ярош Н.Н. (2013) Городское хозяйство: от «города солнца» к умному городу // Экономический журнал. 2013. №2. С. 85.
- Benjamin S., Bhuvanewari R., Rajan P., Manjunath R. (2008) “Fractured” Terrain, Spaces Left Over, or Contested. A Closer Look at the IT-dominated Territories in East and South Bangalore // Inside the Transforming Urban Asia (ed. Mahadevia D.), New Delhi: Concept Publishing, pp. 239–285;
- Bray I. (2005) Social Space and Governance in Urban China. The Danwei System from Origins to Urban Reform. Stanford. CA: Stanford University Press
- Browder J., Bohland J., Scarpacci J. (1995) Patterns of Development on the Metropolitan Fringe: Urban Fringe Expansion in Bangkok, Jakarta and Santiago // Journal of the American Planning Association, no 6(3), pp. 310–327;
- Caldwell M.L. (2011) Dacha Idylls: Living Organically in Russia's Countryside. Berkeley; L.A.: University of California Press.
- Carr C.M.H., Whitehand J.W.R. (2001) Twentieth-Century Suburbs: a Morphological Approach (Planning, History and Environment Series). London: Routledge
- Clapson M., Hutchison R. (2010) Introduction: Suburbanization in Global Society // Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society (eds. Clapson M., Hutchison R.), vol. 10, pp. 1–14.
- Davis M. (2006) Planet of Slums. London: Verso
- De Jong J.K. (2013) New SubUrbanisms. London: Routledge.

- Dennis E. (2008) *Cairo between Traces and Liberal Re-foundation* // *The City in the Islamic World* (ed. Jayyusi S.K.), Leiden: Brill, pp. 1085–1115
- Dines M., Vermeulen T. (eds.) (2013) *New Suburban Stories*. London: Bloomsbury Academic
- Duany A., Plater-Zyberk E., Speck J. (2000) *Suburban Nation: The Rise of Sprawl and the Decline of the American Dream*. New York: North Point Press
- Feng J., Zhou Y. (2005) Suburbanization and the Changes of Urban Internal Spatial Structure in Hangzhou, China // *Urban Geography*, no 26 (2), pp. 107–136.
- Feng J., Zhou. Y., Wu F. (2008) New Trends of Sub-urbanization in Beijing since 1990. From Government-led to Market-oriented // *Regional Studies*, no 42(1), pp. 83–99
- Fishman R. (1987) *Bourgeois Utopias: The Rise and Fall of Suburbia*. New York: Basic Books
- Fleischer F. (2010) *Suburban Beijing: Housing and Consumption in Contemporary China*. Minnesota: University of Minnesota Press.
- Ford L.A. (1996) New and Improved Model of Latin American city Structure // *Geographical Re-view*, no 86(3), pp. 437–440
- Gallagher L. (2014) *The End of the Suburbs: Where the American Dream Is Moving*. New York: Portfolio
- Ginsberg N., Koppel B., McGee T. (1991) *The Extended Metropolis. Settlement Transition in Asia*. Honolulu, HI: Hawaii University Press;
- Golubchikov O., Phelps N.A., Makhrova A. (2011) Khimki in Moscow City-region: From 'Closed City' to 'Edge City'? // *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* (eds. Phelps N.A., Wu F.), London: Palgrave Macmillan. C. 177-192
- Hanlon B., Short J.R., Vicino T.J. (2009) *Cities and Suburbs: New Metropolitan Realities in the US*. New York: Routledge;
- Harris R. (2010) Meaningful Types in a World of Suburbs // *Research in the Urban Sociology: Suburbanization in Global Society*, vol. 10, pp. 15–47, p. 17
- Harris R., Lewis R. (1998) Constructing a Fault(y) Zone: Misrepresentations of American Cities and Suburbs, 1900–1950 // *Annals of the Association of American Geographers*, no 88(4), pp. 622–639, p. 16
- Hayden D. (2004) *Building Suburbia: Green Fields and Urban Growth, 1820–2000*. New York: Vintage Books
- Hirt S. (2012) *Iron Curtains: Gates, Suburbs and Privatization of Space in the Post-socialist City*. Oxford: Wiley-Blackwell.

- Huang Y. (2005) From Work-unit Compound to Gated Communities. Housing Inequality and Residential Segregation in Transitional Beijing // Restructuring the Chinese city. Changing Society, Economy and Space. Eds. Ma L.J.C., Wu F. London: Routledge, pp. 192–221
- Huchzermeyer M. (2004) Unlawful Occupation. Informal Settlements and Urban Policy in South Africa and Brazil. Trenton, NJ: Africa World Press
- Ilin V. (2016) Between city and village: Models of dual lifestyles in Russia // The Future We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World. 3rd ISA Forum of Sociology. Vienna.
- Jackson K.T. (1985) Crabgrass Frontier: The Suburbanization of the United States. Oxford: Oxford University Press
- Janoschka M., Borsdorf A. (2006) Condominios Fechados and Barrios Privados: The Rise of Private Residential Neighbourhoods in Latin America // Private Cities. Global and Local Perspectives (eds. Glasze G., Webster C., Frantz K.), London: Routledge, pp. 92–108.
- Jurgens U., Landman K. (2006) Gated Communities in South Africa // Private Cities. Global and Local Perspectives (eds. Glasze G., Webster C., Frantz K.), London: Routledge, pp. 105–122
- Keil R. (ed.) (2013) Suburban Constellations. Governance, Land and Infrastructure in the 21st Century. Berlin: Jovis Publishers
- Klaassen L., Scimemi G. Theoretical issuers in urban dynamics // Dynamics of Urban Development. N. Y.: St Martin's Pres, 1981. P. 8 – 28.
- Leontidou L., Afouxenides A., Kourlioros E., Marmaras E. (2007) Infrastructure Related Urban Sprawl. Mega-events and Hybrid Peri-urban Landscapes in Southern Europe // Urban Sprawl in Europe. Landscapes, Land use Change and Policy (eds. Couch C., Leontidou L., Petschel-Held G.), Oxford: Blackwell, pp. 71–101
- Li Z., Wu F. (2008) Tenure-based Residential Segregation in Post-reform Chinese Cities. A Case Study of Shanghai // Transactions of the Institute of British Geographers, no 33, pp. 404–419
- Long Waves in the World Economy (1984). L., 1984.
- Losada H., Martinez J., Vieyra J., Pealing R., Zavala R., Cortes J. (1998) Urban Agriculture in the Metropolitan Zone of Mexico City. Changes over Time in Urban, Suburban and Peri-Urban Areas // Environment and Urbanization, no 10(2), pp. 37–54.
- Mangin W. (1967) Latin American Squatter Settlements. A Problem and a Solution // Latin American Research Review, no 2(3), pp. 65–98

- Murray M.J. (2008) *Taming the Apartheid City. The Spatial Landscape of Johannesburg after Apartheid* Ithaca. New York: Cornell University Press.
- Nefedova T., and J. Pallot (2013) *The multiplicity of second home development in the Russian Federation // Second Home Tourism in Europe: Lifestyle Issues and Policy Responses*. Farnham, UK, Burlington, USA: Ashgate Publishing.
- Neuwirth R. (2006) *Shadow Cities. A Billion Squatters. A New World*. New York: Routledge
- Orfield M. (2002) *American Metropolitcs: The New Suburban Reality*. Washington DC: Brookings Institution Press
- Parnell S., Oldfield S. (eds.) (2014) *The Routledge Handbook on Cities of the Global South*, New York: Routledge.
- Pavlov M. Yu. (2013). *How to overcome global economic crisis: from Homestead-Act to Wikinomics and Kin Estates*. In: *Russian Economy in the Context of Globalization*. ICET, Bozeman, Montana, pp. 38-43.
- Phelps N.A., Wu F. (eds.) (2011) *International Perspectives on Suburbanization. A Post-Suburban World?* London: Palgrave Macmillan
- Plusnin J., Zausaeva Y., Zhidkevich N., Pozanenko A. (2015) *Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants*. – Stuttgart: Ibidem-Verlag. (Serie «Soviet and Post-Soviet Politic and Society, SPPS», No 141).
- Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J. (2013) *Local government and small business: mismatch of expectation*. – Basic research Program. Working papers. Series: Public Administration. – WP BRS 04/PA/2013. – M.: HSE.
- Robinson J. (2002) *Global and World Cities. A View from off the Map // International Journal of Urban and Regional Research*, no 26(3), pp. 531–554
- Robinson J. (2005) *Ordinary Cities. Between Modernity and Development*. London: Routledge.
- Rogler L. (1967) *Slums Neighborhoods in Latin America // Journal of Inter-American Studies*, no 9, pp. 507–528
- Rural-Urban Partnerships: An Integrated Approach to Economic Development*. 2013 <http://www.oecd.org/economy/rural-urban-partnerships-an-integrated-approach-to-economic-development.htm>
- Scheer B.C., Stanilov K. (eds.) (2005) *Suburban Form: An International Perspective* Paperback. New York: Routledge.
- Simon D. (2008) *Urban Environments. Issues on the Peri-urban Fringe // Annual Review of Environment and Resources*, no 33, pp. 167–185

- Simon D., McGregor D., Nsiah-Gyabaah K. (2004) The Changing Rural-urban Interface of African Cities. Definitional Issues and an Application to Kumasi, Ghana // *Environment and Urbanization*, no 6(2), pp. 235–247;
- Sridhar K.S. (2007) Density Gradients and their Determinants. Evidence from India // *Regional Science and Urban Economics*, no 37(3), pp. 314–344
- Stanilov K., Hirt S. (2009) Twenty Years of Transition. The Evolution of Urban Planning in Eastern Europe and the Former Soviet Union. 1989–2009. Nairobi: UN Habitat.
- Stanilov K., Sykora L. (eds.) (2014) *Confronting Suburbanization: Urban Decentralization in Postsocialist Central and Eastern Europe*. Oxford: Wiley-Blackwell
- Tsenkova S., Potsiou, C., Badina A. (2009) *Self-made Cities. Informal Settlements in the UNECE Region*. Geneva: United Nations Economic Commission for Europe.
- World Urbanization Prospects: The 2014 Revision (2015)
<http://esa.un.org/unpd/wup/FinalReport/WUP2014-Report.pdf>
- Wu F., Xu J., Yeh A.G.O. (2007) *Urban Development in Post-reform China. State, Market and Space*. London: Routledge
- Wu W. (2005) Migrant Residential Distribution and Metropolitan Spatial Development in Shanghai // *Restructuring the Chinese City. Changing Society, Economy and Space* (eds. Ma L.J.C., Wu F.). London: Routledge, pp. 199–217
- Wu W. (2006) Migrant intra-Urban Residential Mobility in Urban China // *Housing Studies*, no 21(5), pp. 745–765
- Zhou Y., Logan. J.R. (2008) Growth on the Edge. The New Chinese Me-tropolis // *Urban China in Transition*. (ed. Logan J.R.). Oxford: Blackwell, pp. 140–160
- Zhou Y., Ma J.C. (2000) Economic Restructuring and Suburbanization in China // *Urban Geography*, no 21, pp. 205–236

Научное издание

ПОИСК ПОСТУРБАНИСТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА

Ответственные редакторы:
А.В. Ермишина, Л.В. Клименко

Верстка:
П.В. Балдовская

Для оформления обложки использована репродукция картины
Аристарха Лентулова (1882 – 1943) «Москва» 1913 г.

Холст, масло, 189 x 179 см.

Государственная Третьяковская галерея, Москва, Россия
<http://www.avangardism.ru/lentulov-a-v-moskva.html>

Издательство Фонд науки и образования

Сдано в набор 22.12.2016. Подписано в печать 29.12.2016.

Печать цифровая, гарнитура Times New Roman.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 15,0

Тираж 550 экз. Заказ № 456.

Отпечатано в типографии
ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111
тел. 8-918-570-30-30